

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ИССЛЕДОВАНИЮ СПЕЦИФИКИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РОМАНЕ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА "ПОМИНКИ ПО ФИННЕГАНУ"

Азерный Кирилл Тимурович

Аспирант, Уральский Федеральный Университет, г. Екатеринбург

TO THE RESEARCHES OF THE SPECIFICS OF A SUBJECT-OBJECT ORGANISATION IN THE JAMES JOYSE'S NOVEL "FINNIGAN'S WAKE"

Azernyy Kirill, graduate, Ural State University

АННОТАЦИЯ

В статье производится обзор литературы, в которой исследуется субъектно-объектная организация литературного произведения, а также устройство текста романа "Поминки по Финнегану". Делается вывод о том, что роман не может быть рассмотрен с позиции субъектно-объектных отношений.

ABSTRACT

In the article there is fulfilled a survey of literature which deals with subject-object organization of a literary work and the specifics of the structure of "Finnegan's Wake". The conclusion is that the novel cannot be considered in terms of subject-object organization.

Ключевые слова: Джойс, субъектно-объектная организация, миф.

Keywords: Joyce, subject-object organization, myth.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть субъектно-объектную организацию в романе Джойса "Поминки по Финнегану". Вопрос, который мы ставим, звучит таким образом: возможно ли восприятие "Поминок по Финнегану" в рамках представления о субъектно-объектной организации литературного произведения, и, шире, насколько вообще эта книга может предполагать восприятие, т.е. служить объектом эстетического осмысления.

В первую очередь отметим, что на данный момент в литературе о "Поминках" господствует мнение о том, что этот текст не предполагает наличие субъектно-объектной организации в том смысле, в котором ее понимал Кант (в философии) и Б.О. Корман (в литературоведении), то есть, о субъектно-объектных отношениях как о презумпции субъекта, когда субъективное представление о предмете целиком вытесняет его объективные свойства в силу, по Канту, совершенной непознаваемости последних, их направленности на познание. У Канта отношения субъекта и объекта заданы непреодолимой дистанцией между ними. По сути, отношения эти являются односторонними - то есть не отношениями, а отношением. Об этом, например, пишет в своей статье "Принципиальная координация субъекта и объекта в философии Канта" К.А. Михайлов: "По Канту... бытие не может служить отправной точкой исследований, оно есть теперь не аксиома, а проблема, которую еще только следует решить" [Михайлов К.А. «Принципиальная координация» субъекта и объекта в философии Канта // Историко-философский альманах: Выпуск 1-й: Кант и современность, 2005г., с.173]. Также Михайлов приводит слова Гегеля о том, что "кантовская критическая философия превратила метафизику в логику" [Михайлов К.А. «Принципиальная координация» субъекта и объекта в философии Канта // Историко-философский альманах:

Выпуск 1-й: Кант и современность, 2005г., с.173]. Исходя из гегелевского понимания логики как "царства истины, какова она без покровов, в себе и для себя самой", можем сделать вывод, что Гегель увидел в кантовской философии тенденцию к замыканию субъекта на самом себе, что и создает между субъектом и объектом абсолютную дистанцию.

У Кормана также между субъектом и объектом связь задается, в первую очередь, принципиальным различием их свойств. Различие это, согласно А.А. Чевтаеву, лежит в основе кормановской теории автора: "Центральным понятием теории автора является категория "точки зрения", обозначающая "зафиксированное отношение между субъектом сознания и объектом сознания" [Чевтаев А.А. Повествовательность в лирике и концепция Б.О. Кормана. - СПб, Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2006, с.104]. Корман, как и Бахтин, полагает различие это находящимся в основе динамики, и, в целом, существования текста как полифонической системы. Он "раслаивает" субъект речи до тех пор, пока тот не становится объектом - объект как таковой оказывается у него полностью растворенным во множестве интерпретаций, хотя, теоретически, область его существования безгранична: объект - все, что находится в пределах текста. И в то же время он - нигде, не просто непроницаем, но не имеет места. В своей книге "Изучение текста художественного произведения" Корман говорит о субъекте речи, что он "тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем. По мере того, как субъект речи становится и объектом её, он отдаляется от автора, то есть, чем в большей степени субъект речи становится определенной лич-

ностью со своим особым складом речи, характером, биографией, тем в меньшей степени он выражает авторскую позицию" [Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. - М.: Просвещение, 1972, с.42]. В то же время, Корман, отказываясь от онтологического представления об авторе как объективной реальности, избавляет нас от необходимости постоянно "оглядываться" на автора как на абсолюта, единственно обладающий недостижимой для нас объективностью. Знание оказывается ограниченным, но границы его есть границы текста, за пределами которых ничего нет. При этом не стоит забывать о том, что текст не является у Кормана монолитной структурой, и что растворение объекта, его сведение ко всегда монологической (опять же по Канту) субъективности, есть результат именно бесчисленных расслоений субъекта.

Однако Бахтин при помощи категории "чужого слова" расслаивает субъект еще больше, и становится очевиден парадоксальный факт: субъект как инструмент познания является эффективным лишь до тех пор, пока объективно само его существование. Стоит поставить под сомнение безотносительность слова (а Бахтин показывает нам, что такового, "слова вообще", в тексте не существует), как мы оказываемся лицом к лицу с необходимостью снова и снова находить точку опоры - этого самого "субъективного взгляда на объект", и теряем ее с неизбежностью. Здесь мы уже видим, как полифоническая система оппозиции переходит в свою противоположность - ту оппозицию, возврата из которой уже нет. Речь идет о переходе текста в мифологическое состояние.

Мифологическое состояние текста, по Бахтину, означает именно неразделимость субъекта и объекта. Бахтин показывает существование мифологического сознания на примере карнавальной эстетики - в своей работе "Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса". В этой работе мы видим, что в карнавале, существующем по законам мифа, нет разделения на субъект и объект, и присутствует постоянная смена координат - "верх" оказывается "низом", смерть - жизнью, и т.д. Исследователи "Поминок по Финнегану" - от Е.М. Мелетинского до Умберто Эко, отмечают, что этот роман Джойса более, чем другие его вещи, существует по законам мифологического сознания.

Так, Мелетинский упоминает "Поминки" в своей книге "Поэтика мифа". Он пишет об огромном количестве аллюзий на разнообразные мифы: "мифологизм в "Поминках по Финнегану" проявляется не только в использовании мифических схем и мотивов для интерпретации всемирной истории и психологических универсалий, но и в мифологической манере... интерпретации самих мифов и немифических материалов" [Мелетинский Е.М. Поэтика мифа//М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976г., с. 326]. Мелетинский подводит нас к мысли о том, что роман не просто использует мифологические коды для т.н. "игры" с читателем (хотя эта мысль необычайно важна для Мелетинского), но постепенно сам обращается мифом - структурой со всем своим отсылочным аппаратом совершенно замкнутой. По логике мифа в представлении Бахтина, Лосева, и даже Юнга, это означает, что роман изначально был, и от начала до конца является, мифом, ибо в мифе как раз невозможно проследить конец и начало. Его неотделимая черта - синкретизм и специфическая "шарообразность".

По такой логике, подкрепленной и рецептивной эстетикой в лице Вольфганга Изера, изучавшего как раз взаимодействие, а не односторонние отношения, читателя и текста, мы получаем полную, по Канту, непознаваемость текста "Поминок" в силу того, что читатель с неизбежностью оказывается частью этого мифа, и даже не частью, а, как утверждает Эко, целиком выражением этого мифа (наряду с любым случайно взятым словом из романа).

Эко пишет о том, что в задачи Джойса входило создать замкнутую модель Вселенной, из которой читателю некуда было бы деваться, кроме как вглубь ее: "сведя реальность к миру мифов... Джойс пытается сплавить их в амальгаме сна, чтобы в этой исконной свободе, в этой зоне плодотворной двусмысленности обнаружить новый порядок универсума, освобожденный от тирании древних традиций" [Эко У. Поэтика Джойса//Спб.: Симпозиум, пер. А. Коваль, 2006г., с 343]. Другими словами, единственный вариант свободы, предлагаемый Джойсом, состоит в том, чтобы принять условия полного растворения в мифе-языке, в его нераздельности. Нельзя избавиться от "Поминок", просто закрыв книгу.

Принимая во внимание упомянутые выше обстоятельства, в которые нас помещает не просто чтение, но и само существование "Поминок", мы понимаем, что Джойс способен изменить наши привычные представления о роли читателя, и реципиента вообще. Действительно - карнавальная ситуация не предполагает зрителя (вновь вспомним Бахтина: "карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей" [Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1990, с. 10]) и, однако, Ортега-и-Гассет дает нам возможность увидеть, что возможна самая разная дистанция между текстом и воспринимающим субъектом. В своей работе "Дегуманизация искусства" он показывает, что существуют различные градации удаления от объекта искусства - на примере умирающего человека и пребывающих с ним людей, имеющих разную интенцию, и, соответственно, различные впечатления от его умирания. При этом вовлеченность и отстраненность для Ортега-и-Гассета - всего лишь крайние точки на отрезке, иллюстрирующем многочисленные варианты того, как воспринимающий мог бы быть связан с объектом восприятия. Для нас здесь важно, что объект рассмотрения одновременно и статичен, и изменчив - ведь, при наличии вроде бы статичной точки отсчета, мы имеем вместе с тем множество таких "точек", каждая из которых способна, в свою очередь, служить точкой отсчета для других. Таким образом, получается, что и сам объект становится всего лишь точкой зрения на него, и именно это, по мысли автора, дает начало дегуманизации искусства, которое - не что иное, как децентрализация человеческого восприятия, потеря им приоритета над реальностью. Так пишет об этом Ортега-и-Гассет: "Далекий от того, чтобы по мере сил приближаться к реальности, художник... ставит целью дерзко деформировать реальность, разбить ее человеческий аспект, дегуманизировать ее" [Ортега-и-Гассет, Х. "Дегуманизация искусства" и другие работы: Сборник//М.: Радуга, пер. С Воробьев, 1991, с. 241]. Но этот постулат еще предполагает наличие "твердой" реальности, нацеленной на восприятие. В дальнейшем Ортега-и-Гассет разоблачает ее как обман: "Вместо "живой" реальности можно говорить о человеческой реальности. Художник, который бесстрастно наблюдает

сцену смерти, выглядит "бесчеловечным" [Ортега-и-Гассет, Х. "Дегуманизация искусства" и другие работы: Сборник//М.: Радуга, пер. С Воробьев, 1991, с.363]. При этом Ортега-и-Гассет мыслит такое наблюдение как метод, но не метод наблюдения, а скорее метод моделирования, в котором законы, действующие в модели, куда значимей, чем элементы, из которых она состоит: "Идея здесь, вместо того чтобы быть инструментом, с помощью которого мы мыслим вещи, сама превращается в предмет и цель нашего мышления" [Ортега-и-Гассет, Х. "Дегуманизация искусства" и другие работы: Сборник//М.: Радуга, пер. С Воробьев, 1991, с.245]. В сущности, предметом освоения оказывается именно дистанция, а не тот "образ реальности", которую она задает. По мысли Ортеги-и-Гассета, только таким образом, максимально отдалив собственное восприятие от объекта исследования, мы сумеем получить представление о предмете искусства как таковом. В работе "О точке зрения в искусстве" Ортега-и-Гассет и вовсе показывает, что целостность объекта достигается лишь путем наложения многочисленных "точек зрения", и что таковая целостность - единственно возможная для нас в восприятии: "Ранее разрозненные "кадры" сливаются, одни возникают из других и непрерывно следуют друг за другом" [Ортега-и-Гассет, Х. "О точке зрения в искусстве/Эстетика, философия культуры//М.: Искусство, пер. Т.И. Пигаревой, 1991, с.186]. Разрозненность и непрерывность восприятия, таким образом, у Ортеги-и-Гассета накладывается на разрозненность и непрерывность существования объекта восприятия. Поэтому от феноменологии (часть "Немного феноменологии") он приходит к мысли о дегуманизации искусства - т.е., о лишении искусства того центра, каким являлся человек. Ортега-и-Гассет делает из фрагментарности восприятия ту силу, которая способна наделять субъект и объект восприятия как бы единым полем искусства, и крепко увязать поэтику (имманентное устройство текста) с эстетикой (системой "сигналов", с помощью которых текст обращается к читателю).

Обратим внимание на то, что до сих пор не исследован тот аспект текстов Джойса, который связан с обращенностью их к читателю. Эко, озаглавивший свою книгу "Поэтики Джойса", полагает "Поминки" текстом герметичным. Таким образом, мы вынуждены признать, что на данный момент "Поминки по Финнегану" не могут быть восприняты нами как эстетический объект - в силу своего мифологического устройства, охватывающего читателя как часть синкретического образования. Исследователям творчества Джойса еще только предстоит создать ту дистанцию между субъектом и объектом чтения, которая необходима для эстетического восприятия текста.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1990.
2. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. - М.: Просвещение, 1972
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа//М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976г.
4. Михайлов К.А. «Принципиальная координация» субъекта и объекта в философии Канта // Историко-философский альманах: Выпуск 1-й: Кант и современность, 2005г.
5. Ортега-и-Гассет, Х. "Дегуманизация искусства" и другие работы: Сборник//М.: Радуга, пер. С Воробьев, 1991.
6. Чевтаев А.А. Повествовательность в лирике и концепция Б.О. Кормана. - Спб, Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2006.
7. Эко У. Поэтики Джойса//Спб.: Симпозиум, пер. А. Коваль, 2006г.

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОСОФИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Балич Дильяра Абдуллаевна

Старший преподаватель, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан, г. Ташкент

THE PECULIARITIES OF ARTISTIC HISTORIOSOPHY IN THE LATIN - AMERICAN LITERATURE OF THE XX CENTURY

Balich Diliyara, The lecturer, The Uzbek State University of Word Languages Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы современной интерпретации историософской концепции латиноамериканской литературы XX века в контексте уровней «исторический миф» и «автобиографизм».

ABSTRACT

The article considers problems of contemporary interpretation of the historiosophical conception of the Latin - American literature of the xx century in the context of level «historical myth» and «autobiographical model».

Ключевые слова: исторический миф, историософия, автобиографизм.

Key words: historical myth, historiosophy, autobiographical model.

Проблема Личности и Истории всегда стояла в центре большой литературы и определяла нравственно обозначенные художественные и социокультурные модели мира в их соотносённости. Определение приоритетных

составляющих исторического мироустройства напрямую связано с проблемой жизни человека, с историческим обоснованием её закономерностей. В латиноамерикан-

ской литературе XX века с её установкой на тотальную мифологизацию и неомифологизацию формируется новационная художественная система, в которой представлены диаметрально противоположные историософские концепции мира и личности, но при этом концептуально объединённые тенденцией создания истинной картины «внутреннего бытия» человека революционной эпохи.

Формирование мировоззренческих основ художественной историософии во многом зависит от того духовного и культурного пространства, в котором происходит развитие писателя. Историософская картина мира в латиноамериканской литературе XX века отражает в полной мере все сложные катастрофические события Истории эпохи «революций»/«катастроф»/ «трагедий»/ «побед». Особое место в этом плане занимает личное понимание писателем образа «исторической личности» и «историко-детерминированного бытия» XX века в творчестве современных латиноамериканских писателей, которые в силу историко-политических и социокультурных причин совпали в своих попытках художественно изобразить внутренний мир человека «катастрофического сознания». В этом ряду наиболее значимыми фигурами представляются Габриеля Гарсия Маркеса и Варгас Льюс.

Колумбийский писатель Габриель Гарсия Маркес (1928- 2013 г.г.) не нуждается в представлении, он из числа тех писателей, который возложил на себя бремя части латиноамериканской истории, культуры и литературной панорамы. Признанный представитель направления «магический реализм» в своем последнем романе «Генерал в своем лабиринте» выступает как писатель, чье творчество теснейшим образом связано с «определенной географической и исторической реальностью». В официальной историографии знаменитый генерал Симон Хосе Антонио Боливар и Понте (1783 – 1830), общественный деятель, национальный герой Войны за независимость испанских колоний в Америке 1810 – 1825 гг., которого еще при жизни называли Освободителем и Отцом отечества. С ним многое связано в Латинской Америке, его именем называют самую высокую горную вершину, улицы и площади многих городов во всех государствах Латинской Америки. Это человек-легенда латиноамериканской действительности. Однако Г. Маркес превращает эту легенду в истину, а истину — в миф. В. Питровский в своей статье «Габриель Гарсия Маркес. Генерал у себя в лабиринте» характеризует роман как «... «роман катастроф», в котором, однако, нет той апокалиптической бездны, которую изобразил Варгас Льюс в своем романе «Война конца света». Его катастрофичность в том, как герой относится к своему творению».

Роман «Генерал в своем лабиринте» повествует о последних днях жизни Симона Боливара в тот момент, когда он, смертельно больной, по собственной воле подписывает свою отставку, прекращает политическую деятельность и собирается получить паспорт и отплыть в Европу. Он никак не может решиться на этот шаг и откладывает день ото дня свой отъезд в надежде, что его вновь будут просить начать новую войну, чтобы спасти от развала единое государство. Наконец караван баркасов начинает свое плавание по реке Магдалена к морю, это и путь от громкой славы к забвению и далее к смерти. По существу,

этот караван напоминает похоронную процессию. А река мифологическую реку Стикс. Такой приём (мотив пути) нередко встречается у многих авторов, когда они обращаются к художественной биографии героев. На протяжении всего романа автор разворачивает реальную картину становления независимости испанских колоний всю политическую подоплёку событий.

Образ Боливара в интерпретации Г. Маркеса, абсолютно отличается от легендарного образа «Освободителя», принятого во всей Латинской Америке. Это не бравадный генерал, а изнемогающий от болезни старик сорока семи лет, истощенный физически и духовно. Глубокое разочарование Боливара в результатах пятилетней войны за освобождение Латинской Америки от испанской зависимости, сквозит в вопросе, который он задает своим единомышленникам: «Вот мы и получили независимость, а теперь скажите, что нам с ней делать?» Сподвижников генерала почти не осталось. Одни предают его, других предательски убивают. Все настойчивей звучит тема одиночества. Со своей вершины добровольно оставленной власти он видит, как разваливается его мечта создать единую страну Великую Колумбию, как на его глазах она распалась на множество других государств. Боливар стоически переносит эту «Бессмысленную свободу», поскольку сила духа превышает его физическое здоровье.

Образ Боливара, созданный Г. Маркесом, достаточно сложный. повествователь находится в постоянном диалоге со своим героем, с первых страниц определяя его образ жизни, выдающийся, самобытный, достаточно приторечивый характер.

Еще раз стоит подчеркнуть, что Г. Маркес создает, и это его право, образ, который он считает достоверным, лишенным хрестоматийности.

Такой подход возмутил латиноамериканских критиков, определивших роман как «неуместный» и «непристойный». Посол Мексики в Австрии Ф.К. Кансино в открытом письме Г. Маркесу назвал выход в свет романа «черной датой», так как книга осквернила память святого для латиноамериканцев человека, и призывал писателя исключить роман из числа своих произведений. Противоположную точку зрения высказывает экс-президент Колумбии Б. Бетанкур: ««Генерал» войдет в историю, прежде всего благодаря тому, что герой его - достоверен, он живой и поэтому должен понравиться людям». Критик Жак Жилар утверждают, что «любое историческое лицо, став героем книги, превращается в фальсификацию». По мнению критика Х. Круса «Это роман о времени и роман, впитавший в себя время, сделанный из времени... Все проходит, ничего не повторяется. Шанс дается человеку лишь однажды, никогда не будет другой жизни...». Сам Маркес считает: «Это единственная из моих книг, относительно которой я чувствую себя абсолютно спокойным. Я готов поставить что угодно: Боливар был действительно таким. Моя книга - месь историкам, сделавшего из Боливара то, что мы сегодня имеем». В этом высказывании Г. Маркеса определяется решение превратить легендарную личность Освободителя в человека из плоти и крови с его достоинствами и недостатками. Роман «Генерал в своем лабиринте» является исторической реальностью, увиденной

сквозь увеличительное стекло поэтической силы писателя.

Абсолютно иной аспект художественной историософии, точнее – историавтобиографии, представлен в творчестве Варгаса Льюса. Историософия проявляет себя на уровне авторской рецепции своих автобиографических «сюжетов» в структурах произведений. Историософия репрезентирована в творчестве Варгаса Льюса на уровне создания модели «историавтобиографической действительности».

Лауреат Нобелевской премии Варгас Льюс один из немногих современных писателей, чья писательская репутация не подвергается сомнению даже теми, кто не всегда разделяет его идеологические и эстетические убеждения. Известность Льюсу в мировой литературе принес роман «Город и псы», в котором освещаются факты биографии писателя. Он провел несколько лет в военном училище в Лиме и пишет о том, что сам видел и пережил. Со страниц книги встает образ Латинской Америки, которая подчас рождает самые фантазмагорические истории. Литературовед И.А. Тертерян обнаруживает и указывает в поэтике творчества писателя такую особенность – гротеск художественный питается гротеском реальным, что, по мнению исследователя, определяет специфику его мастерства. Сам писатель действительно жил в доме своей бабушки после развода родителей. Повесть «Тетушка Хулия и писака» так же, как и роман «Город и псы» содержит автобиографическое начало. В гротескно-сатирической форме повествуется о жизни героя, 18 летнего Марио Варгаса, судьба которого отражает некоторые биографические моменты из жизни самого писателя. В частности, историю его женитьбы на сводной тетке 32-х летней Хулии Уркиди, на которой он женится, несмотря на отчаянные протесты всей семьи. Реальный Варгас Льюс, так же, как и герой повести, мальчик восемнадцати лет увлечен литературой. Он мечтает стать писателем и жить на чердаке в Париже, на данный момент работает на радио Панамерикиана руководителем отдела информации и диктором, может собирать информацию из газет и других радиостанций и выпускать в течение дня различные информационные бюллетени. Название повести определяет развитие сюжета в двулинейном направлении.

Первая линия развивает сюжет социально-этического плана, раскрывающий проблему неравного брака, когда молодой юноша влюбляется или женится на женщине старше себя по возрасту. Варгас Льюс с легким юмором и иронией рассказывает о романтической любви наивного юноши и красивой, умной и сильной, легкой на подъем женщины, под влиянием которой герой взрослеет, обретая качества мужчины. Вера героини в творческий талант и способность к совершенствованию своего возлюбленного обуславливает её жертвенное отношение к молодому человеку, ко всему, что их связывает, к их взаимоотношениям.

Другая сюжетная линия прослеживает жизненный путь Педро Камачо, боливийца, сценариста, «писаки», ненавидящего Аргентину и сочинявшего про нее всякие небылицы. Данный сюжетный пласт романа выявляет, как навязчивая идея, способная создать нечто экстравагант-

ное, может повлечь потерю личности в моральном и психологическом плане. Льюс подчеркнуто придает творческой гиперактивности героя гротескно-сатирический характер, выявляющий всю нелепость и абсурдность природы подобного явления. В целом, сюжетная линия Педро Камачо представляет пародию на писательство. Слово «Писака» имеет уничижительный оттенок и контрастирует с основным развитием действия повести. Радиоромааны, которые ставит Педро Камачо, несуразные и запутанные по своему содержанию, обнаруживают внутреннюю опустошенность и ничтожество их автора, но они держат «под гипнозом все население Лимы, ожидающее в восемнадцать ноль – ноль развязку очередной мыльной оперы». Педро Камачо в конце концов оказывается в сумасшедшем доме, куда попадает в результате ежедневной упорной, борьбы за право быть лучшим сценаристом мыльных радиопьес. Его вылечили от маниакального сочинительства, но отсутствие истинного таланта и творческого вдохновения определили жалкую судьбу «писаки» и его трагический финал.

Структура повествования романа Варгаса Льюса, обусловленная авторской интенцией, отличается многообразием форм выражения как в сюжетно-композиционном плане, так и стилистическом. Роман композиционно выстроен таким образом, что создается радиомир, где линейное повествование повести прерывается вставками сцен из радиосериалов Педро Камачо. В радиомире повести читатель как бы переключает диапазоны, «настраивается на волну», из какофонии звуков возникают переключки, одна передача сменяет другую. В коммуникативно-речевой сфере в основном преобладают разговорная лексика, сленговые штампы, что в целом определяют специфику повествовательной организации художественного текста романа Варгаса Льюса. Внутренние монологи, включенные в структуру повествования романа, позволяют с различных точек зрения осветить организацию событий во времени, связывая разрозненные мысли, воспоминания, эмоции, чувства, психологически обогащая характеры его неоднозначных героев. Образ Педро Камачо аккумулирует в себе понятие масскультуры, по выражению И. Тертерян, он является комическим архетипом писателя, властителем душ [1, с. 471]. Может быть, именно образ «писаки» является автопародией и автопредостережением писателям, страдающим графоманией.

В повести «Тетушка Хулия и писака» Марио Варгас Льюс затронул проблему коммерциализации культуры. В интервью Литературной газете он сказал, что и никакая культура не может быть по – настоящему современной, если она не обогащается за счет других мировых культур. Однако существует опасность нашествия извне псевдокультурных форм, и они оказывают разрушительное воздействие на культуру той страны, в которую попадают, деформируя ее интеллектуальное лицо.

Так, в латиноамериканской литературе XX века развивается абсолютно специфичная нетрадиционная модель художественной историософии, соотносимой в таких дифференцированных пластах как «исторический миф» и «автобиографизм».

Литература

1. Тертерян И.А. Человек мифотворящий. – М., 1988.

ПРИМЕНЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОДРОСТКАМИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Батурина Юлия Вячеславовна,

кандидат культурологии, учитель русского языка и литературы, МОАУ СОШ № 12 города Рыбинска

THE USE OF ACTIVITY THEORY IN THE STUDY OF ADOLESCENT CULTURAL PERSPECTIVE ON THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Baturina Julia, candidate of Culturology, teacher of Russian language and literature at the secondary General, school № 12 the city of Rybinsk

АННОТАЦИЯ

В статье речь идет о применении аналитического метода при изучении подростками культурологической проблематики на уроках русского языка, который сочетает в себе целесообразную и целеполагающую деятельность в рамках реализации деятельностного подхода на примере подготовки семиклассников к сочинению по картине Рене Магритта «Условия человеческого существования».

ABSTRACT

The article tells about the application of the analytical method in the study by the teenagers of cultural perspective at the lessons of Russian which combines appropriate activities within the framework of realization of the activity approach on the example of the preparation of the seventh graders for composition on the painting of Rene Magritte's "The Human Condition".

Ключевые слова: аналитический метод; целеполагающая и целесообразная деятельность; мировая художественная культура; русский язык.

Keywords: analytical method; teleology and appropriate activities; and world culture; Russian language.

Для исследования культурологической проблематики на интегрированных уроках русского языка и мировой художественной культуры необходимо рассмотреть понятия «деятельность» подростков с разных точек зрения, поскольку, согласно нынешней концепции подготовки на уровне школы всесторонне развитой, компетентно грамотной личности, последняя должна быть самодостаточной не только в образовательной среде на уровне владения фундаментальными знаниями, но и во всех сферах человеческой жизнедеятельности. При этом деятельностный подход к организации учебной работы выступает в качестве общей концептуальной основы совершенствования обучения.

Остановимся наиболее подробно на характеристике деятельности как закрытой и открытой системы. Деятельность, предполагающая социокультурные основания, предпосылки и теории, может осуществляться и осуществляется на двух уровнях, в двух режимах. Это, в первую очередь, деятельность, связанная с освоением, использованием, применением выработанных в историческом развитии социокультурных способов изменения и преобразования действительности, зафиксированных в определенных установках, нормах, программах, которые задают некоторую парадигму деятельности. Деятельность, основанную на использовании, применении имеющихся способов и норм, можно, таким образом, назвать деятельностью в рамках определенной парадигмы или внутрипарадигмальной деятельностью [6], которая выступает как целесообразное изменение и преобразование действительности. При этом все эти обычаи, правила, традиции, следование которым может носить характер социокультурного автоматизма (так называемое «традиционное поведение», по классификации социологии культуры М. Вебера [2]), являются всегда результатом культурного творчества на определенном этапе его исторического развития. На первый взгляд, момент рецептивности, пассивности восприятия и воспроизводства соответствующей

установки, нормы, способа действия здесь кажется главенствующим.

Активное, творческое начало человека в наибольшей степени проявляется, конечно, в деятельности по развитию наличных форм культуры, соответствующих способов отношения к действительности, связанных с ними установок и норм. Именно в деятельности на этом уровне, на высоте ее возможностей раскрывается специфика «феномена человека».

Деятельность такого рода не ограничивается ориентацией на имеющиеся программы действий, кем бы они ни были заданы - природой или социумом. Она предполагает способность к постоянному пересмотру и совершенствованию лежащих в ее основании программ. Субъект выступает при этом не исполнителем заданной программы поведения, а создателем, творцом принципиально новых программ действия, новых социокультурных парадигм. Как уже отмечалось, в рамках приспособительного поведения и внутрипарадигмальной деятельности активность связана с поиском возможных средств достижения целей, она направлена, целесообразна. Деятельность же, связанная с перестройкой своих оснований, предполагает целеполагание, является целеполагающей деятельностью. Именно при переходе от целесообразной деятельности к деятельности целеполагающей в полной мере открываются перспективы творчества и свободы [5].

При этом использование различных путей постижения культурологической проблематики в рамках изучения мировой художественной культуры организует как целесообразную деятельность подростков (или внутрипарадигмальную), так и деятельность целеполагающую (то есть внешнюю). Так, к методам, организующим целесообразную деятельность участников образовательного процесса, можно отнести системный, структурно-функциональный, компаративный, типологический, исторический методы. При этом существует и ряд методов, организующих как внутрипарадигмальную (целесообразную), так и внешнюю (целеполагающую) деятельность. К ним можно

отнести диалектический, аналитический, культурантропологический, семиотический, герменевтический, биографический, методы полевой этнографии.

Остановимся подробнее на аналитическом методе изучения подростками культурологической проблематики на уроках русского языка. Так, опираясь на «Примерную программу по мировой художественной культуре (базовый уровень)» заметим, что одной из целей курса данного предмета инвариантной части учебного плана является «овладение умением анализировать произведения искусства, оценивать их художественные особенности, высказывать о них собственное суждение» [3]. Рассмотрим элементы анализа произведения искусства на примере знакомства подростков с полотном Рене Магритта «Условия человеческого существования» (1935 г.).

В качестве эпиграфа к такому уроку рационально взять слова самого художника-сюрреалиста: «Мои картины демонстрируют противоположность обычному мнению о том, что мы должны писать видимый мир. Я всегда пытаюсь выйти за пределы. Все, что существует в реальности, скрывает за собой нечто другое». Обучающиеся могут истолковать это высказывание по-разному, например, они отмечают, что художник – человек, способный выйти за пределы реальности, изобразить что-то фантастическое, не подвластное человеческому пониманию». Нестандартный взгляд на мир художника – это отправная точка для постановки цели интегрированного урока по русскому языку и мировой художественной культуре: подготовиться к сочинению-описанию картины «Условия человеческого существования», отражающей нетрадиционный взгляд на мир Рене Магритта.

При анализе этого полотна можно отметить неоднозначность его восприятия подрастающим поколением. При этом для усиления первого впечатления о картине вниманию обучающихся представляется только её фрагмент – изображение, которое находится на первом плане произведения «Условия человеческого существования». Обучающимися высказывается суждение, что оно достаточно реалистично, природа естественна, лишена излишеств, вычурности, условностей. На вопрос: «Почему произведение так называется?» – подростки отвечают, что в понятие условий человеческого существования художник может вкладывать своё впечатление от реальности, наслаждение природой, бесконечность человеческого пути.

Изображение на экране увеличивается, и на слайде – репродукция картины Рене Магритта «Условия человеческого существования». На вопрос о том, что необычного обучающиеся видят в этом полотне, они отвечают, что в произведении живописи сюрреализма они замечают картину в картине, пейзаж практически полностью повторяется и за окном комнаты. «Выдает» полотно в полотне только ручка мольберта, не сразу различимая при первом взгляде на изображение. На вопрос педагога о том, как обучающиеся понимают слова Магритта: «Я всегда пытаюсь выйти за пределы. Все, что существует в реальности, скрывает за собой нечто другое», – подростки отвечают, что высказывание имеет теперь не переносное, а прямое значение: его живопись выходит за пределы полотна, она сливается с реальностью, возможно, совершенствуя её, потому что мы не видим на самом деле, что находится за пределами пейзажа, расположенного на переднем плане.

Семиклассники приходят к выводу, что пейзаж едва ли повторяет то, что скрыто за ним. Были предположения, что он скрывает несовершенство ландшафта, вероятно, дерева, которое мы видим на переднем плане картины, вовсе нет за пределами этих стен, отделяющих мир человека и мир природы, высказывалось суждение, что картина скрывает промышленный пейзаж, недостроенный дом, горы. Неоднозначное суждение прозвучало относительно «неестества природы», которая будто обрамлена переплетом окна, и естественности художественного творения, которое не предполагает никаких видимых границ. Видимый мир имеет границы, фантазия же безгранична.

Для написания сочинения обучающимся предлагается определиться с основными признаками нового текста, который будет давать словесную характеристику пейзажа Магритта. Учитель и обучающиеся анализируют содержание вступления, основной части, заключения будущего текста. Во вступлении обучающиеся предлагают назвать полотно, имя художника, время создания художественного произведения. Обсуждаются основные фразы, традиционные для такого сочинения. Основная часть – непосредственное описание самого полотна Рене Магритта, характеристика изображенного на переднем и на заднем плане картины, колорита, эмоционального напряжения полотна. Заключение – еще одна возможность высказать подростку свое отношение к произведению искусства, поразмышлять над наименованием картины.

Кроме того, для написания сочинения обучающимся предлагается определиться со стилем будущего текста. Бесспорно, предпочтительным является художественный стиль, который имеет существенные преимущества по сравнению с другими функциональными стилями русского языка: он более экспрессивен и эмоционален.

Семиклассникам предлагается назвать разделы науки о языке, которые обладают экспрессивными ресурсами (фонетика, словообразование, лексика, морфология, синтаксис). К экспрессивным признакам фонетики обучающиеся относят хорошо известную им звукопись, а также слова, которые могут помочь передать звуковое наполнение этой картины: тишина, полное молчание, не слышно ни единого звука.

Подросткам предлагается назвать словообразовательные возможности художественного стиля. Для этого на экране интерактивной доски располагается небольшая цитата: «Мы вопрошаем картину наугад вместо того, чтобы прислушиваться к ней. И нас удивляет, когда ответ, который мы получаем, не откровенный» [9]. Учитель адресует обучающимся вопрос: «Какие словообразовательные возможности художественного стиля можно увидеть в этом тексте?» Семиклассники отмечают, что приставка во- придает слову «вопрошаем» несколько возвышенное, философское значение, поскольку речь идет о живописи, приставка при- в глаголе «прислушиваться» означает доведение совершаемого действия до конца. Прислушиваться – не значит только слушать звуки, это означает – понимать замысел художника, определять место каждого художественного образа на полотне, его смысловое звучание.

При анализе полотен Рене Магритта внимание зрителей, бесспорно, привлекает небо. Оно занимает почти две трети ландшафта. Рассуждая над этим образом, созданным художником, можно увидеть, что небо – это

всегда свобода, полет мысли. Для конкретизации этого образа обучающимся предлагается работа с лексикой художественного текста: «Небо Магритта нельзя перепутать с чьим-то другим – чаще из-за того, что на его картинах оно оказывается отраженным в причудливых зеркалах и огромных глазах, наполняет контуры птиц и вместе с линией горизонта из пейзажа незаметно переходит на мольберт» [7]. Определяя в данном тексте эпитеты, метафоры, олицетворения, обучающиеся отмечают, что использованные в данном отрывке тропы дают наиболее полное представление о художественном мастерстве Магритта, о его неповторимом небе, о тех смыслах, которые он вкладывает в свои изображения.

Прислушиваясь к замыслу художника, мы видим целую галерею других образов, наполняющих шедевр Магритта. Наблюдая за тем, какой мир больше привлекает художника, подростки способны без труда отметить, что его влечет как внешний мир, так внутреннее состояние самого человека. При этом смысловые акценты высказывания сосредоточены на наименовании конкретных предметов (окно, комната, картина, ландшафт), характеризующих видимый мир, и абстрактных именах существительных (прошлое, настоящее, время и пространство), называющих неосознаваемые объекты ощущаемого человеком мира, что достоверно характеризует морфологический уровень художественного текста.

Завершается работа по подготовке к написанию сочинения по картине пунктуационным анализом высказывания Рене Магритта: «Искусство живописи, которое лучше назвать искусством подобию, может выразить в красках идею, вмещающую в себя только образы, которые предлагает видимый мир, интуиция подсказывает художнику, как расположить их, чтобы выразить тайну» [10]. Расстановка знаков препинания, изменение текста таким образом, чтобы придаточные предложения с союзами «которое, которые» были преобразованы в причастные обороты, а причастные обороты – в аналогичные придаточные, позволяет обучающимся оценить стилистические возможности художественного текста.

Таковы возможности использования аналитического метода на уроках русского языка при изучении культурологической проблематики. Этот метод позволяет организовать целесообразную и одновременно целеполагающую деятельность подростков, что существенно важно при изучении предметов гуманитарного цикла, воздействующих на душевную организацию современного подрастающего поколения, определяющих вектор культурной перестройки формирующейся личности.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Смысл истории [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1923_019.htm от 04.09.2011.
2. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии / Вебер, М. // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/v/veber/veb 18.04.2010 от 23.09.2010.
3. Мировая художественная культура: примерная программа среднего (полного) общего образования. Базовый уровень. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://window.edu.ru> от 13.10.2010 года.
4. Хренов, Н.А. Культура в эпоху социального хаоса [Текст]/ Хренов Н.А. – Изд. 2-е. - М.: Едиториал URSS, 2011. – 448 с.
5. Фролов, И.Т. Деятельность//Фролов, И.Т. Введение в философию. – гл. VII. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.mipt.ru/textbooks/frolovintro/part2_7.html от 03.07.2010.
6. Швырев, В.С. Деятельностный подход к пониманию человека в отечественной философии [Текст]// Мир психологии, 2006. - №3. – с. 56
7. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://ria.ru/weekend_art/20131121/978422160.html
8. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://ru.wikiquote.org/wiki>
9. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.yourdreams.ru/gallery/pages/rene-magritte-1.php>
10. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://tsitaty.com>

СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ В ДЕЛОВОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бусарова Ольга Филипповна

ст. преп. Кафедры английского языка, Кубанский Государственный Технологический Университет, г. Краснодар

SHORTENINGS AND ABBREVIATIONS IN THE BUSINESS ENGLISH

Busarova Olga, a senior teacher of the Kuban State University of technology, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сокращениям и аббревиатурам в деловом английском языке. Дана характеристика каждой группе английских аббревиатур с переводом на русский язык. Отмечена значимость сокращений при ведении деловой переписки, сделан вывод о развитии аббревиатур в будущем и определена необходимость постоянного обновления словарей

ABSTRACT

The article is devoted to the shortenings and abbreviations in the Business English. The each group of English abbreviations was characterized with translation into Russian. The importance of the English shortenings was also noted for

business correspondence; the conclusion about future of abbreviation was made; the necessity of dictionaries renewing was determined.

Ключевые слова: сокращение, аббревиатура, деловой английский, акроним, бэкроним, деловая переписка.

Keywords: shortening, abbreviation, Business English, acronym, backronym, business correspondence.

В настоящее время знание делового английского языка становится нормой в сфере бизнеса. Это объясняется развитием экономических отношений, повышенным интересом к коммерческим сделкам и международному партнерству. Знание делового английского языка необходимо не только представителям экономики, но и для специалистов различных профилей, предпринимателей. Именно умение вести переговоры, деловую переписку на иностранном языке подчеркивает профессионализм сотрудника. На данном этапе развития языка деловой английский язык занимает отдельное пространство для изучения, которое можно определить, как сфера международного общения. Как известно, деловой английский язык – это не только язык бизнеса, он также применяется во многих других отраслях науки и техники, активно используется в повседневной жизни огромным количеством людей.

Особенность делового английского языка заключается в том, что для каждой отрасли они имеют свою определенную специфику. Появилась потребность обучения основам бизнес общения представителей технических специальностей. В этом случае английская деловая лексика отличается в зависимости от специальности. Многие термины и выражения, имеющие в одной отрасли одно значение, могут иметь совершенно другое значение в другой сфере. Поэтому обучение деловому общению на английском языке для каждой отрасли должно отличаться, и создать один единый курс делового английского языка, который бы удовлетворял потребностям специалистов всех специальностей, просто невозможно.

Другая особенность бизнес английского заключается в том, что за многими терминами и выражениями английской деловой лексики стоят профессиональные знания, которые необходимы для правильной их интерпретации. Например, выражение “intangible assets” понятно представителю экономических специальностей, но будет представлять сложность для работников технической сферы. Это относится и к правильному употреблению аббревиатур и сокращений. Поэтому качественное употребление деловой терминологии и аббревиатур подразумевает большой словарный запас, профессиональные навыки, коммуникативные навыки общеразговорного характера. Как правило, деловой английский язык или бизнес-английский (Business English) представлен определенным набором фраз и понятий, являющиеся своеобразной надстройкой над общеразговорным английским языком.

Особое место занимает в деловом английском языке аббревиатуры и сокращения. В настоящее время они заняли в языке свое место и активно применяются во всех видах коммуникации. Сокращение или аббревиатура – сжатая форма слова или фразы. В современном мире считается, что на письме сокращения могут заменять целые предложения для экономии места.

Аббревиатуры (от итальянского *abbreviatura* и латинского *brevis* — краткий) делятся на сложносокращённые слова и инициальные аббревиатуры. Сложносокращённое слово — это слово, составленное из сокращённых начальных морфем словосочетания. Инициальные типы

сложносокращённых слов или акроним — это слова, образованные путём сложения начальных букв слов или начальных звуков. Они также очередь подразделяются на аббревиатуры буквенные, звуковые и буквенно-звуковые.

Учитывая краткость и лаконичность делового английского языка, аббревиатуры и сокращения имеют огромное значение для представителей коммуникации. Они важны для представителей различных сфер деятельности. С семантической точки они могут быть индивидуальными для разных отраслей, но есть и общепринятые аббревиатуры. Как правило, они понятны и известны многим и встречаются в деловой терминологии английского языка повсеместно. Такие сокращения несут в себе ключевой смысл письма или сообщения. Некоторые из них, такие как HR (Human Resources) или CEO (Chief Executive Officer), употребляются настолько часто, что знакомы и понятны любому читателю, даже не владеющему английским языком. Другие же являются более специфичными, хотя и не менее редко используемыми в деловой практике [1, с.29]. Например, акроним ASAP — “as soon as possible” имеет дословный перевод “настолько быстро, насколько возможно”. Эту аббревиатуру наиболее часто используют не только в различных видах писем, но и в языке Интернет общения. Примером может служить выражение B2B — Business to Business — “от бизнеса к бизнесу”, B2C — Business to Consumer, что значит “от бизнеса к клиенту” [1, 29]. CAO — Chief Accounting Officer. Так англичане называют главного бухгалтера компании. CEO — Chief Executive Officer переводится как главный исполнительный директор [1, 29]. Наиболее близкий аналог этой должности в русском языке — генеральный директор. CFO — Chief Financial Officer [1, с.29]. Данная должность соответствует финансовому директору компании. - CRM — Customer Relationship Management. Под сокращением EXP подразумевается Export, а именно — экспорт или вывоз товара за границы страны. GDP — Gross Domestic Product известен как внутренний валовой продукт [1, с.29].

В результате в деловом английском языке представлены практически все виды сокращений или аббревиатур, принятых в лингвистике.

1. Аббревиатура акрофонетическая или звуковая образована из начальных букв элементов исходного словосочетания, но читаемая не по алфавитным названиям букв, а как обычное слово. Например, inc. (including) “включая” читается не по алфавитным названиям букв, а как обычное слово. К этой группе можно отнести и admin. — administration-администрация; dept. — department — отдел [1, с.30].
2. Аббревиатура буквенно-звуковая образована частично из названий начальных букв, частично из начальных звуков слов исходного словосочетания. FAQ — frequently asked questions — часто задаваемые вопросы; PDF — portable document format- формат переносимого документа [1, с.30]. В современном русском языке это сокращение из деловой английской лексики стало именем нарицательным, известным как “формат ПДФ”. POB — Post office box — “абонентский ящик” [2, с.58].

3. Бэкронимом считается аббревиатура, составленная по уже существующему слову. При этом бэкроним может как объяснять исходное значение слова, так и придавать слову новое значение. Spam — Seriously Pissing-off Advertising Mail — «серьёзно раздражающая рекламная почта». Современная расшифровка придаёт новое значение слову «спам». Изначально это слово было названием торговой марки дешёвых мясных консервов SPAM с крайне агрессивной рекламой. В настоящее время это сокращение можно отнести к заимствованным словам, бывшими изначально в родном языке сокращениями.
4. Рекурсивная аббревиатура или бэкроним — это вид акронимов, который косвенно или напрямую ссылается на себя. AROS — от англ. AROS Research Operating System — исследовательская операционная система AROS» VISA — от английского «Visa International Service Association» — международная платёжная система VISA [1, с.31].
5. Аббревиатуры-слова (смысловые) — это сокращения, в котором начальные буквы являются обычным словом. SMART — от английского System Management Arts — система управления искусств [1, с.31].
6. Графическое сокращение — это такие сокращения слов, в которых отсеченная часть слова обозначается точкой. В качестве примера можно рассмотреть сокращение e.g. — for example — например. Оно произошло от «*exempli gratia*»; лат.; букв. «ради примера». Так же графическое сокращение может содержать восклицательный знак NB! — от английского Please note! В современном русском языке он так и произносится «нотабене».
7. Тавтологические сокращения — это устойчивые словосочетания, в которых аббревиатура (как правило, иностранного происхождения) используется одновременно со словом (обычно перевод последнего

слова), которое входит в данную аббревиатуру. VIP — персона — от англ. «very important person» — очень важно лицо. SMS — сообщение — от англ. «Short Message Service» — «служба коротких сообщений» [1, с.31].

В процессе обучения необходимо уделять достаточное количество времени на отработку навыков по использованию аббревиатур и сокращений. Тем более, что современные программы, направленные на получение международных сертификатов, включают в тестовые задания упражнения на знания аббревиатур. Сокращения часто встречаются в деловой переписки, так же для деловой SMS- переписки они стали данностью. По масштабам употребления их можно отнести к разряду интернациональных слов и словосочетаний, поэтому знание делового английского языка не может быть совершенным без знания сокращений и аббревиатур из области деловой лексики. Можно предположить, что в будущем аббревиатур и сокращений будет только больше, они будут появляться с расширением сферы использования языка бизнеса, будут появляться синонимы и новые сокращения известных выражений. На данном этапе потребность в словарях сокращений и аббревиатур достаточна велика. Все эти явления объясняются развитием делового английского языка, расширением траектории употребления.

Литература

1. Christine Johnson Business English Style guide Pre-Intermediate Pearson Longman, 2012
2. Англо - английский словарь сокращений английского и американского английского языков, Polyglossum, 2013
3. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь.-Москва: Советская энциклопедия, 1990
4. www.slovar-vocab.com/english/acronyms-misc-vocab.html

РАСКРЫТИЕ ТЕМЫ ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАМПИЛОВА ЧЕРЕЗ МОТИВ ЛИЦЕДЕЙСТВА

Чербаева Ольга Владимировна

ГБОУ Школа 324 «Жар-птица», г. Москва

THE OPENING OF THE THEME OF A CITY THROUGH THE MOTIF OF HISTRIONICS IN THE CREATIVE WORK OF VAMPILOV.

Cherbaeva Olga Vladimirovna, State-financed organization of education school 324 "Firebird", Moscow

АННОТАЦИЯ

Целью статьи стала попытка доказать взаимосвязь мотива лицедейства в творчестве Вампилова с темой города. В процессе творческой эволюции писателя мотив лицедейства оказывается все более значимым в раскрытии городской атмосферы в художественном мире Вампилова, становясь олицетворением искусственности, надуманности, манерности жизни городских персонажей, гиперболизируясь в пьесе «Утиная охота».

ABSTRACT

The goal of the article is the attempt to prove the interaction of the motif of histrionics with the theme of a city in the creative work of Vampilov. While the process of the creative evolution of the author the motif of histrionics is become more meaningful in the opening of a city atmosphere in the artistic world of Vampilov. Having hyperbolized in the pièce "The duck fowling" this one is become the embodiment of both the artificiality and the farfetchedness and the preciousity of the city personages.

Ключевые слова: мотив лицедейства, тема города, тип персонажа.

Keywords: motif of histrionics, theme of a city, character.

Противопоставление города и деревни в художественном мире А. В. Вампилова заложено в характеристике городских и деревенских персонажей. Естественная жизнь героев глубинки, в основе которой близость к природе, бесхитрость, простота и труд противопоставлена «искусственной» жизни горожан, заключенной, по мнению писателя, в манерности, праздности, лицемерии. Городские персонажи Вампилова – это лицедеи, под масками которых автор выводит позеров, «пижонов» и «стиляг» («Записные книжки», очерки, рассказы), «тунеядцев» и прожигателей жизни (драматургия).

О лицедействе героев театра Вампилова говорится в работах В. И. Новикова, Н. Л. Лейдермана. Так, В. И. Новиков обращает внимание на лицедейство персонажей «Утиной охоты», в частности Зилова [6, с. 94]. Н. Л. Лейдерман считает, что все герои пьес Вампилова играют роли, за исключением лишь Валентины [4, с. 274–276]. Однако нам представляется, что мотив лицедейства у Вампилова связан преимущественно с городской темой. Сама атмосфера города в художественном мире Вампилова есть не что иное, как мир лицемерия, внешнего лоска и внутренней пустоты.

Мотив лицедейства появляется у Вампилова еще в прозе. В основу рассказа «Солнце в аистовом гнезде» (1963) положено столкновение двух мироощущений: деревенского мальчика Витьки и приезжих (городских) театралов. Витька ожидает свершения чуда в театре, но, на самом деле, театралы привезли обыденность, манерность, искусственность – искусственное чудо: декорации, освещение, грим, парики. Витька – естественное чудо. Его природными качествами являются открытость миру и природе, непосредственность, вера: «солнце село в аистовое гнездо» [2, с. 75]. Деревенский мальчик, еще не испорченный соблазнами цивилизации, способен глубоко чувствовать радость жизни и природы. И ему вовсе не нужны удобства и развлечения городской жизни, из-за отсутствия которых покидает Сибирь герой рассказа «Конец романа»: «Что думает человек, который не видел ни одного живого слона, никогда не ездил в поезде, ни разу не был в театре? Что думает он, сидя на крыльце сельского клуба нежным майским вечером? Чувствует ли он себя несчастным? Ничуть» [Там же, с. 72]. Витька – образ «природного человека», идеальный и единственный в своем роде герой, к которому у автора особое отношение. Он весь есть сосредоточие радости, тепла и света: «вполне счастливый, весь наполненный любопытством и удивлением прекрасным этим миром» [Там же, с. 73], «он подставляет теплым лучам свою белобрысую голову» [Там же, с. 73]. Не случайно введен в рассказ и символический образ солнца, сопоставимый с самим маленьким героем. И этот «солнечный» герой противопоставлен приезжим актерам, лицедеям, которые «бубнят роли» и больше всего переживают, что из-за отсутствия искусственного освещения пропадут грим и «нюансы». Мешанина из искусственных декораций вступает в рассказ комическими нотками: «фанерный дом» (натурально трансформировавшийся в «Утиной охоте» в дом-коробку Зилова) и «складной стог сена» на фоне естественного деревенского пейзажа, «живописный сучок» (опять что-то вроде пародии на естественность) вперемежку с «целлофаном» и «свернутая в рулон лунная ночь», которая «шлепнулась на крыльцо» [Там же, с. 73]. В рассказе «Солнце в аистовом гнезде» в сжатом виде представлен весь абсурд и неестественность

жизни мимикрирующих к городской среде и ее социальным нормам (антинормам) героев «Утиной охоты». Театральное представление героев рассказа «Солнце в аистовом гнезде» становится жизнью героев пьесы «Утиная охота».

Городское лицемерие (мотив лицедейства), противопоставленное деревенской простоте, в какой-то степени даже наивности, представлено в творчестве Вампилова в частности через характерный тип персонажа «заезжего гастролера». Данный тип развивается и видоизменяется в процессе творческой эволюции писателя. В рассказе «Солнце в аистовом гнезде», а также в очерке «Прогулки по Кутулику» он представлен обобщенным образом гастролерствующих по сибирской глубинке городских творческих коллективов: актеры театра («Солнце в аистовом гнезде») и «разъездная читинская эстрада» [Там же, с. 192] («Прогулки по Кутулику»). И в ироничном авторском описании актеров, и в авторской характеристике выступления гастролеров из Читы чувствуется негативное отношение Вампилова к современной городской культуре, все больше проникающей в сибирские деревни, однако остающейся чужой для традиционной Сибири: «лет тридцати пяти певица <...> с такой отвагой изображала семнадцатилетнюю девочку, что в голове у меня мелькнуло сомнение – кутульская ли это программа» [Там же, с. 192], «песня мне показалась неоправданно длинной» [Там же, с. 192].

Тип персонажа «заезжего гастролера» появляется в пьесе «Старший сын» (1967) в образах случайно заехавших в предместье городских героев Бусыгина и Сильвы, разыгрывающих спектакль перед семьей Сарафановых. Заметим, что Л. Н. Лейдерман считает «лицедеем», помимо Сильвы и Бусыгина, самого Сарафанова, равно как и всех остальных героев пьесы: «В “Старшем сыне” у каждого из персонажей свой спектакль: Бусыгин играет роль “блудного сына”; Сарафанов изображает, будто он по-прежнему играет в филармоническом оркестре, а не на кладбищах, его дети делают вид, что они об этом ничего не знают; Нина изображает любовь к деревянному Кудимову; Макарская играет, как кошка с мышкой, с Васенькой, который в свою очередь с пылом юности разыгрывает спектакль “пламенная страсть” по отношению к Макарской, а Сильва, тот вообще ни на минуту не выходит из шутовского образа» [4, с. 274]. Позволим себе здесь не согласиться с мнением Л. Н. Лейдермана по поводу лицедейства всех без исключения героев пьесы. Так, Сарафанов отнюдь не «изображает» из себя музыканта филармонии и композитора «то ли кантаты, то ли оратории» [1, с. 139], а именно живет в своем придуманном, идеальном мире и сам глубоко верит в его реалистичность. Равно как Нина отнюдь не «изображает любовь к деревянному Кудимову», а лишь стремится с помощью Кудимова обрести стабильность в жизни. А Макарская и Васенька не «игрывают» в любовь, но подобно героям пьесы «Прошлым летом в Чулимске» живут неподдельными чувствами и страстями, что абсолютно не свойственно городским героям Вампилова, в частности героям «Утиной охоты». Таким образом, естественная, неспешно протекающая жизнь предместья (пригорода) сталкивается в пьесе «Старший сын» с лицедейством, маскарадность города (в лице приезжих Сильвы и Бусыгина), чей приезд нарушает привычную жизнь семьи Сарафановых.

Мотив лицедейства в пьесе «Провинциальные анекдоты» (1968) и ее ранних вариантах (одноактных пьесах «Воронья роща» и «Сто рублей новыми деньгами») так же связан с темой города и представлен через тип персонажей «заезжих гастролеров». В «Вороньей роще» таким персонажем является Баохин, устроивший спектакль в чужой квартире, в пьесе «Сто рублей новыми деньгами» «пархающие» с квартиры на квартиру, из города в город Святус и Белоштан, в «Провинциальных анекдотах» – постояльцы гостиницы «Тайга». Следует заметить, что большинство литературоведов видят в пьесе «Провинциальные анекдоты» отображение мира провинции как воплощения дикости, потери человеком нравственного облика. Так, М. Н. Липовецкий трактует название гостиницы «Тайга» как акцент драматурга на морально-нравственном одичании героев: «Действие обоих “провинциальных анекдотов” происходит в райцентровской гостинице “Тайга”, само название которой становится символом банального одичания» [5]. В. Я. Лакшин считает, что в образе провинции Вампилов показал низменную, порочную сущность жизни провинциала, человека из глубинки, далекого от культуры и цивилизации: «Провинция для Вампилова <...> нравственное понятие: сфера жизни, куда будто не достают лучи просвещения, где зоологические интересы наглядны, а уловки лицемерия однообразны и простодушны, где не верят в благородство и талант, а пуще всех людских достоинств уважают чин, должность и “кусок”» [3, с. 11]. Однако представляя Вампилова обличителем провинциальной дикости и мещанства, литературоведы упускают из вида ключевой момент: местом действия Вампилов выбрал гостиницу и действующие лица пьесы в большинстве своем приезжие из разных мест, временно прибывающие здесь и имеющие разные социальные статусы. Поэтому воспринимать эту пьесу лишь как обличение пороков провинциальной жизни, на наш взгляд, не верно. Представляется, что образ гостиницы «Тайги» становится у Вампилова скорее трагическим символом утраты самобытности Сибирью: вся Сибирь стала своего рода «гостиницей», временным пространством, куда приезжают в погоне за заработком и романтикой «чужие» люди из «далеких», «больших» городов, те самые «заезжие гастролеры».

В первых вариантах пьесы «Провинциальные анекдоты», одноактных пьесах «Воронья роща», «Сто рублей новыми деньгами» (начало 1960-х) появляется образ города и сопутствующие ему мотивы. Так, в пьесе «Сто рублей новыми деньгами» ставится акцент на том, что действие происходит именно в «городе». «В городе. Комната на втором этаже. Одно окно. Не прибрано <...>» [1, с. 449], – так начинается пьеса. Характерно, что автор не уточняет, в каком именно городе разворачиваются события пьесы: нет ни названия, ни описания самого города, ни его размеров. Для Вампилова это второстепенно. Важно, что действие происходит в «городе». Город является обобщенным образом, негативно окрашенным и противопоставленным деревне (конкретно сибирской) в общей системе образов. Диалог Святуса и Белоштана о «городе» является характеристикой самого города через род деятельности его жителей, через само их отношение к «своему городу»: «Белоштан. Из своего города? Куда? (Тоже собирается.) Здесь друзья, знакомые, связи. Завтра Фетров подбросит новую партию носков. Святус. Да. Но неизвестно, что подбросит нам агроном... И потом, что ты

называешь своим городом? Уверю тебя, нас будут помнить только те из друзей, которым мы останемся должны. Женщины, которых мы обманывали, забудут нас с удовольствием» [Там же, с. 459]. Из диалога становится ясно, насколько иллюзорны связи этих персонажей со «своим» городом: друзья-знакомые находятся у них в одной системе ценностей с носками, следовательно, о настоящей дружбе говорить не приходится, а отношения с женщинами строятся на обмане. То есть вся городская жизнь этих персонажей есть лишь «пшик», пародия на жизнь, «театрализация» с мнимыми дружбой и любовью. Характеристика самих «городских» героев дается Вампиловым в перечислении действующих лиц: «Святус, Белоштан – тунеядцы» [Там же, с. 449]. Эти самые образы «тунеядцев» воскресают позже в «Утиной охоте», в Зилове, Саяпине, пишущих про несуществующий фарфоровый завод, а также и в других героях этой пьесы, пьянствующих, развратничающих и постоянно создающих видимость работы, семьи, дружбы. То есть, мотивы лицедейства, бессмысленности существования, машинальности, инертности усиливаясь, переходят из пьесы «Сто рублей новыми деньгами» в пьесу «Утиная охота».

В пьесе «Воронья роща» оппозиция «деревня – город» трансформируется в противопоставление «окраина города – центр города». Окраина противопоставляется центру, в частности, в контексте разговора о воронах Виктории и Баохина:

«Баохин. Послушайте, Виктория. Закройте, пожалуйста, окно... Они действуют мне на нервы...

Виктория. Кто?

Баохин. Вороны. (Виктория закрывает окно). А вам они не мешают?

Виктория. Да нет. Я к ним привыкла... А что, в центре их разве не бывает?

Баохин. Нет, нет. Там они не появляются. Во всяком случае, не собираются в таком количестве.

Виктория. Вообще-то да. Они больше по окраинам. Они, наверное, любят чистый воздух» [Там же, с. 421].

«Вороны», «чистый воздух» – это то природное начало, которое выражено для Вампилова в жизни вдали от города либо на его окраине. А простота, естественность, бесхитрость – основные черты характера Виктории, жительницы пригорода. Ей противопоставлены Баохин, Анна Тимофеевна, Камаев – герои города. Появившись на пороге Виктории, они тот час же начинают разыгрывать комедию, лицедействовать, выдумывать сюжеты: неверный муж, любовница, скандал, смерть и воскрешение и т.д. Все это не что иное, как заполнение душевной пустоты. Здесь опять же находятся параллели с «Утиной охотой» и «ломанием» Зилова, лицедейством, направленным на то, чтобы заглушить чувство бессмысленности, мертвенности, материальности мира города.

В пьесе «Провинциальные анекдоты» Вампилов объединяет «Сто рублей новыми деньгами» и «Воронью рощу». Оставляя сюжет практически без изменений, драматург объединяет эти пьесы единым местом действия. Провинциальная гостиница «Тайга» есть метафора того пограничного состояния в котором находится современная Вампилову Сибирь. Словно гостиница принимает Сибирь приезжих «покорителей», «строителей», «геологов», для которых она никогда не станет домом, а останется временным и «чужим» пространством. Судьбу же Сибири решают такие персонажи как Калошин (близким

ему характером является Мечеткин из пьесы «Прошлым летом в Чулимске», также прибирающий Сибирь к рукам), чужие Сибири дельцы. Следовательно, сарказм писателя направлен отнюдь не на «дикую» и «безнравственную» таежную глубинку, а напротив, на потерю самобытности Сибирью в погоне за городской цивилизацией.

В пьесе «Утиная охота» искусственность городской жизни утрируется: цветовая гамма серая – серое небо, дождь, типовые городские дома, естественно тоже серого цвета. Все однотипно, безлико и бездушно. Мотив лицедейства сопутствует главному герою пьесы Виктору Зиллову. Жизнь городского Зилова – бесконечное паясничество, лицедейство, ложь во имя лжи. И все это порождение мира города, следствием попытки заполнить душевную пустоту, заглушить чувство тоски и одиночества в безликом городе. Характерно, что мотивы обмана, подмены понятий, фальсификации буквально пронизывают пьесу, начиная с мелких деталей и кончая самим названием пьесы. Так, центральный символ мира города, дождь, в совокупности с серостью декораций, выражает размытость границ реального и выдуманного, правды и лжи. И за этой завесой из дождя и серости действительно становится трудно различить где правда, а где ложь, где чувства, а где игра, где лицо, а где маска. Характерны последние ремарки пьесы о Зиллове: «Плачет он или смеется, понять невозможно» [1, с. 258], «Мы видим его спокойное лицо. Плакал он или смеялся - по его лицу мы так и не поймем» [Там же, с. 258]. В пьесе «Утиная охота» мотив лицедейства, в отличие от предшествующих вампиловских произведений звучит трагически. Это уже не фарс и насмешка автора над паясничавшими персонажами («гастролеры» из публицистики и рассказов, Бусыгин, Сильва из пьесы «Старший сын», герои «Провинциальных анекдотов»), а драма человека, потерявшего за многочисленными масками собственное лицо, лицедея, не живущего, любящего, но играющего жизнь, любовь, дружбу. Зиллов играет в любовь с Галиной, Верой и Ириной, заигрывается и временами сам верит в реальность своих чувств, играет в дружбу, в семью, в работу. И вдруг сам начинает осознавать, что в его жизни нет ничего настоящего, ничего дорогого его сердцу. Символична в этом смысле сцена, в которой Зиллов отгадывает, какой подарок приготовили ему «друзья» на новоселье: «Валерия. А вот теперь мы. Минутку внимания! (Зиллову.) Догадайся, что мы тебе подарим <...> Вот что ты больше всего любишь?.. Ну что? Зиллов. Что я люблю... Дай подумать» [Там же, с. 190]. И далее, последовательно, под дружный смех «друзей» и «близких», одна за другой низвергаются духовные ценности. Сначала семья: «Валерия. Ну жену, это само собой... Галина. Да нет, давно не любит...» [Там же, с.190]. Затем любовь и уважение к женщине: «Вера (усмехнулась). Может, любовницу. Саяпин хохотнул <...> Вера. Женщин. Подарите ему женщину» [Там же, с. 190-191]. Дальше компания дружно осмеивает такие понятия как дружба и труд:

«Галина. Он любит друзей больше всего. Кузаков. Все че-пуха. Больше всего на свете Витя любит работу. Дружный смех. Кушак (первые слова - сквозь общий смех). Ну зачем же так?.. Деловой жилки ему не хватает, это верно, но ведь он способный парень, зачем же так шутить? [Там же, с. 191]. Нарастающий смех в продолжении всего полилога, постепенно превращающийся в неудержимый гомерический хохот, здесь весьма символичен и характеризует и Зилова, и все его окружение как людей не способных на истинные, неподдельные чувства. Кроме этого, дружный хохот после каждой реплики создает ощущение театрализованности происходящего, беснующейся клаки на представлении.

Вопрос о самоидентификации личности в творчестве А. В. Вампилова звучит весьма остро. Герои лицедействующие, и, в конечном счете, теряющие свое лицо и личность за масками и ролями, изображены в произведениях писателя с долей иронии, но больше с болью. В. Г. Распутин, близко знавший А. В. Вампилова, писал о его творчестве «Главный вопрос, который постоянно задает Вампилов: останешься ли ты, человек, человеком? Сумеешь ли ты превозмочь все то лишнее, лживое и недоброе, что уготовано тебе во многих житейских испытаниях, где трудно стали различимы даже и противоположности – любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение?» [7, с. 213]. Этот вопрос поднимает в своих произведениях Вампилов, рассуждающий о нравственном облике человека в мире перевернутых понятий и мнимых ценностей, явившемся для самого автора порождением «большого» города.

Литература

1. Вампилов, А. В. Избранное. - М.: Согласие, 1999. - 776 с.
2. Вампилов, А. В. Стечение обстоятельств: Рассказы и сцены, фельетоны, очерки и статьи. - Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1988. - 448 с.
3. Лакшин, В.Я. Живая душа// В.Я. Лакшин. – Вампилов, А.В. Дом окнами в поле. – Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1982. – С. 3-16
4. Лейдерман, Н. Л., Липовецкий, М. Н. Современная русская литература, 1950-1990 годы: В 2 т. - М.: Academia, 2003. Т.2. - 684 с.
5. Липовецкий, М. Н. "Шестидесятники" как "потерянное поколение": трагикомедии Александра Вампилова (1937-1972)// Континент. Литературный, публицистический и религиозный журнал. - 2000. № 104. – режим доступа к изд.: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/104/li13.html>
6. Новиков, В. И. Диалог. - М.: Современник, 1986. - 269 с.
7. Распутин, В. Г. Ему было бы нынче пятьдесят // Новый мир. - 1987. №9. – С. 211

ДЕЛОВОЙ ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ПРАГМАТИКИ

Чрдилили Татьяна Васильевна

кандидат филол. наук, доцент, Кременчугский национальный университет имени, Михаила Остроградского, г. Кременчуг (Украина)

BUSINESS DIALOGICAL DISCOURSE AS AN OBJECT OF PRAGMATIC LINGUISTICS

Chrdileli Tatiana, Candidate in Philology, Associate Professor, Kremenchug Mikhail Ostrogradskiy National University

Kremenchug (Ukraine)

АННОТАЦИЯ

Деловой диалогический дискурс выделяется в отдельную категорию на основе ряда типологических признаков, а именно: цели коммуникации, ситуативного контекста, статусно-ролевых характеристик участников, темы, канала связи, формы организации языкового материала.

Ключевые слова: деловой диалогический дискурс

ABSTRACT

Business dialogical discourse is determined as a specific type on the basis of certain typological parameters, namely: purpose of communication, setting, participants' social status and roles, topic, medium, form of language material organization.

Key words: business dialogical discourse

Деловое общение является необходимой частью человеческой жизни, важнейшим видом отношений между людьми. Этот процесс очень многогранный, он реализуется в разнообразных формах и изучается философией, психологией, социологией. Сложность феномена делового общения, его многофакторность и многообразие подходов к объяснению, описанию и изучению его форм порождает множество точек зрения и позиций. Привлечение дискурс-анализа как интегральной сферы изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности позволяет упорядочить предметную область исследования и получить полное представление о деловой коммуникации как особом виде речевой деятельности человека. Актуальность нашего исследования обусловлена, во-первых, необходимостью разработки прагматического аспекта теории и практики делового общения, в центре которого находится деловой диалог со всеми признаками устной коммуникации; во-вторых, важностью создания лингвистической модели оптимального речевого взаимодействия в деловой сфере на основе системного анализа данного типа интеракции; и в-третьих, возросшим интересом к проблемам деловой коммуникации в современном лингвокультурном социуме.

Как справедливо замечает Т.А. Ширяева, изучение структуры делового дискурса подразумевает ее объяснение в терминах, отражающих специфику и особенности социального взаимодействия индивидов и социальных структур [14]. Функцию типобразующих признаков при выделении в отдельную категорию делового диалогического дискурса выполняют такие составляющие коммуникативного действия как ситуативный контекст, участники общения, цель, тема, канал связи, форма.

Выявление сущности и структурной типологии ДДД (делового диалогического дискурса) в рамках подхода к дискурсу как коммуникативной ситуации в совокупности ее составляющих дает возможность построения когерентной модели диалогического общения в деловой сфере.

Вслед за Чернявской В.И., которая определяет дискурс как языковой коррелят общественной практики, человеческого познания и коммуникации, мы считаем, что институциональность является важнейшим дискурсивно-образующим признаком [13, с. 90]. И.П. Сухих отмечает, что типы дискурса выступают как коммуникативно-прагматические образцы речевого поведения, протекающего в определенной социальной сфере, то есть они представляют свои собственные сферы общения. В его представлении социальные сферы разграничиваются на основе степени жесткости социального контроля, который описыва-

ется, прежде всего, в понятиях норм, конвенций, ритуалов, коммуникативных схем, а также допустимости тем общения и типов речевых действий [12, с. 9-10, 25].

Деловой диалогический дискурс имеет место в институционно-производственной сфере, которая охватывает отношения, складывающиеся в процессе решения производственных задач. Кроме того, основываясь на подходах Г. Кларка к интерпретации ситуативного контекста в ситуации устного общения, можно утверждать, что в деловом диалогическом общении мы наблюдаем соединение личностного и институционального контекста [16, с. 76]. Именно эта дихотомия создает систему типовых речевых ситуаций, характерных для данной сферы и неотделимых от нее, диктует степень допустимости типов речевой деятельности.

В ситуации делового общения особую типологическую роль играют социальные отношения. Статусно-ролевой аспект является одним из основных параметров в таксономии ДДД, поскольку деловой разговор прежде всего понимается как устный речевой контакт между людьми, связанными интересами дела, которые имеют необходимые полномочия для установления деловых отношений, разрешение деловых проблем и выработки конкретных подходов к их разрешению [11, с.5]. Социальный статус личности обусловлен производственными отношениями, динамическим же аспектом статуса выступает социальная роль. Ролевые отношения в деловом общении складываются в плоскостях иерархия-равенство (по вертикали) и близость-дистантность (по горизонтали). В ДДД речевое поведение любого индивида определяется не только набором личностных качеств и особенностями конкретной ситуации, но и особенностями той социальной среды, в рамках которой реализуется его деятельность и тем положением, которое он занимает в социальной иерархии некоторого общества.

Хотя социальный статус, и социальная роль являются основными факторами в типологии ДДД, надо иметь в виду и тот факт, что это заранее заданные параметры, которые реализуются в конкретных ситуациях общения и входят как составляющие в общую парадигму коммуникативного статуса. Социальный статус и социальная роль – величины на уровне ситуации неизменные, статичные. А борьба за коммуникативный статус делает общение процессом творческим, с неисчислимым количеством стратегий и тактик, ориентированных на успех. Стремление к коммуникативному лидерству, к повышению своего коммуникативного статуса весьма характерно для делового общения [5, с. 29].

Статусно-ролевой аспект дополняется критерием цели общения, которая заключается в решении опреде-

ленных проблем, обусловивших существование соответствующего социального института [14]. В деловом общении особую значимость приобретает разграничение целей, поскольку здесь коммуникация и деятельность особенно взаимозависимы. Теоретики делового общения подчеркивают его отличительную черту – оно не имеет самодавлеющего значения, не является самоцелью, а служит лишь средством для достижения каких-либо других целей. В условиях рыночных отношений – это, прежде всего, получение максимальной прибыли [10, с. 94]. В связи с этим нам представляется релевантным разделить глобальную цель, которая связана с внеязыковой действительностью, и именно коммуникативную цель, которая достигается обменом уместными речевыми актами. Коммуникативной целью будем называть вслед за Н.Д. Арутюновой и Е.В. Клюевым стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт или коммуникативное действие [1; 9]. Коммуникативные цели и интенции осуществляются не в вакууме, а в среде интенции и целей других интерактантов. Реальную речевую среду формируют оба участника диалога и цель всегда достигается их совместными усилиями, хотя их вклад может существенно различаться. Г. Кларк называет это явление «разделением труда» (division of labour), но при этом еще раз подчеркивает, что об успехе любой совместной деятельности мы можем говорить лишь с точки зрения целей, которые были достигнуты [16, с. 37].

ДДД возникает по поводу и на основе определенного вида деятельности, связанной с производством продукта или услуги или для достижения делового эффекта, что определяет его тему. Тематический репертуар ДДД имеет конкретно-практическую форму, характеризуется определенной упорядоченностью и высокой степенью фиксированности. Продуктивная организация речи в ДДД выходит на первый план. Хотя непосредственное общение и исключает возможность предварительного обдумывания, однако знание общих характеристик социальных контекстов, фреймовых моделей и умение анализировать действия, совершающиеся в их рамках, позволяет найти такую форму выражения, которая соответствует по интенциональному качеству коммуникативному плану интеракции и направлено на достижение цели. При этом специфика данного типа дискурса выдвигает следующие требования к лексико-грамматическому построению делового разговора:

- точность и ясность речи, и ее доступность, умение отразить мысль полностью, исключив ее различное понимание;
- лаконичность и экономность в использовании речевых средств, т.е. не только точнее, но и короче донести до слушателя суть дела.

Как мы видим, эти требования совпадают с постулатами количества и способа действия Грайса [7, с. 223].

Что же касается постулата качества, то здесь обращает на себя внимание противоречивая сущность мотивации общения. Во всех сферах жизни существует то, что психологи называют внутренним конфликтом между возвышенным идеалом и практическим расчетом, противоречие между должным и сущим. С одной стороны, человек стремится вести себя нравственно должным образом, а с другой – ему необходимо удовлетворить свои потребности, реализация которых очень часто связана с наруше-

нием нравственных норм [8, с. 269]. Особенно напряженно этот конфликт проявляется в деловом общении, потому что именно в этом виде межличностной коммуникации основной предмет, по поводу которого оно образуется, является внешним для коммуникантов.

Контакт и канал являются значимыми категориями для мониторинга ситуации общения. Учет характеристики носителя знака, а также технических средств коммуникации является необходимым при проведении беседы [15, с. 369-370]. Диалогический дискурс в целом, и деловой диалогический дискурс в частности характеризуется употреблением определенных метакоммуникативных ходов, обеспечивающих проверку чистоты канала связи, правильности восприятия и понимания. Особенное значение они приобретают в специализированных регистрах общения, например, в случае использования технических средств: радиосвязи, телефона, электронной почты.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что сфера коммуникации соотносится с употреблением определенного регистра языка. Это прежде всего касается институциональных дискурсов, где уровень формальности достаточно высокий, где соблюдение норм и конвенций речевого поведения является обязательным и где цель определяет средства. При этом определенные требования выдвигаются к лексико-грамматическому оформлению высказывания в составе речевого взаимодействия, что ставит нас перед необходимостью выделения понятия «языка для специальных целей».

Язык для специальных целей (ЯСЦ) прежде всего отмечен особенностями вокабуляра (лексических средств), а именно функционированием в нем терминологических единиц. Один из теоретиков ЯСЦ Дж. Трим отмечает, что язык для специальных целей должен рассматриваться как язык, присоединяющий специальный, профессионально ориентированный словарь к тому слою языка, который составляет его основное общее ядро (common core) и остается неизменным, независимо от социальной или профессиональной роли говорящего [17]. С этой точки зрения онтология языка делового общения остается неясной. Поскольку ДДД функционируют почти во всех сферах профессиональной деятельности человека, их лексический состав ориентирован на словарь конкретной предметной области. Деловой разговор медиков будет отличаться от разговора строителей-подрядчиков именно, и, прежде всего, своей лексической наполняемостью: употреблением определенных терминов, профессионализмов, жаргонизмов. Таким образом, язык делового общения представляет собой не закрытый ряд высказываний, а весьма развитую систему языковых средств, ограниченную коммуникативным заданием определенного функционального стиля и определенной ситуации общения.

Многочисленные исследования психо- и социолингвистов свидетельствуют, что официальное общение, а) более регламентировано по форме; б) в большей степени опирается на вербальные, а не пара- и экстралингвистические средства, а потому менее эмоционально; в) лучше по качеству речевого продукта, так как чаще всего менее импульсивно и лучше подготовлено; г) оформляется языковыми средствами в пределах литературной нормы [1; 3; 4;]. Все эти параметры соответствуют особенностям общения в ситуации ДДД.

Эти особенности обусловлены целым рядом факторов. Прежде всего, ДДД, предполагающий наличие конкретного собеседника, ориентирован в коммуникативном плане на реализацию функций воздействия. Деловой разговор отличается от любого другого вида диалогической интеракции своей логичностью, умением собеседников четко и определенно представить свои позиции, убедить оппонента. Следовательно, аргументативный потенциал речевого высказывания выходит на первый план.

Отличительной особенностью ДДД является и тот факт, что участников общения (интерактантов) отличает хорошее понимание и взаимопонимание в вопросах дела. Большой удельный вес специальной лексики, оборотов профессионального характера (термины, номены, профессионализмы) не создают трудностей в декодировании. Именно эти лексические единицы помогают в реализации информативной функции высказывания.

Еще одной существенной чертой организации языкового материала в деловом дискурсе является установка на стандартизацию делового языка при отображении типовых ситуаций и сужение диапазона используемых речевых средств. Здесь велик процент готовых речевых штампов и клише, что способствует краткости и экономности в использовании речевых ресурсов.

С другой стороны, непосредственное общение исключает возможность заблаговременного обдумывания всех возможных речевых ходов и поэтому деловой разговор насыщен непринужденными формами общения, коллоквиализмами, отходом от литературных норм. Эту особенность можно объяснить также и тем фактом, что кроме основной прагматической функции ДДД – воздействия на собеседника – не последнее место занимает и фатическая функция, направленная на установление и поддержание контакта.

Таким образом, ДДД отмечен определенными характеристиками собственно языковой коммуникации. Деловая речь имеет свою лексико-грамматическую и стилистическую специфику в плане использования оборотов профессионального характера специальной лексике (подъязыка сферы деятельности или производства), сужение диапазона используемых речевых средств. Она отмечена лаконичностью, конкретностью, экономностью в употреблении речевых ресурсов. В целом язык ДДД представляет систему языковых средств, детерминированную коммуникативным заданием определенного функционального стиля и ситуации общения. Но при этом всегда следует иметь в виду, что разговор в деловой сфере осуществляется не только на основе энциклопедических (знание предмета) и лингвистических знаний. Для того, чтобы общение было успешным, коммуниканты должны иметь интеркоммуникативную компетенцию, которая реализуется в способности устанавливать речевой контакт, поддерживать его, придерживаясь правил и конвенций делового общения и влиять на собеседника для достижения коммуникативных целей и реализации внеязыковых задач.

Язык деловой коммуникации представляет открытую систему единиц, постоянно взаимодействующую как с языковым организмом в целом, так и определенными профессиональными подъязыками, или языками для специальных целей. Основные различия между ДДД, функционирующими в разных типах организаций и институтов, состоят в использовании особой терминологии при сохранении общих особенностей регистра делового общения.

Таким образом, представленный в работе интегрированный подход к анализу делового общения с позиций

прагмалингвистики позволяет установить его основные системообразующие параметры и на их основе выявить сущность современного делового диалогического дискурса.

Деловой диалогический дискурс представляет собой социально обусловленное речевое событие, функционирующее в институционально-производственной сфере, где участники общения имеют необходимые полномочия для установления и развития деловых контактов и реализуют в процессе взаимодействия свои статусно-ролевые характеристики, обусловленные производственными отношениями, при этом глобальная цель лежит вне самого общения и является главной в иерархии целей, а тематический репертуар ДДД имеет конкретно-практическую форму и отличается высокой степенью фиксированности темы. Данные параметры определяют форму организации языкового и речевого репертуара делового диалогического дискурса.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137.
3. Базина М.П. Английский язык как учебный предмет и средство общения. – М.: ЧеРо, 1999. – 110 с.
4. Белл Р.Т. Социоллингвистика. – М.: Междунар.отн., 1980. – 320 с.
5. Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – С. 26–31.
6. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – 218 с.
7. Грайс Г.Ф. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16. – С.217–237.
8. Дробницкий О.Г. Понятие морали. – М.: Наука, 1974. – 324 с.
9. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: Рипол-классик, 2002. – 262 с.
10. Психология и этика делового общения / В.Ю. Дорошенко, Л.И. Зотова, В.Н. Лавриненко, Н.А. Нартов и др. / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – М.: Изд-во «ЮНИТИ». – 1997. – 279 с.
11. Кузин Ф.А. Культура делового общения. – М., 1997. – 243 с.
12. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1998. – 98 с.
13. Чернявская В.И. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. – М.: Либроком, 2011. – 240 с.
14. Ширяева Т. А. Структурно-содержательная и функциональная парадигма современного делового дискурса: диссертация... доктора филологических наук: 10.02.19. – Пятигорск, 2014. – 422 с.
15. Яшенкова О.В. Канали та медіуми ділової комунікації // Вісник Харківського національного університету. – Харків: Константа, 2002. – №567. – С. 365-370
16. Clark H. Using Language. – Cambridge University Press, 1997. – 432p.
17. Trim J.L.M. Linguistic Considerations in Planning Courses and in the Preparations of Teaching Materials // Languages for Special Purposes/ CILT. – 1969, April. – pp. 121-125.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ А. И Б. СТРУГАЦКИХ

Фролов Алексей Владимирович

аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики Брянского Государственного Университета им. академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является комплексное рассмотрение всех существующих на сегодняшний день концепций периодизации художественного наследия писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких. Для достижения поставленной цели используются историко-литературный, типологический и описательный методы, а также приемы анализа, интерпретации и систематизации. В результате, мы приходим к выводу о том, что рассмотренные нами концепции периодизации художественных произведений А. и Б. Стругацких во многом уникальны, но ни одна из них не носит комплексного, фундаментального характера. Поэтому мы приходим к выводу о том, что существует необходимость разработки принципиально новой концепции, особенно если учесть, что изучение творчества Стругацких является достаточно актуальной темой для современного литературоведения.

Ключевые слова: Стругацкие, концепция периодизации, литературное наследие

Вопрос периодизации творчества братьев Аркадия и Бориса Стругацких для современного литературоведения стоит достаточно остро, в частности, стоит отметить, что на данный момент существует всего две научные работы, которые прямо или косвенно касаются этой темы. Первая работа принадлежит американскому литературоведу С.В. Поттсу. В своей статье «Второе пришествие марсиан: беллетристика братьев Стругацких» (1991 год) С.В. Поттс, анализируя наследие писателей в историко-критическом и историко-литературном контекстах, пытается выделить четыре этапа в их творческой судьбе.

К первому периоду творчества братьев Стругацких С.В. Поттс относит «ранние произведения» писателей, которые, по его мнению, «представляли собой твердую научную фантастику, во многом сходную с современными им рассказами, публиковавшимися в американском журнале «Аналог» в 1950-е годы» [5,22]. К таким произведениям американский исследователь относит рассказы «Извне», «Спонтанный рефлекс», «Человек из Пасифиды», «Шесть спичек», «Забытый эксперимент», «Испытание СКИБР», «В наше интересное время», «Глубокий поиск».

Затем С.В. Поттс обособленным смысловым блоком выделяет трилогию «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею» и «Стажеры», созданную, как он пишет, в период с 1960 по 1962 годы. При этом остается неясным, по каким причинам он посчитал отправной точкой именно 1960 год, ведь первое из произведений цикла – «Страна багровых туч» – было написано в 1957 году и опубликовано в 1959. Тем не менее, именно этот период – от повести «Спонтанный рефлекс» до повести «Стажеры» – американский литературовед характеризует как наиболее оптимистический этап в творчестве Стругацких, насквозь проникнутый верой в светлое коммунистическое будущее.

Второй этап творческого пути Аркадия и Бориса Стругацких, по С.В. Поттсу, начинается с произведения «Полдень, XXII век» (1960 г.) и заканчивается повестью «Далекая Радуга» (1963 г.). Знаковым произведением этого периода также является небольшая повесть «Попытка к бегству» (1962 г.), провозглашающая идею превосходства коммунистического строя над иными формами организации общества.

Третий этап С.В. Поттс ограничивает повестью «Трудно быть богом» (1963 г.) с одной стороны и повестью «Парень из преисподней» (1974 г.) с другой. В результате рассмотрения этого наиболее яркого и продолжительного периода творческого пути А. и Б. Стругацких американский исследователь пишет следующее: «Хотя «Обитаемый остров» и «Парень из преисподней» были последними произведениями Стругацких, источником которых послужило соединение советской теории исторического прогресса и эмпирических реалий человеческой слабости, элементы этой диалектики встречаются повсюду. Возрастающие нерешительность и пессимизм позднейших произведений заставляют предположить, что Стругацкие не смогли найти удовлетворяющее их решение этой проблемы. То, что, несмотря на уже готовые простые ответы, которыми они пользовались в раннем периоде своего творчества, они оставили дискуссию открытой, свидетельствует об их художественной и философской цельности» [5, 63].

Также стоит отметить, что С.В. Поттс внутри третьего этапа выделяет две группы произведений, которые в своем идейно-тематическом содержании несколько отличаются от остальных. Первая группа включает в себя такие произведения, как «Улитка на склоне» (1965 г.) и «Гадкие лебеди» (1967 г.). Эти две повести, по мнению С.В. Поттса, насквозь пронизаны кафкианским сюрреализмом, о влиянии которого на творчество писателей речь пойдет в следующем параграфе данной главы. Вторая группа произведений определяется им как смесь фэнтези и жестокой сатиры. Сюда относятся повести «Второе нашествие марсиан» (1966 г.) и «Сказка о Тройке» (1967 г.). Стоит упомянуть, что повесть «Сказка о Тройке», связанная общими героями с повестью «Понедельник начинается в субботу», имела, наверное, самую сложную литературную судьбу из всех книг братьев Стругацких. В наиболее полном, практически оригинальном варианте, она увидела свет лишь в 1989 году, то есть спустя два десятилетия после первой публикации в иркутском альманахе «Ангара» (1969 год), в результате которого главный редактор альманаха Ю. Самсонов получил выговор и был уволен.

Все последующие произведения Стругацких, начиная с повести «За миллиард лет до конца света» (1976 г.), американский литературовед, очевидно, объединяет в последний, четвертый этап литературного пути авторов и

касается его лишь мельком. Таким образом, С.В. Поттс в своей работе выделяет четыре этапа в творчестве братьев Стругацких:

- ранние произведения, опубликованные по большей части в сборнике рассказов «Шесть спичек», который увидел свет в 1960 году;
- 1962-1963 годы («Полдень XXII век», «Стажеры», «Попытка к бегству», «Далекая Радуга»);
- 1964-1974 годы (от романа «Трудно быть богом» до повести «Парень из преисподней»);
- 1976-1990 годы (от повести «За миллиард лет до конца света» до пьесы «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах»).

Стоит отметить, что С.В. Поттс в своей работе не акцентирует внимания на вышеизложенной периодизации, он лишь упоминает, какие произведения, по его мнению, можно объединить в группы с точки зрения затрагиваемых проблем. Иными словами, периодизация творчества Стругацких для американского исследователя не является самоцелью, она во многом субъективна и, очевидно, не претендует на фундаментальность.

Вторая работа, в которой поднимается вопрос о периодизации прозы Стругацких, принадлежит А.В. Кузнецовой и называется «Братья Стругацкие: феномен творчества и феномен рецепции». А.В. Кузнецова делит произведения Стругацких не столько с точки зрения хронологии написания, сколько со стороны их смысловой цельности. Обозначенные ею «циклы» включают в себя произведения, которые в ряде случаев по времени создания разделены достаточно длительными промежутками. Всего А.В. Кузнецова выделяет три таких цикла в творчестве Стругацких:

- сказочно-сатирический цикл (повести «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке»);
- цикл «мир будущего» (в первую очередь, это роман «Полдень, XXII век», а также некоторые произведения, действие которых разворачивается в мире «Полудня»: «Попытка к бегству», «Далекая радуга», «Беспокойство» (изначальный вариант повести «Улитка на склоне»), «Малыш»);
- цикл «о разведчиках» (произведения «Трудно быть богом», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Парень из преисподней», «Волны гасят ветер»).

Классификация А.В. Кузнецовой, бесспорно, имеет право на существование, однако, на наш взгляд, упускает ключевой момент фантастики Стругацких: динамику авторской мысли, изменение позиции авторов относительно необходимости решения тех или иных вопросов, стоящих перед человечеством. Это существенное упущение, которое не позволяет говорить о фундаментальной, объективно полной периодизации творчества Стругацких.

Отдельно стоит упомянуть о книжной серии «Миры братьев Стругацких», которая издается по инициативе Н.Ю. Ютанова издательскими фирмами Terra Fantastica и АСТ с 1996 года. В настоящее время серию продолжило издательство «Сталкер» (Донецк) в рамках проекта «Неизвестные Стругацкие». По состоянию на февраль 2015 год в рамках серии увидело свет 28 книг, печатающихся тиражом 5000 экз. (дополнительные тиражи следуют ежегодно).

Необходимо отметить, что в данном случае издатели приняли решение публиковать произведения авторов в тематическом порядке, что отличает указанный цикл от собраний сочинений, скажем так, традиционного вида. Кроме того, серия была дополнена произведениями из проекта «Время учеников», который включает в себя рассказы и повести, созданные абсолютно разными авторами, но использующие в качестве сюжетобразующих факторов художественные миры Аркадия и Бориса Стругацких.

Изначально серия «Миры братьев Стругацких» предполагала пять томов, которые должны были включать в себя программные произведения авторов, объединенные антуражем – действие каждого из этих произведений происходило в мире повести «Полдень, XXII век». При этом все рассказы были четко вписаны в мир «Полудня» и рассматривались как эффектные описания истории будущего. С. Переслегин, выдающийся отечественный критик и публицист, а также теоретик фантастики и альтернативной истории, написал предисловия и послесловия к каждому тому. Характерная особенность этих текстов – в них повествование ведется от лица Прогрессора, который работает на планете Гиганда в 2255 году. Стоит также сказать о том, что С. Переслегин создал четкую, последовательную хронологию мира «Полудня», начиная с 1942 года и заканчивая 2199 годом. Любопытен тот факт, что С. Переслегин, изучая творчество Стругацких, предложил весьма интересную теорию: мир «Полудня» с мировым коммунизмом стал следствием поражения СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Б.Н. Стругацкий для нужд серии позволил редактировать тексты, в результате чего все опубликованные произведения оказались грамотно скооперированы с точки зрения хронологии мира «Полудня». Первым вышел том номер пять, который включал в себя повести «Парень из преисподней», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер», а также повесть «Улитка на склоне», но не оригинальный, а черновой вариант, который назвали «Беспокойство».

Серия имела коммерческий успех, поэтому ее продолжили издавать и даже дополнили уже упомянутыми произведениями из проекта «Время учеников». Все книги здесь также снабжены комментариями С. Переслегина. Любопытно, что впервые под одной обложкой были напечатаны оба варианта повести «Сказка о Тройке» – изначальный и появившийся в результате правок цензоров при первом издании.

Однако нас с точки зрения проблемы периодизации творчества Стругацких интересуют лишь первые девять томов из данной серии, каждый из которых включает в себя группу произведений, объединенных исключительно по времени написания. Иными словами, здесь художественные тексты Стругацких разделены на девять этапов:

- первый этап (1955-1959 г., произведения: «Страна багровых туч», «Извне», «Спонтанный рефлекс», «Человек из Пасифиды», «Шесть спичек», «Испытание СКИБР», «Забывтый эксперимент», «Частные предположения», «Чрезвычайное происшествие», «Путь на Амальтею»);
- второй этап (1960-1962 г., произведения: «Полдень, XXII век», «Стажеры», «В наше интересное время»);

- третий этап (1961-1963 г., произведения: «Попытка к бегству», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Первые люди на первом плоту», «Бедные злые люди»);
- четвертый этап (1964-1966 г., произведения: «Хищные вещи века», «Беспокойство», «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан»);
- пятый этап (1967-1968 г., произведения: «Сказка о Тройке» (два варианта), «Обитаемый остров»);
- шестой этап (1969-1973 г., произведения: «Отель «У погибшего альпиниста», «Малыш», «Пикник на обочине», «Парень из преисподней»);
- седьмой этап (1973-1978 г., произведения: «За миллиард лет до конца света», «Град, обреченный», «Повесть о дружбе и недружбе»);
- восьмой этап (1979-1984 г., произведения: «Жук в муравейнике», «Хромая судьба», «Волны гасят ветер»);
- девятый этап (1985-1990 г., произведения: «Отягощенные Злом, или Сорок лет спустя», «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах», «День затмения», «Чародеи», «Машина желаний», «Сталкер», «Пять ложек эликсира», «Туча»).

Однако, как было отмечено выше, такое разделение учитывает лишь хронологический критерий. Иными словами, «Миры братьев Стругацких» предлагают четкое

деление литературного наследия авторов по времени написания, не затрагивая другие аспекты, в частности – идейно-смысловой, сюжетный, тематический. Таким образом, можно с полным правом говорить о том, что на сегодняшний день не существует ни одной действительно полной периодизации творчества Аркадия и Бориса Стругацких, которая могла бы носить статус фундаментальной, учитывающей все возможные аспекты вопроса.

Литература

1. Володихин Д.М., Прашкевич Г.М. Братья Стругацкие. – М.: Молодая Гвардия, 2012 – 350 с.
2. Кузнецова А.В. Братья Стругацкие: феномен творчества и феномен рецепции. – Липецк: «Крот», 2007. – 84 с.
3. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Полдень, XXII век. – М.: АСТ, АСТ МОСКВА, 2009. – 429 с.
4. Стругацкий Б.Н. Комментарии к пройденному [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusf.ru/abs/books.htm> (дата обращения 12.02.2014).
5. Potts S.W. The second Marxian invasion: the fiction of the Strugatsky Brothers. – San-Bernardino: The Borgo Press, 1991. – 104 pp. (в переводе А. Кузнецовой) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_2150.shtml (дата обращения 1.9.2012)).

АНАЛИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ МАШИНОСТРОЕНИЯ

Гайнутдинова Алсу Закиевна

старший преподаватель, Казанский Федеральный Университет, г. Казань

Андреева Эльвира Даврешовна

Студентка, Казанский Федеральный Университет, г. Казань

ANALYSIS OF TECHNICAL TERMS FORMATION IN THE FIELD OF MECHANICAL ENGINEERING

Gainutdinova Alsu Zakievna, Senior Lecturer of Kazan Federal University, Kazan

Andreeva Elvira Davreshovna, Student of Kazan Federal University, Kazan

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению способов образования английских технических терминов в сфере машиностроения. Даются существующие в настоящее время способы образования простых и многокомпонентных терминов на примерах технических терминов в машиностроительном производстве. Делаются выводы о наиболее продуктивных способах образования терминов в данной области производства.

Ключевые слова: термин, многокомпонентный термин, словообразование, терминология, машиностроение.

ABSTRACT

The article studies the ways of English technical terms in the field of mechanical engineering formation. Currently available methods of the simple and multicomponent terms formation are given on the examples of technical terms in the mechanical engineering industry. Conclusions about the most productive method of forming terms in the studied field are drawn in the article.

Keywords: term, multi-term, word formation, terminology, mechanical engineering.

В связи с бурным развитием техники и расширением научно – технической информации терминологическая лексика развивается и пополняется чрезвычайно быстро. Термины создаются для профессионального общения в различных специальных сферах и для обеспечения эффективности специальной коммуникации термины

должны достаточно точно отображать результаты опыта и практической деятельности человека.

Г.О. Винокур даёт следующее определение термина: В роли термина может выступать всякое слово. Термин - это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия,

названия специального предмета или явления. [1, с. 26-28]

По мнению К. А. Левковской среди полнозначных слов (слова, обладающие самостоятельным лексическим значением, выполняющие номинативную функцию) особыми словами в отношении значения и употребления являются термины, поскольку они наряду с номинативной функцией (функцией обозначения тех или иных представлений), выполняемой и другими словами языка, выделяются еще и своей дефинитивной функцией (функцией определения соответствующего понятия). Интересно отметить, что лишь у терминов возможно совмещение понятия и лексического значения, несмотря на существующие между ними различия. [5, с. 95-96]

М.М. Глушко определяет, что термин - это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы. [2, с. 33-34]

С.В. Гринев характеризует термин «как номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий». [3, с. 22-23].

Термин является членом определенной терминологической системы, относящейся к той или иной области науки, техники, производства. Каждый термин имеет свое точное научное определение в ряду прочих терминов в той же области. Термины, в отличие от «обиходных» слов, внутри своего терминологического поля обычно одно-

значны; одно и то же слово может быть термином различных областей знания, но это не полисемия, а омонимия (сравним термин волна в гидравлике, радиотехнике и оптике). Термины противопоставлены общей лексике также в том отношении, что они связаны с определенной научной концепцией. В термине отражаются результаты научных исследований и их теоретическое осмысление.

Обобщая определения всех авторов, мы будем в дальнейшем рассматривать термины как лексические единицы, выполняющие номинативную и дефинитивную функцию и функционирующие в рамках той или иной терминосистемы, определяемой сферой их функционирования.

Термины могут иметь разную структуру. По числу компонентов выделяют однословные термины, реже именуемые моноксемными, к которым могут быть отнесены и сложные термины, образованные сложением основ и имеющие слитное или дефисное написание и многокомпонентные термины.

Согласно классификации С.В. Гринёва, существуют следующие способы терминообразования: синтаксический способ, морфологический, морфолого- синтаксический, семантический. [3]

Рассмотрим каждый способ терминообразования на примерах терминов из сферы машиностроения.

При морфологическом терминообразовании термин создаётся с помощью словообразовательных аффиксов, в которые входят суффиксы, префиксы. Говоря об образовании терминов, представляющих собой единичные слова, аффиксация является одним из наиболее продуктивных способов образования терминов. Например:

Таблица 1

Существительные, выражающие некоторые понятия

- ion	- ation	-ment	- ure	-age	-ance.	- ing
Friction - трение, abrasion – абразивное изнашивание, vibration - вибропоглощение	Lubrication – смазка (СОЖ), identification – идентификация, installation - эксплуатация	Movement – ход механизма, affixment – присоединение, adjustment – приспособление, abutment – опора, опорная поверхность	Exposure – воздействие	Voltage – напряжение	Clearance – зазор, tolerance – допуск, maintenance (procedure) – техническое обслуживание	Mounting (bore) – посадочное место, cutting (area) – режущая поверхность, locking – блокировка, sharpening – заточка

Таблица 2

Существительные, образованные от прилагательного

- ty	- ity	- ness	- ency	-ancy
Safe (безопасный) – safety (безопасность)	Continuous (непрерывный) – continuity (непрерывность)	Hard (твердый) – hardness (твердость), springiness - упругость	Frequent (частый) – frequency (частота)	

Таблица 3

Прилагательные, образованные от глаголов

- ive	- ible	- ible	-ent
To interact (взаимодействовать) - interactive (взаимодействующий)	To convert (переоборудовать) - convertible (переоборудуемый)	to solve/решать; soluble/разрешимый	to converge/сужаться; convergent/сужающийся

К наиболее продуктивным префиксам относятся re-, de-, en- и ряд других.

Префикс de- имеет несколько отрицательных значений, основными из которых являются, а) вниз, ниже; б) высвобождение, отключение или отклонение; в) отделение, отдаление. Например, descent – спуск, decolour – обесцвечивать.

Префикс inter- происходит от латинского слова inter, означавшего между, среди. Interchangeability – взаимозаменяемость, interblock – блокировка. Основным значением префикса in- является не. Unscratched – без царапин. Широко используемый префикс re- имеет значение назад, снова, еще раз. В некоторых случаях префикс re- играет роль неотделяемого пассивного префикса, например, в словах refer, revoke, revert. Основными значениями pro- являются вперед, в пользу. Processing – обработка. Префикс mis- означает неправильно, ошибочно. При добавлении префикса mis- к корневому слову буква s всегда сохраняется. Misfire – незапуск двигателя, misadjustment – неверная настройка, miskey – неправильно вводить информацию, misshaped workpiece – заготовка неправильной формы, missequencing – нарушение последовательности.

Основным значением префикса com- является вместе, совместно, с. При добавлении com к корневому слову, начинающемуся с буквы l, возникает префиксная форма col - collision - столкновение. Другая префиксная форма cor возникает при добавлении префикса к корневому слову, начинающемуся с буквы r - corrode - подвергаться коррозии. Префикс ad- означает к, в направлении и относится к числу самых активных терминообразующих префиксов английского языка. Префикс ad- имеет десять ассимилятивных форм, которые могут быть идентифицированы по общему для всех них признаку двойной согласной. Приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих термины с данным префиксом. Например, перед буквой c префикс превращается в ac - accessory – вспомогательное устройство; перед буквой f превращается в af - affixture - присоединение; перед буквой t превращается в at - attrition – изнашивание от трения.

К морфолого – синтаксическому способу образования терминов относятся словосложение, аббревиация и конверсия. При словосложении новое слово образуется путём соединения основ двух или трёх слов. Объединение слов может происходить без или с помощью соединительной гласной, либо с помощью дефиса, например:

work + piece = workpiece – обрабатываемая поверхность;

feed + rate = feed – rate – скорость подачи;

hard + metal = hardmetal – твёрдый сплав;

five + face = five – face – возможность обработки детали с 5 сторон (с одной установки).

Наиболее часто встречающимся случаем конверсии является образование глаголов от существительных и наоборот. Например, sharpening (заточка) – to sharpen (точить), to cut (резать) – cutting (резка), lubricate (смазывать) – lubrication (смазка), to clamp (зажимать) – clamping (зажимание), to install (устанавливать, запускать) – installation (эксплуатация, установка).

В настоящее время тенденция образования новых терминов путем сокращения уже существующих усилилась. Распространённость данного способа связана с осо-

бенностями стиля технической документации, где краткость играет роль первостепенной важности. Например: s. f. (self feeding) – с автоматической подачей.

Сокращения в зависимости от вида коммуникации и реализации их в речи делятся на графические и лексические. Графические сокращения употребляются только в письменной речи и реализуются в устной речи полной формой тех единиц, которые они представляют в тексте.

Лексические сокращения включают усечения, сложносокращенные слова и аббревиатуры. Аббревиатуры подразделяются на звукобуквенные аббревиатуры и акронимы. Звукобуквенные аббревиатуры являются лексическими единицами и реализуются в устной речи алфавитным наименованием букв. Акронимы представляют собой лексические единицы, реализующиеся в устной речи в соответствии с нормой произношения, принятой для обычных слов. Например:

PPAP (Production Part Approval Process) – Производственная приёмка деталей, TCT (Tungsten Carbide Tip) – Режущая пластина из карбида вольфрама.

По своему строению термины могут представлять собой как отдельные единицы, так и словосочетания.

Термины-словосочетания создаются путем добавления к термину, обозначающему родовое понятие, конкретизирующих признаков с целью получить видовые понятия, непосредственно связанные с исходным. Такие термины фактически представляют собой свернутые определения, подводящие данное понятие под более общее и одновременно указывающие его специфический признак. Таким образом, образуются своеобразные терминологические гнезда, охватывающие многочисленные разновидности обозначаемого явления [4, с. 112].

По количеству компонентов эти термины подразделяются на двух-, трех-, четырех- и более компонентные. Например, stainless steel (нержавеющая сталь), acid proof materials (кислотоупорные материалы), through and blind holes (сквозные и глухие отверстия).

Существуют несколько групп образования терминологических словосочетаний двухкомпонентных терминов, среди них:

1) Noun + Noun (Имя существительное + Имя существительное)

В данной модели различают два типа связи: атрибутивная и генетивная. Примеры генетивной связи: speed control – скорость вращения, intermittent operation – режим работы, locking screw – винт блокировки, blade diameter – диаметр диска, sawing position – место разреза, chuck jaw – кулачок зажимного патрона, spindle speed – частота вращения шпинделя, combustion process – реакция горения, absence of power – отсутствие питания.

Примеры атрибутивной связи: motor unit – моторный блок, gripper unit – захватывающее устройство, maintenance procedure – техническое обслуживание, chuck guard – защитный экран, output power – выходная мощность, route sheet – маршрутная карта, process equipment – технологическое оборудование, worm screw – червячный винт, mounting bore – посадочное место

2) Эта группа включает три наиболее распространенных модели двухкомпонентной композиции с атрибутивной связью.

а) Adj + N (Имя прилагательное + Имя существительное), где главной частью речи является имя прилагательное.

Например: trapezoidal screw – трапециевидный ключ, hot particle – горячая стружка, stainless steel – нержавеющая сталь, excessive friction – трение, electric motor – электродвигатель, constant rate – постоянная скорость, colour coding – цветная маркировка.

b) Nv + N (Отглагольное существительное + Имя существительное)

Например: cutting area – режущая поверхность, locking screw – винт блокировки, securing bolt – крепёжный болт.

Таким образом, рассмотрев различные способы терминообразования в сфере машиностроения можно сделать следующие выводы о наиболее часто используемых способах образования терминов в сфере машиностроения: для однословных терминов, преобладающим способом являются аффиксация и конверсия, для много-

компонентных терминов наблюдается тенденция использования сокращений, из-за громоздкости словосочетаний.

Литература

1. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. "Труды МИФЛИ", т. V, 1939
2. Глушко М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. М., 1974.
3. Гринев С.С. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
5. Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения, аспекты изучения лексического материала. М.: Просвещение, 1962.

«ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ» РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МОДЕРНИЗМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Гарипова Гульчира Талгатовна

Кандидат филологических наук, доцент, Академик МАНПО, Почётный академик Академии наук ТУРОН, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан, г. Ташкент

«THE ONTOLOGICAL PLURALISM» OF THE RUSSIAN LITERARY MODERNISM IN the FIRST HALF OF THE XX CENTURY
Garipova Gulchira, Associate professor (docent of Russian and Foreign Literature), candidate of Philology (in diploma - (PhD in Philology), Honorary member of the Academy of sciences «Turon», academician of the Academy of sciences of ITT
The Uzbek State University of World Languages, Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы идентификации концептуальных тенденций развития модернистского типа художественного сознания в русском литературном процессе XX века. Выявляются теоретические и историко-литературные координаты уровней взаимодействия художественных и социокультурных аспектов развития русского литературного процесса XX века.

ABSTRACT

The article deals with the problem of identification of the conceptual trends of the development of the modernistic artistic consciousness in Russian literary process of the XXth century. The study tests the theoretical and historian-literary coordinates of level interactions artistic and sociocultural aspects of the literary developments in the Russian literature of the XXth century.

Ключевые слова: литературный процесс, неклассическая парадигма художественности, модернизм, художественное сознание, синтез, дихотомия.

Key words: literary process, non-classical literary paradigm, modernism, artistic consciousness, syntheses, dichotomy.

Возникновение на рубеже XIX–XX веков в русской культуре модернистского типа художественного сознания было, несомненно, предопределено рядом причин социально-исторического и философско-мировоззренческого плана. Но, на наш взгляд, особую роль сыграл феномен «культурной памяти» (Ю. Лотман), вынесший в русскую литературу «кризисного рубежа» накопившуюся систему неклассических элементов (кодов) «нереалистического мышления», основанного на попытке антимиметического познания через литературу человека и бытия. Не случайно теоретик символизма, первого русского модернистского направления, Д. Мережковский, определяя «три главных элемента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности», в качестве учителей символистов назвал самых ярких реалистов XX века – Достоевского, Толстого, Тургенева, Гончарова.

Именно эта кодовая система культурной памяти и концепция антимиметического искусства дали повод долгое время обвинять модернизм в отсутствии новых форм онтологического познания, в отсутствии новационных моделей бытия и присвоении ему статуса «чисто эстетского» направления. В современном литературоведении, наоборот, принято считать, что именно в период становления модернизма, совпавшего в русской литературе с эпохой Серебряного века, «культурная память» позволила осуществить глобальный синтез всех мировоззренческих и эстетических канонов в единую систему: «С точки зрения типологии культуры эта эпоха завершила многовековой путь русской литературы, использовав почти все накопленные ею ресурсы: символ, открытый древнерусской литературой, метафору и аллегория, разрабатывавшиеся в эпоху Просвещения, психологизм и философичность, свойствен-

ные русской классике. Символизм подключил к собственно отечественным культурным фундаментам практически всю мировую культуру» [6, с.392].

Кроме того, в современной филологической науке именно наличие нового художественного метода миромоделирования признаётся в качестве концептуального, направленно определяющего, критерия для модернизма: «Модернизм – неклассический тип философствования, радикально дистанцированный от классического интеллектуальным допущением возможности плюрального моделирования миров и соответственно – идеей онтологического плюрализма» [7, с.477].

Следует отметить, что «онтологический плюрализм» стал причиной не только децентрализации «объективной реальности» как цели и задачи художественного изображения, но и принципиальной декодировки ключевой художественной триады «человек (автор, герой, читатель) – бытие (мир, реальность, действительность, ирреальность) – текст (повествование, произведение)». Заменяя задачу изображения на задачу постижения, модернизм сразу приобретает статус гносеологического антимиметизма и тем самым наделяет каждый член триады новым смыслом, как правило, познавательного свойства. В первую очередь, это коснулось категории «текст», который не только теперь не совпадает с категорией «произведение», приобретая статус самостоятельного бытия, но и становится онтологической доминантой художественной гносеологии модернизма (в отличие, например, от статуса «средство изображения действительности» при реализме).

Современная филологическая наука пришла к пониманию того, что «природа художественных концептов частично совпадает с природой концептов познания. В них тоже есть своя заместительная сила, поскольку то, что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами. И именно ассоциативная запредельность придаёт им художественную ценность. <...> Художественный концепт не есть образ или если и содержит его, то случайно и частично. Но он несомненно тяготеет именно прежде всего к потенциальным образам и также на протяжении их, как и познавательный концепт направлен на конкретные представления, подходящие под его «родовой» объём» [1, с.337-338].

Именно отношение к Тексту как некоему конгломерату концепта познания и концепта художественного творчества дало основания в начале XX века определить текст в системе двух понятийных объёмов – концепт, тяготеющий к образу Бытия и концепт непосредственно художественно-текстовой реальности. К середине века Р. Барт вследствие такой установки наделяет «текст» качеством методологического стержня для новой художественной парадигмы (в рамках которой разрабатывается теория и практика не только модернизма, но и постмодернизма): «...произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определённую часть книжного пространства (например, в библиотеке), а Текст – поле методологических операций (*un champ methodologique*). <...> Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе (вернее сказать, что он является Текстом лишь постольку, поскольку он это сознаёт). Текст – не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом.

Или иначе: Текст ощущается только в процессе работы, производства» [2, с.415].

Фактически, произведение в этих новых эстетических условиях позиционирует формальную сторону (так, Р. Барт определяет произведение качеством «замкнутость», а Текст – «запредельность»), а Текст – внутреннее содержательное пространство. Таким образом, текст становится бытием произведения. Но было бы в корне неверно, дифференцируя категории «произведение» и «текст», разграничивать их как художественные явления (подобная теория была проэкспериментирована в начале века (20-е годы) русской формальной школой), поскольку хорошо известна доказательность теории М. Бахтина о «содержательной форме», разработанной, кстати, в те же 20-е годы XX века. Аналогии об уровнях соотносённости «произведения» и «Текста» с понятием «содержательной формы» не случайны, поскольку и Р. Барт отмечает, что «текст не следует понимать, как нечто исчислимое. Тщетна всякая попытка физически разграничить произведения и тексты» [2, с.414].

Однако, подобно тому, как смысловое содержание представляет собой поле неограниченных интерпретаций, раздвигающих рамки своей привязанности только к форме (жанра, сюжетной канвы...), так и текст, обладая качеством множественности, приобретает статус «подвижной структуры» (Р. Барт) и может становиться полем, вбирающим «смысловую содержательность» других произведений и отражающимся в ещё других произведениях. Именно на этом уровне методологических взаимопереходов текста осуществляется механизм «культурной памяти» как ключевого концепта понятия «интертекстуальность» – основного принципа эстетики модернизма и впоследствии постмодернизма. «Подвижная структура» позволяет говорить о едином культурном текстовом поле (нами именуемом «текстовое бытие»), разграниченном формально системой произведений и неограниченном (ни пространственными, ни временными критериями) герменевтически (то есть в интерпретационно-смысловом аспекте). Следствием данных эстетических преобразований становится появление метатекстового поля, полифонически ориентированного на диалогическое соприсутствие в тексте нескольких равноправных «голосов» (М. Бахтин), и тем самым концептуализирующего в качестве доминанты художественного мира «множественность равноправных сознаний с их мирами» [3, с.7].

В первую очередь, это повлияло на трансформацию эстетической парадигмы нового модернистского типа художественности, постулирующей «миметическую референциальность» (Д.Г. Миллер) поэтики интертекста (в системе художественно-эстетической и этико-философской парадигмы), предопределяющей моделирование новой художественной концептосферы.

В связи с этим на протяжении всего XX века обострённо стоит проблема места искусства в жизни, актуализирующая вопрос отношений автора произведения и в принципе вопрос самого существования Автора в привычном понимании «творца текста произведения», поскольку текст теперь становится неким пространством, в котором каждый раз впервые рождается автор текста как Личность и как экзистенциально заданный человек. С этими фактами напрямую связано и интертекстуальное понимание текста как пространства выхода к проблеме

человека (то есть через новую поэтику текста к новой антропологической этике). Это ещё раз подтверждает Р. Барт, подчёркивающий, что «логика, регулирующая Текст, зиждется не на понимании (выяснении «что значит» произведение»), а на метонимии; в выработке ассоциаций, взаимосцеплений, переносов находит себе выход символическая энергия; без такого выхода человек бы умер» [2, с.417].

Именно с поисками выхода человека из онтологического пространства кризисного рубежа конца XIX – начала XX веков и были связаны основные тенденции литературного модернизма XX столетия. На наш взгляд, интертекстуальность как качество модернистской метапоэтики стала не причиной формирования новой этико-философской парадигмы, а, наоборот, её следствием. Особенно ярко это положение вещей проявилось в русской прозе обозначенного периода. Интертекстуальность, составляющая ядро эстетических реформационных процессов (особенно ярко проявившихся в прозаической системе), органично связана с целым рядом антропологических и онтологических концепций и установок, предопределивших специфику формирования художественной модернистской картины мира и концепции человека. В русской прозе данная концепционная система оказалась значительно шире западноевропейской за счёт включения в интертекстуальное поле русского модернизма гигантского русского культурологического пласта (от фольклора до конца XIX века).

Помимо экзистенциальной философии (в лице М. Хайдеггера, С. Кьеркегора) в целом, важно отметить особую линию влияния идей Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, в рамках которой во многом формируется западноевропейский модернизм конца XIX–начала XX веков. Более того, В.М. Дианова в своём исследовании отмечает, что именно «понятие «поэтическое мышление», выдвинутое поздним Хайдеггером, во многом обязано Ницше, оно предполагает, в частности, разрушение границ между философскими и художественными дискурсами» [4].

Именно подобное «разрушение» стало толчком к особому роду философизации текста (русская литература всегда была подчеркнута философична), основанной на глубинном сочетании идейно-тематической и языковой философии, когда текст перестаёт быть полем философско-художественных штудий автора, и становится сам философски мыслящим.

В модернистском понимании изменяется не только сам текст (точнее его статус – от эстетического до онтологического), но и каждое слово, которое становится также носителем «неслиянного» и «равноправного» сознания и соответственно – бытия. Стремление создать (именно сотворить, а не миметически отобразить) новую модель бытия Слова в призме онтологической «семантической текучести» (А.Ф. Лосев) укладывается в общую схему «множественности миров» - когда и слово - мир, и текст - мир, и человек - мир. Схема эта отражает и суть модернистской философии в целом.

Не случайно, свойственная для новой неклассической философии «попытка преодоления классических структур, их критического пересмотра и отказа от них перед лицом новой проблемной реальности» [4] становится характерологической чертой и для нового типа художественности, и для языковых реформ XX века в целом. Так,

«философия преодоления» кроется за попытками языковой символизации художественных смыслов символических, за «адамизацией» стиля акмеистов, за словообразовательными и семантическими «игровыми» новациями-неологизмами футуристов и обэриутов. Кроме того, такой глобальной внедрённости философии в языковую систему новой русской прозы обязана, и трансформация классических вариантов стиля «потока сознания».

Предмет художественного изображения и предмет художественного постижения в этой прозе совпадает именно на «внутреннем мире» человека, а его ощущения, переживания и чувства приобретают статус сакраментальности. В связи с этим в русской прозе XX века, начиная с его начала, актуализируется понятие «сокровенного человека» (А. Платонова). Модернистская линия «потока сознания» психологически углубляет о щ у щ е н и я «сокровенного человека» до полутонов, оттенков – так рождается абсолютизированное внутреннее пространство замкнутого на себе «Я», представляющее антимир по отношению ко всем и всему вокруг. Исходя из того, что «поток сознания – изображение мыслей и чувств персонажей, изложенных в свободной манере и не скованных логикой» [9, с.319], основу литературной техники подобной художественной формы составляет внутренний монолог, эстетически реализующий психологию исповедальности, снимающей момент оценки (этической, в первую очередь) изображаемого, акцентирующий процесс духовного мышления (без осмысления причин).

Модернистская линия развития исповедальности с углублённой ролью «потока сознания» смещает проблему художественно-психологического раскрытия героя в сторону проблемы его самораскрытия, делая прерогативным экзистенциальный вектор художественного сознания, в основе которого, по мнению В.В. Заманской, лежит «ситуация катастрофы, кризиса, разрушения, смерти; доминирует «сюжет», где «мир без Бога» превращается в «мир без человека» [5, с.76].

Актуализация в русской литературе XX века экзистенциального типа художественного сознания связана, на наш взгляд, с двумя факторами. Это, во-первых, несомненное влияние ницшеанских в частности и западноевропейских философских экзистенциальных взглядов в целом на человека и мир, в чём-то отражающих и собственно национальные искания русской модернистской прозы начала XX века. Второй фактор связан с концептуализацией интертекстуальности, внесшей свою логику построения текста не только в его эстетических структурах, но и в идейно-тематических.

Деформация классической художественной формы текста стала способом реализации эпохального ощущения разрушения гармонии «человека в человеке» и «человека в мире». Во многом, это стало определённого рода толчком к трансформации эволюционной концепции личности (классическая модель художественного изображения человека в развитии) в инволюционную концепцию человека (модернистская модель анализа сознания человека в определённый момент ИСС).

Следует отметить, однако, что в русской литературе экзистенциализм как самостоятельное художественное направление не сложился (как в своё время и литературное барокко), но, возможно, именно в силу этого, стал всепроникающим. Сложно назвать хоть одно модернистское

(и постмодернистское впоследствии) литературное течение, в котором так или иначе не проявила бы себя конститутивная ситуация экзистенциализма, его мышление или поэтика. Но наибольшее влияние экзистенциализм оказал на развитие художественной концепции личности и бытия. Это не случайно, поскольку ключевыми доминантами экзистенциализма являются концепты «человек» и «бытие».

Инволюционный характер модернистской модели личности обусловлен, в первую очередь, снижением, а впоследствии и практическим исчезновением нравственно-моральной (мы придерживаемся идеи некоторой градации понятий нравственно-морального (честь, долг, совесть...) и этического уровня (свобода, отчуждение, одиночество)) составляющей художественной концепции человека. Так, характерная для классического мышления личностная карта сознания (от «Я» (эгоцентризм) к «Мы» (этноцентризм) и затем ко «все Мы» (мироцентризм)), обуславливающая нравственно-моральное развитие личности (эволюционное – «Я – все Мы» или деградационное – «все Мы – Я») подменяется экзистенциально обусловленной эгоцентрической моделью (от «Я» к «Эго» и затем к «Бытию-во-мне»). При этом следует отметить ещё одну важнейшую для экзистенциализма любого типа (философского, художественного) черту – тенденцию к «онтологизации ... необъективируемого, которому придаётся статус Бытия» [8, с.27]. Это во многом объясняет стремление модернистов, воспринявших этот тезис как посыл к эстетическим новациям, наделять бытийным статусом такие категории, как «текст», «язык», или «ничто», «пустота»...

Литература

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008.
2. Барт Ролан. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
4. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. - СПб., 2000. - http://anthropology.ru/ru/texts/dianova/ppa_1_4.htm
5. Заманская В. В. Экзистенциальный тип художественного сознания в XX веке // Наука о литературе в XX веке: история, методология, литературный процесс. – М.: РАН ИНИОН, 2001.
6. Кузьмина С.Ф. История русской литературы XX века: Поэзия Серебряного века: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004.
7. Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис, Книжный дом, 2001.
8. Хрестоматия по истории философии: западная философия. Вторая половина XIX – начало XX века. XX век. На пороге XXI века. В 3-х ч. – Ч. 2. - М.: Гуманит. Изд. Центр.
9. Beckson Karl, Arting Gahz. Literary Terms. A Dictionary. – N. Y., 1989. - (Цитируется по книге: Теория литературы. Литературный процесс. – Том IV. – М., ИМЛИ РАН: Наследие, 2001.).

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА ДЛЯ НОСИТЕЛЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Халина Наталья Васильевна

доктор филол. наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

COGNITIVE GRAMMAR FOR RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE CARRIER

Khalina Nataliya Vasilievna, PhD of Philology, Altai State University, Barnaul

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается построение когнитивной грамматики в русском литературном языке. Выделяется пять этапов формирования грамматики для носителя русской языковой культуры: лингвистическая самоидентификация, объединение эмоциональной и мыслительной культуры, противопоставление опыта новгородской демократии и общинного мироощущения, наложение новых граней на состав языка.

Ключевые слова: трансляция мысленной речи, когнитивная культура народа, конструирование повседневной реальности.

ANNOTATION

The article is devoted to the shaping of cognitive grammar in Russian literary language. The author distinguishes five stages in the process of forming cognitive grammar for Russian linguistic culture carrier: linguistic self identification, unity of emotional and mental cultures, opposition of emotional experience of Novgorod's democracy and community would outlook, forming operative communication model "oral literary language", laying on new features on language content.

Key words: translation of mental speech, people's cognitive culture, constructing of everyday reality.

Когнитивная грамматика Р. Лангакера [10] позиционируется как новая теория языка, созданная на базе американского варианта английского языка и призванная создать семантическую альтернативу принципам порождающей грамматики Н. Хомского [8]. Предлагаемая в данной работе идея когнитивной грамматики не представляет собой развитие основных положений проверенной

временем и исследовательскими программами ученых разных стран фундаментального учения Р. Лангакера. Когнитивная грамматика для носителя языка – концепция идеологически отличная от упоминаемого труда, ориентированная толкованием грамматики, предложенным в универсальной грамматике А. Арно и К. Лансло [1]: грам-

матика – это искусство мыслить. В таком случае когнитивная грамматика для носителя языка – это знание приемом использования знаков языковой системы для организации мыслительного процесса и овладение приемами адекватного синтаксического воплощения (синтаксической трансформации) мысли.

В оформлении когнитивной грамматики для носителя русской языковой культуры можно выделить несколько этапов, или технических шагов: 1) XVIII век; 2) пушкинская эпоха – первая треть XIX века; 3) 40-ые г. XIX в. 4) середина XIX века; 5) 60-70-ые гг. XX века.

К XVIII в. русский язык и церковнославянский языки воспринимаются как системы, способные в равной степени обеспечивать коммуникацию в историческом процессе славянских народов обладая языковыми формами, которые способны адекватно знаково транслировать их мысленную речь и формировать структуры коллективной памяти. Это языки самоидентификации прежде всего восточных и южных славян, в совокупности своей претендующих на статус союза, потенциально содержащего идею нации (отсюда «нация» может восприниматься как альтернативное государственному объединению народов на основе общности схем мирозерцания и мыследеятельности, поставленных (проявленных) в языковых формах).

XVIII в. характеризуется в истории литературного языка России более широким доступом живой речи в сферу государственно-правовых отношений, что обусловлено семиотизацией действительности [6], присущей историческому восприятию и превращающей просто события в исторические события, делая их объектом исторического рассмотрения. Государственно-правовые отношения обретают вид коммуникативного процесса, опосредующего взаимосвязь познающего индивидуального сознания и действительности. Язык как механизм порождения текстов в соответствии с теоретическими позициями, Б.А. Успенского, определяет отбор значимых фактов: семиотический статус того или иного явления определяется прежде всего его местом в системе языка. Система представлений общественного адресата (социума) детерминирует механизм развертывания событий, т.е. исторического процесса. Однако стабильная корреляция между языком (механизм порождения текстов) и сознанием адресата (вектором механизма развертывания событий) устанавливается через речь, которая (при участии сознания и мышления) оказывается знаковой моделью тех или иных «кусочков» или «узлов» жизни [4].

Согласованный комплекс подобных «узлов» жизни представляет собой когерентный дискурс когнитивной культуры народа. Когерентный дискурс XVIII в., если его рассматривать с позиций Дж. Брунера, предложившего подходить к культуре с критерием степени выхода ее за рамки непосредственно индивидуального опыта [3], сформирован новым состоянием европейской действительности, стабильной частью которой пытается стать Россия.

Устремленность России к новому для нее государственному устройству (империя как система, сеть отношений между городами, которые в античности по типу государственного устройства тождественны республикам) в XVIII потребовала появления нового типа литературы, являющейся зеркалом самопознания и средством осуществления психогенеза, что, в свою очередь, потребовало конструирования семантической системы русского языка, базовым принципом которого являлся принцип вхождения

единицы в систему семантических оппозиций. Через оперирование знаками русского языка на основе логических и риторических правил античной системы познания мира (республиканской по сути) обучить представителя книжной славянской культуры процедуре мысленного изображения вещи, т.е. абстрактному (европейскому) типу мышления, гарантирующего Российской империи ревнителя ее интересов, обладающего характерными свойствами «любовь к отечеству», «преданность царю», «честолобие» (отождествимое с правами личности).

Обретение стабильности в языковой форме – цель, регулировавшая направление языковых реформ Петра I, совпадала с главным принципом существования индоевропейского союза, в языковых формах которого оказались представленными фундаментальные уравнения, или «законы мышления», позволяющие оперировать виртуальными предметами мысли, которые составляют содержание третьего (вспомним о метафоре «Москва – третий Рим», насколько конечно это упоминание в данном случае уместно). По утверждению К. Поппера, третий мир, частью которого является человеческий язык, производится людьми, точно так же, как мед производится пчелами или паутина – пауками. Подобно меду, человеческий язык – и тем самым значительная часть третьего мира – является незапланированным продуктом человеческих действий» [5, с.150].

А.С. Пушкин в когнитивной грамматике для носителя русской культуры XIX века обнаруживает союз миров умопостигаемых сущностей, составляющих квинэссенцию разных эмоциональных и мыслительных культур. Таким образом, русский язык, будучи правопреемником языка церковнославянского по объединению славянских культур в одно целое, становится языком национальным, разрешая главную задачу, поставленную реформаторской деятельностью Петра I – определить принцип вхождения единицы русского языка в систему семантических оппозиций, гарантирующего Российской империи верного защитника ее интересов. Главный принцип синтеза отношений в теории порядка и связи А.С. Пушкина – гармония, красота, принцип классического гражданина, легко сливающегося (гармонически) с общей жизнью своего государства, для древнего гражданина, как утверждает П.Е. Астафьев [2], ограничивающегося чаще всего одним городом, гражданина классической республики. Имперская идея Пушкина созвучна пониманию имперской идеи в китайской цивилизации периода XVI-XVII вв. и предполагает умение видеть вещественный мир, дополняя физическое зрение духовным. Она связана с усилием мысленного зрения проникать сквозь материальную оболочку вещей и прочитывать невидимую глазу формулу, находящую воплощение в материальности» [2, с.258].

Имперская идеология в николаевскую эпоху (40-ые г. XIX в.) нашла свое выражение в формуле С.С. Уварова «Православие. Народность». Формула С.С. Уварова, как считает Б.А. Успенский, скорее всего создана по модели формулы Французской революции, однако при этом полемически ей противопоставлена. В этом противопоставлении, видимо, скорее всего следует искать не полемику с западной демократией, ее формирующимися традициями (Равенству противостоит Самодержавие, Свободе – Православие, Братству – Народность), сколько полемике с средствами и формами (в данном случае формулами выражения истины), полемику о чувственном и мысленном рае (рае в какой-то мере отождествляемом с империей),

различении чувственного и духовного опыта, чрезвычайно актуального для русского православного сознания. Русскому религиозному сознанию, как отмечает Б.А. Успенский, в большей степени присуще представление о чувственном образе сакральной действительности. Фактически общинному мироощущению противопоставляется чувственный опыт (народные представления, или народность) новгородской демократии – русское религиозное осознание, ориентированное на нетленность гармонии.

Середина XIX в. озаменована в истории русского литературного языка двумя событиями: возникновением устной разновидности литературного языка и созданием Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Да-лем. Переход от национального статуса идентификации языка к характерному для XIX века и двух первых третей XX века, к этнической атрибуции языка, отличающий конец XX и начало XXI вв., обусловлен особым вниманием к этнической культуре как локальной реализации культуры национальной и ее главному атрибуту, символу идентификации – языку.

Середина XIX века в работах по истории русского литературного языка маркируется как период оформления современной системы функциональных стилей – результат эволюционирования, с одной стороны, деривационно-комбинаторной концепции М.В. Ломоносова, с другой стороны – изменения принципов функционирования семиотической системы русского языка смешенного типа. Вплоть до этого момента в истории становления языкового сознания носителя русского языка и эволюции русского языка семантическое обнаруживало себя прежде всего через литературное (книжное) выражение, что влекло за собой признание словесного произведения семиотическим объектом, обеспечивающим «вход» в аксиологическую (равно «эпистемологическую») систему народа. Середина XIX века – время оформления самостоятельной структуры, некой оперативной модели, «устного литературного языка», своеобразной антитезы письменному литературному языку – книжной традиции, время прихода «наречия» на смену «речению». Наречия, или областные говоры, В.И. Даль рассматривает как свойство бытия простого народа, а «простонародный язык – корень и основа образованного языка. Фактически В.И. Даль возвращается к изначальному принципу классификации языкового содержания русской культуры по лексическому принципу М.В. Ломоносова, сосредотачивая внимание не на знаке как таковом и особенностях его функционирования в определенном контексте, а на особенностях «делания» знаков [7]. Это позволило провести границу между человеком как носителем исторического сознания, социальным явлением и другими живыми субстанциями – миром природных форм.

В 60-70-ые годы XX столетия создается новая модификация письменного литературного языка, ориентированная культурой словесного обустройства пространства существования человека, конструирования его повседневной реальности. Классическая модель «республиканского» обустройства пространства существования модифицируется в концепцию малой родины, поглощая собой императив «любовь к отечеству». Таким образом, «рассеивается» имперская идеология (идея имперского обустройства государства Российского), и провозглашается в качестве жизнеобустраивающей идея демократического

союза различных земель – «малых родин» – России. Идея индоевропейского языкового союза вновь становится актуальной: необходимо выявить систему семиотических принципов согласования различных типов мысленной речи, свойственных каждой отдельной территории (или ландшафтно-географическому комплексу) России, т.е. различных типов мысленного изображения вещи, обуславливающего разные типы «честолюбия» (второй константы мышления, гарантирующей приятие и созидание имперской идеологии).

Современная речевая коммуникация в электронных средствах информации возвращает русский язык в лоно индоевропейского языкового союза, при этом выводя его из «славянского союза» и объединяя с западногерманским ответвлением германской ветви, если быть абсолютно точным – с англофризской ее модификацией (вариацией). В этом наблюдаются некие параллели периодом взаимодействия русского языка с западнославянским ответвлением славянской ветви в XVI-XVIII вв., когда усиливается польское влияние на русский язык и русскую культуру. Тогда польский язык выступал в качестве посредника между русским языком и западноевропейскими языками. Английский язык как составляющая англофризской вариации германской ветви индоевропейского языкового союза выступает в конце XX – начале XXI в. в качестве посредника между русским языком и информационным обществом, материальная и духовная культура которого создается в электронных средствах массовой информации (или гипертекстовой реальности). В какой-то мере повторяется ситуация середины XIX в., когда, по наблюдениям П. Хохрякова, имело место наложение новых граней на состав языка для отражения в них нового движения в мыслях и представлениях, в чувствах и отношениях развивающейся и усложняющейся жизни.

Список литературы

1. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. — М.: Прогресс, 1990.
2. Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. — М.: Москва, 2000.
3. Брунер Дж. Психология познания – М.: Прогресс, 1977.
4. Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1980.
5. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: М.: Эдиториал УРСС, 2002.
6. Успенский Б.А. Этюды о русской культуре. – СПб: Азбука, 2002
7. Халина Н.В. Деривационный потенциал словообразовательной теории русского языка Ломоносова-Даля// Актуальные проблемы современного словообразования: Труды Международной научной конференции. Кемерово, 1-3 июля 2005 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С.144-147.
8. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса – М.: Изд-во Московского университета, 1972.
9. Хохряков П. Язык и психология. – Казань, 1889.
10. Langacker Ronald W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction – Oxford: University Press, 2008.

ОБРАЗЫ НЕМЕЦКИХ И КАЗАХСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ «РАДОСТЬ»

Хасеинова Гульнара Садибековна

Магистрант, Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау

IMAGES OF THE GERMAN AND KAZAKH PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING "JOY"

Khasseinova Gulnara Sadibekovna, Master's student, Shokan Ualikhanov Kokshetau state university, Kokshetau

АННОТАЦИЯ

В статье дается анализ семантики фразеологических единиц, выражающих положительные эмоции человека в немецком и казахском языках. Исследование позволило выявить источники образности ФЕ, характеризующих эмоции радости в разных языках, а также установить их сходные и национально-специфические черты. Такие ФЕ вызывают особый интерес, поскольку позволяют понять, как представители разноязычных культур воспринимают окружающий их мир.

ABSTRACT

The article analyzes semantics of phraseological units expressing positive emotions in the German and Kazakh languages. This research enabled to find out sources of imagery in phraseological units, phraseological units characterizing emotions of joy in different languages and fix their similar, national and specific features. It is established that such phraseological units arises particular interest, as they make it possible to understand how the representatives of multilingual cultures perceive the world around them.

Ключевые слова: фразеологические единицы, семантическое поле, положительные эмоции, радость, образы.
Keywords: phraseological units, semantic field, positive emotions, joy, image.

Фразеология является живой, своеобразной и яркой составляющей любого языка. В образовании фразеологизмов особое значение имеет внутренняя форма – тот образ (реальный или нереальный), который лежит в основе наименования фразеологического оборота.

Возникновение фразеологизма обуславливается тем, что в процессе речи нередко возникает необходимость определенное значение, выраженное одним словом или развернутым словосочетанием, передать через конкретный образ, через живое, наглядное представление о ком-либо или о чем-либо. Найденный образ строится на базе свободного словосочетания, с помощью которого одновременно оформляется звуковая оболочка фразеологизма. Так образуются фразеологизмы, совпадающие по своему компонентному составу со свободным словосочетанием [1, 90].

В языке образ – это особый способ хранения информации. Он может быть связан с определенной ассоциацией, которая вызывает эмоционально-оценочную реакцию. В сопоставительных лингвистических исследованиях эти ассоциации и реакции раскрывают общие черты и различия в мировосприятии носителей разных языков. Фразеологические единицы (ФЕ) выражают через заключенные в них образы национальную самобытность, и потому способствует лучшему пониманию особенностей национального менталитета. Этим также объясняется тот факт, что во фразеологическом фонде любого языка большинство составляют ФЕ, субъектом которых является человек.

Важной сферой жизнедеятельности человека является эмоциональная сфера, которая выступает не только одним из основных компонентов психики, но и вместе с интеллектом образует ядро личности.

В казахстанском языкознании изучением фразеологизмов, их эмотивной составляющей и проблемами эмоций в лингвистике занимались такие известные казахстанские ученые как Кенесбаев С.К. [2, 800], Кордабаев Т.Р. [3, 110],

В сопоставительном плане изучению эмоций посвятили свои работы исследователи Кияшева А.А. [4, 150], Амалбекова М.Б. [5, 193].

В соответствии с выражаемыми эмоциями все ФЕ распределяются на две тематические группы: ФЕ, описывающие отрицательные эмоции и ФЕ, описывающие положительные эмоции.

Проведем анализ фразеологизмов, выражающих положительные эмоциональные состояния. К группе базовой позитивной эмоции «радость» относятся ее разновидности как «восторг, восхищение, удовольствие, воодушевление».

Материал для исследования был отобран методом сплошной выборки из двуязычных, толковых, фразеологических словарей немецкого и казахского языков. Следует отметить, что отбирались только активно используемые носителями языка фразеологизмы. Общий объем проанализированного материала составил более 140 единиц: из них – 86 немецких ФЕ и 53 казахских.

В качестве способа изучения языковых средств, выражающих состояние эмоционального подъема, выбран метод семантического поля. Под семантическим полем понимается совокупность фразеологических единиц, которые находятся в определённых системных отношениях и объединяются общностью семантической темы и общностью выражения одного понятия.

Чтобы понять природу ФЕ, относящихся к группе «радость», рассмотрим значения каждого из состояний. Так, в толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова радость описывается как чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение; восторг – это необыкновенный подъем чувств, экстаз, упоение. Восхищение объясняется как чувство радостного удовлетворения, состояние очарованности, восторг. Удовольствие представляет собой чувство радости и доволь-

ства от приятных ощущений, от удовлетворяющих переживаний, а под воодушевлением понимается душевный подъем, увлечение.

Радость- это одна из фундаментальных человеческих эмоций. Радость, удовольствие, восторг - самые положительные, самые приятные эмоциональные проявления. Любой человек стремится пережить это состояние. Радость- это не только приятное эмоциональное, но и естественно здоровое состояние души. Радость заставляет человека с особой остротой ощутить свое единство с миром. Радость – это не просто позитивное отношение к миру и к себе, это своеобразная связь между человеком и миром.

Известно, что радость часто сопровождается ощущением энергии и силы. Ощущение энергии, сопровождающее радостное переживание, вызывает у человека чувство компетентности, уверенности в собственных силах [6, 153].

Анализ показал, что в обозначении эмоционального состояния «радость» средствами фразеологии между сопоставляемыми языками имеются некоторые сходства, связанные с тем, что в основе внутренней формы лежат образы частей тела, образы из мира животных, человека и природы.

Всем знакомо радостное выражение лица, и каждый способен распознать чувство радости в другом человеке: его выдают светящийся живой взгляд, блеск глаз, изменение цвета кожи лица, оживленная бодрая мимика, часто улыбка, и, конечно же, смех. Среди других возможных индикаторов радости отмечаются бурная двигательная активность, а также повышение частоты сердечных сокращений в сочетании с изменением температуры тела [6, 152]. Вследствие этого и появляются ФЕ со значением «радость», в основе внутренней формы которых лежат образы сердца, глаз, живота и т.п. Семантику исследуемых ФЕ можно распределить по 7 типовым образам:

- 1) Сердце как образ положительных эмоций
- 2) Глаза как образ положительных эмоций
- 3) Зооним как образ положительных эмоций
- 4) Окружающий мир как образ положительных эмоций
- 5) Эмоциональный признак как образ положительных эмоций
- 6) Человек как образ положительных эмоций
- 7) Определенная реакция человека как образ положительных эмоций.

Рассмотрим подробнее каждый тип.

1 тип - Сердце как образ положительных эмоций.

Одним из потенциальных симптомов радости является учащенное сердцебиение. В моменты радости сердце ведет себя очень активно и динамично. Однако, по результатам экспериментальных данных, сам по себе факт изменения частоты сердечных сокращений отмечается не только при переживаниях радости, пульс учащается и при некоторых других эмоциональных переживаниях [6, 152]. Причиной повышенной активности сердца могут быть и другие эмоции, допустим, волнение или страх, например:

- в нем. das Herz hüpf (schlägt höher (schneller)) j-m vor Freude (Begeisterung) (букв. сердце скачет, прыгает от радости (восторга) - сердце прыгает (трепещет) в груди от радости (от восторга); das Herz lacht

j-m im Leibe (букв. сердце смеется внутри) - сердце радуется;

- в каз. жүрегі жарылды, жүрегі жарыла жаздады (букв. сердце разорвалось/ чуть было не разорвалось)- сердце взыграло; жүрегі аттай тулады (дүрсілдеді) (букв. сердце стучало как цоканье копыт лошади)- сильно волноваться от радости, от страха.

Если в немецком языке радостное эмоциональное состояние передается в образе «подскакившего» или «смеющегося» сердца, то в казахском языке сердце «разрывается» и стучит как «цоканье лошадиных копыт».

2 тип - Глаза как образ положительных эмоций. Еще один активным средством передачи эмоции радости в исследуемых языках является такая очень выразительная часть тела как глаза. В немецкой и казахской культурах эмоции радости одинаково связаны со смехом или хохотом, а при сильном смехе глаза могут наполняться слезами, эти признаки и легли в основу наименования следующих единиц:

- в нем. Tränen lachen (букв. смеяться слезами) - смеяться до слёз; Freudetränen in die Augen steigen (букв. слезы радости пробиваются к глазам) - слёзы радости подступают к глазам;
- в каз. көзін жасқа толтырды (букв. наполнить глаза слезами) – плакать.

Также в сознании носителей казахского языка образ лица, излучающего свет, связан с положительной эмоцией: көзі оттай (шырадай) жанды (жайнады) (букв. глаза загорелись как огонь); көзі нұр шашты (букв. глаза рассыпали блеск), бетіне нұр жүгірді (букв. по лицу пробежал луч света)– обрадоваться.

3 тип - Зооним как образ положительных эмоций. Образность ФЕ, в основе которых наименования животных, может строиться на переосмыслении поведения птиц и животных. При этом данные компоненты различаются в исследуемых языках, что связано с природой и географией стран:

- в нем. wie ein Breitmaulfrosch grinsen (букв. улыбаться как большеротая лягушка), sich wie ein Schneekönig freuen (букв. радоваться как птица крапивник)- петь от радости, ликовать;
- в каз. жерден жеті қоян тапқандай қуану (букв. радоваться, будто нашел семь зайцев на земле)- быть вне себя от радости.

4 тип - Окружающий мир как образ положительных эмоций. Общими в составе ФЕ являются слова таких семантических групп, как природная символика, глаголы движения, названия конкретных предметов (чаще в компаративных фразеологизмах). Внутренняя форма данных ФЕ отражает внутреннее переживание человеком радости, счастья во время традиционных для того или иного народа традиций или обычаев, например, для немцев это Weihnachtsbaum. Радостное состояние передается образами легкости при движении, парения в воздухе:

- в нем. sich wie im siebten /siebenten Himmel fühlen (букв. чувствовать себя (как) на седьмом небе), den Himmel offen sehen (букв. видеть небо отверстым) - быть на вершине блаженства;
- wie ein Weihnachtsbaum strahlen (букв. сиять как рождественское дерево)- сильно обрадоваться;

Sonne im Herzen haben (букв. иметь солнце в сердце) – излучать радость;

- в каз. жерден алтын тапқандай қуану (букв. радоваться, словно нашел золото, лежащее в земле)- не было ни гроша, и вдруг- алтын; төбесі көкке жеткендей болды (букв. словно его макушка достигла неба)- быть на седьмом небе.

5 тип - Эмоциональный признак как образ положительных эмоций. Еще одну подгруппу образуют фразеологизмы, где содержатся компоненты – названия эмоций:

- в нем. einen wilden Freudentanz aufführen (букв. исполнить дикий танец радости) – заплясать от радости; j-d könnte vor Freude die ganze Welt umarmen (букв. к.-т. мог бы от радости обнять весь мир)- вкушать радость; die Stimmung ist auf hundert (букв. настроение – на все сто)- самое радужное.
- в каз. қуанышы қойнына сыймады (букв. радость не помещается в объятия)- очень обрадоваться; көңілі хош болу (алу), көңіл хошы келу, көңілінің хошы түсу (букв. быть в добром настроении; быть в хорошем расположении духа) – воспрянуть духом.

6 тип - Человек как образ положительных эмоций.

Во фразеологии обоих языков для характеристики радостного человека используются также сравнения с образами «наименования лиц» в немецком языке - “das Kind” (ребенок), “Weihnachtsmann” (дед Мороз); в казахском- бала (ребенок), әйел (женщина), әке (отец):

- в нем. sich wie ein Kind auf Weihnachten freuen – (букв. радоваться как ребенок на рождество) – рад

радёшенек; wie ein Weihnachtsmann strahlen (букв. светиться от счастья как Дед Мороз)- ликовать; sich wie ein Stint freuen (букв. радоваться как молодой человек) – быть в телячьем восторге;

- в каз. әйелі ұл бала тапқандай қуанды (букв. радоваться как будто жена сына родила); әкесі базардан келгендей қуанды (букв. радоваться как будто отец вернулся с рынка); балаша (баладай) мәз болды (букв. быть довольным как ребенок)- испытывать большую радость.

7 тип - Определенная реакция человека как образ положительных эмоций. Состояние радости обозначает смех - внешне выраженная поведенческая реакция человека, а именно, физическая реакция:

- в нем. sich vor Lachen wälzen (kugeln, kringeln, biegen, krümmen, schütteln) (букв. покатываться, извиваться, корчиться, трястись от смеха) - хохотать до упаду; sich (D.) ein Loch in den Bauch lachen; sich (D.) einen Bauch (einen Buckel, einen Ast, einen Bruch) lachen (букв. надорвать животики от смеха)- чуть не лопнуть со смеху;
- в каз. күлкіден өле жаздады (букв. чуть не умер со смеху); ішек-сілесі қатқанша күлді, іші-қарны сірескенше күлді (букв. смеяться до упаду, ішін тартып күлді (букв. смеяться, затаюв живот)- смеяться без удержу.

Таблица 1

Количественная характеристика фразеологизмов немецкого и казахского языков, выражающих «радость»

Типовые образы	Количество (немецкие / казахские)
Сердце	10 / 5
Глаза	5 / 1
Зоонимы	3 / 1
Природа и окружающий мир	11 / 5
Эмоциональный признак	25 / 28
Человек	3 / 3
Определенная реакция человека (смех)	29 / 10

Таким образом, статистический анализ позволил выяснить, что семантическая группа эмоции «радость» полнее представлена во фразеологии немецкого языка - 86.

Наиболее многочисленную подгруппу как в немецком, так и в казахском языках составляют фразеологические единицы, описывающие состояние «радость» с образом «эмоциональный признак». В немецком языке их 25, казахском – 28.

Малочисленной в обоих языках является подгруппа фразеологизмов, характеризующих состояние «радость» в сравнении с образом «птицы и животные». В немецком языке их 3, казахском – 1.

Анализ 7 типовых образов, выражающих положительные эмоции, показал, что в образности анализируемых ФЕ отражаются как универсальные, так и уникальные черты, что еще раз подтверждает утверждение исследователей о том, что “воплощенные в языке образы могут носить как универсальный, общечеловеческий характер, так и национально-специфический, обусловленный мифологическими, религиозными представлениями нации, социально-историческим, духовно-нравственным и практическим жизненно-бытовым опытом народа” [7, 156].

Список литературы

1. Жуков В.П. Русская фразеология. Учеб. пособие для филол. спец. вузов.-М.:Высш. шк., 1986.-310 с.
2. Кеңесбаев І. Фразеологиялық сөздік.- Алматы: «Арыс» баспасы, 2007.- 800 с.
3. Кордабаев Т.Р. Общее языкознание. – Алма-Ата: Мектеп, 1983. – 110 с.
4. Кияшева А.А. Семантическое поле глаголов эмоций в современном русском и казахском языках. Канд. дис. Алма-Ата, 1985 – 150 с.
5. Амалбекова М.Б. Глаголы со значением эмоций и каузации эмоций (интерпретационное описание лексической видовой семантики): дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Алматы, 1992. - 193 с.
6. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.-464
7. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Томского Ун-та, 2005. – 156 с.

Словари

1. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.

2. Бинович Л.Э., Гришина Н.Н. немецко-русский фразеологический словарь Под. Ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Русский язык», 1975.
3. Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. / Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; Под рук. О.И. Москальской.-2-е изд., стереотип.- М.: Рус. яз., 1980.
4. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg- und bearb- von Günther Drosdovski und Werner Scholze-Stubenrecht.- Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1992 (Der Duden; Bd. 11)
5. Кайдар А. Тысяча метких и образных выражений: (казахско-русский фразеологический словарь с этнолингвистическими пояснениями). -Астана: ТОО «Білге», 2003. – с.151

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Кириллова Анна Владимировна

канд. филол. Наук, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево

TYPES OF ELLIPTICAL SENTENCES IN ENGLISH

Kirillova Anna, Candidate of philological science, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена типологии эллиптических предложений в английском языке. Автор определяет факторы, на основании которых можно выделить определённые типы эллиптических предложений, и приводит классификацию данных предложений на основании выделенных факторов, предлагая краткую характеристику типов и иллюстрируя классификацию оригинальными примерами из художественной литературы.

ABSTRACT

The article deals with the question of types of elliptical sentences in English. The author defines the factors on which the classification of elliptical sentences is based and suggests this classification. The brief description and original examples from fiction are also given in the article.

Ключевые слова: эллиптические предложения, неполные предложения, эллипсис, неполносоставные предложения, реплики диалога, ситуативные реплики, фразеологизированные предложения.

Keywords: elliptical sentences, incomplete sentences, ellipsis, sentences with incomplete structure, dialogue remarks, situational remarks, phraseological sentences.

Проблема «эллиптических предложений» (ЭП) — одна из самых важных и самых сложных в грамматике. В лингвистических учениях существует большое количество терминов (ЭП, неполные предложения, эллипсис, эллипс) и различные их трактовки.

Так, сторонники формально-грамматического направления рассматривают эллиптизацию как синтаксический процесс редукции отдельных компонентов в структуре простого предложения. Данная редукция может быть обусловлена переводом в импликацию структурно необходимых членов двусоставного предложения, или иметь характер нулевой формы в синтаксической модели (М.Д. Блох, Р.О. Якобсон).

Представители коммуникативного направления трактуют ЭП как основные структуры диалогической речи, оформленные в соответствии с закономерностями функционирования в определенном контексте (как лингвистическом, так и экстралингвистическом).

Многие лингвисты рассматривают эллипсис как один из ярких примеров экономии языковых средств (О. Есперсен, Г.Г. Инфантова, Н.Г. Черемисина и др.).

Ни одну из этих точек зрения отвергать нельзя, так как все они основываются на реальных признаках ЭП.

Во всех определениях ЭП есть один общий момент: эллиптическим считается предложение, в котором опущена (или пропущена) какая-либо часть (член предложения, группа членов, часть члена). [3, с.51]

Общими признаками, определяющими типологию ЭП, являются: сфера употребления (письменная речь и

разговорная (устная) речь; характер общения (монолог или диалог); взаимодействие предложения с контекстом; особенности воспроизведения предложений в речи.

В соответствии с действием этих факторов можно выделить такие типы предложений, традиционно включающиеся в число неполных:

- неполносоставные предложения монологической речи;
- реплики диалога;
- ситуативные реплики;
- фразеологизированные предложения;
- односоставные предложения.

Неполносоставными являются предложения монологической речи, в которых опущен какой-либо член, словесно обозначенный в контексте. Например:

Dick grumbled a little at the arrangement. But went out and made the purchases, which the children were then on their way to test.

I'll look out and see that it's all right. (R.Kipling. The light that failed)

Неполносоставное предложение является самостоятельной синтаксической единицей: оно имеет законченную интонацию (или интонацию конца) и выражает законченную мысль. [2, с.38] Но следует иметь в виду, что выражение законченной мысли возможно только благодаря опоре на контекст, где назван пропущенный член. Неполносоставные предложения одинаково возможны и допустимы в устной и письменной формах языка, так как обе

они создают для данных предложений словесный контекст. Монологическая форма речи позволяет говорящему (или пишущему) опираться на звуковые или графические образы слов, имеющиеся в сознании благодаря тому, что слова эти уже были произнесены или написаны.

С грамматической стороны неполносоставное предложение, взятое само по себе, является неполным. В нем нарушены синтаксические связи и отношения. В приводившемся предложении («But went out and made the purchases, which the children were then on their way to test») глаголы выражают действия, совершаемые каким-то деятелем, который в данном предложении не назван («Dick»). Нарушение синтаксических отношений и связей обусловлено отсутствием (пропуском) какого-либо члена, отсюда и термин — «неполносоставное» предложение.

Наиболее употребительны неполносоставные предложения, в которых опущено подлежащее. Сказуемое в предложениях опущено реже, чем подлежащее, потому что именно сказуемое заключает в себе основное содержание высказывания.

Таким образом, пропуск того или иного члена в неполном предложении подтверждается данными контекста и наличием в самом неполном предложении подчиненного слова, лишённого господствующего члена предложения.

Реплики диалога являются специфическими предложениями устной речи. Они обычно очень кратки и заключают в себе лишь то новое или существенное, что говорящий хочет сообщить собеседнику.

В диалоге, как правило, не повторяются уже названные слова, поэтому реплики взаимосвязаны. Они не должны рассматриваться изолированно. Говорящий использует в диалоге слова собеседника, опирается на уже известные, выраженные представления. Реплики часто образуют длинную цепь, первым и главным звеном которой является полное предложение.

Общение в диалоге опирается на такие неязыковые факторы, как жест и мимика. Каждая реплика является отдельной коммуникативной единицей. Приравнивать её к членам предложения можно лишь путем искусственного «восстановления» всех других членов полного предложения; такое полное предложение приходится составлять из слов и словосочетаний, высказанных в диалоге разными говорящими лицами. [4, с.127]

В действительности для диалога является нормой устранение из речи уже названных слов и словосочетаний и вытекающие из этого лаконизм реплик и динамичность высказывания. Диалог как целостное синтаксическое построение имеет определенные закономерности, свою композицию. В ней должно быть не менее двух предложений. Первое предложение, начинающее диалог, является, как правило, развернутым, полным по структуре. Последующие предложения представляют собой реплики, выраженные зависимыми словами или словосочетаниями и заключающие в себе необходимое содержание. Отдельно взятая реплика не заключает определенного содержания.

Реплики диалога всегда образуют сложное единство, они связаны между собой не только по смыслу, но и грамматически. В составе диалога они являются полноценными единицами общения, хотя грамматически неполны. Например:

She looked for her handkerchief and knowing what she wanted he gave her bag.

"Where's your topee?"

"I left it downstairs."

"Oh, my God!"

"I say, you must pull yourself together. It's a hundred to one it wasn't Walter. Why on earth should he come back at this hour? He never does come home in the middle of the day, does he?"

"Never."

"I'll bet you anything you like it was the amah."
(W.S.Maugham. The painted Veil)

His kind, tired eyes rested upon her.

"Are you going to marry him by any chance?"

"Certainly not"

"Is he in love with you?"

"He shows no sign of it."

"Do you like him?"

"I don't think I do very much. He irritates me a little,"
(W.S.Maugham. The painted Veil)

Ситуативные реплики - один из распространенных типов грамматической неполноты предложений. Они понятны и употребляются в качестве полноценных единиц общения только в условиях определенной ситуации. Сама обстановка речи подсказывает собеседникам понятия или представления, необходимые для понимания, высказывания, но словесно не выраженные. Например:

Her eyes caught sight of a note lying on the top of a book. She opened it.

It was written in pencil.

There was a knock on her cabin door. The amah opened. (W.S.Maugham. The painted Veil)

Приведенные предложения, рассматриваемые изолированно, являются полными с грамматической точки зрения, но лексически они неполны. Без предшествующих предложений они непонятны.

Фрагментализованные предложения в устной речи являются полноценными коммуникативными единицами. Они не нуждаются в пополнении. Они выражают определенное содержание независимо от контекста или ситуации. Фрагментализованные предложения не строятся говорящими, а воспроизводятся как готовые единицы.

Поэтому в них отчетливо не выделяются члены предложения.

К данной группе относятся неразложимые единицы типа

"What's the matter"

"Good bye"

"Oh! My God", "Oh, my dear, my dear."

Односоставные предложения нередко включают в состав неполных, так как условие наличия субъекта и действия в них нарушено. К этой группе предложений можно отнести императивные, инфинитивные и безглагольные односоставные предложения. Например:

"Don't know. Take the revolver, if you are afraid, and let me carry them."

"Have a little pluck, Kitty."

"How unfortunate to be called Dorothy."

"Silly old thing. ... Freedom." (W.S.Maugham. The painted Veil)

Список литературы

1. Есперсен Отто. Философия грамматики. М., 2002.
2. Золотова Г.А. К вопросу о неполных предложениях. М., 1975.
3. Лекант А.П. Об эллиптических предложениях/Ученые записки МОПИ им.Крупской, 1961, т.148 вып.10.
4. Реунова О.И. Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск, 2000.

ОСОБЕННОСТИ НОВОЗЕЛАНДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ОБЩЕНИЯ

Кучерова Светлана Ивановна

*ст. преп. Кафедры английского языка, Кубанский Государственный Технологический Университет,
г. Краснодар*

THE PECULARITIES OF THE NEW ZEALAND ENGLISH LANGUAGE ON THE MATERIALS OF COMPUTER COMMUNICATION

Kucherova Svetlana, a senior teacher of the Kuban State University of technology, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям новозеландского варианта английского языка в рамках компьютерного общения. Целью исследования является выявление отличий от британского варианта и сопоставление примеров. Анализировались предложения и выражения из блогов и форумов Новой Зеландии. Рассматривались лексические, грамматические, фонетические примеры. Анализ материалов Интернет-общения считается современным и актуальным, так как там представлены все особенности разговорной речи.

ABSTRACT

The article is devoted to the features of the New Zealand English language in the computer communication. The object is to find out main differences between variants. The sentences were analyzed from various Internet forums and blogs of New Zealand. The lexical, grammar and phonetic examples were considered. The description of the Internet sources is known to be new and modern.

Ключевые слова: варианты английского языка, новозеландский вариант, компьютерное общение, форумы и блоги, грамматические, лексические и фонетические особенности, разговорная речь.

Keywords: variants of the English language, New Zealand variant, computer communication, forums and blogs, grammar, lexical and phonetic features, informal conversation

Реалии современного мира невозможно представить без динамичного Интернет-общения. Оно занимает практически все свободное время, служит информационным источником, является своеобразной ментальной картиной мира. Компьютерное общение представлено различными видами – форумами, блогами, чатовыми комнатами, где ежеминутно происходит презентация развития языка. Если раньше информация о новациях в разговорном языке были представлены в произведениях художественной литературы, фильмов и средств массовой информации, то сейчас Интернет-общение стал основным источником для анализа нового в языке.

С другой стороны, в лингвистическом мире тема вариативности языка вызывает особый интерес. Во многих научных изданиях представлены основные сходства различия вариантов английского языка на примерах грамматического, лексического материала. Английский язык является официальным языком таких государств, как Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия и Австралия. Он представлен как в форме региональных и территориальных диалектов, так и в виде известных национальных вариантов: British English, American English, Canadian English, Australian English, New Zealand English и другие. Все варианты имеют определенные особенности на всех языковых уровнях, а именно лексическом, грамматическом, и фонетическом. Широкая вариативность английского языка объясняется специфическими национальными чертами во всех своих аспектах. Невозможно недооценивать

масштабы глобализации английского языка, тем более что в истории человечества ещё ни один язык не был настолько распространен и популярен. Считается, что американский вариант имеет свои фонетические и лексические особенности, австралийский английский взял за основу и практически не изменил грамматическую структуру базового языка, но ввел много нового в лексику. Канадским английским называется совокупность языковых разновидностей, составляющие языковую картину на территории Канады. Хотя по своим характеристикам он очень похож на американский вариант английского языка. Комбинированным вариантом можно назвать вариант новозеландского английского языка именно потому, что он английский близок к австралийскому варианту английского языка в произношении, но, с другой стороны, существуют определенные различия под влиянием языка маори.

Своеобразное произношение гласного звука [ɪ] считается особенностью новозеландского английского языка. Он является гласным центрального ряда, и это объединяет его с южноафриканским английским. В новозеландском английском очень много интересных выражений и лексических единиц. Анализируя материалы форумов и чатов представителей новозеландского английского можно сделать вывод, что это совершенно другой языковой организм, так как он наполнен совершенно новыми словами и оборотами и подчиняется несколько иным правилам, чем британский вариант. Английские выражения и

обороты не всегда понимаются представителями Соединенного Королевства. Cellphone (mobile phone), dairy (convenience store), duvet (blanket, covering), jersey (jumper) – все это примеры другого разговорного языка [2, с.86]. По мнению самих новозеландцев, главная особенность их языка, варианта английского, заключается в их образе жизни. Они спокойны и расслаблены и часто “prefer being lazy” (предпочитают быть ленивыми). [1]Этим и объясняется склонность к сокращению слов, упрощению речевых оборотов, отступление от общепринятых грамматических правил. “Most important you should be understood, easily and quickly” [3] (Важно, чтобы тебя понимали, быстро и легко). И таких примеров на материале компьютерного общения очень много. “G'day” – “good day” (общее новозеландское приветствие), “brekkie” – “breakfast” (завтрак), “pressie” – “present” (в данном случае сокращается только когда речь идет о подарке), “vegies” – “vegetables” (овощи), “diff” – “difference” (различие), “uni” – “university”. [4] Стремление к сокращению длинных слов объясняется влиянием языка майори, которые, как известно, заселили остров задолго до появления англичан. У маорийцев принято называть всех “bro” – “bother” (“брат”, употребляется в общении с друзьями). Еще одно слово – “mate”, что означает – “приятель”, которое употребляется у новозеландцев часто и с удовольствием. В современном английском языке слово “mate” имеет значение “товарищ, напарник”, часто употребляется в значении “одноклассник, одноклассник” от английского “classmate”, “group mate”. В новозеландском английском “mate” употребляется в значении “товарищ, приятель”. “Yeah mate I'm frogger”. (Да, дружище, я рабочий-трелевщик) [4].

На примерах устной речи можно выделить, что к особенностям новозеландского английского так же можно отнести частичку “eh”, которая произносится как “ay” [эй]. Особой смысловой окраски она не несет, в основном используется в конце предложения, превращая утверждение в вопрос. На различных компьютерных форумах часто встречаются эти своеобразные разделительные новозеландские вопросы. “That was a good lunch, eh?” (Ужин был не плох, да?), “It's an unfortunate way to learn who's worth giving your business, eh?” (“Это не самый удачный способ узнать, кому стоит отдать свой бизнес, правда?”) [5]. В устной речи частица “eh” часто выступает как связка в речевой коммуникации. Интересным фактом является характеристика фонетических особенностей новозеландского варианта английского языка. В новозеландском английском звук [j] палатализуется. “Yes” новозеландцы произносят как [jies]. И как следствие этого звукового изменения, в Интернет-общении можно встретить “Jes, I've used Pete at the Italian Job a few times, He knows his stuff and the work he did was good”. (Да, я несколько раз пользовался услугами Пита в итальянском салоне). Он знает персонал и хорошо сделал свою работу” [4]. В этом контексте идет обсуждение мастера по ремонту автомобилей. Рассматривая этот пример, можно предположить, что в отличие от американского варианта английского языка, в новозеландском варианте активно употребляется форма настоящего совершенного времени в классическом значении. Грамматика новозеландского варианта очень похожа австралийский вариант, который в свою очередь идентичен британскому. Грамматические различия появились в системе именных форм, связанных с категорией числа. Например, в общепринятом британском

варианте слово “data” - «данные, информация» имеет как множественное число, так и единственное (“datum”). В Австралии “data” употребляется только во множественном числе, но с глаголом в единственном числе: “Data is ready for processing.” (Данные готовы к обработке) [3]. В новозеландском варианте “data” употребляется только в единственном числе. “Your data is old and dull”. (Твоя информация старая и скучная) [4]. С точки зрения орфографии практически всегда используется британское написание слов, а именно cancelling, не canceling; travelled, а не traveled, colour, не color, behaviour, не behavior). В словах, которые пишутся либо с -ise, либо с -ize (organise /organize), новозеландцы, как и австралийцы, предпочитают -ise, хотя как показывает язык компьютерного общения оба варианта допустимы. В отличие от остальных вариантов английского, в новозеландском используется написание fiord, а не fjord [2].

Глагол will практически вытеснил глагол shall, вместо should употребляется would, но для новозеландского варианта употребление “shall” употребление лишь в побудительных и вопросительных формах остается нормой: Shall we buy new device right now, eh? С глаголом shall часто используется “eh” в разделительного вопроса. “Would” заменил “should” практически везде: “I wouldn't be so sure of that,” - Susan replied, (вместо “I shouldn't be so sure of that”)[4] или “Nooooo. Not “it would be still a theory”. (Heeeeет, это все еще теория) [5]. В этом примере многократное повторение гласной “o” передает всю эмоциональную окраску контекста, когда человек явно несогласен со своим собеседником. Многократное повторение гласных, употребление эмодзи в форумах и чатах свойственны Интернет общению, они придают ему своеобразную окраску и являются интонационной калькой устной разговорной речи.

Анализируя примеры на материалах компьютерного общения можно сделать вывод, что современный вариант новозеландского английского имеет свои особенности, но в целом различия от английского языка не так велики. В новозеландском английском присутствует много диалектных слов и выражений, и словосочетаний. В основном это слова неофициального регистра, чаще всего встречающиеся в повседневной речи. С точки зрения фонетических особенностей новозеландский английский близок к австралийскому варианту английского языка в произношении, но основное влияние оказал язык Маори.

Вполне очевидно, что в современном мире спонтанный формат компьютерного общения считается своеобразной письменной фиксацией устной речи. В Интернет-общении (в форумах, чатах и мгновенных электронных сообщениях) представлены различные коммуникативные ситуации. В процессе компьютерного общения язык каждого варианта английского языка имеет свои особенности, характерные для представителей данного национальности.

Литература

1. Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В.В. Ощепкова. – М.: Глосса-Пресс, 2006. – 336 с.
2. Ощепкова, В. В. Краткий англо - русский лингвострановедческий словарь: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия / В.В. Ощепкова, И.И. Шустилова. - М.: Медия, 2006. -180 с.
3. www.englishforums.com
4. http://www.alfabb.com
5. http://www.flyshop.co.nz

СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. РУССКИЙ ХАРБИН

Кузьмина Лена Январична

*кандидат пед. наук, доцент, Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,
г. Якутск*

Александрова Сахая Нюргуновна

Магистрант, Северо-Восточного федерального университета, имени М.К. Аммосова, г. Якутск

CROSS-CULTURAL ASPECT OF THE LITERATURE OF RUSSIAN ABROAD. RUSSIAN HARBIN

Kuzmina Lena, assistant professor of North-Eastern Federal University, Yakutsk

Alexandrova Sakhaya, master of North-Eastern Federal University, Yakutsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема «диалога культур» на материале творчества русского поэта, переводчика В. Перелешина, творчество которого, к сожалению, мало известно широкому кругу читателей.

Литературные и межкультурные связи России и Китая отражены как в лирике В. Перелешина, так и в его переводах.

В статье представлен анализ стихотворения поэта в контексте восприятия Китая глазами русского человека.

Сделан вывод об актуальности изучения темы Востока в русской литературе.

ABSTRACT

This article presents the problem of the «dialogue of the cultures» (on a material of creativity of the Russian poet and translator V. Pereleshin, whose creativity is not well known for a wide range of readers).

Literary and cross-cultural communications of Russia and China are reflected both in V. Pereleshin's lyrics, and in his translations.

The analysis of the poet's poem is presented in the article in a context of perception of China by the Russian person.

There have been made a conclusion about the relevance of studying East theme in Russian literature.

Ключевые слова: диалог культур, русское зарубежье, культурная и историческая миссия России на Востоке, русская диаспора, синтез китайской и русской культур.

Keywords: dialogue of the cultures, Russian abroad, cultural and historical mission of Russia in the East, Russian Diaspora, the synthesis of Chinese and Russian cultures.

«Русская зарубежная литература XX в. - это почти не исследованная область русской национальной культуры», — такими словами открывалась вначале 1990х гг. одна из первых историко-литературоведческих работ, посвященных этой проблеме. [1,1990:24] Вскоре за исследование данной области истории русской литературы активно взялись не только авторы из зарубежья, — они занимались эмигрантской культурой в течение десятилетий, — но и ученые «новой» России. Естественно, что данная тема достаточно хорошо изучена исследователями и литераторами, но что о ней знают наши студенты и современные школьники сегодня? Каких великих писателей и поэтов, вынужденных покинуть Родину, но продолжавших безмерно ее любить и тосковать по ней, они могут назвать? Есть ли у них представление о таком поистине огромном культурном явлении как русская эмиграция в истории нашей литературы?

Вот как характеризует русское зарубежье известный историк русской эмиграции П.Е. Ковалевский: «В мировой истории нет подобного по своему объёму, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем». [2,1971:180] Российскую империю на рубеже 19-20 вв. покидало большое количество её подданных по разным причинам: религиозным, экономическим, прежде всего политическим.

Различают три периода (три волны) русской эмигрантской литературы. Наибольшее культурное и литературное значение имеет творчество писателей первой волны русской эмиграции. В центрах рассредоточения

эмигрантов — Берлине, Париже, Харбине — была сформирована «Россия в миниатюре», сохранившая все черты русского общества. За рубежом выходили русские газеты и журналы, были открыты школы и университеты, действовала Русская Православная Церковь.

Таким образом, крупным центром русского рассеяния на Дальнем Востоке стал Харбин. Здесь сконцентрировалась культурная и литературная жизнь выходцев из России. Русские писатели-эмигранты внесли огромный вклад в литературу Китая двадцатых годов. В Харбинских издательствах печатались различные книги. Так, в 1938 году были изданы «Избранные произведения А.С. Пушкина», а в 1941-м году — «История Российского государства в стихах».

Процесс формирования российской диаспоры на Дальнем Востоке в 1920-1945 гг., общественно-культурная и научная жизнь, хозяйственно-экономическая деятельность, социальная адаптация исследуются в диссертации В. П. Иванова. Соискатель изучил основные центры российской диаспоры на Востоке. Специфической чертой российской диаспоры на Востоке, по мнению автора, являлась её внутренняя закрытость, замкнутость при активных внешних связях с китайской цивилизацией. «Российская дальневосточная диаспора сумела интегрироваться в культурное и социальное пространство Китая, Маньчжурии, Кореи и Японии, сохранив при этом все свои внутренние составляющие, в том числе многие социально-культурные черты дореволюционного общества». [5, 2003:33]

Многие русские писатели, жившие в Китае, считают этот период началом своего литературного творчества. Большинство русских писателей — эмигрантов тех лет были поэтами. Наиболее известными из них были Александр Паркау, Фёдор Камышнюк, Сергей Алымов, Аресний Несмелов, Валерий Перелешин и другие.

В те годы произведения русских эмигрантов издавались в литературном журнале «Рубеж», который играл важную роль в становлении и развитии литературы Харбина того времени. Этот журнал читали не только в Харбине, но и в России, особенно на Дальнем Востоке.

Город Харбин в силу своего географического, экономического и политического положения стал центром русской диаспоры на Востоке, дал возможность сохранить русскую культуру для интеллигенции, не принявшей Октябрьскую революцию. Харбинская эмиграция существенно отличалась от других русских зарубежных центров, в первую очередь исторически установившимися хозяйственными, финансовыми и научно-культурными связями с городами восточной части России. Естественно, что на разных этапах развития менялись приоритеты литературного творчества, но для русского Харбина в целом характерна тема созидательная, тема культурной и исторической миссии России на Востоке, в отличие от темы потери России, характерной для западных русских центров эмиграции.

В Харбине существовали литературные объединения русской интеллигенции, в которых сохранялась и развивалась, в том числе, и русская национальная поэзия.

Русская литература и поэзия в условиях харбинской диаспоры формировалась и развивалась в специфических условиях, отличных от других, западных центров русской эмиграции. В первую очередь этому способствовали исторически установившиеся культурные и экономические связи Харбина с городами восточной части России, а также большое количество русскоязычного населения в городе. Для беженцев, не принявших Октябрьскую революцию, Харбин стал русским городом на Китайской земле. Эти специфические условия и дали возможность сохранить и развить русскую культуру, во многом определили приоритеты литературного творчества, его специфику.

Общей для всех поэтов-эмигрантов была тема «молодой Родины», их интересовали и волновали события и проблемы местной русской диаспоры. В их произведениях преобладают сюжеты из жизни Сибири, Харбина, Маньчжурии, а их зрелое творчество тесно связано с Китаем. Естественно, что огромная страна Китай со своей богатой историей и культурой наложила отпечаток на творчество русских поэтов в Харбине. Но этот отпечаток был не очень сильным — русская литература в Харбине сохранила свою специфичность.

Среди множества имен нами выделяется имя Валерия Перелешина (настоящая фамилия Валерий Францевич Салатко-Петрищев). Огромное влияние на его творчество оказала религиозно-философская мысль. В свое время он защитил в Харбине он защитил диссертацию на звание кандидата богословия. Одаренного ученого-богослова затем пригласили в Российскую духовную миссию и посвятили в сан иеромонаха. Так с 1943 г. он служит в духовной миссии в Шанхае. Одновременно Валерий Перелешин преподает Закон Божий в нескольких русских шко-

лах. Естественно, что выросший по законам Божиим, Валерий Перелешин не мог быть политическим поэтом, хотя и не принимал советскую систему.

Влюбленный во вторую свою Родину, где он провёл первую половину своей жизни, он посвятил много стихов трудолюбивому и талантливому китайскому народу, его богатой истории и культуре. В Китае он вырос, получил великолепное образование. Владея китайским языком, хорошо зная жизнь Востока, он перевел с оригинала знаменитый памятник «Дао де цзин» и многие другие произведения классики.

В Харбинский период творчества он опубликовал четыре сборника стихов: «В пути» (1937), «Добрый улей» (1939), «Звезда над морем» (1941) и «Жертва» (1944). Основной чертой лирики Валерия Перелешина является «автотопсихологичность», зеркальная отраженность жизненных переживаний в поэзию, автора больше интересует смысл переживаемого героем явления, чем сами переживания. Поэт-монах и христианин до глубины души Валерий Перелешин в христианском вероучении, его ритуалах и символике видел источник своего творчества, для него христианство было способом воспринимать действительность. Для него главными и ключевыми проблемами становятся проблемы жизни, смерти, бессмертия, хаоса и порядка, соотношения вечного и мгновенного. Поэт всю свою жизнь стремился к гармонии, которую видел в связях человека с Богом:

«И с Господом замкнушь наедине
В подпольи ли, в холодной ли пещере,
Но только бы не отворялись двери
Назад, к людской возне и болтовне!»

Китайская тема органично входит в творчество поэта, он переводит китайскую классическую поэзию на русский язык и получается удивительное слияние двух поэтических традиций, что возможно только при одинаковой близости поэту обеих культур. Китайская тематика в творчестве Перелешина обогащена мотивами китайской музыки, пейзажа, культуры и специфически вненациональных образов-знаков. В целом творчество Валерия Перелешина — очень удачная попытка синтеза двух культур.

Тысячи и тысячи раз дальневосточные реалии, мотивы, пейзажи входили в стихи русских поэтов Китая. Сопки Маньчжурии, желтая Сунгари, новые лица, виды, уличные сценки, китайские виньетки, национальная музыка и праздники, заклинания, тайфуны, драконы, храмы, рикши и даосские боги — все это впервые густо пропитало ткань русского стиха. Каждый поэт открывал свой заветный уголок «второй родины».

Валерий Перелешин вдохновляется пением китайской скрипки хуцинь, воспевая ее «безутешную» игру:

«Чтоб накопить истому грустную,
Я выхожу в ночную синь,
Вдали слыша неискусную
И безутешную хуцинь...
...Так сердце легкое изменится:
Я слез невидимых напьюсь
И с музой, благодарной пленницей,
Чужой печалью поделюсь».

В данном отрывке мы можем проследить, как русский человек и поэт Валерий Перелешин собственно через русский слог и исконно-русские слова (истома, синь) легко и складно описывает нам народную китайскую культуру, а именно китайскую народную музыку.

Также он прославляет храм Лазурных Облаков. В его же изображении встает перед нами тенистая пекинская улица, где вязы над головой срослись в сплошной навес:

«Ночь, весна. От земли тепло.
Эта улица — «чжи жу фа»:
выпеваается набело
поэтическая строфа».

Здесь мы можем проследить влияние на творчество поэта уже поэзии символизма. В данной строфе в первой строчке представлены односоставные назывные предложения, идущие друг за другом, — они создают особый ритм в стихотворении. А многочисленные гласные ударные звуки придают стихотворению музыкальность и вокализм. Этому, как мы видим, способствует прием ассоанса, так часто используемый поэтом.

Поэт всегда с любовью отзывался о своей первой родине — России и ставшей второй родиной — Китае:

«Родился я у быстроводной
неукротимой Ангары
в июле, — месяц нехолодный,
но не запомнил я жары.
Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком.
И я, долгот не различая,
но зоркий к яркости обнов,
упал в страну шелков, и чая,
и лотосов, и вееров.
Пленённый речью односложной
(не так ли ангелы в раю?..),

любовью полюбил неложной
вторую родину мою...»
(«Три Родины»)

Таким образом, творчество Валерия Перелешина представляет пример развития русской философско-религиозной лирики на Востоке, так как религия занимала не последнее место в его жизни, а философия проникла во все творчество поэта.

Деятельность Перелешина — это удачная попытка синтеза китайской и русской культуры. Он попытался развить общегуманистические ценности, опираясь на свое осознание мира как гармонии человека с Космосом, человека с Богом.

Литература

1. Ахматова А. Эпиграмма // Собрание сочинений: В 2 т. М: Панорама. 1990. Т.1.С.24.
2. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971. С.180
3. Ностальгия / «Харбин. Ветка русского дерева», Новосибирск, 1991. С. 253
4. Перелешин Валерий. Ариаль: девятая книга стихотворений. Frankfurt/Mein, 1976
5. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. Автореферат дис. на соискание учёной степени док. истор. наук. М., 2003
6. Якимова С. И. Харбин как феномен межкультурной коммуникации XX века / С.И. Якимова // Человек и общество в философском освещении: Сб. научн. тр. — Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2007. — С. 43 — 50.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СВЕТОВОЙ НАПОЛНЕННОСТИ ОБЪЕКТА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лось Александра Львовна

кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва

CONCEPTUALIZATION OF VISUAL IMPRESSIONS: REPRESENTATION OF LIGHT FULLNESS OF THE OBJECT IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Alexandra Los', Ph. D in Philology, Associate professor, National Research University of Electronic Technology

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности концептуализации ситуаций зрительного восприятия, представленных словами *светлый*, *bright* и *light* в русском и английском языках. Представлен алгоритм исследования структуры и содержания концептов. Отмечается необходимость использования экспериментальных методик, таких как гипотетико-дедуктивный метод, для исследования языкового содержания концептов. Обосновывается наличие как сходных, так и различных когнитивных мотивов, согласно которым носителем языка осмысляются качества, описываемые данными словами. Анализируются различные семанτικο-когнитивные признаки слов *светлый*, *bright* и *light*, участвующие в формировании переносных значений этих слов.

ABSTRACT

The article covers peculiarities of conceptualizing situations of visual perception represented by the words *светлый*, *bright* and *light* in Russian and English languages. The algorithm of concept structure and content investigation is presented. The necessity of using experimental procedures, such as hypothetic-deductive method, in investigating concept contents is reasoned. The paper proves that there are similar as well as different cognitive motives according to which the language speaker perceives qualities described by these words. Various semantic-cognitive characteristics of the *светлый*, *bright* and *light* lexemes taking part in formation of these words' figurative meanings are analyzed.

Ключевые слова: концептуализация; зрительное восприятие; световое / цветное воздействие; световая наполненность; дополнительная цветовая характеристика; когнитивный мотив; Наблюдатель.

Key words: conceptualization; visual perception; light / color impact; light fullness; additional color characteristics; cognitive motive; Observer.

Универсальные на уровне ментальных реализаций концепты могут иметь различные формы выражения в конкретных культурно-языковых реальностях. В связи с этим на первое место в когнитивных лингвистических исследованиях встала задача изучения семантики языковых единиц, объективирующих концепты, что позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц. На современном этапе развития лингвистики все языковые явления исследуются с точки зрения отношения к ним человека, а также свойств, характеризующих процессы мышления и восприятия (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса). При этом главную роль в восприятии внешнего мира, в практической деятельности человека играет зрение, зрительное восприятие. В связи с этим для лучшего понимания организации видимого мира представляется важным изучение характера концептуализации зрительных впечатлений (и самого механизма зрительного восприятия) и исследование соответствующих языковых единиц.

В настоящий момент в лингвистике пока не выработана четкая методика исследования структуры и содержания концептов. Разные исследователи предлагают различные приемы исследования концептов.

Один из подходов в методике анализа структуры и содержания концепта – семантико-когнитивный – предполагает, что исследование начинается с некоего ключевого слова или группы слов, анализ которых позволяет выявить набор определенных семантических признаков, которые в результате последующей когнитивной интерпретации позволяют выявить структуру объективируемого данным языковым средством концепта [3, с. 118].

Рассмотрим алгоритм исследования содержания и структуры концептов в рамках семантико-когнитивного подхода.

1. Определение ключевого слова, представляющего концепт в языке. На этом этапе выявляются ключевые слова-репрезентанты данного концепта в языке. В качестве критериев выделения ключевых слов-репрезентантов могут использоваться их частотность в речи, общеизвестность и др.
2. Анализ семантики ключевого слова, представляющего концепт в языке. Здесь проводится анализ словарных толкований ключевого слова по возможно большему числу словарей.
3. Анализ семантики синонимов ключевого слова и в ряде случаев слов, через которые ключевое слово толкуется в словарях.
4. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова и его синонимов. Значительно большее число семантических признаков лексемы по сравнению с количеством, взятым из словарей, можно получить с помощью изучения ее лексической сочетаемости. Наиболее полный набор дистрибутивных характеристик исследуемых лексем помогают выявить экспериментальные методики, среди которых гипотетико-дедуктивный метод лингво-когнитивного исследования.
5. Когнитивная интерпретация выявленных признаков.

6. Построение модели концептуализации фрагмента действительности, представленного исследуемым концептом.

Из представленного алгоритма ясно, что самой важной задачей в изучении содержания и структуры концепта является исследование дистрибутивных характеристик слов, репрезентирующих концепт. Решение этой задачи требует применения специальных методик исследования, позволяющих проверить правильность предлагаемых семантических толкований. Одной из таких методик является гипотетико-дедуктивный метод (ГДМ), широко используемый в современных лингвистических исследованиях. Он позволяет выявить обозначенные языком когнитивные структуры, исследовать особенности концептуализации действительности через раскрытие содержания концептов. ГДМ применительно к лингвистике получил детальное теоретическое обоснование в работах О.Н. Селиверстовой [4]. Отдельные аспекты ГДМ были рассмотрены в работах Т.Д. Шабановой [6], О.А. Сулеймановой [5] и др. Метод построен на выявлении семантико-когнитивных признаков лексемы через исследование ее сочетаемости экспериментальным путем. Для этого привлекаются информанты-носители языка.

ГДМ использовался также для исследования семантики слов, описывающих концепт светлый в английском и русском языках. Выявленные когнитивные признаки, составляющие значение слов ясный, яркий, светлый, clear, bright, light, легли в основу модели концептуализации светлого в языковой картине мира [2].

Процедура исследования включала следующие этапы:

1. Сбор материала и его обобщение. (Сбор примеров с исследуемыми единицами; отсеивание повторяющихся контекстов; предварительный анализ и классификация примеров на основе использования методов дистрибутивного, валентного и компонентного анализа, создание репрезентативной выборки).
2. Выдвижение рабочей гипотезы о признаках, составляющих значение исследуемых единиц, на основе выявленных дистрибутивных, валентных характеристик.
3. Экспериментальная проверка гипотезы о признаках, входящих в значение исследуемых единиц, с последующей ее корректировкой и повторная проверка уже скорректированной гипотезы. (Формирование экспериментальной выборки; проверка гипотезы о значении исследуемой единицы путем предъявления предложений экспериментальной выборки информанту-носителю языка; анализ результатов эксперимента; корректировка гипотезы, создание новой экспериментальной выборки).
4. Составление релевантного толкования, исходя из выявленных признаков, входящих в значение исследуемых единиц.

В ходе экспериментального исследования было выявлено, что одним из важных аспектов реализации зрительных впечатлений в русском и английском языках является световая наполненность объекта и его потенциаль-

ная способность иметь дополнительную цветовую характеристику, которые описывают слова светлый, light и bright. В характере концептуализации этого аспекта выявлены как сходные, так и различные когнитивные мотивы. Рассмотрим, как реализуются ситуации зрительного восприятия, описываемые словами светлый, light и bright в русском и английском языках.

Характер концептуализации в естественном языке аспекта световой наполненности объекта и его потенциальной способности иметь дополнительную цветовую характеристику, представленного единицами светлый, light и bright, имеет ряд особенностей как в русском, так и в английском языках. Важная особенность реализации этого признака английским языком состоит в том, что он может быть реализован двумя способами, с помощью слов light и bright. Ср.: It was a light room (Это была светлая комната) / It was a bright room (Это была светлая / *яркая комната). В русском языке для описания ситуации зрительного восприятия bright room и light room можно использовать только фразу светлая комната, которая не в полной мере отражает когнитивные мотивы выбора слов bright или light, лежащие в основе членения спектра зрительных впечатлений, представленных в естественном языке. Различие в осмыслении ситуации зрительного восприятия light room (светлая комната) и bright room (светлая / *яркая комната) состоит в положении источника излучения относительно комнаты (внутри или снаружи). Ср.: Outside it was dark, but the room was bright and warm [5] (Хотя на улице было темно, в комнате было тепло и светло) / Well-dressed ladies in large hats came along to hear the judgment and the room was bright with colour [8] (Элегантно одетые леди в больших модных шляпках проходили мимо и слышали неодобрительные возгласы, и комната пестрела от их нарядов), где вносится информация о том, что источник излучения находится внутри комнаты. Зрительное ощущение светлоты и яркости в комнате в обоих случаях создается имеющимся в комнате «собственным» источником светового / цветового излучения. Таким образом, при присвоении закрытому пространству качественной характеристики bright значимо наличие собственного источника светового / цветового или цветового воздействия, и мера воздействия визуальных характеристик пространства, описываемого словом bright, на органы зрения Наблюдателя. В ситуациях зрительного восприятия light room, и светлая комната зрительное ощущение наполненности светом представлено как созданное источником излучения снаружи. Данное зрительное ощущение может создаваться и белым / светлым оттенком стен, потолка комнаты. В случае, когда вносится информация о том, что источник излучения не может снаружи «проникнуть» в закрытое пространство, предложение, в котором данному пространству присваивается качественная характеристика light или светлый, становится неотмеченным: *The cool light room spun and at last the door opened to show long tunnel (*Холодная светлая комната вращалась, и, наконец, открылась дверь, ведущая в длинный тоннель). Вместе с тем, в английском и русском языках ощущение наполненности светом может быть представлено по-разному. В английском языке характеристика light (в значении «светлый») не может присваиваться открытым пространствам типа лес, поляна, улица, город: *light forest / *light meadow / *light street, тогда как в русском языке данное ощущение получает реализацию: светлый лес /

светлая поляна / светлая улица. Еще одним отличием в процессе концептуализации зрительных впечатлений в английском и русском языках является то, что характеристика light, в отличие от светлый, не может приписываться объектам-отверстиям типа окно, проем. Ср. отмеченные: светлый проем / светлые окна, осмысленные как пропускающие свет, наполненные светом (источника излучения снаружи) проем / окна и неотмеченные: *light windows (светлые окна) / *light hole (светлое отверстие). При этом в английском языке объектам-отверстиям типа окно, проем может приписываться характеристика bright: bright hole (светлое отверстие – букв.: *яркое отверстие) / bright windows (светлые окна – букв.: *яркие окна). Таким образом, ситуация зрительного восприятия bright windows (светлые окна) осмысливается по-разному в русском и английском языках. В русском акцентируется когнитивный мотив «пропускающий свет, наполненный светом источника излучения снаружи», тогда как в английском языке мотив выбора лексемы bright для описания объектов-отверстий типа windows (окна) / hole (отверстие) иной – «характеризующийся световым / цветовым воздействием на Наблюдателя». Сходная ситуация зрительного восприятия в русском языке, когда когнитивным мотивом выбора лексемы яркий для описания объекта-отверстия является его сильное световое / цветовое воздействие на Наблюдателя, может быть представлена высказыванием яркая щель: В окутавшем ее мраке была узкая яркая щель, которая резала, щипала глаза, но вела в свет [1].

В английском и русском языках выявлены общие когнитивные основания, определяющие характер концептуализации зрительных впечатлений о дополнительной цветовой характеристике объекта, описываемых русским словом светлый и английским словом light. Характеристика light, также, как и светлый, может присваиваться различного рода объектам независимо от их конфигурации: light colours / paint / shade / pencil / line / eyes (светлые цвета / краска / оттенок / карандаш / линия / глаза). Ситуация восприятия, выражаемая в языке высказыванием light X, представляла определенные трудности для исследования в связи с тем, что может иметь двойственную интерпретацию. Ср.: light trousers (светлые брюки / легкие брюки), light blouse (светлая блузка / легкая блузка), где слово light может трактоваться как светлый или как легкий. Для того чтобы исключить многозначность, информантам для оценки предлагались контексты, ориентированные на визуальные характеристики объекта: In contrast to her dark brown hair she wore light hat and scarf (Чтобы оттенить темно-каштановые волосы она носила светлый шарф и шляпу) / There was a light carpet on the floor to match the furniture (На полу лежал светлый ковер, подходящий по цвету к мебели). При этом, информанты отмечали, что высказывания light table / door / curtains / walls (светлый стол / дверь / занавески / стены) более естественны при указании на основную цветовую характеристику: light blue curtains (светло-голубые занавески) / light green walls (светло-зеленые стены). Сходно в описываемых ситуациях также и то, что качественные характеристики светлый и light могут присваиваться только закрытым нефункциональным пространствам. Ср. неотмеченные: *light institute / *светлый институт, где в качестве объекта, описываемого словами light и светлый, выступает закрытое функциональное пространство институт. Приведем также примеры сходных ситуаций зрительного

восприятия в английском и русском языках, описываемых словами light и светлый: to store in a cool light place [7] (хранить в прохладном светлом месте) / light spot surrounded by the dark [12] (светлое пятно в окружающей темноте) / light side of the moon [9] (светлая сторона Луны), в которых характеристики light и светлый приписываются объектам, представляющим собой участки поверхности, и когнитивный мотив выбора лексем light и светлый для описания одной и той же ситуации зрительного восприятия сходный: «наполненность светом источника излучения снаружи». В ситуациях зрительного восприятия, описываемых словом bright: a bright spot near to the window [10] (светлое место у окна – букв.: *яркое место) / the bright side of the moon (светлая / *яркая сторона Луны), акцент делается на воздействии источника излучения на место у окна / сторону луны. Ср. также вошедший в обиход рекламный слоган: Живи на яркой стороне (будь лучше, быстрее, умнее).

Для передачи ситуации зрительного восприятия, связанной с дополнительной цветовой характеристикой объекта, описываемой словами light и светлый, могут использоваться и разные когнитивные мотивы. Например, при передаче на английский язык смысла, описываемого словом светлый, в ряде случаев используется не слово light, а композит light coloured (светлого цвета): светлая помада – light coloured lipstick / светлый пиджак – light coloured jacket / светлое платье – light coloured dress / светлая одежда – light coloured clothes. Существенным отличием ситуаций зрительного восприятия, описываемых в высказываниях светлый X и light X, является то, что в русской ЯКМ световая / цветовая характеристика светлый может присваиваться естественным источникам излучения: светлое чудное солнце / светлая луна / светлый месяц. Ср. при этом неотмеченные: *light sun / *light moon. Значимым в ситуации восприятия, представленной высказыванием светлое солнце, является способность естественного источника излучения давать свет, жизнь, «выводить» из тьмы. Вследствие этого в русском языке были образованы иные значения слова светлый, основанные на метафорическом переносе наименования качества источника излучения давать свет, жизнь, радость на обозначение качества проявления чувства, внутреннего состояния человека: светлое окрыляющее чувство, светлая память / дух / душа, светлый сказочный сон, светлый образ, светлый человек. В английской ЯКМ качества, связанные с духовной сферой человека, не получили выражения с помощью слова light. Изучение корреляции смысла, выраженного

русским словом светлый в высказываниях светлое окрыляющее чувство, светлая память / душа, светлый лоб, светлая улыбка, светлый человек в английском языке, требует дальнейшего исследования.

Выявление когнитивных представлений, определяющих различия и сходства в характере концептуализации зрительных впечатлений в разных языках, позволяет увидеть, как общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, так и специфические, национальные особенности концептов, их структуризации и языковой репрезентации.

Литература

1. Ефремов И.А. Таис Афинская: Исторический роман. – Алма-Ата: Жазуши, 1980. – 480 с.
2. Лось А.Л. Концептуализация светлого в языковой картине мира: дис.... канд. филол. наук/ А.Л. Лось. – М: МГПУ, 2009. – 262 с.
3. Рудакова А.В. Методика описания содержания концепта «быт» в русском языке / А.В. Рудакова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. – С. 116 - 124.
4. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа «все», «all» и типа «кто-нибудь», «some» в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук/ О.Н. Селиверстова. – М., 1965. – 300 с.
5. Сулейманова О.А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: дис.... д-ра филол. наук/ О.А. Сулейманова. – М., 2000. – 348 с.
6. Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование/ Т.Д. Шабанова. – Уфа: «Восточный университет», 1998. – 198 с.
7. Emerson S. The Art of Successful Living. – London: Sterling Publishers Private Ltd. – 1978. – 165 p.
8. Hamilton E.M. Return to the stars. – New York: Tor Books, 2000. – 162 p.
9. Harrison H. West of Eden. – New York: Bantam Press, 1983. – 483 p.
10. Huxley A. Brave new world. – London: Longman, 1992. – 245 p.
11. Ludlum R. The Scarlatti Inheritance. – London; New York: Bantam books, 1989. – 354 p.
12. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. – London: Bloomsbury Publishing Plc, 2001. – 796 p.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИГРОВОЙ ПОЭТИКИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТМОДЕРНИЗМЕ XX ВЕКА

Махсудова Феруза Баходировна

преподаватель кафедры русского языка и литературы Узбекского государственного университета мировых языков г. Ташкент

PRINCIPLES FOR ORGANIZING GAMBLING POETICS IN RUSSIAN LITERARY POSTMODERNISM OF THE TWENTIETH CENTURY
MAKHSUDOVA FERUZA BAKHODIROVNA

lecturer, department of russian language and literature Uzbek state university world languages, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В систему концептуальных проблем современного литературоведения входит задача выявления писателей современного литературного процесса, определяющих основные тенденции его развития и эволюции. Наиболее актуальными и востребованными сегодня становятся произведения, в которых представлены ключевые проблемы современного мира, создаётся инновационная литературная стратегия, способная через форму художественного текста презентовать содержательно-смысловые сложности эпохи конца XX - начала XXI веков. К началу литературного миллениума происходит переосмысление многих тем русской литературы «кризисной» эпохи, и, в первую очередь – темы бытия человека в её высшем духовном преломлении.

ABSTRACT

The system of conceptual problems of modern literary criticism includes the task of identifying the writers of the modern literary process, defining the main trends of its development and evolution. The most relevant and in demand today are works that are the key problems of the modern world, created an innovative literary strategy capable through the form of a literary text to present substantial-semantic complexity of the late twentieth and early twenty-first centuries. By the beginning of the millennium is redefining the literary many themes of Russian literature "crisis" era, and in the first place - the theme of human existence in its highest spiritual refraction.

Ключевые слова: дискурс, постмодернизм, игра, поэтика, интертекст, метатекст.

Keywords: discourse, postmodernism, game, poetics, intertext, metatext.

Специфической особенностью постмодернистского литературного дискурса является экзистенциальное определение реальности как игры существования. Играющий романист создает играющих повествователей и играющих персонажей. Игровой инструментарий, используемый постмодернистскими авторами, находится в тесной взаимосвязи с пародированием целостных жанровых традиций и выражен в конструировании текста по принципу игрового калейдоскопа и стереотипизации персонажей и их ролевых функций. Игровой калейдоскоп включает в себя зеркальную симметрию, симметричное, игровое манипулирование переставляемыми с места на место стереотипизированными персонажами-актерами, совмещение нескольких жанровых моделей, постоянную театрализацию действия.

Именно игра превращает постмодерн из ситуации в западной культуре середины XX века в дискурс, т.е. совокупность актов, формирующих культуру. Игра, заявляемая как культуруобразующая форма, является одновременно и базовым концептом в постмодернистском дискурсе. Важными характеристиками постмодернистской игры являются: свобода, нарочитая обособленность от обыденной жизни, повторяемость, перерастающая в непрерывность, напряжение. Игра выполняет две важнейшие функции – борьбы или состязания и представления, показа, демонстрации себя, формирует пространство культуры и выступает его фундирующим основанием. В постмодернистском дискурсе игра оставляет за собой важнейшую культуротворческую функцию.

Важнейшее открытие Битова видится в том, что он задолго до Деррида, Бодрийера и других философов постмодернизма выявил симулятивный характер советской ментальности, симулятивность советской культуры, то есть доминирование фантомных конструкций, образов без реальных соответствий, копий без оригиналов. Ни о каком постмодернизме и постмодернистской ситуации не может быть речи, пока нет осознания симулятивной природы культурного и исторического контекста. В сущности, именно в «Пушкинском доме» впервые происходит - или, вернее, фиксируется - этот радикальнейший переворот мировосприятия - пожалуй, важнейшее из последствий «оттепели». Отсюда начинается отсчет постмодернистского времени.

Важнейшая особенность игровой поэтики «Пушкинского дома» — интертекстуальность. Здесь цитата на

цитате сидит и цитатой погоняет. В романе использовано множество литературных источников, классика расширяет пространство жизни обыденной. Под знаком Пушкина рассматривает Битов современного русского интеллигента — «бедного всадника» перед лицом жизни-рока.

Говоря о композиционных и стиливых особенностях романа, вслед за многими современными критиками [Липовецкий М. Закон крутизны // Вопросы литературы. — М., 1991. - №12. — С.3-37; Курицын В. Постмодернизм — новая первобытная культура // Новый мир. — М., 1992. - №2. — С.225-232; Носов С. Литература и игра // Новый мир. — М., 1992. - №2. — С.232-239; Фридман Д. Ветру нет указа // Литературное обозрение. — М., 1989. - №12. — С.4-16 и т.д.], нельзя не отметить его включенность в процесс постмодернистского творчества, определяемый М. Липовецким, как «процесс «языковых игр», перебора и подбора культурных языков и их сочетаний». [Липовецкий М. Патогенез и лечение глухоноты. Поэты и постмодернизм // Новый мир. — М., 1992. - №7. — С.213-224.]

Итак, будучи рассмотрена в диахроническом разрезе, поэтика романа-комментария Д. Галковского «Бесконечного тупика» оказывается глубоко обусловленной характером развития русской литературы, отражает в себе саму диалектику художественного развития дискурса отечественной словесности: от его исходной идеологической, «сконцентрированной» формы до свободного, непредубеждённого философствования, определяющегося уже чисто эстетическими критериями, и, наконец, чисто художественного воплощения, связанного с особыми эстетическими механизмами типа поэтики остранения. Сфокусированные в интертекстуальном пространстве «Бесконечного тупика» тенденции и закономерности метатекста русской культуры обуславливают жанровое новаторство. Сложность жанровой природы «Бесконечного тупика», её несводимость к чётко выраженному художественному канону заставляет обратиться к рассмотрению феномена жанровой деканоизации.

Моделирование позиции автора осуществляется с помощью имитации живого, неформального общения: воображаемые диалоги с читателем, поиски нужного слова, автокомментарии, самоперебивы, уточняющие вопросы обыгрывают подвижность границ оппозиции «текст-реальность» в духе эстетики высокого модернизма. Имитация спонтанности письма, необходимая для обозначения «хаосмоса» мира и безнадежности попыток

«зафиксировать» мысль на одном предмете, определяет стилистические особенности романа как образца постмодернистской метапрозы.

Литература

1. Липовецкий М. Закон крутизны // Вопросы литературы. – М., 1991. – №12. – С.3-37; Курицын В. Постмодернизм – новая первобытная культура // Новый мир. – М., 1992. – №2. – С.225-232

2. Липовецкий М. Патогенез и лечение глухонемой. Поэты и постмодернизм // Новый мир. – М., 1992. – №7. – С.213-224.
3. Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): монография / М.Н. Липовецкий / М-во общ. и проф. образования РФ, Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1997. — 320 с.

АЛТАЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ О СУРКЕ, МЕДВЕДЕ И БАРСУКЕ

Муйтуева Ирина Николаевна

кандидат пед. наук, научный сотрудник, Бюджетного научного учреждения Республики Алтай, «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск

Muytueva Irina Nikolaevna, Candidate of pedagogic Sciences, Institute of Altaic them. S.S.Surazakova, Gorno-Altaiisk

АННОТАЦИЯ

В статье приводятся версии фольклорных текстов о животных собранные автором.

Ключевые слова: предания, мифы, сурок, медведь, барсук.

ABSTRACT

The article presents the version of folklore texts of the animals collected by the author.

Keywords: legends, myths, marmot, bear, badger.

Издrevле алтайцы вели кочевой образ жизни. Они занимались скотоводством и охотой, занимаясь этими видами деятельности, алтайцы содержали свою семью, свой род. Так, являясь одним из основных занятий, источником существования, охота способствовало раннему познанию алтайцами особенностей животных. На охоте существовали определенные правила и запреты, которых алтайцы не в коем случае не должны нарушать. Алтаец никогда не отправлялся на охоту весной и летом. Весна является временем приплода, время появления потомства всех зверей. Лето является временем вскармливания, взращивания потомства. Для охотников существовали табу-запреты. Стрелять в зверей белого цвета, красивых с большими рогами означало стрелять в «хозяина тайги», последствием которого может быть несчастье или смерть для охотника или кого-то из его семьи. Близость к природе к животному миру вызывал у охотника различные вопросы. Почему птицы, звери ведут себя так в тех или иных ситуациях. Почему они отличаются друг от друга и т.д. Чтобы ответить на эти вопросы, человек фантазировал, благодаря этому появились многие сказки, легенды, мифы и предания о происхождении зверей и птиц. В них главные герои – это животные, они наделяются способностью мыслить и говорить. Предание – жанр несказочной прозы с установкой на историческую достоверность. Вымысел в преданиях служит объяснению реальных фактов или их правдоподобию. Строгой научной классификации преданий не существует. Нам удалось записать несколько преданий о диких животных.

Сурок

На земном шаре, где обитают сурки, среди населения ходит много легенд и преданий об этих животных. Их любят за мирный характер, трудолюбие, коллективный образ жизни.

В алтайских преданиях, легендах о сурке, говорится, что сурок раньше был человеком, метким стрелком. От чего у сурка пальцы похожи на человеческие, но нет большого пальца? Во всех вариантах говорится о том, что у сурка нет большого (эргек сабар) пальца. В преданиях объясняется как он лишился большого пальца, из-за того, что не попал в птицу, он отрубил сам себе палец. Если в записях у Патанина Г. палец сурку отрубил Кан Герей (птица), в одной нашей записи это сделал Кудай (бог), во всех других вариантах преданий палец отрубил он сам, из-за того, что не точно выстрелил в коршуна (телеген) или просто в птицу. В настоящее время птицы Кан-Кереде на Алтае нет, они исчезли, но в устном народном творчестве алтайцев они встречаются часто. Это очень большие птицы. В других вариантах преданий говорится о коршуне и просто птице, вероятно из-за того, что в настоящее время нет Кан-Кереде его заменили на птицу телеген (коршун).

В памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока в 30 томе «Несказочная проза алтайцев» есть текст под номером 44 «Тарбаган». В данном тексте говорится, что сурок прежде был человеком, прославившимся охотником, работающим, трудолюбивым человеком. Сюжет такой же, как и во многих других версиях о сурке один палец от стыда сам себе торопливо отрезал и прыгнул под землю [9, с. 154]. У Шинжина И.Б. [2, с. 354] в предании «Тарбаган», охотник по имени Тарбаган поспорил [кто стреляет без промаха] с юношей по имени Телеген. Когда Телеген высоко взлетит, Тарбаган должен стрелять из ружья. Но, Тарбаган промахнулся пуля прошла, задев хвост. В данном тексте Тарбаган стрелял из ружья, а парящей в небе птицей был юноша по имени Телеген. В конце также, как и во всех других вариантах Тарбаган, отрубив себе большой палец, уходит под землю [2, с. 354]. В книге Мифы и легенды [11, с. 25.] под номером 16 есть легенда «Тарбаган». Как и в других вариантах говорится о том, что

сурок раньше был человеком. Но в данном тексте сурок стрелял в коршуна, когда тот пролетел через отверстие в юрте дымоход (түнүк), но промахнулся, стрела прошла, разорвав хвост. В тексте также говорится, что сурка невозможно застрелить, его только через петлю ловят, так как он умен как человек. И нору свою строит основательно, замазывая снаружи глиной и, делая водостоки. У Ядановой К.В. [13, с. 170] есть два варианта предания о сурке первая «Сурок был человеком», и вторая «Стрелок Тарбаан». Сюжет во всех преданиях одинаков, выстрел стрелка в птицу. Во втором варианте предания говорится, что у сурка и ключица и лопатка как у человека. В наших записях нет упоминаний о ключице тарбагана. В других фольклорных материалах записи о ключице мы тоже не встретили.

Таким образом, во всех вариантах преданий «О сурке» человек, который был очень метким стрелком, не попав в летящую птицу, от стыда превратился в тарбагана отрубил себе палец, и ушел под землю. В одной версии сурок был богатырем, у которого стрела никогда на землю не падала. Для алтайцев сурок является культовым животным. Те охотники, которым удалось видеть нору сурка, говорят, что он его строит основательно несколько комнат, лепит нору из глины, чтобы дождевая вода не попадала во внутрь норы, рядом с домом делает дренаж для воды.

Нам удалось записать несколько версий текстов о сурке. В одной записи говорится, что тарбаган был человеком-охотником. Днем сурок обычно не выходит не показывается людям, старается выходить ночью, всегда свистит: (уйаттузын, уйаттузын!) стыдно, стыдно! В другом тексте говорится, что у сурка лопатка похожа на человеческую лопатку. В следующей версии говорится, что под мышками у сурка есть белое мясо, которое нельзя есть, оно похоже на человеческое.

№ 1. Раньше сурок был человеком

Слышала, что раньше сурок был человеком. Он был человеком, который в стрельбе никогда не давал промаха. Однажды выстрелил в летящего на высоте коршуна. Когда выстрелил, стрела попала в хвост и, разорвав хвост на две половинки, прошла. Коршун улетел. Увидев такое, человек впал в глубокое отчаяние разгневался, отрубил себе большой палец. Не выдержав позора, превратился в сурка и ушел под землю, говорят. Теперь посмотрите на пальцы сурка, у него нет большого пальца. Его люди просто так не убивают, почитают его. [Сурка] считают братом человека [Рассказала Чолтокова В. 1937 г.р., из рода очы село Кайсын Усть-Канского района, запись 14.08.2014 г.]

№ 2. Сурок

На Алтае раньше жил человек по имени Тарбаан. [Он] был человеком-охотником, который очень много охотился, очень метким был.

Однажды [он стал состязаться в стрельбе], сказал, что он сможет попасть в летящего коршуна. Но когда выстрелил, пуля задела хвост коршуна, разорвав хвост на две половинки. Коршун, конечно же, дальше улетел. Тарбаан разгневался, отрубил себе большой палец. Не выдержав позора, превратился в животного- и сурка ушел под землю. Теперь, правда, у сурка нет большого пальца [Рассказала Муйтуева Г.А., 1953 г.р., из рода кыпчак, село Кайсын Усть-Канского района, запись 20.08.2014 г.]

№ 3. Сурок был человеком

Сурок – это ведь животное, которое произошло от человека. Один меткий богатырь был, [когда он] стрелял,

никогда не делал промаха. [Однажды он] выстрелил в птицу [летающую] на высоте, но промахнулся. Та птица полетела еще выше. Когда птица полетела еще выше, богатырь, застеснясь рядом стоящих людей, не найдя, что делать, отрубил себе большой палец и спустился, и спустился под землю, [став] сурком. Теперь, посмотрите, правда, у сурка нет большого пальца, кости его лопаток тоже похожи на кости человеческих лопаток [Рассказала Ялаева К., 1942 г.р., село Теньга Онгудайского района, запись 08.08.2014 г., Муйтуевой И.Н.]

№ 4. Сурок

На голубом Алтае жил [очень большой] охотник по имени Тарбаган. [Когда он] всех зверей и птиц начал уничтожать, Кудабы чтобы [он] не смог охотиться, отрубил ему один палец и проклял его: «пусть живет под землей, пусть не показывается днем, пусть ест то что попадется». Так охотник ушел под землю и стал сурком.

Поэтому [когда] люди убивают сурка, то они не едят белое мясо, которое имеется [у сурка] под мышками, говорят, что это человеческое мясо [Рассказала Тужулкина Д. А., 1948 г. р., из рода кыпчак, село Теньга Онгудайского района, запись 09.08.2014 г.]

Медведь

Если других зверей можно определить однозначно, труслив, как заяц, зол, как волк, хитер, как лиса, то о медведе так просто сказать не получится. Это животное добродушное, богатырской силы, неуклюж. Это все - о медведе. Медведь могучий зверь. Свиристым становится лишь в случае, когда на него нападут или раздражат. Медведь – один из главных героев животного эпоса, сказок, песен, загадок, мифов, легенд, поверий, заговоров и др. Сибиряки традиционно использовали обереги из костей медвежьих лап и когтей, которым приписывались способности отгонять злых духов, придавать силу и отвагу, приносить удачу. У алтайцев есть обычай вешать на люльку младенца коготь медведя, считали, что он отгоняет злых духов.

У алтайцев медведя почитают и называют другими именами – «Мажалай» (медведь-самец в бурятском Манжалай букв. «рыжий козел») «Кайракан» (обозначает конкретный почитаемый объект, например, небо кайрокон унчукты «божество небо заговорило»), «Абагай» (старшие брат или сестра), «Ёрёкён» (мужик), «Монус» (сильный, ловкий) [14, с. 94].

В алтайских сказках мифах о животных медведь предстает перед нами в образе сильного, щедрого, хозяйственного и чересчур доверчивого зверя, хозяина тайги. В них мы обнаруживаем многие черты присущие человеку («Страшный гость», «Медведь и хитрая лиса», «Пять братьев», «О медведе», «Медведь и птица» «О ласке – Токтонок», «Медведь и кедровка», «Медведь и заяц» и т.д.). Он верит в зверей, но те его подлым образом обманывают. Так кедровка, войдя в доверие медведю утащила все шишки, лиса его столкнула со скалы и т.д.

В книге «Алтайская вера» [1, с. 132] подробно говорится об обычаях и ритуалах охотников, которые охотятся на медведей. Охотники, когда убивали медведя на ушко ему всегда шептали: не говорите, что мы вас убили, говорите, что упали с дерева, боясь наказания на том свете. За убийство медведя («Человека подземного мира»), в том мире, охотника будет наказывать сам Эрлик-Бий [1, с.136]. Одним из любимых животных Эрлик-Бия является айу. [15, с. 135]. Нет точного ответа на вопрос кто же все-таки

сотворил медведя? У Муйтуевой В.А. говорится, что это Эрлик-Бий, а в нашей записи Ялаева К. говорит (запись сделан 08.08.2014 г. от Ялаевой К., 1942 г.р., в селе Теньга Онгудайского района), что его сотворил Кудай.

В несказочной прозе алтайцев есть текст «Медведь», где написано, что медведь раньше был человеком. Поссорившись с братом, одев наизнанку шубу, стал медведем. Но, когда на пасеке весь мед съел, люди его наказали за это: «Шесть месяцев пищу не ешь» [9, с. 159]. С тех пор медведь не ест шесть месяцев зимой. В тексте «Когда медведь жену [одного] человека унес», рассказывается как медведь унес жену человека, и как эта женщина тоже обросла шерстью и стала есть сырое мясо. Но когда люди нашли ее и забрали, она пела «Медведь, медведь, медведь, хоть и медведь, муж мой, берлога, берлога, берлога, хоть и берлога, дом мой,...» [9, с. 159].

Нам удалось записать несколько мифов о медведе. В записанных нами текстах, медведя считают умным, сильным животным. В тексте №1 «Айу» (от Чолтоковой В. 1937 г.р., из рода оры село Кайсын Усть-Канского района, запись 14.08.2014 г.), медведя сотворил Эрлик-Бий, а палец отрезал ему Кудай, за то, что он начал все вокруг ломать. Отрезанный палец Кудай отдал человеку, поэтому люди его называют братом. А в тексте № 2 «Айу акабыс» (от Ялаевой К., 1942 г.р., село Теньга Онгудайского района, запись 08.08.2014 г.) говорится, что медведя сотворил Кудай. Сюжет в обоих текстах одинаков, исключая некоторые детали. Так же, Кудай отрезав большой палец, отдает человеку. Таким образом, Кудай уменьшил ум и силу медведя, которые находились в большом пальце. Поэтому, человек взявший палец медведя, называет его братом и старается не убивать его. Если, все-таки, придется убить медведя, то стараются разубедить медведя, нашептывая ему на ухо что он сам умер нечаянно. Так как, человек боится наказания и не хочет отвечать за свой поступок, на том свете. В тексте, записанном от Елтоковой Е (1962 г.р., из рода ара, село Кайсын Усть-Канского района, запись 12.08.2014 г.), говорится, что медведь был человеком. Поссорившись с домочадцами ушел в лес, заблудился, так и остался в лесу, весь оброс шерстью и стал медведем.

№ 1. Медведь

Говорят, что животное - медведь сотворил сам Эрлик-Бий. То ли правда, то ли неправда не знаю. [Медведь – это] очень сильное, умное животное, [он] хозяин тайги. Когда [Медведь], что имеется [на земле] начал ломать, то Кудай отрезав большой палец, отдал человеку, говорят.

После того, как ему отрезали палец, у [Медведя] силы и ума стало меньше. Получившие тот [медвежий] палец, люди медведя стали называть братом. Наверно, у почтенного [Медведя] сила и ум были в этом его пальце [Рассказала Чолтокова В., 1937 г.р., из рода оры село Кайсын Усть-Канского района, запись 14.08.2014 г].

№ 2. Брат медведя

Все живое ведь Кудай создал. Ну, наш брат-Медведь был самым умным и сильным из всех животных. Не зная, куда девать свою силу, [Медведь] боролся со всем, что есть [и со всеми, кто есть]. Кудай не мог [спокойно] смотреть на такое, [Медведю] уменьшил его ум и силу. Сила и ум [Медведя], оказывается, были в его большом пальце. Кудай, отрезав большой палец [Медведя], оказывается, его отдал человеку. Человек ведь взял большой палец нашего брата-Медведя. Поэтому, алтаец-человек

старается не убивать нашего брата-Медведя, но когда-либо случается такая беда, то он на ухо медведю шепотом говорит, [оказывается]: «Если попадете на тот свет, то там скажите, что вы сами упали и умерли» [Рассказала Ялаева К., 1942 г.р., село Теньга Онгудайского района, запись 08.08.2014 г].

№ 3. Медведь

Говорят, что прежде медведь был человеком. Он, поссорившись с домочадцами, ушел в лес, в лес-гору. Долго ходил, ходил, потом, [медведь], потеряв дорогу домой, заблудился. Потом, так ходил и весь оброс шерстью, говорят. Вот так [человек] стал медведем, говорят, то ли правда, то ли нет, кто это знает [Рассказала Елтокова Екатерина Петровна, 1962 г.р., из рода ара, село Кайсын Усть-Канского района, запись 12.08.2014 г].

Барсук

Мы записали два текста о барсуке. В обоих текстах говорится о лекарственном действии барсучьего жира и мяса. В тексте под № 1 «Барсучий жир», Елтокова Екатерина (из села Кайсын Усть-Канского района, 1962 г.р., из рода ара, запись 12.08.2014 г.) рассказала нам, как один мужик понял о лекарственном свойстве барсучьего жира. Когда сильно болел ребенок у одного мужика, никто не смог помочь. Ребенок умер. Осталось у мужчины кровь ребенка, которая обнаружилась в артерии, это кровь стала каменной. Он носил кровь своего ребенка как талисман на шее. Но, однажды, на охоте застрелил барсука, и когда разделявал, талисман задевая теплое сало барсука растаял. Он удивился. Ведь никто не смог помочь его ребенку, ни шаманы, ни доктора, а барсучий жир без труда растопил застывшую кровь. Об этом он [мужчина] рассказал всему народу. С тех пор, люди начали употреблять барсучье сало и мясо как лекарство. Во втором тексте, записанном от Ялаевой Клавдии из села Теньга Онгудайского района (1942 г.р., из рода телес, запись 08.08.2014 г. Муйтуевой И.) «Барсучье мясо, жир лекарство», тоже говорится о лекарственном действии барсучьего жира. В данном тексте говорится, что можно с помощью барсучьего жира лечить легкие, кашель, сердце. Также, она вспоминает, что им в детстве всегда при кашле давали барсучий жир. В доказательство Ялаева К. говорит: если на «свежее только разделанное сало попробуете положить струю свернувшейся кровь, и минуты не пройдет как она растает».

№ 1. Барсучий жир

Раньше у одного мужика ребенок сильно заболел. Он своего ребенка лечил у всех докторов, шаманов, но ничего не помогло. Ребенок его умер. Доктора, чтобы узнать от чего ребенок умер, резали ребенка. Когда разрешили, то оказалось, что в одной из кровеносных сосудов кровь [ребенка] свернулась в комочек и застыла камнем. Тот мужик взял этот комочек крови и надел на нитку, повесил на шею, сказав: «Пусть кровь [моего] ребенка будет со мной».

Однажды на охоте [тот мужчина] застрелил барсука, оказывается. [Когда он] разделявал барсука, тот комочек крови, который на нитке висел его шее коснулся теплого сала барсука, и окаменевшая кровь растаяла. Тот мужик удивился, рассказал народу, оказывается. С тех пор люди поняли, что барсучий жир-лекарство, им начали лечить болезни крови и сердца [Рассказала Елтокова Екатерина 1962 г. р, из рода ара, село Кайсын Усть-Канского района, запись 12.08.2014 г].

№ 2. Барсучье мясо, [барсучий] жир лекарства [Барсучье мясо, барсучий жир] – это ведь лекарственное наследие, оставшееся от людей давних времен. В те времена докторов не было. Люди сами из трав Алтая [делали настои], животные жиры топили, отваривали мясо животных и им лечились. Барсучье мясо, барсучий жир – это лекарства ведь. Барсучий жир хорошенько топили, пили, так лечились и те, которые кашляли, сердце лечили, [эти средства] помогали и при болезни крови. Но наши люди знают, что просто так животных Алтая нельзя убивать надо знать меру, травы, корни тоже просто так нельзя копать. Помню, что барсучий жир наливали в бутылку и ставили высоко, потом, когда мы [дети] кашляли, то [старушка] по одной ложке нам давала пить. Долго не портится [барсучий жир] и долго хранился. После того, как выпивали этот жир, сильного кашля-то не бывало, не болели. Барсучьим мясом и жиром можно лечиться и тем, у кого больные легкие. На свежее теплое [барсучье] сало попробуйте положить свернувшуюся засохшую кровь, и минуты не пройдет, как кровь растопится [Рассказала Ялаева К., 1942 г.р., из рода телес, село Теньга Онгудайского района, запись 08.08.2014 г].

Литература

1. Алтайская жан /Алтайская вера Муйтуева В.А., Чочкина М.П. – Горно-Алтайск, 1996.
2. Алтай кеп-куучындар /Алтайские предания. Ямаева Е.Е., Шинжин М.Б. – Горно-Алтайск, 1994. – 416 с.
3. Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература. – Барнаул, 1948. – 23 с.
4. Демчинова М. А. Алтайская волшебная сказка. – Горно-Алтайск, 2003.
5. Каташ С. С. Мифы, легенды Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1978. – 132 с.
6. Кучияк П.В. Сказки Алтая /литературная обработка А.Гарф и П.Кучияк. – Новосибирск, 1937. – 40 с.
7. Легенды и мифы седого Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – 48 с.
8. Муйтуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск, 2004. – 166 с.
9. Несказочная проза алтайцев / Сост. Н.Р. Ойноткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. – Новосибирск, 2011. – 576 с.
10. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Изд-е 2-е. исправленное. – Горно-Алтайск, 2006.
11. Соојындар ла кеп-куучындар / Мифы и легенды. – Горно-Алтайск, 2007. –136 с.
12. Суразаков С. С. Алтай фольклор. – Горно-Алтайск, 1975. – 232 с.
13. Яданова К. В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. – Горно-Алтайск, 2013. – 256 с.
14. Яимова Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1990– 169 с.

ORIENTALISMS IN LADY MARY WORTLEY MONTAGU'S "TURKISH EMBASSY LETTERS": DISCOURSE ON GENDER, CLASS RELATIONS AND CULTURAL VALUES

Nigiar Valish İsgandarova

D.Sc. in Philology, Assistant professor Sumgayit State University, Azerbaijan

Нигяр Валиш Искендерова, Доктор наук по филологии, доцент, Сумгайтский госуниверситет, Азербайджан

ABSTRACT

The work of Lady Mary Wortley Montagu represents a courageous and sincere ethno-cultural and sociopolitical discourse on Eastern and Western values and traditions. Lady Mary's "Letters" destroy European stereotypes on the East, which have been created in the middle Ages and are still in force today.

АННОТАЦИЯ

Ориентализмы в «Письмах турецкого посла»: дискурс о гендере, классовых отношениях и культурных ценностях

В произведении Леди Мери Уортли Монтагу предлагается честный и откровенный этнокультурный и социополитический дискурс, сравнивающий западные и восточные ценности и традиции. «Письма» Леди Мери разрушают стереотипы о Востоке, созданные европейцами еще в средние века и существующие поныне.

Ключевые слова: стереотипы, записки путешественника, ориенталистский дискурс

Key words: stereotypes, traveler's report, orientalist discourse

Starting the discourse on gender, class relations and sexuality in the "Turkish Embassy Letters", I suggest turning back to the historical background of the Letters, and particularly to the personal background of the author of these Letters. In this order, I'd like to point out important factors that stimulated creation of this work.

In that historical 1716, Turkey was at war with the Venetian Republic; Austria was committed by treaty to come to the aid of Venice. England needed to prevent Austria from be-

coming embroiled as its support was required to offset Spanish power in the Mediterranean. Ambassador Wortley was given a task of proposing England as a mediator in these affairs. It required the Montagus to travel through Holland to Austria, and then set off across the plains of Hungary. They reached Buda, and were met by Turkish guard of 130 horsemen as escort to Belgrade, at that time the Turkish sultan Ahmed III having expressed his willingness to allow the English to mediate.

While the British diplomat made hard attempts to solve this historical mission, his wife Lady Mary Wortley Montagu made acquaintances with cultural values of the Ottoman Empire, and as a result of it created a set of writings of a traveler under a common title "Turkish Embassy Letters". The popularity of this work was founded both on the interest to the historical events described by the author, and the cultural bias the narrative preserved [9].

Lady Mary, who "retained her romantic spirit under the lacquered veneer of the society lady and wit", was charmed by the prospect of travel in the East [9, p. xv]. Such a long journey from the heart of Europe to the Ottoman court afforded her a possibility "to observe the court of Vienna and compare it with the English court, to appreciate the cleanliness and orderliness of the Dutch towns, to see the lands, devastated by the war between Turkey and Austria, and to enjoy the views of Constantinople from a palace in Pera, on a hill overlooking the Golden Horn" [9].

"Turkish Embassy Letters" by Lady Mary Montagu possess that vivacity that stays as long fresh as the mosaics of the ancient monuments she saw while travelling. It is possible to make out some significant details that served to the popularity of this work. Firstly, the narrative is based on the letters, and particularly on the letters written by a woman. Reading personal information from diaries and/ or letters is always associated with peeping someone's secrets and/ or invasion into privacy. Letters as usual contain private thoughts, ideas, opinions, sensual reflections, gossip, especially if they belong to women. The title of the work contains double mystery, as these are letters written from Embassy or by Embassy representative from Turkey, an oriental country, which was at war with a half of Europe. So many secrets and attraction hidden only in the title!

Next point to be marked is that the narrator is a woman. This makes it evident that attention will be directed to details, she will be able to have an access to women's apartments, to discuss various topics so close to women, and also to gender researchers, poets, painters and journalists.

As a representative of high quality, Lady Mary was presented a chance to communicate with people of distinction, Emperor's court in European countries and Turkish court. Therefore from the title page it was stated that the Letters were addressed to "Persons of Distinction, Men of Letters". The Letters reveal a great anxiety to stress that the society she moved in was "of the first quality", the houses she visited belonged to "people of quality", and even the nuns she met were "all of quality". She marked several times, that all the travelers before her were not able to come in touch with such society and therefore estimate its superior civilization, whose customs, attributes of culture art were so highly praised by her.

She herself as a society lady and wit had erudition to be respected, a gift to compare seen and heard events. She tended to compare all she saw with what she had left behind in England. Her opinions concerned morals, fashion, architecture, and the whole society itself. For example, while travelling in Europe, she was shocked by Viennese housing, where the apartments of the nobility were "divided but by a partition from that of a tailor or a shoemaker", and "the great stairs...[were] as common and dirty as the streets" (Vienna, 8.IX.1716); she felt disgust by Austrian women's fashion – "monstrous, and contrary to all reason and commonsense" (Vienna, 14.IX.1716), and extraordinary Hanoverian morality

since "ladies being much more respected in regard to the rank of their lovers, than that of their husbands"(Vienna, 20.IX.1716). Travelling "in these poppish countries" and observing "profusion of pearls, diamonds and rubies bestowed on the adornment of rotten teeth (power), and dirty rags (relics)" made her deride (ridicule) religious superstition and human gullibility (Vienna, 14.IX.1716).

Full of admiration, her first experience of a non-European, non-Christian civilization was Turkey. She was amused by splendid views of Golden Horn from her palace in Pera, the gardens by the river in Adrianople, and the noble architecture of Constantinople. She found more to please in Santa Sophia than in St. Pauls, and also in Turkish dress and furnishings (Adrianople, 1.IV.1717). But more than the monuments of history and attributes of culture, Lady Mary was attracted by the Turkish people and their way of life. She wrote in her letter that "the ruins of Justinian church were little more than a heap of stones" [3, p.128], and she took "more pleasure on looking on Fatima than on the finest piece of sculpture" (Adrianople, 18.IV.1717).

Turkish women in the Letters deserved most heartfelt praise of Mary Montagu. Being hosted repeatedly in their homes, she found the lives of their women not confined in any unpleasant way; their behavior – relaxed and natural. Their apartments were beautifully furnished and surrounded by gardens and fountains, where they sat listening or playing music and seemed to lack nothing. "The houses of the great Turkish ladies are kept clean with as much nicety as those in Holland" (To Lady Mar, Pera, Constantinople, 10 March, 1718).

The status accorded to Turkish women impressed her most of all: the fact that they possessed their own money, in some cases, much more than their husbands', and nevertheless, their husbands had to provide them with the richest garments and jewels contradicted the social status of the English women in the 18th century.

As in the attitudes to many social problems the 18th century Britain, the status of women there was characterized by ambivalence of approaches in all spheres of life. The eighteenth century inherited an unfavorable amalgam of attitudes about women: the puritan reformers, and religious fundamentalists encouraged submissiveness in women, passivity, and dependence on men, limited education, a general containment and restriction of the "weaker vessel" [11, p.7]. Depending on class differences, the aristocratic woman led a non-productive life, divorced from the working routine of the community. The first English feminist writer, educationalist Mary Wollstonecraft wrote of the indolent, luxurious life of the aristocratic women to her sisters: "You cannot conceive the dissipated lives the women of quality lead. Five hours do many, I assure you, spend in dressing – without making preparations to bed, washing with Milk of Roses, and etc., and their conversation was only of matrimony and dress" [4, p.187]. Miriam Brody, the researcher of M. Wollstonecraft's works, in her recent writing continued this quotation of Wollstonecraft's in the same style: "What use could these ladies be? she asks. They were indifferent to the intellectual and moral development of their own children; they cared little for administering to the needs of the suffering poor who existed in appalling conditions around them" [1, p.89].

A married woman in Britain, to the contrary of social laws in Turkey, learned by Mary Montagu, could legally hold no property in her own right, not for that matter claim any

rights over her children. Families had got round these laws for many years; still the woman's dependence on the economic productivity of her husband was becoming more and more manifested in the 18th century [2, p.280].

Living in the European country full of restrictions and prejudice, Lady Mary could not stand, but passionately expressed her attitude to the Turkish women "as the only free people in the Empire" (Adrianople, 1.IV.1717). She had several reasons to make such conclusion. Firstly, she was living in the age when she was not able to establish colonial power over such a powerful state as Turkey. Secondly, in Turkey she was free to give full reign to the romanticism and sensuality in which she revealed, and she didn't suffer from any threat to her self-confidence. She found herself similarly to the ladies of zenana and they didn't seem alien to her. She realized that being evidently excluded from political and social life of the court; they wielded power and influence of the kind she herself had known. In the letter to Abbey Conti (February 1718), she contributes to better understanding of Islamic views concerning the attitude to women: "As women are not capable to manage affairs of state, nor to support the fatigues of war, God has not ordered them to govern or reform the world but he was entrusted them with an office which is not less honorable, even that of multiplying the human race". So the main mission of women – motherhood- she considered equal to governing the world, and was fully excited on learning that 'Mahommed requires of women not to live in such a manner as to become useless to the world, but to employ themselves as much as possible in making little muslimans'. Even the custom of wearing the veil, to her opinion, gave them greater freedom in the society allowing to walk out in the streets without fear of being molested or recognized, particularly, while carrying out secret assignations, as, 'having two muslins, one that covers all her face and another that hides half way down her back and their shapes, 'tis impossible for the most jealous husband to know his wife when he meets her' (Adrianople, 1.IV.1717).

Superiority of Lady Mary as a Western traveler and writer was that she could naturally and instinctively accept the relativity of cultural and moral values. She didn't fetishize the veil of Turkish women as an indicator of Muslim tradition and/or attribute of women's inferiority in the East, as do modern Western feminists in order to excite a passion for reform. In spite of it, she ended her stay in Constantinople by praising its pursuit of "present pleasure" above that of knowledge or worldly achievement. "I allow you to laugh at me, - she ends a letter, - for the sensual declaration in saying that I had rather be a rich effendi with all his ignorance, than Sir Isaac Newton with all his knowledge" (Constantinople, 19.V.1718). That change of her attitude to life appeared not only as a result of the Eastern atmosphere of luxury, freedom and entertainments which she would adopt from this visit. "Pursuit of happiness" and enjoyment was traditional for the 18th century aristocratic morals and sexuality norms in Britain; this mode of behavior would follow her later on returning back to Britain, where she, leaving her children, losing interest to the failed husband, would travel to Italy and stay there continuously.

The pursuit of pleasure, leading to happiness, became seen in Enlightenment writers from Locke and Addison to Chesterfield and Bentham, as the behavior dictated by Nature to man. "Pleasure is now, and ought to be your business," –

Chesterfield told his son. These naturalistic and hedonistic assumptions – that Nature had made men follow pleasure, that sex was pleasurable, and that it was natural to follow one's sexual urges – underpinned much Enlightenment thought about sexuality [7, p.133]. In Enlightenment society of Britain where attitude to sexuality was varied, "courtly aristocracy, whose lives were artificial, dissipated and useless, contrasted themselves to the common people, whom they regarded as leading lives dominated by custom and superstition, little better than animals" [10, p.2]. Short review on discussions about the sexuality in the 18th century Britain confirms Lady Mary's background and vision of this question. Her marking out the freedom of the Turkish women was not by chance: they lived in zenana, but in spite of Western conceptions of inferiority of eastern women they "were the freest people in the Empire". Mary Montagu's own revision of views on "pursuit of happiness" was expectable for a woman who felt never happy in her real life. Her marriage with Wortley Montagu showed that her expectations of love were neglected, and the passion had existed only in her imagination.

Psychologists insist that lost causes and unfulfilled dreams in marriage usually are the reflections of the lost childhood. We argue that her unhappy girlhood and marriage did clearly affect her sensuality, led her to somewhat aggressive manner of behavior, which was expressed in her satirical essays and epigrams, independent and truthful way of thinking. Lady Mary wasn't an ordinary woman, but it seems that all her life she bore the scars of dramatic events of her childhood and unlucky marriage. Probably, this laid her disgust for many social pains in her life, one of them that of mercenary marriages: when one of her suitors tried to find out the size of her dowry, she replied: "People in my way are sold like slaves; and I cannot tell what price my master will put on me" [3, p.16].

he was completely against mercenary marriages that were arranged everywhere in Britain and were dealt with planning marriages due to pedigree. So in her next essay on "Feminism", published in a journal called "Common sense", she proposed Ladies to be "virtues of choice, and not beauties by accident" [6, p.418], and pay those Authors with Scorn and Contempt, who, with a Sneer of Affected Admiration would throw you below the Dignity of the Human species" [9, p. X].

That call to British women in the style of her contemporary Mary Wollstonecraft had to challenge to bring them out in self-respect and self-confidence, the qualities, lack of which the British women were living with.

So, in Turkish Letters Lady Mary comparing alien values with her ones, showed a rare ability to see oneself through others' vision. "They believed, - she concludes, - that I was locked up in that machine, and that it was not in my power to open it, which contrivance they attributed to my husband" (Adrianople, 1.IV.1717).

The words I have marked in this sentence completely contradict the views of contemporary western politics, writers and physiologists, who constantly mark out the fettered position of the eastern women, their inferior status in the eastern culture and society. Even this sole expression of Mary Montagu resists the gendered (Orientalist) discourse of the western ideology, and destroys the race and gender stereotypes of it. An eastern woman denotes the western woman her chains, and the latter admits her own weakness and being locked up by the machine of religion, patriarchal ideology and society. Existing in a phallocratic western society the woman

didn't have any power to change anything, to unlock the chains, contrived by the man (husband). We repeatedly witness Lady Mary's truthful description of the attitudes to women in the East and the West, which revealed the preconceived approach of western ideology.

Literature

1. Brody M. Feminist Interpretations on M. Wollstonecraft, 1996.-237 p.
2. Commentaries on the Laws of England. New York, 1847
3. Halsband R. The Life of Lady Montagu. Oxford: Clarend Press, 1956. - 176 p.
4. Kegan P. William Godwin. London: 1876. – 230 p.
5. King-Hele D. Doctor of Revolution, 1977
6. Letters & Works of Lady M. W. Montagu// ed. Lord Whancliffe, London: 1861
7. Letters of the Earl of Chesterfield to His Son// ed. Strachey C. 2 vols., London: 1932. -365 p.
8. Manuel F.E. & F.P. Utopian Thought in the Western World. Cambridge: Massachusetts, 1979
9. Montague W. M. Turkish Embassy Letters// ed. Jack M., London: Virago Press, 1994. – 190 p.
10. Sexuality in 18-th century Britain// ed. Paul-Gabriel Bouge. New Jersey: Manchester University Press, Barnes & Noble Books, Totowa, USA, 1982
11. Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman// ed. Brody M. London: Penguin Books, 1992. – 332 p.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ПОВТОРА В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

Ормаханова Енлик Нурлановна

Докторант PhD 1 курса, совместной образовательной программы, Института языкознания им. А. Байтурсынова и КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF DIALOGIC REPETITION ARE IN TELEVISIONAL DISCOURSE

Yenlik Ormakhanova, 1st year PhD student joint educational program, Institute of Linguistics named after A. Baitursinov and Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования заключается в системном описании диалогического повтора в телевизионном дискурсе на основе коммуникативно-прагматического подхода. Особенности диалогического повтора исследованы на материале диалогов, относящихся к разговорному жанру. Источником материала устно продуцируемой (неподготовленной речи) послужили расшифровки записей развлекательно-публицистической программы «Талант-шоу» (2011 г.). Результаты, полученные в ходе исследования, дают комплексное описание диалогического повтора как средства организации речевого взаимодействия, позволяют углубленно изучить закономерности речевого взаимодействия и способы регулирования диалогической интеракции. Проведенное исследование вносит определенный вклад в теорию межличностной и речевой коммуникации.

Ключевые слова: повтор, телевизионный дискурс, речевая коммуникация

ABSTRACT

The aim of the present study is to provide systematic description of dialogical repetition on the basis of communicative and pragmatic approach. The peculiarities of dialogic repetition are investigated on the basis of the materials of the dialogues referring to colloquial genre. The source of the orally produced (unprepared) speech are the decoded scripts of entertaining feature program 'Talent Show' (2011). The results obtained during the research provide complex description of dialogic repetition as a means of spoken interaction organization, provide an opportunity for thorough study of spoken interaction patterns and regulating methods of dialogic interaction. The study makes certain contribution to the theory of interpersonal and spoken communication.

Keywords: repetition, televisional discourse, speech communication

В телевизионном дискурсе одним из наиболее частых и значимых языковых явлений, встречающихся в речевой деятельности людей, является повтор. В лингвистике повторы принято называть репризами. Репризы проявляются на всех языковых уровнях: морфологическом, фонетическом, лексическом, синтаксическом, семантическом [1, с. 227]. В масс-медийном дискурсе повтор выражает ряд функций. Необходимо учесть, что повтор следует отличать от тавтологии. Повтор может стать стилистическим приёмом, усиливающим выразительность речи. Поэтому повторы, применяющиеся в телевизионном дискурсе, не всегда свидетельствуют о стилистической беспомощности реципиента. В статье анализируются

повторы на коммуникативно-прагматическом уровне. Автор сделал попытку исследовать материалы расшифровки видеозаписей развлекательно-публицистической программы «Талант-шоу» (2011 г.).

В 20-е гг. прошлого века советский лингвист В.М. Жирмунский впервые обратил внимание на явление повтора. Он связывал это понятие с выявлением структуры текста. За основу определения понятия повтора традиционно принимают мнение Т.В. Харламовой, согласно которому под повтором понимается стилистический прием наименования ранее указанного в определенном контексте денотата - лица, предмета, качества, действия [5, с. 299].

Именно повторение слов выполняет в языке функцию основного строительного материала текста.

В ходе исследования, автором выявлены следующие функции повторов:

1. Повтор-сигнал успешного декодирования информации

Эта коммуникативная направленность диалогического повтора актуальна в условиях общения, затрудненного шумовыми помехами, невнятной речью.

Например: Ведущий 1: «Казахский народ очень талантлив, не так ли, Асем?»

Ведущий 2: «Конечно, наш народ очень талантливый!»

За счет диалогического повтора говорящий сигнализирует собеседнику, что он воспринял информацию. Следует отметить, что во время диалога вопросительные повторы, не запрашивающие дополнительной информации, не требуют ответа на риторический вопрос. Нельзя путать ситуацию такого общения с повтором-переспросом. Коммуникант не требует уточнение или подтверждение информации, так как он знает, кто нарушает закон и ворует, не сигнал заинтересованности (реплика-повтор не содержит стимула к дальнейшему развитию темы). В данном случае не происходит уяснение или запоминание полученной информации, так как она известна обоим коммуникантам.

2. Повтор-сигнал заинтересованности

Например: Участник шоу: «Я выступал на этой сцене неоднократно...»

Жюри: «Значит, ты уже принимал участие в нашей программе?»

Сигналом заинтересованности слушающего в сообщении говорящего может служить речь говорящего. Такие повторы предназначены для подтверждения внимания слушателя к речи собеседника, поощрения его речевой инициативы. В телевизионном дискурсе подобное явление называется «речевым поощрением или поглаживанием».

3. Повтор-согласие/подтверждение

Такой повтор звучит в унисон с предшествующей репликой собеседника. Это сигнал взаимопонимания, общности взглядов, согласованности речевых стратегий и тактик. Как отмечает Т.Н. Колокольцева, «идеальный случай коммуникативного согласия, когда один говорящий «угадывает» продолжение реплики другого и тот принимает версию собеседника» [6, с.51].

Пример 1: Жюри 1: «Ой, молодец!»

Жюри 2: «Молодец...»

Пример 2: Жюри 1: «Настоящий талант»

Жюри 2: «Настоящий талант, согласен»

В приведенных примерах диалогического повтора выражает согласие с конкретным мнением собеседника. Наряду с этим возможно выражение согласия как общая тональность и линия поведения в дискурсе.

4. Повтор-переспрос

Повтор-переспрос побуждает собеседника либо подтвердить, либо опровергнуть правильность декодирования полученной информации.

Пример: Ведущий: «Ты занимался дрессировкой только питонов?»

Ведущий: «Питонов? Да, я всю жизнь работаю с питонами»

Переспрос может стимулировать повторение той части прозвучавшего высказывания, которую коммуникант не расслышал или не понял.

5. Повтор - оформление высказывания (заполнитель пауз хезитации)

Целью повтора данного типа является формулировка мысли за счет дополнительного времени. В семантике такого повтора присутствует информативная опустошенность.

Пример: Ведущий за кулисами: «Волнение присутствовало и это чувствовалось. Объясни, почему?»

Участник шоу: «Волнение присутствовало...Волнение присутствовало, потому что...»

Взяв дополнительное время на раздумье, интервьюируемый смог сформулировать свою мысль и ответить на вопросы интервьюера. Это дает возможность более внимательно следить за развитием мысли или системной аргументации.

6. Повтор - диалогическое единство

Данный повтор - одно из основных средств организации диалогического единства. С помощью такого типа повтора возникает связь реплик в разговорном диалоге.

Пример: Ведущий 1: «Встречаем, друзья, Ондалсын Бейсебай!»

Ведущий 2: «Ондалсын Бейсебай...»

С одной стороны, повтор с признаками диалогического единства носит экспрессивный характер. С другой стороны, они выполняют строевую функцию, когда слово или сочетание слов повторяется, подхватывается, чтобы продолжить, развить то, что высказано в предшествующей реплике. Таким образом, повтор не только связывает данную реплику с предыдущей, но и открывает перспективу для продолжения, расширения высказывания. При таком повторе осуществляется плавный переход речевого диалога. Повторив имя участника дважды, ведущая акцентирует внимание зрителей на его выступлении.

Диалогический повтор на коммуникативно-прагматическом уровне используется для убеждения слушателей, для воздействия на их разум и чувства, для формирования адекватного восприятия информации, для концентрации внимания. Итогом реализации данного концепта является экспрессивность в речи, которая влияет на восприятие зрительской аудитории [3, с.97]. В результате исследования функционирования диалогического повтора в телевизионном дискурсе сделан вывод о том, что посредством диалогического повтора реализуются гармоничные и дисгармоничные тактики. На современном этапе развития лингвистики соединение структурно-семантического подхода с коммуникативно-прагматическим обеспечило выход «из линейной системно-структурной плоскости в прагматическое объемное пространство» [4, с.85]. Именно коммуникативно-прагматический подход к языку дает возможность лингвистам фокусировать внимание на периферийных явлениях языка и речи. Диалогический повтор с точки зрения лингвистической прагматики представляет собой уникальное явление, он полностью обращен в сферу прагматического содержания. Благодаря диалогическому повтору соотносятся и гармонизируются интенциональный, содержательный, модусный планы высказываний коммуникантов в диалоге [2, с.94]. Диалогический повтор - средство организации речевого взаимодействия, которое позволяет наблюдать технологию регуляции дискурса, осуществляемую как на синтаксическом,

так и на коммуникативном уровнях. Дальнейшее изучение диалогического повтора на коммуникативно-прагматическом уровне ориентировано на раскрытие важных коммуникативных механизмов развития диалога.

Список литературы

1. Аврамова А.Г. Лингвистические особенности электронного общения (на материале французского, английского и русского языков). Дисс. канд. филол. наук. Москва, 2005. - 227 с.
2. Андреева С.В. Трансформация вопросительных высказываний в речевом общении // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. - Вып. 27. - С. 94.
3. Барсукова М.И. Коммуникативно-прагматические функции вопросительных высказываний в медицинском дискурсе // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Изд-во Латанова В.П., 2005. - Вып. 8. - Ч.Ш. - С. 97.
4. Бырдина Г.В. Динамическая структура русской диалогической речи. Тверь: Тверской государственный университет, 1992. - 85 с.
5. Валюсинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. - М.: Наука, 1979. С. 299.
6. Колокольцева Т.Н. Диалог и диалогичность: современные тенденции развития (на материале средств массовой информации) // Активные процессы в современном русском языке: Материалы Всероссийской межвуз. конф. Ростов н/Д.: Легион, 2006. - С. 51

К ВОПРОСУ О ЯВЛЕНИЯХ ПАРАНТЕЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Пак Татьяна Виссарионовна

Преподаватель, Узбекского государственного университета мировых языков, г. Ташкент

THE QUESTION ABOUT EVENTS OF PARANTEZY IN MODERN RUSSIAN PUBLICISM

Pak Tatyana Vissarionovna, Teacher, The Uzbekistan state university of world languages. Tashkent

АННОТАЦИЯ

В данной статье говорится о расширении прагматических функций парантезы в современной публицистике. Рассмотрены случаи употребления парантезы как эксплицитного способа представления автора.

ABSTRACT

This article deals with the enhancement of pragmatic functions parantezy in modern journalism. The cases of the use of parantezy as an explicit way of presenting author.

Ключевые слова: парантеза, газетный текст, субъективность, диалогизация, разговорная речь, прагматика, монологическая речь.

Keywords: parenteza, newspaper text, subjectivity, dialogization, speaking, pragmatics, monologue speech.

Исследование особенностей использования парантезы в языке публицистики последнего десятилетия привело к интересным наблюдениям. Такие тенденции формирования и развития языка публицистики, как демократизация, усиление личностного начала, установка на диалогичность, близость к устному общению, оказали влияние на расширение прагматических функций парантезных конструкций.

Установка на общение (а не только на сообщение) поспособствовала актуализации глобальной «авторизации» газетного текста, усилению личностного начала, открытого самовыражения, возможности подвергать индивидуально-субъективным оценкам любой предмет речи. Показателем субъективного способа восприятия действительности служит парантеза. Она вносит в предложение, своего рода, «внешнемодальное» значение, непосредственно, прямо и открыто обнаруживающее личность говорящего / пишущего: мне так показалось, как мне кажется, это мое предположение, для меня лично, по-моему, глубококому убеждению, это сугубо личное мнение, это личная точка зрения одного из авторов и др. Глаголы показались и кажутся внутри парантезы используются для указания на ощущение наблюдателя в рассматриваемый

момент. Автор текста либо не уверен в адекватности своего наблюдения, либо знает о несоответствии между видимостью и действительностью. И в том, и в другом случаях выдвижение субъекта речи диктуется желанием подчеркнуть личностный характер оценки, тем самым, возможно, отделить свое мнение о данном предмете от мнения других. Прямое указание субъекта оценки на то, что она относится к индивидуальной сфере говорящего / пишущего, является и основным способом снижения категоричности.

Прагматика речевого сообщения не требует подтверждения истинности передаваемой информации. Предполагается, что ненадежность сообщения должна непременно оговариваться. Однако для усиления прагматического воздействия реализуются различные методы достоверности газетных текстов. Автор подчеркивает истинность передаваемой информации в парантезе, свидетельствуя о лично увиденном или услышанном: Его харизма столь одухотворенна, что позволяет даже незнакомым (сужу по виденным не раз случаям) мгновенно находить в нем близкого человека по родству души и мыслей (жур. «Караван» 2004). Это сейчас все раскрепощены,

микрофонов не боятся, а тогда были случаи (сам свидетель) — люди при виде включенной камеры в обморок падали (газ. «Деловая неделя», 13 мая 2005). Доверие читателя к прокомментированной таким образом информации определяется доверием к самому автору. Чтобы вызвать уверенность у адресата, журналист как бы дает ему некий залог, апеллирует к кредиту доверия, который он имеет у адресата.

Прагматическая направленность публицистики объективируется в диалогичности взаимодействующих сознаний, предполагающей актуализацию категории адресата. Парантеза используется в газетном тексте и как средство внутренней диалогизации монологической речи. Диалогизированный монолог рассчитан на соответствие читателя, соучастие в речемыслительном процессе, так как активизирует сознание читателя как воспринимающего субъекта. Автор апеллирует к памяти читателя (помните фильм Федерико Феллини?), к согласию собеседника с истинностью суждения (согласитесь, блестящая мысль, принадлежащая Мурату Ауэзову!). Парантеза используется и для создания эффекта «воображаемого диалога» с читателем, в процессе которого журналист домысливает реплики собеседника и реагирует на них: Оказалось, что любимый певец фотографа президента — Николай Басков... любимое занятие (нет, не фотографировать!) — лежать на диване и смотреть телевизор (газ. «Новое поколение», 8 февраля 2012). Организация, как профессор Мориарти, раскидывает свои сети. Уже охвачены все сферы крупного бизнеса... на подходе — малый (зачем? Наверное — за компанию) (газ. «Новое поколение», 8 июля 2005). Журналист реагирует и на возможные сомнения (не надо улыбаться, мне кажется, это важный аспект), возражения (молчи, зажигалок тогда почти не было) читателя.

В современном газетном тексте, передающем непринужденный тон общения, имитирующем процесс размышления, спонтанность в выражении мысли, парантеза используется в виде актуализированных построений, воспроизводящих особенности разговорной речи. В результате возникает сложный, богатый оттенками смысл,

многоплановое наложение и совмещение. Одной из заметных черт разговорного синтаксиса является смещение и взаимопроникновение синтаксических построений, обилие переходных типов. Это проявляется и в предикативной осложненности предложения. Ср.: Во-первых, явно возвращается в моду многослойность (это когда на Руси говорят «из-под пятницы суббота» и надевают на тонкие лосины легкую юбку, а сверху еще и тунику) ... В-третьих, по-прежнему видны ретро-мотивы (во многих коллекциях, скажем, явно из бурных 70-х годов «дети цветов» -хиппи с их экологичными натуральными тканями, незатейливой цветочной вышивкой, яркими полосками) (газ. «Новое поколение», 1 февраля 2012). Парантезные конструкции в виде придаточной части с местоимением это, с прецедентным текстом, с вводным словом скажем помогают имитировать сам процесс говорения: мы словно наблюдаем формирование мысли на ходу. Интересно, что такой разговорный тип предложения в парантезе стал естественной формой выражения мысли (были у него такие «якутские» одежды с китайским орнаментом, означающим плодородие), (это тот, который на лошади и с луком), (лет на 20 моложе мужа) и др. Парантеза в современной публицистике является мощным средством передачи эмоциональности и необычности текстам, экспликации диалогичности, а также воспроизведения особенностей разговорной речи для придания эффекта непринужденности, спонтанности в выражении мысли.

Литература

1. Гаспаров Б. М. Нелинейность как свойство устной коммуникации // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 7. Ч. 1. Горький, 1976.
2. Солганик Г. Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 9. «Филология». 2001. № 3. С. 74–84.
3. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78–100.

«ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ» КАК МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ СФЕРА ПОЛЬСКОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ

Павлюх Мария Васильевна

аспирант кафедры зарубежная пресса и информация, Львовский национальный университет имени Ивана Франко, г. Львов

«EUROSCEPTICISM AS WORLD VIEW SPHERE OF POLISH HIGH-QUALITY»

M. V. Pavlyuh, PhD student, department of the foreign press and information, Ivan Franko National University of Lviv, Ukraine
АННОТАЦИЯ

Цель. Определить основные параметры социально-политической коммуникации в современных печатных медиа Польши. Методы. концептуальный анализ, типология и классификация. Результаты. представленные в статье могут быть использованы в подготовке программ нормативных дисциплин. Выводы. В контексте освещения интеграционных процессов польская качественная пресса формирует несколько образов Европы.

Ключевые слова: качественная пресса, масс-медиа, политическая культура, тематическое направление.

ABSTRACT

Background. To define the basic parameters of socio-political communication in the modern printing medias of Poland. Methods. conceptual analysis, tipologiya and classification. Result. are presented in the article can be used in preparation of

the programs of normative disciplines. Conclusion. In the context of illumination of integration processes the Polish high-quality press forms a few appearances of Europe.

Keywords: the high-quality press, mass-media, political culture, thematic direction.

Мировоззренческая сфера политической культуры польской прессы выражается в двух частях: сторонники и враги ЕС. Эта мировоззренческая сфера политической культуры сформировалась в контексте польской истории и выразилась в евроинтеграционном дискурсе прессы. Евроинтеграционная тематика качественных изданий представлена журналистскими посткоммунистическими статьями, политическими документами, посткоммунистическим мышлением политиков и открытыми письмами, напечатанными в польской прессе. Польское общественное мнение о евроинтеграции придерживалось двух взглядов. Один назван «евроэнтузиазмом», – отображал одобрение вступления Польши к ЕС, другой – названный «евроскептицизмом» – выражал все недостатки евроинтеграции. Оба взгляды свое воплощение нашли в публицистике современной польской журналистики, разделив качественные издания на две группы: евроскептики и евроэнтузиасты.

Евроскептицизм и евроэнтузиазм – два вектора мировоззренческой сферы политической культуры польской журналистики. Польские качественные издания разделяем на «евроскептиков» и «евроэнтузиастов». В первую группу входят издания, которые остро и непримиримо критикуют Европейский Союз. Ко второй группе засчитываем издания, которые считают евроинтеграцию Польши большим шансом масштабного характера. Двовекторность качественных изданий – черта евроинтеграционной тематики качественных журналов Польши. К изданиям евроэнтузиастов относим издание «Gazeta Wyborcza». К евроскептикам засчитываем еженедельник «Niedziela», «Tygodnik powszechny», «Polityka».

Евроскептицизм польской журналистики – тематическое направление прессы, которое критикует евроинтеграционные процессы, осуждает коррупцию европейских экономических структур. Публицистику «евроскептицизма» представляют издания «Niedziela», «Tygodnik powszechny», «Polityka». Публицисты издания «Niedziela» критикуют ценности ЕС, бездуховность Европы. Среди главных тем евроскептиков, такие: критика евроинтеграции (представленная критикой нескольких аспектов евроинтеграции); осуждение бездуховной политики Запада (автаназия, наркотики, аборт); поиск национальной идентичности (популярная тематика евроскептиков); полемичный диалог изданий с проуниейными журналами.

В польской политической журналистике существовали два распространенных образа Европы: «Европа отечеств» и «Европа регионов». Эти два образа имеются в газетно-журнальной публицистике всех исследованных изданий. «Европа отечеств» – это образ культурного сообщества европейских народов, которые уважают свои традиции, обогащаются и обогащают европейские культуры. «Европа отечеств» – метафора, которая акцентирует внимание на культурологических, а не политических проблемах польского общества. «Европа регионов» – образ, который публицисты используют для критики евроинтеграции, образ, который раскрывает негативные последствия евроинтеграции. Этот образ в польском политическом дискурсе характеризуют такие определения: жестокая,

аморальная, беспринципная. «Европа отечеств» – мировоззренческий образ, который характерный публицистике евроэнтузиастов: евроинтеграция возможна только в «Европе отечеств», потому что в этой формуле нету унижений для национальной экономики, культуры, политики. Евроскептики критикуют мировоззренческий образ «Европы регионов» как большой опасности для польской независимости. Евроэнтузиасты положительно относятся к мировоззренческому пониманию «Европы отечеств». Критика изданий-евроскептиков представлена тематическими блоками (несколько статей издания, объединенных одинаковыми темами): экономическим, политическим, аксиологическим.

Экономический тематический блок представлен статьями экономического характера. Среди главных проблем, представленных в экономических статьях: сельское хозяйство (польские аграрии после вступления Польши в ЕС обеднеют); угольная промышленность (низкая стоимость польского угля на мировом рынке); пищевая промышленность (низкая оценка качества польских продуктов). Этим проблемам еженедельник «Niedziela» уделил надлежащее внимание. В статье этого журнала идет речь о защите национальной экономики перед структурами ЕС – выражена консервативная сфера политической культуры польских медиа. Главной чертой этих статей выступает критика экономической политики ЕС, которую журнал называет антипольской политикой [12, с.4]. Негативный образ экономической политики ЕС доминирует в статьях журнала.

В экономической публицистике находим апеллирование к власти с требованием проведения реформы (отсутствие такой реформы является угрозой для финансовой сферы – [16, с.1], уменьшить цены на крестьянскую продукцию, внедрить принципы свободного рынка и международной конкуренции [8, с.1]. В экономических статьях фигурирует понятие экономического аспекта европейского сообщества, который дает шанс для развития своим членам [17, с.15], обращено внимание на отсутствие программы оздоровления сельского хозяйства.

Политический блок статей нарушает важные проблемы, среди которых главные: европейская коррупция (коррупция органов Брюсселя может негативно повлиять на членство польской нации в ЕС); членство (вступление в ЕС будет происходить на принципах вступления стран Латинской Америки); политические ультиматумы (польская политика должна выполнить ряд неперспективных ультиматумов ЕС). Во всех этих статьях присутствует общий элемент – критика либеральных ценностей политики ЕС. Ценности ЕС, особенно этический вопрос легализации абортов, имеют образ негативный, потому что правительства многих стран-членов ЕС так проводят государственную политику [5]. Ценности имеют образ негативный (Е.Серчик). В статьях блока выражены консервативная и религиозная сферы политической культуры польских СМИ.

В контексте критики ценностей Евросоюза еженедельники знакомят читателя с проектом закона «Декларации о суверенности государства в сфере нравственности и культуры», который поставлен на уровень междуна-

ного права для партнеров ЕС, чтобы «католик с чистой совестью голосовал за европейскую интеграцию или против нее» [18]. Идея моральной суверенности на колонках еженедельника сквозная, главная цель, без которой евроинтеграция превратится в моральную опасность для католиков-поляков. Католическим ценностям поляков противопоставились либеральные ценности ЕС (то есть выражена религиозная сфера политической культуры).

Аксиологический блок объединяет часть печатных статей в еженедельнике, которые критикуют бездуховность либеральных ценностей и потерю национальной идентичности. Он выражает религиозную сферу политической культуры. В статьях присутствует противопоставление: католик (духовный) – либеральный (бездуховный). Среди главных тем аксиологического блока: бездуховность Европы (ценности Европы: легализация абортов, автанизация, гомосексуализм, наркотики); потеря национальной идентичности (Польша теряет свою национальную идентичность после вступления в ЕС). Статьи издания «Tygodnik powszechny» содержат евроскептические материалы. Несколько евроскептических материалов издания «Tygodnik powszechny» созвучны с публикациями «Niedzieli».

Среди статей аксиологического тематического блока на особенное внимание заслуживают такие: статья Ивана Павла II о христианской Европе. Папа критикует Европу за релятивизм, который размывает границы между добром и злом. В статье появляется образ Европы бездуховной и аморальной. Образ откровенно негативен. Этот образ сформировался в результате кризиса ценностей: «в политике кризис ценностей свое драматичное выражение находит в разрешении государства на убийство нерожденных детей. Либерализация права абортов потянула за собой снижение разницы между жизнью и смертью в человеческом мышлении» [6, с.11]. В статье присутствующая эмоциональность, религиозная терминология: дехристианизация, кризис ценностей.

В единственную плоскость издание ставит гомосексуализм и некрофилию. Они названы лицемерием, политической псевдокорректностью, псевдоценностями. Вход Польши в Европу означает внедрение системы ультралиберализму – крайней идеологии, которая на практике означает антинравственность политики многих европейских государств. Кроме того, в публицистических материалах встречаем такую распространенную формулировку: «Польше не нужно входить в Европу, потому что она уже в Европе».

Тематические блоки и направления публикаций евроскептиков представлены большим количеством авторских статей. Критика стоимостей в публикациях перенесена в этическую плоскость. Авторы рассматривают этические проблемы легализуемых абортов и автанизации как подмену понятий («война абортов», ответственность за материнство заменяется термином «репродукция женщин»). Журналисты пишут, что европейские ценности могут освободить человека (от морали и ответственности), предоставить члену творческую независимость (от общего осуждения и оценок) [10, с.16].

Духовный аспект проблематики раскрывают статьи, которые полнее всего демонстрируют религиозную сферу политической культуры. Всем этим статьям не только характерно аксиологическое (ценностное) измере-

ние, но и апологетическое (публицисты защищают ценности католического общества). Интеграция появляется как этическая категория. Духовная сфера, атеистическое мышление, духовный корень Европы, христианская сфера [16, с.2], к сожалению, не несут большого духовного значения.

Под другим углом зрения демонстрируется Европа в статье кардинала Ю.Ратзингера. Ретроспектива статьи направлена на сравнение прежней Европы – носителя духовности и бездуховной Европы. Публицистике этой статьи характерно противопоставление двух моделей Европы: прежней (духовной) и нынешней. В статьях появляется образ либеральных ценностей как образ негативных манипуляций.

Евроскептические статьи издания «Tygodnik powszechny» раскрывают проблему европейской идентичности. Попытка поиска национальной идентичности в ЕС осуществляется в статьях, которые выражают консервативную сферу политической культуры польских СМИ. В этих материалах присутствует мировоззренческая модель «Европы отечеств».

Образ Европы превращается в какую-то бесцветную этническую массу [7, с.16]. Европейская идентичность выглядит как весомая угроза национальному сознанию и идентичности (А.Веловейский). Появляются две Европы – старый континент, который был родиной гуманизма, просветительского либерализма, тоталитаризма, и Европа современная – либеральная, суверенная. Второй образ Европы выступает манипулятивным, который не имеет атрибутов демократии [14, с.6]. «Встреча двух Европ в условиях свободы и правды подтверждает тезис, что разделения континента достигают границ холодной войны. Европа становится миром, где человек сам себе чужой. Старый континент – родина асимметрии» [20, с.6]. В контексте концепции «Европы отечеств» выделяем два понятия: «Европа 23» и «Европа 12», которые связаны с политической расширением ЕС [3, с.11].

Особенный вес в критике европейских ценностей предоставлен Иоану Павлу II, который называет евроинтеграцию фальшивым фетишем. Рядом с тем Папа пишет, что Польша не нуждается во вхождении в Европу, потому что составляет ее часть. Польша «могла бы внести в Европу какие-то ценности, а не слепо приспосабливаться к западным обычаям» всего – пишет Папа [6, с.12].

Важным аспектом в публицистике евроскептиков издания «Tygodnik powszechny» выступает политика расширения ЕС (Маастрих) к востоку как страх потери своего авторитета в Европе [9, с.101]. Распространенным аргументом в вопросе интеграции выступает даже подсознательный ужас перед новой посткоммунистической ловушкой, из которой нужно быстрее всего полякам выбраться [21, с.2]. Посткоммунизм выглядит как ловушка, из которой единственный альтернативой, наделенной определенностью, выступает Европейский Союз. Следовательно, евроскептицизм в публицистике изданий «Tygodnik powszechny» и «Niedziela» формирует негативное виденье Европы, негативный образ европейских ценностей. Евроскептические метафоры демонстрируют новое восприятие Европы в глазах польских публицистов: Европа духа, обесцененная Европа, несчастная Европа. Все методы, средства, метафоры, выражают две главных сферы политической культуры польских медиа: религиозную и консервативную.

Особенное внимание в евроскептической публицистике уделено разграничению Европы: «Еврорегионы не сносят границы, не выступают надгосударственными организациями» [13, с.3]. Метафора «Европа регионов» – образ, который используют журналисты в публицистике для негативного изображения политики Евросоюза. Этот образ назван умным регионализмом [11, с.4]. Вместе с метафорой «Европа регионов» в вопросах о разграничении Европы появляется противопоставление Европы отечеств (Е.Танашевский). Этот мировоззренческий образ публицистики еженедельника рассмотрен в контексте национальных конфликтов наций. Поэтому образ Европы отечеств имеет негативную окраску. Небольшая игра слов формирует свое виденье несовершенного образа Европы. Публицистике журнала «Polityka» характерны такие главные темы: европейский регионализм и Польша (консервативная сфера политической культуры медиа), декоммунизирована Европа и посттоталитарная Польша. Политические материалы перенасыщены метафорической терминологией: европейский континент, свободная Европа. Главные черты польской публицистики евроскептиков таковы: критицизм (осуждение легализации абортов, наркотиков); апологетизм (оборона национальной культуры перед процессом евроинтеграции); пропагандизм (пропаганда христианских ценностей). Все публицистические материалы изданий-евроскептиков выражают две сферы политической культуры польских медиа – консервативную и религиозную. Философия евроскептических изданий сводится к защите католических ценностей.

Список литературы

1. Adamczyk W. Rola prasy lokalnej w integracji Polski z Unią Europejską // Prasa dawna i współczesna. – 2000. – P.155 – 165.
2. Gawlikowski K. Europejska wspólnota kulturowa a nacjonalizm // Kultura. – 1990. – № 4. – P.3 – 13.
3. Graczyk R. W drodze do Europy // Tygodnik powszechny. – 1990. – №6. – P.1.
4. Grzerni K. Zszywanie Europy // Tygodnik powszechny. – 1994. – № 24. – P.11.
5. Grześkowiak A. Dokąd zmierzasz, Europo? // Niedziela. – 1994. – №29.
6. Jan Paweł II o problemach Europy // Tygodnik powszechny. – 1990. – № 10. – P.1.
7. Jasiński L. Jak zostać członkiem Unii Europejskiej // Tygodnik powszechny. – 1996. – № 17. – P.6.
8. Kołaczyk A. Unia Europejska – oddalić mit // Niedziela. – 1998. – №47.
9. Kułakowski J. Memento dla starej Europy // Tygodnik powszechny. – 1992. – № 49. – P.5.
10. Małgorzata Z. W drodze do Unii Europejskiej // Niedziela. – 1997. – №1. – P.16.
11. Mażewski L. Być europejczykiem // Polityka. – 1992. – № 39. – P.4.
12. Mrowicki I. W drogę do Unii // Niedziela. – 1999. – № 6.
13. Passent D. O zachowaniu przy stole // Polityka. – 1989. – № 8. – P.16.
14. Podemski S. Spory w «Solidarności» // Polityka. – 1989. – № 2. – P.6.
15. Powęska A. W poszukiwaniu utraconego wroga // Polityka. – 1993. – №7. – P.18.
16. Ryszka C. Integracja jest nieetyczna // Niedziela. – 2002. – № 40.
17. Solska J. Unia dla rolników? // Niedziela. – 2002. – № 27. – P.15.
18. Sulewski J. Polska a Unia Europejska // Niedziela. – 1998. – № 27.
19. Szostkiewicz A. Niech się stanie Europa // Polityka. – 2003. – № 23. – P.23 – 25.
20. Tatarkiewicz A. Pytanie o tożsamości // Tygodnik powszechny. – 1993. – № 14. – P.6.
21. Turowicz J. Czym jest, a czym nie jest totalitaryzm // Tygodnik powszechny. – 1994. – № 10. – P.2.
22. Wolicki K. Kryzys rządowy // Kultura. – 1995. – № 3. – P.71 – 82.

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ «ЮРОДСТВУЮЩЕГО СОЗНАНИЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Петрухина Наталья Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент, Академик МАНПО, Почётный академик Академии наук ТУРОН, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан, г. Ташкент

THE POLYFUNCTIONALITY OF THE «FEEBLE-MINDEDNESS CONSCIOUSNESS» OF F. DOSTOEVSKY

Petrkhina Natalia, Associate professor (docent of Russian and Foreign Literature) candidate of Philology (in diploma - (PhD in Philology), Honorary member of the Academy of sciences «Turon», academician of the Academy of sciences of ITT Uzbekistan State University of World Language, Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы современной интерпретации карнавальной концепции «юродствующего сознания» Ф. Достоевского в контексте художественной традиции.

ABSTRACT

The article considers problems of contemporary interpretation of the F. Dostoevsky's carnival conception of the «feeble-mindedness consciousness» in the context of artistic traditions.

Ключевые слова: хронотоп, пороговое пространство-время, шут, смех, юродивый.

Key words: chronotop, threshold chronotop, the buffoon, laughter, the feeble-minded man.

В сложном и противоречивом историко-литературном процессе XX века комическое приобретает особое значение – универсального способа постижения мира и человека. Критики отмечают, что оно «актуализирует отношения между мышлением и действительностью» [5, с.46]. В русской литературной традиции, как мы уже отмечали, комическое тесным образом связано с «карнавальной» традицией. Её каноническая и неканоническая реализованность в пространстве русской литературы как XX века, так и предшествующих эпох во многом связана с мировоззренческими аспектами или направленческого плана (подчёркнутая сатиричность в классицизме и реализме, ироничность ряда романтических установок, формы комического (ирония, пародия) как способы перекодировки/деаксиологизации/переоценки смыслов в модернизме и постмодернизме, смех «абсурда» в авангарде), или персональных авторских концепций. «Карнавализация» комического в русской литературе XX века несомненно имеет в качестве претекста русскую классическую традицию, и в первую очередь века XIX. Доминантными принято считать традиционные модели «комического» Н. Гоголя, А. Чехова, М. Салтыкова-Щедрина. Функциональная роль «комической» традиции Достоевского занимает в этом ряду особое место, поскольку в первую очередь связана она с поликультурными составляющими. Мы уже отмечали, что в творчестве Достоевского в первую очередь «карнавальная» традиция наиболее открыто проявлена в использовании культурологемы «юрродство» или «юрродствующее сознание», что наиболее акцентированно проявляется в образной системе «юрродивый/шут/святой». Доминантно, на наш взгляд, реализована форма юрродства, основанная на упомянутой нами выше идеи о том, что «юрродство – форма кризиса духа и вечного стояния на пороге смерти заживо» [6, с.247].

Практически в каждом из образов Достоевского присутствует определённая константа этой самой кризисной «надломленности», что позволяет говорить о реализованности «юрродствующего сознания» практически в любом психотипе писателя. По мнению критики: «Юрродство может свидетельствовать о трагической разломленности жизни на неадекватные сферы слова и идеи: озабоченность Мышкина мысльвыражением определяет неполноту его личного юрродства, в принципе неспособного завершить героя и оставляющего его на стадии «идиота» (отсюда, в частности, все следствия трагической вины героя Достоевского). От самоуничтожительных жестов Макара Девушкина и Фомы Опискина до эстета-юрродивого Ставрогина и позерского юрродства Федора Павловича Карамазова, от маргиналов церковной Ограды («блаженная» - юрродивая Лизавета; изуверско-фанатическое юрродство отца Ферапонта) до патологического лже-юрродства Смердякова – таковы воплощения «основного героя» Достоевского. На героях Достоевского сказались исконно русское юрродство мысли (привычка к апофатическому поиску правды) и творческого поведения, связанного, в частности, с мессианистскими наклонностями: таково поведение П. Чаадаева, А. Хомякова, поздних Гоголя и Л. Толстого, В. Гаршина, Н. Федорова, В. Соловьева, символов» [6, с.247].

В творчестве Достоевского юрродство реализовано в основном в двух аспектах как структура литературного текста и проявлена она в этом случае в разветвлённой системе персонажей-юрродивых, и более концептуально актуализировано юрродство как явление психологическое,

выражающееся в поведении, жесте, слове с выходом на нравственно-этическую идею «катарсичности» и «греховности» человеческого мира. Достоевского несколько «приземляет» образы юрродивых, уравнивая их с «обыденными» героями, но в ряде случаев оставляет им право на сакрализацию «юрродствующего сознания» как формы «божьего речения».

Л.Д. Галинская отмечает концентрацию писателя на образах юрродивых и объясняет это тягой Достоевского к возможности выразить ту особую форму внутренней противоречивости и диалогичности героев, которая свойственна юрродивым. По мнению исследователя практически все персонажи оказываются в той или иной степени юрродивыми [1].

Так, практически все «юрроды» Достоевского укладываются в следующее определение «Классический юррод – это трагический лицедей, антигерой-обличитель обыденного мира и его мнимых ценностей, Божье дитя, презревшее высокоумие земных князей и собственное тело, «Божий шут» (Л. Карсавин) в веригах, актер и зритель собственной игры. его воспринимают как наместника Страшного суда на земле. Юрродивый никого не боится, суд земной ему не страшен, поскольку никто не способен оказаться более жестоким по отношению к своему телу, чем он сам; не боится он и чужого мнения. В жутковато-веселом поведении защитника правды последняя открыта, как щитом, убогим образом» [6, с.246].

Несомненно, что можно выделить ряд типологических характеристик образа юрродивого, как отмечает М. Данчук, «современные исследователи выделяют следующие черты юрродивого: особая поведенческая и речевая выразительность, странничество и тотальное одиночество героя, отвергаемого миром, парадоксальный взгляд на мир, неоднозначность восприятия его людьми (святой/сумасшедший), связь с божественным началом и демократической культурой» [2].

В творчестве Достоевского наиболее ярко это проявлено в системе так сказать «синтетических» образов юрродивых, точнее полиобразов, интегрирующих в одном психотипе несколько черт – шутство, с акцентацией на высмеивании и пародировании; масочность, с превалированием оттенков игрового преображения и скрыванием за «маской» истины; и чистого юрродивого, с доминированием страдальческой «катарсичности» как формы приближенности к Богу и Высшему смыслу, с актуализацией смысла «пророчествование». Автор первой монографии [3, с.284] о юрродивых иерей Иоанн Ковалевский, определяя психологические и нравственные координаты «жизненных» прославленных юрродивых, делает особый акцент на поведенческих стереотипах и выделяет несколько черт, характерных для «психотипов» юрродивого: уход из мира, выраженный в отказе от официальной культуры и от всех благ, предоставляемых миром; отказ «при полном внутреннем самосознании, - от самого главного отличия человека в ряду земных существ – от обычного употребления разума» [3, с.2]; обязанность и долг обличать сильных мира сего.

На наш взгляд, такое поликультурная и полипсихологическая содержательность отличает психотип «юрродивого» в рассказе Ф. Достоевского «Ползунков», для которого характерно соблюдение практически всех основных координат «карнавального» пространства – игра, масочность, фиглярство, каламбурность, чёткая оппозиция «герой «шут» - публика» и даже сценичность формально развёрнута в сцене «представления», которое даёт герой

противопоставленной ему публике. Достоевский логично разворачивает и ещё одну функцию «карнавального юродства» (сосуществующего с критериями «юрродства святого») – подчёркнутое одиночество героя/шута/юрродового, становящегося «катарсическим» и «искупающим» посреди толпы. Достоевский создаёт очень специфичный образ шута не «из профессии», уравнивая при этом с первой секунды в его психотипе уровни «комического» и «трагического»: «Я начал всматриваться в этого человека. Даже в наружности его было что-то такое особенное, что невольно заставляло вдруг, как бы вы рассеяны ни были, пристально приковаться к нему взглядом и тотчас же разразиться самым неумолкаемым смехом. Так и случилось со мною. Нужно заметить, что глазки этого маленького господина были так подвижны - или, наконец, что он сам, весь, до того поддавался магнетизму всякого взгляда, на него устремленного, что почти инстинктом угадывал, что его наблюдают, тотчас же оборачивался к своему наблюдателю и с беспокойством анализировал взгляд его. От вечной подвижности, поворотливости он решительно походил на жируэтку. Странное дело,! Он как будто боялся насмешки, тогда как почти добывал тем хлеб, что был всесветным шутком и с покорностью подставлял свою голову под все щелчки, в нравственном смысле и даже в физическом, смотря по тому, в какой находился компании».

Достоевский, со свойственной ему тягой к созданию полисемичных образов, целенаправленно подчёркивает в Ползункове особую «игровую» характеристику. Масочность, подчёркнутая Достоевским в образе Ползункова, одновременно выдаёт в нём и шута и юродового и «маленького человека» со свойственной ему «самоуничтоженностью»: «Я предположить не мог, чтоб на таком маленьком пространстве, как сморщенное, угловатое лицо этого человечка, могло поместиться в одно и то же время столько разнородных гримас, столько странных разнохарактерных ощущений, столько самых убийственных впечатлений. Чего-чего тут не было! - и стыд-то, и ложная наглость, и досада с внезапной краской в лице, и гнев, и робость за неудачу, и просьба о прощении, что смел утруждать, и сознание собственного достоинства, и полнейшее сознание собственного ничтожества, - все это, как молнии, проходило по лицу его».

Так в интерпретации «юрродового» в творчестве Достоевского появляется абсолютно новая эмблематика типа «маленького человека» с ключевыми психологическими характеристиками: противопоставленность миру богатых и сильных, вечное самоуничтожение и страдание от осознания своей «маленькости» социальной и «мелкости» духовной. В отличие от большинства подобных образов «маленького человека» в классической литературе Достоевский наделяет своего способностью к великому страданию и даже самобичеванию, рождаемых от полного разумения своей «шутовской» роли в обществе сильных. Именно эта способность к духовному страданию, на наш взгляд, восходит к основе образа «святого юродового», принимающего смех толпы как крест свыше: «Добровольные шуты даже не жалки. Но я тотчас заметил, что это странное создание, этот смешной человечек вовсе не был шутком из профессии. В нем оставалось еще кое-что благородного. Его беспокорность, его вечная болезненная боязнь за себя уже свидетельствовали в пользу его. Мне казалось, что все его желание услужить происходило скорее от доброго сердца, чем от материальных выгод. Он с удовольствием позволял засмеяться над собой во все горло и неприличнейшим образом, в глаза, но в то же

время - и я даю клятву в том - его сердце ныло и обливалось кровью от мысли, что его слушатели так неблагоприятно-жестокосерды, что способны смеяться не факту, а над ним, над всем существом его, над сердцем, головой, над наружностью, над всею его плотью и кровью».

Полиобраз Ползункова содержит ещё одну важнейшую для характеристики «карнавализации» качество – он игрок. Причём подчёркнуто игрок поневоле и в то же время «по выгоде». Парадоксальное сочетание абсолютно несовместимых качеств приводит к тому, что абсолютно размывается возможность дать чёткую характеристику его сущностных черт. Достоевский, на наш взгляд целенаправленно стирает грани между полисоставляющими его натуры, чтобы резче подчеркнуть игровую специфику психотипа «шут/юрродовый/маленький человек»: «Я уверен, что он чувствовал в эту минуту всю глупость своего положения; но протест тотчас же умирал в груди его, хотя непременно каждый раз зарождался великодушнейшим образом. Я уверен, что все это происходило не иначе, как от доброго сердца, а вовсе не от материальной невыгоды быть прогнанным в толчки и не занять у кого-нибудь денег: этот господин вечно занимал деньги, то есть просил в этой форме милостыню, когда, погримасничав и достаточно насмешив на свой счет, чувствовал, что имеет некоторым образом право занять».

Комическая концепция данного образа развёрнута Достоевским в системе «адекватной замены» друг на друга практически всех возможных координат «юрродового», что ещё более углубляет ощущение общей театральности происходящего, в котором Ползунков игрок, а все окружающие и читатель, в том числе, его зрители-жертвы... если бы не один психологический штрих-метафора. Достоевский несколько раз на протяжении рассказа детерминирует, а точнее оправдывает «игру-чуждачество» Ползункова тем, что у него «доброе сердце». Но доброта очень странная, не соответствующая ни юродству, ни шутству, а скорее обмельчавшему «маленькому/мелкому» человеку»: «Само собою разумеется, что очерстветь и заподличаться вконец он не мог никогда. Сердце его было слишком подвижно, горячо! Я даже скажу более: по моему мнению, это был честнейший и благороднейший человек в свете, но с маленькою слабостью: сделать подлость по первому приказанию, добродушно и бескорыстно, лишь бы угодить ближнему. Одним словом, это был, что называется, человек-тряпка вполне».

Так Достоевский окончательно «истребляет» в нём качество «юрродового святого», сводит на нет «искупительную» функцию, обозначенную вначале и концентрирует внимание на игроке/шуте. Полиобраз Ползункова развивается по принципу «развенчивания» обозначенных вначале характеристик не случайно. Писателю важно показать процесс обмельчания «юрродового» - «шута» - «маленького человека». Причём Достоевский задолго до Чехова начинает поднимать проблему не социально, а духовно детерминированного обмельчания личности: «Еще черта: чудака был самолюбив и порывами, если только не предстояло опасности, даже великодушен. Нужно было видеть и слышать, как он умел отделать, иногда не щадя себя, следовательно, с риском, почти с геройством, кого-нибудь из своих покровителей, уже донельзя его разбесившего. Но это было минутами... Одним словом, он был мученик в полном смысле слова, но самый бесполезнейший и, следовательно, самый комический мученик».

Так выявляется ещё одна составляющая полиобраза – чуждачество (наиболее активно феномен «чудака»

как психотипа в русской литературе XX века презентуется в творчестве В. Шукшина. «Чудики» по сути представляют развёрнутую рецепцию «доброго сердца» героя Достоевского, освобождённого от «маленькости/мелкости» социального плана) как форма «притворства», что тоже свойственно характеристике «карнавального» шутства. Критики отмечают, что «в «Ползункове» Достоевский старается не упустить ни одной черты «шута». Шут в первую очередь должен быть смешным, и в истории, рассказанной Ползунковым, смешны и сюжет, и герой, и лексика. Он умеет и хочет рассказать смешное «хорошо», изящно, и хотя слушатели просят обойтись «без каламбуров», шут не может не насладиться игрой слов. <...> Но заявленный трагизм комического не затрагивает окружающих. «Шут» Достоевского потешается над собой, делая тем иронию безобидной для других. Неспособность обличать в глаза характеризует не только «шут» Достоевского, но и понимание писателем не прямой сущности приемов комического. Обстоятельная характеристика Ползункова является «программным» изложением будущих комических и трагикомических характеров» [4].

Полифункциональная природа комического в полной мере раскрывается в психологической характеристике полиобраза Ползункова. И в этом проявлена способность Достоевского создавать определённые образные эстетические идеалы (достаточно вспомнить «положительно прекрасного человека», «сверхчеловека», «игрока», «маленького человека», «человека в человеке» и т.д.), в данном случае «карнавальный» психотип «маленького человека» с характеристиками «шута» или «балаганного» юродивого: «Это равенство наружное и неравенство внутреннее, его беспокойство за себя и в то же время непрерывное самоуменьшение, - все это составляло разительнейший контраст и достойно было смеху и жалости. Если б он был уверен сердцем своим (что, несмотря на опыт, поминутно случалось с ним), что все его слушатели были добрейшие в мире люди, которые смеются только факту смешному, а не над его обреченною личностью, то он с удовольствием снял бы фрак свой, надел его как-нибудь наизнанку и пошел бы в этом наряде, другим в угоду, а себе в наслаждение, по улицам, лишь бы рассмешить своих покровителей и доставить им всем удовольствие. Но до равенства он не мог достигнуть никогда и ничем».

Рассматривая эстетический идеал в контексте общекультурного идеала, правомерно утверждать, что он становится фактором формирования «фонда преемственности» в мировой литературе и частью общекультурной

системы развития того или иного культурного/литературного явления. Несомненно, что полиобраз Достоевского как фактор формирования общекультурной системы феномена «юрродства» в русской литературе XX века не мог не спровоцировать и становления рецептивного поля для дальнейшего функционирования «традиции» образа. На наш взгляд, особенно ярко специфика данного полиобраза «юрродствующего сознания» с акцентацией на психотипе «маленького человека» представлена в творчестве такого самобытного писателя эпохи, как М. Зощенко, для которого комическое мышление становится концептуальным в познании действительности и в ее призмах – Личности. Психологическое развёртывание образа у М. Зощенко осуществляется по принципу метода Достоевского – в основе комизма лежит философия «игры», проявленная в поливариантной системе «масочных» разоблачений героя, раскрывающих множественность его психологических составляющих «шут/юрродивый/игрок/маленький человек». Так выявляется «истинность» и «ложность» характеров героев. «Перевёрнутость» масочных проявлений образов передаётся на уровне психологических состояний героя, при помощи метафорической образности, речевого портрета, «сценических» форм самопрезентации героя (фиглярство, каламбур, пародии, мимическая игра, пародирование и т.д.). «Карнавальный мир» как правило обнажает реальный мир и тем самым вскрывает «противоречия действительности».

Литература

1. Галинская Л.Д.Ф.М. Достоевский и постмодернизм. - Режим доступа: <http://www.virlib.eunnet.net/sofia/09-2006/text/0906.html>
2. Данчук М. Юродство словом как особенность индивидуального стиля Ф.М. Достоевского. - fm-dostoevskiy.narod.ru/doc/danchuk_m..slovom.doc
3. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. - М., 1992. - 284 с.
4. Сологчин С. Г. Комическое начало в художественном стиле Достоевского Ранние произведения. – Автореф. ... канд. филолог. наук. – М., 2007 - <http://cheloveknauka.com>
5. Третьякова Е.Ю. Ирония в структуре художественного текста. - Т., 1996.
6. Юродство // Terra Humanna. –www. terrahumana.ru /arhiv/13_01/13_01_50.pdf

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОММЮНИКЕ

Попович Екатерина Сергеевна

преподаватель Новороссийского филиала, Краснодарского университета МВД России, г. Новороссийск

LINGUISTIC FEATURES OF RUSSIAN COMMUNIQUE

Popovich Ekaterina, Lecturer of Novorossiysk branch of Krasnodar Law University MIA of Russia, Novorossiysk

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена лингвистическим особенностям текста русскоязычного коммунике. Были выделены три уровня, на которых ярко выражены эти особенности: лексический, морфологический и синтаксический. В результате анализа текстов коммунике было установлено, что самыми распространенными особенностями на всех трех языковых уровнях являются использование языковых стандартов, терминологии, производных предлогов,

инфинитивных конструкций, сложных слов; наличие однородных членов предложения, пассивных конструкций, употребление безличных предложений.

ABSTRACT

The article devoted to the linguistic features of the Russian communiqué. Three levels of linguistic features were distinguished: lexical, morphological and syntactic. As a result of the analysis of the communiqués the author has come to the conclusion that the most common features of all three levels appear to be linguistic standards, terminology, derivative prepositions, infinitive constructions, compound words; also the use of homogeneous parts of the sentence, passive voice, impersonal sentences.

Ключевые слова: коммюнике; официально-деловой стиль; языковые клише; языковые стандарты; терминология; безличные предложения; морфология; синтаксис.

Keywords: language standard; style of official documents; language clichés; language of diplomacy; communiqué; stock phrase; terminology; morphology; syntax; impersonal sentences.

Коммюнике – «официальное правительственное сообщение о международных переговорах и соглашениях, достигнутых между государствами, о важных событиях во внутренней жизни страны (напр., конференциях, совещаниях и т. д.), о ходе военных действий и т.д.» [11, с. 240]. Коммюнике относится к официально-документальному подстилю официально-делового стиля речи и представляет собой краткое изложение основных положений, принятых по итогам встреч, носящих, чаще всего, международный характер. Будучи жанром официально-делового стиля речи, коммюнике содержит все элементы, лексические, морфологические и синтаксические особенности, присущие текстам этого стиля: предельная точность изложения, лаконичность, отсутствие многозначности в употреблении слов, обилие терминов, клише, языковых стандартов, употребление родовых понятий вместо видовых, наличие сложных (особенно сложноподчиненных предложений) и многое другое. Целью данной статьи является выявление лингвистических особенностей русскоязычных коммюнике. В качестве практического материала методом сплошной выборки были проанализированы коммюнике последних лет. В данной статье внимание уделяется особенностям коммюнике, наблюдаемым на трех языковых уровнях: лексическом, морфологическом и синтаксическом, так как именно на этих уровнях в большей степени проявляются все те особенности, которые отличают жанр официально-делового стиля речи русского языка от других.

Лексика официально-делового стиля речи кроме общенаучных и слов с нейтральной окраской включает в себя лексемы, которые отличают тексты данного стиля от всех других. К данным лексемам относятся речевые штампы, языковые стандарты (клише, или канцеляризм), профессиональная терминология, архаизмы, родовые понятия, всевозможные устойчивые словосочетания, не относящиеся к языковым штампам, отглагольные прилагательные.

Самый весомый пласт лексики русскоязычного коммюнике занимают языковые стандарты и клише. Их не стоит путать с речевыми штампами. Речевыми штампами называют «стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в сознании носителей данного языка как устойчивый, всегда готовый к употреблению и потому самый удобный знак для выражения определенного содержания, имеющего экспрессивную и образную нагрузку» [4, с. 134]. Неуместное употребление речевых штампов часто ассоциируется с неграмотностью, бедностью языка, говорящего и воспринимается как негативное явление в речи. Примерами речевых штампов в офици-

ально-деловом стиле могут быть выражения "люди в белых халатах", "взять на вооружение", "живой интерес", "резкая критика", например:

"Что же касается непосредственно науки (а в представлении многих – человек в белом халате рядом с микроскопом есть не кто иной, как ученый), то в нашем случае она практически не отделима от практики" [3]. Или:

"Что же независимые эксперты предлагают взять на вооружение у мегаполиса другим регионам?" [15].

Языковые стандарты вполне заслужено занимают центральное место в лексическом составе коммюнике, ведь именно благодаря им язык официально-делового стиля приобретает свою строгость, лаконичность, становится понятным, доступным и без труда переводимым на другие языки (что является очень важной характеристикой коммюнике как жанра международного официального диалога). В проанализированных коммюнике мы обнаружили следующие примеры использования языковых стандартов: "принять участие", "осуществлять взаимодействие", "передовая технология", "научный потенциал", "образовательное пространство", "на постоянной основе", "на взаимовыгодных условиях", "всесторонне сотрудничество", "инновационный процесс", "надлежащие условия", "тесное сотрудничество", "повсеместное использование", "инвестиционные проекты" и другие. Приведем несколько примеров:

"Повсеместное использование такой системы кредитов и приложения к диплому будет подпитывать прогресс в этом направлении" [5].

"Мы должны стремиться к повышению уровня первоначальной квалификации, а также к сохранению и обновлению квалифицированной рабочей силы на основе тесного сотрудничества между правительствами, высшими учебными заведениями, социальными партнерами и студентами" [2, с. 158]. Использование языковых стандартов унифицирует язык коммюнике, повышая его восприимчивость среди круга лиц, на который оно изначально нацелено – журналисты, политики, научные деятели, студенты журналистских факультетов.

Следующей лексической особенностью жанра коммюнике является использование терминологической лексики. Обилие терминов, не всегда понятных простому читателю, объясняется сущностью самого жанра: коммюнике, будучи официальным правительственным сообщением, подчиняется особым устойчивым международным правилам оформления и использование лексических единиц, характерных для той или иной проблемной отрасли. Рассмотренные в данной статье коммюнике, отражающие изменения и договоренности в системе высшего

образования и Болонского процесса, изобиливали следующими терминами: "студентоцентрированное обучение", "институциональная автономия", "трехцикличная структура", "трансверсальные компетенции", "транснациональное образование", например:

"Студентоцентрированное обучение и мобильность помогут студентам сформировать компетенции, необходимые им на меняющемся рынке..." [2, с. 160].

"В условиях, когда рынки труда все больше полагаются на навыки высокого уровня и трансверсальные компетенции, высшее образование должно вооружить студентов передовыми знаниями..." [Там же]. Использование терминологического аппарата разных отраслей подчеркивает узкоспециальную направленность жанра коммюнике. Например, в коммюнике российско-британского Энергетического диалога встречаются следующие термины: "энергоэффективность", "возобновляемая энергетика", "энергетическая безопасность", "нефтегазовый сектор". Коммюнике совещания членов координационного совета по бухгалтерскому учету при исполнительном комитете Содружества Независимых Государств от 9 октября 2007 года отличается использованием следующей профессиональной терминологии: "финансовая отчетность", "лизинговые операции", "свободное движение капиталов", "аудит", "мониторинг деятельности"; в то время как в лексике коммюнике научно-практической конференции "Перспективы освоения и использования нетрадиционных источников природного газа" преобладают следующие профессионализмы: "природопользование", "нефтегазовый комплекс", "минерально-сырьевой комплекс", "нефтегазодобыча", "углеводородное топливо". Таким образом, мы делаем вывод, что основу лексического наполнения коммюнике составляют языковые стандарты и клише, в то время как терминологический аппарат варьируется в зависимости от освещаемой в документе проблемы.

К морфологическим особенностям языка коммюнике относится использование отглагольных существительных, производных предлогов, инфинитивных конструкций, а также сложных слов. Отглагольные существительные "вовлечение", "развитие", "укрепление", "организация", "увеличение/уменьшение", "несоблюдение" используются для более точной передачи информации, к чему стремится любой жанры официально-делового стиля.

Использование производных предлогов позволяет строить более сложные и распространенные предложения. Наличие таких предложений чрезвычайно важно для языка коммюнике, задача которого состоит в том, чтобы в максимально сжатом виде передать основную информацию, касающуюся определенного вопроса. В тексте проанализированных коммюнике чаще всего встретились производные предлоги "в течение", "в связи", "на основании", "благодаря", "ввиду". Примером удачного использования производных предлогов в тексте коммюнике может служить следующие предложения:

"... компенсации части средств ФЦП «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008-2012 годы», сокращенных в связи с кризисными явлениями в мировой экономике, за счет продления..." [6].

"...если она мобилизует таланты и возможности всех своих граждан и направит их усилия на образование

в течение жизни и расширение участия в высшем образовании" [2, с. 159].

Инфинитивные конструкции "всецело содействовать", "оказать помощь", "провести переговоры" отражает деятельностную сторону коммюнике: "Также российская сторона удовлетворена... стремлением британской стороны всецело содействовать широкому включению российских высших учебных заведений в международные оценочные процессы" [12]. Выделенная инфинитивная конструкция подчеркивает одобрение деятельности британской стороны российской стороной, подчеркивает значимость деятельности первой.

Сложные слова, используемые в текстах коммюнике, как и вся остальная лексика, выполняют функцию точной передачи информации, исключения любой двусмысленности, к чему стремится деловой текст как таковой. К сложным словам, характерным для текстов коммюнике, относятся прилагательные "нижеперечисленный", "нижеизложенный", "достепенное", "трехцикловый", "долговременный", "транснациональный", "взаимовыгодный", "среднегабаритный", "пищеперерабатывающая", "внешнеторговый", "межгосударственный", "быстроразвивающийся". Кроме того, мы выделили существительные конкурентоспособность, "самосертификация", "трудоустраиваемость", "интернационализация" и другие. Как видно из приведенного списка, данные слова являются специальной лексикой, и нечасто употребляются вне делового общения.

Синтаксис жанра коммюнике также достоин отдельного упоминания. К особенностям построения коммюнике можно отнести употребление достаточно длинных цепочек однородных членов предложения (3 и более), употребление пассивных конструкций, использование родительного падежа имен существительных, преобладание сложных предложений (особенно сложноподчиненных). Кроме того, стоит отметить, что построение текста преамбулы и основной части коммюнике также имеет свои различия. Как правило, глаголы преамбулы употребляются в прошедшем времени для передачи информационного сообщения о дате, месте проведения какого-либо мероприятия, составе его участников и обсуждаемых вопросах. Употребление глаголов прошедшего времени объясняется повествовательным характером вступительной части коммюнике: "совершил рабочий визит", "состоялась встреча", "состоялась сессия", "состоялось совещание", "была проведена конференция". Основная же часть коммюнике, содержащая информацию об итогах встреч и достигнутых договоренностях, передается в настоящем или будущем времени: "участники считают целесообразным", "участники выражают благодарность", "стороны рассматривают", "стороны будут содействовать", "российская сторона высоко оценивает", "стороны свидетельствуют", "стороны создают". Эта особенность является распространенным, но далеко не обязательным элементом синтаксиса коммюнике.

Использование однородных членов предложения объясняется все тем же стремлением официально-делового стиля к точности передачи информации, недопущению двусмысленности, направленностью на предельную четкость изъяснения. Приведем пример:

"Популяризация культуры мира и ненасилия, диалога культур, нравственных ценностей, прав человека и демократии путем укрепления роли гуманитарных наук и

философии, а также исследований истории народов, населяющих Ханты-Мансийский автономный округ - Югру, их культур и традиций, истории и археологии региона" [7]. В данном предложении, взятом из коммюнике об итогах презентации Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, мы видим использование сразу нескольких цепочек однородных членов предложений, которые употребляются для более точной передачи информации в максимально сжатом виде, а также для конкретизации объекта дискуссии.

Употребление пассивных конструкций и безличных предложений в тексте коммюнике может быть объяснено стремлением делового текста к обобщению, передаче не личного, а группового, социального опыта. Этим же объясняется и использование родовых понятий вместо видовых, а также употребление существительных, называющих людей по признаку действия: "налогоплательщик", "участник", "аудитор". Стоит отметить, что страдательный залог часто употребляется вместе с предикатным словом "должен", что передает обязательный характер выдвинутых текстом коммюнике требований:

"Министры согласились, что должно быть уделено повышенное внимание..."; "группа содействия должна быть составлена..."; "она должна быть возглавлена..." [5].

Еще одной особенностью данного жанра, которую следует выделить, является использование так называемых цепочек существительных в родительном падеже: "сокращение объема поддержки", "сохранение объемов финансирования проектов поддержки российских немцев", "поддержка развития самоорганизации российских немцев", "значительное повышение объема финансирования" [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что русскоязычное коммюнике обладает языковыми особенностями трех уровней: лексического, морфологического и синтаксического. К главным особенностям на лексическом уровне можно отнести употребление языковых стандартов, терминологии, родовых понятий. Морфологические особенности включают в себя употребление производных предлогов, инфинитивных конструкций и сложных слов (существительных и прилагательных). Синтаксис жанра коммюнике отличается наличием длинных цепочек однородных членов предложения, использованием пассивных конструкций, а также употреблением безличных предложений.

Список литературы

1. Афанасьева Н.Д. Особенности лексической системы официально-делового стиля. // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2010. – Т. 2. – С. 7-10.
2. "Болонский процесс 2020 – Европейское пространство высшего образования в новом десятилетии". Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование. // Высшее образование в России. – № 7. – 2009. – С. 156-162
3. "Индивидуальный подход. В борьбе с раком поможет молекулярная диагностика" // Аргументы и

факты – 2015, 20 марта. Режим доступа: <http://www.aif.ru/health/life/1467177>.

4. Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. Журналистика и лингвистика, коммуникативистика и право, история журналистики и технологии et cetera: дефиниции, термины, концепции, справочные материалы / А. А. Князев; Кыргызско-Российский славян. ун-т. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. – 164 с.
5. К зоне европейского высшего образования". Коммюнике встречи европейских министров, отвечающих за высшее образование. Режим доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/international/praha/>.
6. Коммюнике шестнадцатого заседания Межправительственной Российско-Германской комиссии по проблемам российских немцев. Режим доступа: http://rusdeutsch.ru/file/2010_1/Kommunique_16_Sitzung_DRRK_Potsdam_2010_ru.pdf.
7. Коммюнике об итогах презентации Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Российская Федерация, в штаб-квартире ЮНЕСКО (28-29 октября 2014 года, Париж, Франция). Режим доступа: unesco.ru/media/2014/12/R_C_rus.pdf.
8. Коммюнике научно-практической конференции "Перспективы освоения и использования нетрадиционных источников природного газа". // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – № 8. – 2011. – С. 47-48.
9. Коммюнике совещания членов координационного совета по бухгалтерскому учету при исполнительном комитете Содружества Независимых Государств. // Международный бухгалтерский учет. – № 12 (108). – 2007. – С. 2-3.
10. Коммюнике российско-британского Энергетического союза. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d46d70ea97fdeba604.pdf>
11. Словарь иностранных слов / Гл. ред. Ф.Н. Петров. – М.: Русский язык, 1985. – 608 с.: 240
12. Совместное коммюнике Российского Союза ректоров и Times Higher Education о принципах взаимодействия. 10 марта 2010 года, г.Москва. Режим доступа: http://old.rsr-online.ru/doc/2010_03_10/3.pdf.
13. «Создание общеевропейского пространства высшего образования». Коммюнике Конференции министров, отвечающих за высшее образование. Берлин, 19 сентября 2003 г. // Вестник ВГУ. – 2003. – С. 64-67.
14. Флоря А.В., Егорова Н.В. Языковые особенности официально-делового стиля. // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 278-288.
15. "Экономика по-новому. В столице всё больше индивидуальных предпринимателей" // Аргументы и факты – 2015, 18 марта. Режим доступа: <http://www.aif.ru/money/business/1468946>.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ERDE»

Радчук Ольга Андреевна

преподаватель кафедры филологии, аспирант, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, г. Костанай

Radchuk Olga, Teacher of Department of Philology, Postgraduate student, Kostanay Branch Chelyabinsk State University Kostanay

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию концепта «Erde» («Земля»). Концепт репрезентирован метафорическими образами в поэтической картине мира Р.М. Рильке. Данный феномен является одним из доминантных пространственных концептов в творчестве поэта. Выбор темы обусловлен тем, что пространственный концепт «Erde» в стихотворениях поэта в рамках когнитивной лингвистике мало изучен. Следовательно, актуальность заключается в рассмотрении индивидуально-авторских концептуальных метафор, которые влияют на формирование поэтической и языковой картины мира в целом.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the concept «Erde» («Earth»). The concept represented metaphorical images in poetic picture of the world R. M. Rilke. This phenomenon is one of the dominant spatial concepts in the works of the poet. The choice of the subject is due to the fact that the spatial concept «Erde» in the poems of the poet in the framework of cognitive linguistics is poorly understood. Therefore, the relevance is to consider the individual author's conceptual metaphors, which affect the formation of the poetic and linguistic picture of the world.

Ключевые слова: концепт; метафора; поэтическая картина мира.

Key words: concept; metaphor; the poetic picture of the world.

Согласно определению в немецком толковом слове «Erde» имеет следующие значения: Gemisch aus verwitterten Gestein und organischen Stoffen von unterschiedlich brauner Farbe (смесь из выветренных горных пород и органических материалов различных тонов коричневого цвета), fester Boden, Grund auf dem man steht (твердая почва, грунт, на котором можно стоять), der von Menschen bewohnte Planet (обитаемая людьми планета) [2, 327].

Исходя из вышеизложенных определений Земли, становится интересным выявить особенности ее метафорического представления в поэзии Р.М. Рильке. Материалом для исследования послужили стихотворения из сборника стихотворений на немецком языке [3] и собрания сочинений на русском языке [1].

В ходе анализа стихотворений было выявлено, что концепт «Erde» представлен несколькими типами метафор. Сферами-источниками выступают сферы антропологии, пространства и времени. Преобладающими метафорами в объективации Земли выступают антропоморфные. Метафорические образы Земли у Рильке имеют сходство с человеком. Земле свойственна умственная деятельность: она может говорить, читать стихи, понимать и осознавать происходящие события.

Антропоморфные ментально-интеллектуальные метафоры:

Die ERDE ist wie ein Kind, das Gedichte weiß...

(Das XXI. Sonett. Die Sonette an Orpheus)

И, как девочка в школе, земля тараторит стихи наизусть...

(Сонет XXI. Сонеты к Орфею)

...Ich aber will dich begreifen wie dich die ERDE begreift...

(Alle, welche dich suchen... Aus dem Buch von der Pilgerschaft)

Я хочу тебя понять, как понимает тебя Земля

(Кто вопрошает тебя... Из книги «Часослов»)

Антропоморфные физиологические метафоры:

У земли есть руки, которыми она может махать:

...warf sich in zwei Stücken auf die ERDE,
die jetzt an seinem Munde wie ein Schrei
zu hängen schien und so als sei
sie seiner Arme wachsende Gebärde.

(Ein Pilgermorgen. Aus dem Stundenbuch)

Прилипла, словно вопль, земля к устам

И стала, будто бы он сам, вытягиваться и махать руками.

(На богомолье. Из книги «Часослов»)

Земля умеет дышать, засыпает и просыпается, испытывает жажду. Как у людей у нее возникают трудности. Ср.:

... und draußen wacht und atmet deine ERDE

(Denn, Herr, die großen Städte sind... Aus dem Stundenbuch von der Armut und vom Tode)

А снаружи просыпается и дышит твоя земля...

(Ты веси... из книги «Часослов»)

die ERDE saugt aus ihren langen Krallen

(Fragmente aus verlorenen Tagen. Aus dem Buch der Bilder)

И выпито из них земною пылью...

(Фрагменты потерянных дней. Из «Книги картин»)

Антропоморфная социоморфная метафора:

... und doch: wenn deine ERDE Nöte hätte:

sie reihte sie an eine Rosenkette und

trüge sie wie einen Talisman.

(Sie sind es nicht... Aus dem Stundenbuch von der Armut und vom Tode)

Но если бы земле нужда приспела,

она бы их на листовку надела

и на руке носила от невзгод

(Нет, не бедны. Из книги «Часослов»)

Антропоморфная психологическая метафора:

Und in den Nächten fällt die schwere ERDE

aus allen Sternen in die Einsamkeit.

(Herbst. Aus dem Buch der Bilder)

А ночью в одиночество впадает,

упав из звездной темноты...

(Осень. Из «Книги картин»)

Пространственная характеристика земли описывается локальными метафорами.

Wer kann beschwören, dass nicht in der ERDE
ein Sprung sich hinzieht durch gesunde Samen.

(Requiem für Wolf Graf von Kalckreuth. Aus Requiem)

Кто мог бы присягнуть, что не в земле

прыжок сквозь родственное семя длился...

(Реквием по Вольфу Графу фон Калькрейту. Из Реквиема)

Земля выступает в качестве места. Предлог *in* обозначает в, внутри. Таким образом, можно предположить, что Земля – это некое пространство, в котором происходят судьбоносные события поколений.

Примечательно, что для поэта переход через землю представляется началом чего-то нового.

... seit sie aus dem Kreis der Ewigkeiten
liebend fortging, um sich durchzubreiten
durch die ERDE, wie ein junges Jahr.

(Eva. Aus der neuen Gedichten)

С той поры, когда она из круга
вечности, влюбленная подруга,
вышла, чтобы время началось.

(Eva. Из «Новых стихотворений»)

В ходе рассмотрения метафор «Земли» в стихотворениях Рильке было обнаружено, что они амбивалентно описывают сущность данного концепта.

Des Armen Haus ist wie ein Altarschrein

Und wie die ERDE ist des Armen Haus...

(Des Armen Haus ist wie ein Altarschrein. Aus dem Stundenbuch von der Armut und vom Tode)

Дом бедняка как теплая земля.

Земля во время звездопада покрывается звездами, от которых бедняку становится тепло и уютно. Или в XXI сонете поэт применяет эпитеты радостная, веселая: «Wir wollen dich fangen, fröhliche ERDE» // «О земля, весел твой хоровод». (Das XXI. Sonett an Orpheus. XXI сонет из «Сонеты к Орфею»). В другом стихотворении земля – новая, неизведанная: «aus dem fertig-vollen Garten Eden einen Ausweg in die neue ERDE» // «где из сада райского дорога к новым землям...» (Adam aus den neuen Gedichten. Адам из «Новых стихотворений»).

Обновление земли прослеживается в темпоральной метафоре, коррелирующей с землей: «Siehe, den Frühling der ERDE» // «Видишь весна земли» («Perlen

entrollen» aus den Gedichten (1906-1926). Жемчуг рассыпался. Из «Стихотворения (1906 1926)».

Противоположное (отрицательное) значение земли встречается в стихотворении «Der Lesende», где земля увеличивается и охватывает небо. Небо становится невидимым и наступает тьма, которая несет за собой печаль, разлуку, беды.

da wächst die ERDE über sich hinaus.

Den ganzen HIMMEL scheint sie zu umfassen...

(Der Lesende. Aus dem Buch der Bilder)

Земля, перерастает оком.

И, кажется, все небо обнимает.

И первая звезда – как ближний дом.

(За книгой. Из «Книги картин»)

Негативная коннотация земли обнаруживается в стихотворении «Die Rosenschale». Поэт как бы намерено использует темпоральную метафору «Dunkelheit der abendlichen ERDE» // «тьма вечерней земли», чтобы усилить ощущение страха и тревоги. В темное время суток земля становится невидимой.

Как было отмечено выше, для вербализации концепта «Erde» в метафорических образах поэт использует лексику из различных областей-источников. Следует отметить, что для полного раскрытия данного концепта важным является не только выявление окказиональных метафор, но и интерпретация контекста, в котором используется метафорический образ земли. Согласно исследованию, земля в поэтической картине мира Рильке коррелирует с концептами из антропосферы, ментально-интеллектуальной сферы, сферы пространства, социосферы, темпоральной и психологической сфер.

Разнообразие связей концепта «Erde» в поэтической картине мира Рильке свидетельствует о многоплановой сущности данного феномена, в отличие от его толкования в лексикографическом источнике, описывающих в большей степени его денотативное значение.

Список литературы

1. Рильке, Р.М. Собрание сочинений в 3 т. Т.1 и 2 / Райнер Мария Рильке; [Пер. с нем.]. – М.: Престиж Бук. – 2012. – 336. 368.
2. Duden Das Bedeutungswörterbuch. – Mannheim: AG Bibliografisches Institut & F.A. Brockhaus, 2002. – 1103 S.
3. Rainer Maria Rilke Die Gedichte. – Frankfurt am Main: Insel Verlag, Germany, 2013. – 1132 S.

ОБРАЗ РЕБЕНКА КАК ВЫРАЗИТЕЛЯ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ В НОВЕЛЛЕ-БЫЛИ «ОРЛАХСКАЯ КРЕСТЬЯНКА» В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Рымарева Елена Николаевна

*аспирант 1-го года обучения, Направление подготовки: 45.06.01. Языкознание и литературоведение,
Шифр специальности: 10.01.01, Нижневартковский государственный гуманитарный университет*

THE IMAGE OF A CHILD AS THE PROVERBIAL WISDOM MEDIUM IN V. F. ODOYEVSKII'S NOVELLA 'THE ORLAKH PEASANT'

Rimareva Elena Nikolaevna, 1st year Postgraduate student, Linguistics and Literary studies, Course code: 10.01.01

Nizhnevartovsk State University

АННОТАЦИЯ

Истоки «детской» темы В.Ф. Одоевского связаны, с одной стороны, с личной драмой мыслителя, с другой – с его увлеченностью немецкой идеалистической философией и романтической эстетикой. Ребенок как выразитель

народной мудрости представлен в образе Энхен в «Орлахской крестьянке» воплощением детской чистоты. В героине совмещены два типа сознания — современное и архаичное, основанное на интуитивном постижении мира народом и ребенком.

SUMMARY

The origins of child theme in V.F. Odoyevskii's creative work stem from both his personal drama and his interest in German idealistic philosophy and Romantic esthetics. The child as medium of proverbial wisdom, represented by Annhen in 'The Orлах Peasant', is an embodiment of child's purity. The heroine combines two types of mentality — modern and archaic, based on the people's and children's intuitive cognition of the world.

Ключевые слова: новелла; принцип романтического двоемирия; ребенок; романтизм.

Key words: novella; the Romantic concept of two worlds; child; Romanticism.

Творческое наследие выдающегося русского писателя и философа князя Владимира Фёдоровича Одоевского (30.07.1803 г. – 27.02.1869 г.), со смертью которого прервался род одной из старейших ветвей Рюриковичей, долгое время незаслуженно оставалось в тени исследований русского литературоведения.

Его литературное наследие мало известно широкой читательской публике. В конце своей жизни Одоевский, оценивая прожитую жизнь, сетовал: «Моя история еще не написана» [3]. В настоящее время написано и опубликовано около трехсот книг и статей, посвященных Одоевскому. П.Н. Сакулин, Е.А. Маймин, М.А. Турьян — одни из лучших знатоков творчества Одоевского. М.А. Турьян была первой, кто рассказал читателям драматическую картину распада семьи рода Рюриковичей, поведала о полусиротском детстве и ранней юности Одоевского, о роли малокультурного и деспотичного отчима, сославшего его в пансион, что в свою очередь породило раздвоенность сознания подростка и отстраненность от семейных уз. Личная драма нашла отражение в творчестве писателя. Детский мир его литературных героев также в некотором смысле трагичен. Отпечаток личных переживаний несут в себе и «Пестрые сказки», и новелла о Бахе в «Русских ночах».

Мировоззрение писателя в большей степени сформировалось в годы отрочества и учебы в Московском университетском благородном пансионе, закрытом учебном заведении, в котором учились лишь мальчики знатных дворянских родов. Имя Одоевского наряду с именами других выдающихся выпускников этого учебного заведения, В.А. Жуковского и А.И. Тургенева, было начертано на почетной доске пансиона.

Прежде всего, говоря о личности В. Одоевского, современники вспоминают знаменитый кружок «Общество Любомудрия», где он председательствовал. Собрания литературно-философского кружка проходили на протяжении трех лет, их печатным органом был альманах «Мнемозина», в четырех выпусках которого отразились философские взгляды Любомудров на природу, человека и общество. Являясь приверженцами немецкой идеалистической философии и романтической эстетики, Любомудры связывали перспективы просвещения и философской культуры в России, прежде всего, с философией Шеллинга. Будучи идейно близки к философам иенской школы, они разработали теоретические основы эстетики романтизма, положившей основу принципа «искусство для искусства», эстетической концепции, утверждающей независимость искусства от социума и политики и провозглашавшей самоценность художественного творчества.

Именно здесь следует искать истоки картины мира, воспроизведенной в текстах Одоевского, построенной на принципе романтического двоемирия, одновременного

существования эмпирически доступного мира и мира запредельного, и принципе развертывания одномерной картины реальной жизни. Истоки познания великий писатель видел в народных легендах и суевериях, в детских фантазиях и вместе с тем свято верил в возможности человеческого разума.

Пристальное внимание Одоевский уделял детям, считая, что в ребенке и сокрыта та святая непорочность, та «правда» жизни, которую стремится постичь человечество. В «Психологических заметках» он писал: «В младенце нынешнем не может развиваться инстинктуальное знание до совершенства, ибо мы живем в век изысканий; общим характером периода ограничивается характер каждого неделимого. Но все заметно инстинктуальная сила в младенце, и это доказывается тем, что дети скорее взрослых (изыскательная эпоха неделимого совпадает с изыскательною эпохою общего для всего человечества периода) подвергается магнетическому состоянию. Ребёнок редко ошибается. Его ум и сердце еще не испорчены» [4, с. 37].

Для «детских» произведений Одоевского характерны следующие особенности: для его повествовательной манеры важно не наличие ответов на поставленные философские вопросы, а наличие самих вопросов; тон авторских нравоучений не назидательный, а доверительный.

Его авторской манере присущи гиперболизация, аллегоричность и гротескность изображения, а излюбленным приемом повествования становится диалог, который сочетает в себе наряду с академическим тоном и ученостью, античными истоками, детскую наивность и простоту.

Уникален в некотором роде образ ребенка как выразителя народной мудрости в рассказе В.Ф. Одоевского «Орлахская крестьянка». «Орлахская крестьянка» должна была стать одной из новелл цикла «Беснующиеся», но авторский замысел так и остался замыслом, а новелла о крестьянской девочке Энхен Громбах — единственным законченным произведением, которое увидело свет в 1836 г.

Рассказ написан на основе реальных исторических событий, и у главной героини имелся реальный прототип. В феврале 1831 года в Вюртемберге, в округе Галль, в деревушке Орлах в крестьянской семье Громбахов с одним из четырех детей, двадцатилетней дочерью Магдалиной, стали происходить странные события, приведшие к весьма трагичному финалу, которые получили в дальнейшем широкую огласку и даже закрепили за девушкой имя «прорицательница». Эта нашумевшая история в 1834 году была зафиксирована немецким ученым Юстинусом Кернером в «Истории девушки из Орлах», а затем художественно переосмыслена Одоевским. Примечательно, что

произведение увидело свет еще при жизни реального прототипа.

Правдивость истории неоднократно подчеркивается и автором, и повествователем. Эпиграфом к ней Одоевский взял слова Эммануила Сведенборга из «Усад мудрости, проистекающих из Любви Супружеской за которыми следуют похоти безумия, проистекающие из любви блудной»: «Я предвижу, что многие почтут слова мои за выдумку воображения; я уверяю, что здесь нет ничего выдуманного, но все действительно бывшее и виденное не во сне, а наяву» [5, с. 322].

Граф Валькирин, рассказывающий историю двадцатилетней Энхен, также настаивает на истинности событий: «Я рассказываю истину без всяких прикрас. Все, что я вам буду рассказывать, мне передано почтенными людьми, которые были очевидными свидетелями всего происшествия» [5, с. 326]. А его слова в свою очередь подтверждает еще один слушатель светского приема, барон Кейнезейт, который якобы слышал от добрых немцев историю о крестьянской девушке, «...в которой будто говорил человек, умерший лет за 400, и будто бы рассказывал такие подробности о том, что было за 400 лет» [5, с. 324], когда проезжал по Германии. Автор также указывает на шестерых человек: нескольких врачей и других известных в Германии людей, которые присутствовали в момент «возрождения» Энхен к реальности, хотя молодой племянник княгини Звенский верно пытается возразить графу Валькирину, указывая на схожесть рассказов Энхен, с немецкими сказками, «...в которых белые и черные приключения играют большую роль» [5, с. 335].

Если говорить о жанровом своеобразии, то отнесение «Орлахской крестьянки» к новелле весьма условно. Этому прозаическому жанру, разворачивающемуся преимущественно в повествовании, характерны такие черты, как: динамизм, лаконичность, эмоциональность, таинственность, однолинейность сюжета, основанного на каком-либо необычном происшествии, простая фабула и твердая концовка. Людвиг Иоганн Тик, входивший в число романтиков иенской школы, также указывал на соединение и взаимозаменяемость в новелле «чудесного» и «повседневного».

Большинство литературоведов, определяя жанр новеллы, акцентируют внимание именно на концовке. Б. М. Эйхенбаум говорит об этом так: «По самому своему существу новелла, как и анекдот, накапливает весь свой вес к концу. Как метательный снаряд, брошенный с аэроплана, она должна стремительно лететь к низу, чтобы со всей силой ударить своим острием в нужную точку» [7].

Эта особенность новелл зафиксирована и во многих литературоведческих словарях.

Благодаря творчеству Э. Т. А. Гофмана, Новалиса и других немецких романтиков новелла стала восприниматься как «фантастическая сказка», и только гораздо позднее под новеллой стал подразумеваться короткий драматический рассказ с неожиданной концовкой. Эта неожиданность развязки и есть главное в новеллах П. Мериме, Г. де Мопассана и других мастеров малой эпической формы.

«И что в особенности отмечает новеллу романтиков – это ее связь со сказкой, научавшаяся еще у Тика. Они были привержены к сказке фольклорной и литературной, сочиняли собственные сказки, как Брентано, например, и вводили сказку как элемент иной раз преобладающий в

свои новеллы и повести. Сожительство новеллы и сказки имело свои внутренние основания. Новелла охотно идет навстречу эксцентрике, а та может развиваться до фантастики, и тогда есть повод для союза со сказкой. При этом новелла не изменяет своей реалистической природы, фантастика вмещается в нее на правах странной игры, которая взялась из почвы реальных отношений, нередко из быта самого заурядного, – так у Шамиссо, так у Гофмана» [1, с. 133].

Первой трети XIX века характерно разрушение классического понимания новеллы как жанра. Исследователь Е. Мелетинский считает, что в этот период «...одно неслыханное происшествие разбавлялось рассуждениями, описаниями и излияниями, столь чуждыми новеллистической лапидарности; вносились и дополнительные новеллистические эпизоды» и, таким образом, границы жанра размывались» [2, с. 194].

Для Одоевского главным было изображение сложного внутреннего мира Энхен, противоречивость душевной жизни, стремление осуществить анализ ее внутреннего «я». Поэтому это своего рода новелла – быть, в которой описывается невероятное событие: в девушку вселяется то девушка в сером, настоятельно требующая снести дом, то черный монах, оказывающийся на самом деле страшным убийцей из далекого прошлого. И хотя эмоциональная напряженность и острота сюжета, характерные новелле, имеют место быть, она лишена динамизма. Чересчур подробны диалоги Энхен с Анной, жившей 400 лет назад и не нашедшей покоя в ином мире, физические муки бедной Энхен. Да и традиционного новеллистического пунта читатель тоже не находит. Все заканчивается довольно предсказуемо: исполнив просьбу женщины в белом, подав ей руку (правда, прикрытую платком), она изгоняет из себя и мужчину в черном, глумившегося над душой бедной Энхен до того самого момента, пока не нашли место, где хранились останки убиенных им людей и младенцев. Трагичность и сверхъестественность событий в своем роде «роднит» «Орлахскую крестьянку» с готическими поэмами, но здесь абсолютно не характерная для этого жанра обстановка. Действие разворачивается не в старинном замке или святом аббатстве, а в простом крестьянском доме, под фундаментом которого, правда, скрыта старая и страшная тайна.

Особо следует обратить внимание на образ Дома, играющий значимую роль в художественном мире немецких романтиков. Дом – это в некотором смысле также романтическая картина мира. Это не просто бытовой пространственный образ, а своего рода антитеза ограниченного пространства – неограниченному, внутреннего – внешнему. В системе пространственно-временных отношений Дом как образ, формирующий пространственное представление, в конечном итоге формирует картину бытия. Ф. П. Федоров, рассматривая образ Дома в труде «Романтический художественный мир: пространство и время», указывает на его особое положение в картине романтического двоемирия. По его мнению, у ранних романтиков, рассматривающих все «конечное» как «бесконечное», а «временное» как «вечное», «дом теряет комплекс значений, существовавших к тому времени в европейской культурной традиции» [6, с. 429]. У поздних романтиков эти категории теряют свои связи, разрываются, отсюда и иная интерпретация образа Дома, который становится «классическим воплощением конечного». Дом

Громбах «построен был на остатке плотной старинной каменной стены» [5, с. 327], то есть на границе двух миров, являя собой точку взаимодействия этих миров. Многомерность этого художественного образа зарождается на грани быта и бытия.

Как истинный писатель-романтик, Одоевский верил, что внимательному и думающему читателю будет недостаточно рациональных объяснений загадочных явлений, произошедших с простой крестьянской девушкой, и это лишь заставит его задуматься над великими тайнами – тайнами человеческой души, внутреннего мира. И цель была достигнута.

Вообще, следует отметить, что творческой манере Одоевского характерно более ставить перед читателем вопросы, чем отвечать на них. Так, остается загадкой: почему именно в тело бедной Энхен вселились души умерших. Черный считает, что она так же глупа, как и обманутая Анна, покровительствующая бедной девушке. Та, в свою очередь, видит в этой непорочной и чистой душе свое избавление. Только в чистой святой душе девушки «из народа», необученной грамоте, трудолюбивой и честной, может найти спасение заблудшая душа грешницы, только святая простота может не допустить и мысли поддаться на искушения демона в черном. Такая сила, по мнению автора, свойственна лишь непорочным детям.

Правда, двадцатилетнюю орлахскую крестьянку опять-таки весьма условно можно отнести к категории «ребенок», ведь ей уже 20, но если рассматривать этот период жизни человека не столько с математической, сколько с нравственной точки зрения, то, безусловно, в душе она чиста и невинна, как младенец. Сознание девушки-оборотня отличается детской чистотой представлений о мире, что позволяет совмещать в героине два типа сознания — современного и архаичного, основанного на

интуитивном постижении мира, каковым является сознание народное и детское. А незавершенность повествования, множество имен в цепи доказательств реальности истории есть не что иное, как проявление романтической иронии, которая выражала и отношение автора к несведущему читателю, и безграничную возможность истолкований судьбоносных перипетий, и многообразие самой жизни. Одоевский-мистификатор очень любил такие романтические проделки.

Список литературы

1. Берковский, Н.Я. Романтизм в Германии. – Л., Худож. лит., 1973. – 568 с.
2. Мелетинский, Е. М. Историческая поэтика новеллы. – М., Наука, 1990. – 278 с.
3. Одоевский, В.Ф. Сочинения в двух томах. Исследования - комментарии – ссылки В.Я. Сахаров. О жизни и творениях В.Ф. Одоевского <http://odoevskiy.lit-info.ru/review/odoevskiy/006/569.htm>
4. Одоевский, В.Ф. Записки для моего правнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса / Сост., вступ. ст. и примеч. В.И. Сахарова – М., Русский Мир, 2006. – 512 с.
5. Одоевский, В.Ф. Орлахская крестьянка. В кн. Ярмарка колдовства: Страшные истории для детей и взрослых. Н.В. Гоголь, А. Погорельский и др. – Пермь, Книжный мир, 1994. – 322-336 с.
6. Федоров, Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время / Ф.П. Федоров. – Рига, Зинате, 1988. – 454 с.
7. Эйхенбаум, Б.М. О. Генри и теория новеллы. <http://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry02.html>.

СПЕЦИФИКА ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ В РОМАНЕ ОЛЕСИ НИКОЛАЕВОЙ «ИНВАЛИД ДЕТСТВА»

Родина Ирина Витальевна

Старший преподаватель, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан, г.Ташкент

THE SPECIFIC OF CHARACTERS SYSTEM IN THE NOVEL BY OLESYA NIKOLAEVA

Rodina Irina Vitalyevna, The lecturer, The Uzbek State University of Word Languages, Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрена специфика организации системы образов персонажей в романе Олеси Николаевой «Инвалид детства».

ABSTRACT

the article considers problem of the interpretation of the specific of characters system's organization in the O. Nikolayeva's novel «The person with childhood disability».

Ключевые слова: герой, конфликт, типическое, индивидуальность.

Key words: hero, conflict, typical, individuality

Общеизвестно, что искусство и литература, как его неотъемлемая часть, «мыслит» образами. Художественный образ есть способ отражения и постижения окружающей действительности. В произведении художественный образ необходим для создания особого мира художественного произведения. Художественный образ как бы

преобразует окружающую действительность, воплощая в себе наиболее значимые для авторского мировосприятия составляющие. В образе писатель стремится отобразить свое представление о сущности бытия, свое понимание закономерностей развития человеческого общества в определенный исторический момент. Иными словами, в

образе гармонически сливаются две составляющие: объективное и субъективное. Последнее будет зависеть от авторской индивидуальности.

Литературное произведение обычно представляет собой целостную систему художественных образов, взаимосвязанных, взаимоподчиненных: образы-персонажи (главные герои, действующие лица), образы-символы, образы-мотивы, образы – детали и тому подобное. Все они, безусловно, будут иметь большое значение для воплощения авторского замысла. В нашей статье мы остановимся более подробно на образах – персонажах. Герои произведения обнаруживают свои качества в действиях и конфликтах, вызванных определенными жизненными ситуациями. Концептуальный смысл такого образа обнаруживается в результате прочтения и осмысления всего произведения.

Как общеизвестно, каждому времени свойственен определенный тип героя. Особенно это относится к литературе реалистической. «Типическое в характере героя предопределяется конкретными жизненными условиями. Для полного и всестороннего раскрытия типических характеров необходимы соответствующие обстоятельства< ...> писатель в художественном произведении типизирует не только характеры людей, но и обстоятельства, и процессы, происходящие в жизни, классифицирует различные факты жизни, сравнивает их, выделяет наиболее существенные, объединяет между собой<...>Он может какие-то черты выделить, преувеличить, а другие опустить, тем самым выявляя наиболее существенные и, типизируя явления действительности» [2,с.17]. Наследуя в этом смысле традиции русской реалистической прозы, современная российская писательница Олеся Николаева воссоздает в пространстве своего романа «Инвалид детства» три концептуально значимых образа - персонажа - монаха Леонида, Ирины и ее сына Александра. Все они являются выразителями трех разных точек зрения на вопрос, о сущности религии и веры, ее роли в духовной жизни человека и общества. Центральной для всего произведения становится христианская идея смирения и всепрощения, авторское понимание которой нашло отражение в острой полемике воинствующей эстетики Ирины с теми мыслями, которые она обнаруживает в дневнике своего сына Александра, покинувшего дом и ушедшего в послушники в монастырь, в споре о литературе, в беседах с монахами Таврионом и Дионисием, отцом Иеронимом. Все эпизоды и диалоги героев точно выверены и направлены на раскрытие идеи о сложности духовного становления человека, почуствовавшего в себе интенцию духовного обновления, о необходимости смирения Гордыни, поиска самого себя черезприятие окружающего мира.

Важным становится тот факт, что каждый из вышеперечисленных персонажей имеет характерные для определенного человеческого типа черты. Так, Ирина - представительница театральной богемной среды. Она воспринимает жизнь как увлекательное представление. Склонность к театральным эффектам проявляется в Ирине буквально во всем: «Важнее, - говорит она, - быть гениальным человеком! – А что такое гениальный человек? Гениальный человек не влезает ни в какие рамки, стереотипы, каноны и догмы. Ему предъявляют серую улицу с враждебными, безрадостными серыми лицами, а он говорит: «Э нет! Дудки! Да будет и фейерверк, и феерия, и фантазмагория, и всякая всячина и чертовщина!» [1, с.35].

Ирина считает себя человеком демократичным, нежелающим «участвовать в этих опасливых и коротеньких перебежках от еды ко сну, от сна к магазину, изо дня в

день, от января к маю», что однако не мешает ей ограничивать свободу выбора Александра, порождая в нем безволие и неуверенность [1, с.38]. Жизненная философия главной героини – есть предельная концентрация атеистического мировосприятия. Уверенная в том, что Богу себя посвящают лишь люди никчемные и безвольные, она внезапно для себя сталкивается в монастыре с совершенно иными людьми, что одновременно и удивляет, и возмущает героиню: «...почему они все что-то просят, просят, кланяются, бьют челом, кланчат – подай, да подай? Как это корыстно, эгоистично, унижительно наконец! Все-таки есть в этом что-то неизменное, холопье... Она никогда не могла бы оскорбить Бога своими просьбами, она никогда не унизила его своими утилитарным отношением» [1, с.41]. Духовная слепота делает возможным заявление Ирины о «пополнении полифонии Бога собственным голосом», то есть вступление с Ним в своеобразную полемику.

Характерной чертой Александра, сына Ирины становится юношеским максимализм. Всеми его поступками руководит желание доказать, что он способен на нечто, выходящее за рамки устоявшихся в его окружении стереотипов. Решением уйти в монастырь, он, по его мнению, противопоставил себя привычному кругу вещей и всему миру, встал на путь духовного обновления. Однако пребывание в монастыре не преобразует его душу: она по-прежнему полна гордыни, сознания собственной исключительности. Герой, запутавшись в своих бесконечных «обличениях», не может осознать и принять одну из главных духовных заповедей – всепрощающую глубокую любовь к ближнему своему, а вместе с тем и ко всему человечеству в целом. Таким образом, Александр подобно Ирине далек от понимания сущности веры.

Свое законченное выражение идея всепрощения и смирения получает в образе отца Леонида, который воспринимает, посланные ему испытания как данность, полагаясь на Божий Промысел. Физическое уродство, предательство близких людей, не сломило внутреннюю мощь отца Леонида его чистой и глубокой веры. Он по-прежнему полон убеждения, что искренняя молитва Богу способна исцелить грешника. Являясь в романе художественным воплощением традиционного для русской литературы образа терпеливца и смиренца, этот образ содержит в себе основное философско-религиозное содержание романа. Внутренняя гармония и душевное равновесие как результат обретенной веры, рождает в нем желание направить «заблудшие души» на путь истинный. На протест Ирины о существовании Бога, Ленюшка заявляет: «Когда человек сам по своей воле говорит: мол нет тебя и быть не может, и помощь твоя мне ни к чему и бесы, дескать, так образ один и только. Вот тогда-то Господь и может отступить: мол, раз не нужна тебе моя помощь – так попробуй-ка без меня повыкручивайся-ка!» [1,с.52].

Таким образом, система образов в романе подчинена авторскому замыслу постепенного приближения к Божественной истине: через отрицание к обретению. Интересен тот факт, что проза Олеси Николаевой наполнена ироничным добрым юмором и абсолютно лишена дидактики. Автор ненавязчиво подталкивает своего читателя к единственно верному пониманию прочитанного.

Литература

1. Николаева О. «Инвалид детства» // Юность. 1990. №2.
2. Фесенко Э.Я. Теория литературы: учебное пособие для вузов. Изд.3-е, доп. и испр.- М: Академический проспект; Фонд «Мир», 2008.540с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ «МӘХӘББӘТ/LOVE» (ЛЮБОВЬ) И «НӘФРӘТ/HATE» (НЕНАВИСТЬ) В ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сагеева Алиса Мидхатовна

студент ИФМК, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Валиуллина Гульназ Фоатовна

старший преподаватель ИФМК, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

LEXICOGRAPHICAL INTERPRETATION OF LINGVOCULTURAL CONCEPTS «MEHEBBET/LOVE» AND «NEFRET/HATE» IN TATAR AND ENGLISH LANGUAGES

Sagieva Alisa Midkhatovna, student of IFMK, Kazan (Volga region) Federal University, Valiullina Gulnaz Footovna, lecturer of IFMK, Kazan (Volga region) Federal University

АННОТАЦИЯ

Актуальность данной темы заключается в недостатке существующих исследовательских подходов к описанию лингвокультурных концептов «мәхәббәт/love» (любовь) и «нәфрәт/hate» (ненависть) в татарском и английском языке, в то время как значимость и ценность этих концептов достаточно высока. В статье использовались методы анализа и синтеза, метод сплошной выборки при отборе словарных дефиниций в исследуемых языках.

ABSTRACT

Relevance of the subject is the lack of existing research approaches to the description lingvocultural concepts of "məhəbbət/love" and "nefret/hate" in the Tatar and English languages, while the importance and value of these concepts is quite high. The paper used the methods of analysis and synthesis, continuous sampling method for the selection of dictionary definitions to study languages.

Ключевые слова: концепт; лингвокультурология; лексикография.

Key words: concept; cultural linguistics; lexicography.

Актуализация исследований взаимоотношения языка и культуры привело в XX веке к появлению такой науки как лингвокультурология, изучающей содержание национальной и культурной семантики языковых единиц во всей ее полноте, в степени, приближенной к их пониманию носителями этого языка и этой культуры.

Лингвокультурологический подход является эффективным подходом для формирования и совершенствования умений и навыков, осуществляющих межкультурное общение посредством изучения иностранного языка как феномена культуры. При таком подходе, культура, наряду с языком, считается основным элементом в содержании обучения.

Словарный состав языка получает лексикографическую интерпретацию в основном в двух измерениях: в измерение «от знака к концепту» наиболее полно реализуется в толковом словаре, первоначальная задача которого – семантизация единицы словаря; второе измерение – «от концепта к знаку» - находит отражение в идеографических словарях [1, с. 162].

Рассмотрим интерпретацию исследуемых концептов в этимологических словарях татарского и английского языков.

В словаре М. Кашгари «Диван Лугатат-Турк» (XI в.) вместо лексемы «мәхәббәт» (любовь) употребляется лексема «исиклик» (اسكلک – «любовь, привязанность», куңул ~ исикликкарақ «в сердце должен быть жар любви»). Ключевая лексема «мәхәббәт» (любовь) была заимствована из арабского языка в XII в. [2, с.179].

В «Арабско-татарско-русском словаре» М.И. Махмутова лексема «мәхәббәт» (любовь) переводится как «сөю», «сөешү», «гыйшык», а на русский язык – как «привязанность». Кроме того, в словаре были найдены производные от слова «любовь»: гыйшыкбаз – сущ.

ухажер, соблазнитель; гашикь – любящий, влюбленный, поклонник; гашикан – любовно, страстно, словно влюбленные [3, с.339].

В кратком татарском историко-этимологическом словаре Р.Г.Ахметьянова есть разъяснения к словам «яр», «сөю», которые являются синонимами концепта «любовь» [4, с.264]. Слово «яр» в своем втором значении «возлюбленный; милый» происходит от персидского слова «йар» - «дус, яраткан кеше». «Сөй-ү» [сөю] имеет значение «любить, ласкать», в тюркских языка от корня сөй-образованы многие новые слова; в татарском языке от этого корня образованы такие слова, как сөекле (любимый), сөөнеч (радость) и другие.

В английском этимологическом словаре The Barnhart concise dictionary of etymology дается следующее объяснение слову «love» [5, с.443-444]: в 13 веке существительное «love» использовалось в виде «luve»; позже «love» (возможно до 14 века); произошел от древнеанглийского «lufu» (до 725 года). Глагол «love» до 1121 года использовался в виде «luven»; позже в виде «loven» (возможно до 12 века); произошел от древнеанглийского «lufian» (до 725 года).

Итак, в сопоставляемых языках концепт «любовь» используется с давних времен, и претерпело в каждом языке некие структурные изменения. Можно считать, что с этимологической стороны это является сходной чертой для концепта «любовь» в татарском и английском языках. Но, если в английском языке слово «love» исконно английское, то, например, слово «яр» заимствовано от персидского языка.

Слово «hate» в английском языке восходит к древнеанглийскому «hatian» - «ненавидеть». Данное слово связано с общегерманским *khatōjanan, старо-скандинавским «haton», немецким «hassen», готским «hatan» -

«ненавидеть», общеиндоевропейской основой *kedes- «чувствовать сильно», греческим «kedos» - «забота, беда, горе», уэльским «cas» - «боль, злоба».

А что касается концепта «нәфрәт», то корни этого слова ведут к арабскому языку. Просмотрев несколько словарей, пришли к выводу, что начальная форма, первичный вид написания у этого слова было «нәфи», «нәфия», что означает «читкә тибәрү», то есть «отталкнуть».

Рассмотрим интерпретацию исследуемых концептов в толковых словарях татарского и английского языков.

Во втором томе толкового словаря татарского языка слово «мәхәббәт» объясняется так [6, с.423]:

1. Чувство близости, привязанности к кому-либо или к чем-либо. (Ана мәхәббәте. Туган илгә мәхәббәт.- Любовь матери. Любовь к родине.)
2. Влюбленность, сильное сердечное чувство противоположному полу. Объект любви (тот или та, кого кто-то любит; тот, к кому испытывают влечение). Отношения влюбленных.
3. Постаянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь. (Музыкага мәхәббәт.- Любовь к музыке.)

Что касается английского языка, то в онлайн-толковом словаре [7] нашлись следующие пояснения существительному «love»:

1. a profoundly tender, passionate affection for another person (глубоко нежная, страстная привязанность к другому человеку).
2. a feeling of warm personal attachment or deep affection, as for a parent, child, or friend (чувство теплой личной привязанности или глубокая привязанность, как к родителям, к ребенку или другу).
3. sexual passion or desire (сексуальная страсть или желание).
4. a person toward whom love is felt; be loved person; sweetheart (человек, к которому чувствуют любовь; любимый человек; возлюбленная).
5. used indirect address as a term of endearment, affection, or the like (используется в прямой адрес, как выражение нежности, ласки, и т.п.)
6. a love affair; an intensely amorous incident; amour (любовная связь).

Таким образом, татарская лексема «мәхәббәт» и английская лексема «love» содержат в той или иной степени сходные структурные единицы, однако наблюдаются и существенные различия. Ее основное значение в целом выражает то общее понимание любви, которое присуще носителям как татарского, так и английского языка: чувство сердечной склонности и влечения к лицу другого пола, которое может различаться по интенсивности и продолжительности.

Кроме того, совпал такой компонент концепта, как любовь, проявляющаяся в форме интереса и привязанности к какому-либо виду деятельности.

Общим для татарского и английского толкования концепта «любовь» является тенденция к семантическому представлению понятия через синонимы. Синонимический ряд, использованный для толкования концепта «любовь» в татарском языке, представлен лексемами «якын күрү, бирелгәнлек хисе, йөрәк хисе, хис, ярату, гашыйк, омтылыш, теләк, кызыксыну», в английском – лексемами «affection, adoration, fondness, devotion, passion, like». В обоих языках наиболее употребительной

единицей при толковании концепта «любовь» является лексема «хис», «affection».

Что касается концепта «нәфрәт», во втором томе толкового словаря татарского языка, слово «нәфрәт» объясняется следующим:

Нәфрәт - иң көчле дошманлык, иң көчле күрәлмау хисе (испытывать неприязнь или отвращение к кому-либо или к чему-либо) [6, с.454].

Что касается английского концепта «hate», то определений больше по сравнению с татарским. Следующие толкования взяты с онлайн словаря [7].

Глаголы hated, hating (используется с объектом, предметом):

1. to dislike intensely or passionately; feel extreme aversion for or extreme hostility toward; detest (не любить сильно или страстно, крайняя враждебность; ненавидеть);
2. to hate the enemy; to hate bigotry (ненавидеть врага; ненавижу фанатизм);
3. to be unwilling; dislike: I hate to do it (не желанное; не нравится: Я ненавижу это делать).

Глаголы hated, hating (используется без объекта, предмета):

to feel intense dislike, or extreme aversion or hostility (чувствовать неприязнь или крайнее отвращение).

Нашлись следующие пояснения к существительному «hate» в английском языке:

1. intense dislike; extreme aversion or hostility (неприязнь; крайнее отвращение);
2. the object of extreme aversion or hostility (объект крайнего отвращения или неприязни).

Таким образом, при анализе татарских и английских концептов «нәфрәт/hate» (ненависть), нашлись следующие совпадения: интенсивность ненависти, желание зла объекту ненависти, наличие вражды.

По данным словарей можно выделить синонимический ряд, использованный для толкования концепта «ненависть». В татарском языке он представлен лексемами «дошманлык, күрәлмау хисе», в английском – лексемами «dislike, hostility, animosity, illwill». В обоих языках наиболее употребительной единицей при толковании концепта «ненависть» является лексема «күрәлмау хисе», «dislike».

Список литературы

1. Валиуллина Г. Ф. Интерпретация концепта «любовь» в словарях разноструктурных языков // Г. Ф. Валиуллина. Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты: сб. материалов I Международной научно-практической конференции.- Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. – 230 с. – С. 161-165.
2. Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк / перевод З. А. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
3. Махмутов М. И. Арабско-татарско-русский словарь: в 3 т. Т. 1 / М. И. Махмутов, К. З. Хамзин, Г. Ш. Сайфуллин. – Казань: Иман, 1993.
4. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологиясы сүзлегә. Казан, 2001.
5. The Barnhart concise dictionary of etymology. – New York, 1995.
6. Толковый словарь татарского языка. Том 2. – Казань, 1979.
7. Толковый словарь английского языка. – Режим доступа: http://translate.eu/russian/dictionaries/English_reference_dictionary/

РОЛЬ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Шакурбанова Надежда Эмировна

Преподаватель, Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент

THE ROLE STRUCTURE-SEMANTIC ASPECTS WHICH ARE USED IN STUDY OF ONE-COMPOSITION SENTENCES

Shakurbanova Nadejda Emirovna, Teacher, The Uzbek State University of World Languages, Tashkent

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению особенностей характеристики односоставных предложений в соотношении с синтаксическими характеристиками двусоставных предложений при обучении русскому языку. Рассматривается роль структурно-семантических особенностей при изучении односоставных предложений современного русского языка и предложен вниманию дидактический материал.

ABSTRACT

The article dedicated to the analyses of peculiarities of one-composition sentences in the correlation with syntactical characteristics of two-composition sentences while training Russian language. Considers the role structure-semantic aspects which are used in study of one-composition sentences of modern Russian language and call attention is paid to didactic.

Опорные слова: односоставное предложение; глагольный тип предложения; наречный тип предложения; именной тип предложения; предикатив.

Key words: one-composition sentences; verbal statement type; adverbial statement type; nominal statement type; predicative.

Основной функцией предложения является коммуникативная функция. Предложения обладают способностью выступать в качестве средства общения, то есть процесс коммуникации зависит в первую очередь от вербальных знаков. В обучении русскому языку преподавателю необходимо обращать внимание студентов на структурно-семантические особенности предложений, так как процесс вербализации напрямую зависит от умения правильно пользоваться синтаксическими средствами.

В первую очередь необходимо показать студентам принципиальные отличия односоставных предложений от двусоставных. В связи с тем, что по программе двусоставные предложения изучаются раньше односоставных, это будет сделать совсем не трудно. Студенты, повторив пройденный материал, смогут сравнить и найти отличия между этими синтаксическими единицами.

Если студенты затрудняются, то преподаватель может сам провести четкие различия и растолковать суть этих синтаксических явлений. Можно провести четкую параллель по пунктам и объяснить, что если в двусоставном предложении предикативный центр составляют два главных члена (подлежащее и сказуемое), то в односоставном предложении организующий центр однокомпонентен. Если в двусоставном предложении синтаксическая информация распределяется между подлежащим и сказуемым, то в односоставном предложении главный член берет на себя выражение предикативности. Если в двусоставном предложении подлежащее – это предмет речи, представляющий субъекта действия, а сказуемое, характеризуя предмет речи определяет такие признаки, как модальность, темпоральность, персональность, то в односоставном предложении его главный член берет на себя выражение всех предикативных признаков, причем, лишь ассоциативно указывает на деятеля или вообще исключает его, обозначая чистое действие, состояние, переживание или эмоциональное отношение к чему-либо. Таким образом, увидев четкие различия, студентам будут понятны структурные и семантические особенности односоставных предложений.

Главный член односоставного предложения выражает предикативность в себе самом, ему не нужен другой главный член, так как основная синтаксическая информация представлена в нем достаточно отчетливо.

Также нужно обращать внимание студентов на терминологический минимум и для облегчения восприятия информации проводить ассоциацию с уже известными терминами. Так, например, можно объяснить, что по аналогии с двусоставным предложением, где главные члены называются предикативной парой (так как их два), то главный член односоставного предложения можно назвать предикативом (так как он один).

Вопреки мнению о том, что односоставные предложения в рамках одной конструкции не могут выразить замысел автора в полном объеме, нежели двусоставные, можем сказать, что данный вид синтаксических единиц зачастую используется в художественной литературе и публицистике, где требуются краткие, но семантически емкие конструкции. Семантика в односоставных предложениях не теряется, не уходит на второй план, а наоборот, она лишь дополняется за счет ассоциативного восприятия действительности, надумывается и приобретает свойства прецедентного текста, где за одной фразой может стоять целая эпоха.

Коммуникативная ценность односоставных предложений несомненна, будь то глагольные, именные или наречные.

Семантическое наполнение таких предложений напрямую зависит от их типа. Если односоставное предложение глагольное, то есть предикатив выражен глаголом, то логика предложения направлена на действие, если именовое, то на предмет или объект, а если наречное, то на состояние кого-либо или чего-либо.

В связи с этим необходимо научить студентов классифицировать односоставные предложения. Для классификации применяются разные подходы, так как сами предикативы достаточно разнообразны, как в плане выражения предикативности, так и в особенностях морфологического выражения. Поэтому, можно придерживаться тра-

диционной классификации. Традиционно все односоставные предложения делятся на глагольные, именные и наречные. Студентам необходимо объяснить, почему эти типы носят такие названия, также необходимо на практике отработать навыки определения и научить аргументировать свой ответ.

По совокупности семантических и структурных свойств односоставных предложений выделяются следующие типы: а) определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные; б) номинативные, вокативные, генитивные; в) наречные.

Для лучшего запоминания студентам можно предложить визуализированную схему-кластер (рисунок 1):

Рисунок 1. Типы односоставных предложений

Таким образом, изучив данную схему-кластер, студенты без проблем смогут ориентироваться в классификации односоставных предложений. Этот наглядный материал можно использовать и для развития практических навыков в составлении предложений, так как в нем указаны все основные особенности морфологического выражения предикативов.

Рассмотрение односоставных предложений глагольного типа начинается обычно с того, что объясняется студентам, по какой причине произошло разделение данного типа на более мелкие. Преподавателю надо рассказать о том, что исследователи обращали внимание на форму глагола-предикатива. В одних случаях это была спрягаемая форма, в других – вроде спрягаемая форма, но имеет застывший характер и не указывает на лицо, в третьих – это не спрягаемая форма и признак персональности отсутствует. Такое разнообразие способов выражения предикатива послужило основанием выделения личных, безличных и инфинитивных односоставных предложений глагольного типа. А далее происходит разделение личных предложений, то есть таких конструкций, где предикатив выражен спрягаемой формой глагола с указанием на персональность, на определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные односоставные предложения глагольного типа. Всю эту систему хорошо видно на предлагаемом нами кластере.

Что же касается односоставных предложений именного типа, то здесь студентам легче ориентироваться. Данный тип предложений занимает особое место в системе с одним главным членом. Предикатив в них выражен субстантивом, который имеет разнообразные способы выражения. Это послужило основанием выделения нескольких типов: номинативных, вокативных и генитив-

ных односоставных предложений именного типа. Студентам необходимо объяснить, почему эти типы носят такие названия, и тогда не возникнет сложностей в определении их из общего количества предложений, которые им предлагаются для отработки умений и навыков. Аргументировать свой ответ они научатся в процессе объяснения.

Но надо помнить, что семантическая ограниченность предикатива номинативных предложений обусловлена тем, что это связано с особенностями модального и временного варьирования. Поэтому считается, что в качестве предикатива в таких предложениях возможны слова временной или пространственной семантики, которые каким-то образом сигнализируют о темпоральном значении. Модальность – это тот признак, который связан с грамматическим оформлением предложения. В данном типе предложений предикативам механически приписывается персональный признак, то есть третье лицо, и студенты могут его перепутать с вокативным типом, так как в нем предикатив всегда в третьем лице.

Для того, чтобы студенты никогда не путали типы именных односоставных предложений, надо предложить им вспомнить названия падежей на латинском языке, и сразу станет понятно морфологическое оформление предикатива в именных односоставных предложениях – номинатив – именительный падеж, вокатив – звательный падеж, генитив – родительный падеж. Данный факт также отражен в нашей схеме-кластере.

Таким образом, через понимание семантики названий студенты легче осваивают материал. Семантический компонент очень важен при изучении любых явлений, и в том числе лингвистических.

При изучении односоставных предложений преподаватель должен направить внимание студентов не

только на формальную, но и на содержательную сторону изучаемого явления для того, чтобы обучающиеся научились правильно формулировать свои высказывания, анализировать свою речь и уместно пользоваться всем разнообразием и богатством синтаксических средств.

Таким образом, правильное объяснение роли структурно-семантических особенностей при изучении односоставных предложений определяет качество и уровень знаний, умений и навыков, полученных в процессе обучения.

Такой подход дает наилучшие результаты при изучении синтаксиса простого односоставного предложения.

Литература

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. 3 часть. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1981.
2. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977.
3. Виноградов В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. 3 часть. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1981.
4. Лосева Л.М. Как строится текст. – М.: Просвещение, 1990.
5. Постникова И.И., Зинченко Т.Н. и другие. Это простое простое предложение. – М.: Просвещение, 1989.

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ. АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА

Цой Кристина Владимировна

Преподаватель, Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент

CATEGORY OF MODALITY IN THE PHILOLOGICAL SCIENCE. AUTHOR'S MODALITY IN THE V. NABOKOV'S NOVEL

Tsoy Kristina Vladimirovna, The Uzbek State World Languages University, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается категория модальности с лингвистической и литературоведческой точек зрения, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Рассматривается понятие авторской модальности, ключевые её определяющие, приводятся виды, формы и средства проявления модальности в художественном тексте, рассмотрены особенности и специфика данного понятия в творчестве В.В. Набокова.

ABSTRACT

The article investigates the category of modality in the philological science. The author describes the origin of modality, the categories and types of modality in the imaginative literature.

Ключевые слова: Авторская модальность; диктум; модус; субъективная модальность; объективная модальность; виды модальности.

Keywords: Author's modality; dictum; modus; subjective modality; objective modality; category of modality.

Категория модальности изучена в современной филологической науке с разных сторон: М.В. Ляпон определил её как «функционально - семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [3, С. 303]. Н.С. Валгина расширяет это понятие и вводит «авторскую модальность» – как «понятие, скрепляющее все единицы текста в единое смысловое и структурное целое, являясь важным компонентом текстообразования и текстовосприятия [1, С. 75]. При обнаружении авторской модальности на начальном этапе целесообразно сделать опору на лингвистическую модальность, однако, не ограничиваясь этим, в дальнейшем перейти к поэтическим, композиционным, надтекстовому и межтекстовому уровням (отношения в цепочках «автор – персонаж – читатель (реципиент)», «автор – текст - реципиент», а особенно в отношениях «автор – автор», «текст - текст», «автор - мир»). На внутритекстовом уровне (отношения в звеньях «персонаж – персонаж», «автор – персонаж», «персонаж – мир (общество)») модальная информация обнаруживается в 3 кодах: 1) в вербальном (словесном), 2) в невербальном (жесты, мимика,

пантомимические и поведенческие реакции) и 3) в паравербальном (интонация, ритм, паузы, совокупность звуковых сигналов).

К сфере модальности относится - противопоставление высказываний по характеру их коммуникативной установки: 1) - утверждение:

Цинциннат сказал:

- Я хотел бы всё-таки знать, долго ли теперь.
- Превосходный сабайон! Вы хотели бы всё-таки знать, долго ли теперь. К сожалению, я сам не знаю [4, С. 206].

Модальность, как реакция на «превосходный» итальянский десерт становится первичнее, чем реакция на вопрос о времени смертной казни. Это характеризует отношение директора тюрьмы Романа, его поведенческие позиции, личные качества. Используя при этом ещё и нарушение «максим» речевого общения П. Грайса (в частности, правило релевантности) В. Набоков поддерживает принцип карнавализации, что больше характеризует позицию автора к героям, ситуации, к миру и к читателю.

2) – вопрос: - Вот я и хочу вас спросить: на чём основан отказ сообщить мне точный день казни?

3) – побуждение: - Оставьте манжету и попробуйте сосредоточиться.

Роман Виссарионович порывисто переменял положение тела и сцепил беспокойные пальцы. Он проговорил жалобным голосом: - Вот за этот тон...

- Меня и казнят, - сказал Цинциннат, - знаю. Дальше! [4, С. 219]. Как видно из примеров, разные виды категории модальности характеризуют героев, отношения между ними, отношение к ситуации и по используемым автором средствам можно обнаружить отношение автора к своим героям, и отображённым в тексте явлениям.

Один из признаваемых большинством лингвистов критериев дифференциации категории модальности – противопоставление объективной и субъективной модальности. Объективная модальность, являясь обязательным признаком, выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности. Субъективная модальность, охватывая всю гамму реально существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого, реализуется с помощью вводных единиц, модальных частиц, междометий. Субъективная модальность в устной речи обнаруживается в интонации удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально – экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому. В письменной речи это оформляется ремарками, пунктуацией (многоточие, психологическое авторское тире, восклицательный и вопросительный знаки), лексическими экспрессивами, формулами речевого этикета. Также субъективная модальность выражается порядком слов, инверсией.

Цинциннат сказал:

- Любезность. Вы. Очень. (Это ещё нужно расставить.)
- Вы очень любезны, - сказал, прочистив горло, какой-то добавочный Цинциннат. Как видно из текста, В. Набоков играет законами и правилами, нарушая их, давая при этом характеристику герою, его внутреннему миру, отношению к ситуации, видению мира самим автором. Модальность можно рассмотреть на фонетическом уровне.

Ср.: - Ну, а как нечестно наш симпатичный смертник, - пошутил элегантно, представительный директор, пожимая в мясистых лиловых лапах маленькую холодную руку Цинцинната. Сонорный «л» и частотное использование гласного «и» - передаёт ощущение мягкости, при этом заволакивания. В совокупности с сонорными «р» и шипящими создают эффект контрастности и удушливости. Лексика и морфология позволяют отметить эти же значения. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова. Сюда включается не только логическая (интеллектуальная, рациональная) квалификация сообщаемого, но и различные виды эмоциональной (иррациональной) реакции.

В интерпретации модальности показательны используемые местоимения. Ср.: Вот вы всегда так, - подвывал адвокат, держа себя за виски... А я-то – такой довольный... Так подготавливал вас... Можно обнаружить подчеркнутое противопоставление «я» - «вы». По мнению М.В. Ляпон, одно из ключевых свойств психики человека – способность противопоставлять – «Я» и «не – Я», в пределах одного высказывания, что обосновано Ш. Балли в «Общей

лингвистике и вопросах французского языка». В любом высказывании, по его мнению, противопоставлены диктум (факт) и модус (индивидуальная оценка факта). Ш. Балли определяет модальность как активную мыслительную операцию говорящего субъекта по переработке содержащегося в диктуме. Адресат при этом определяет отношение к нему адресанта, ср.: - На - днях, переспросил Цинциннат. – Значит, дней – то будет ещё несколько?... – Нет, каков... вы должны быть покладистее, сударик. А то всё: гордость, гнев, глум [4, С. 220]. Углубленное изучение лингвистических характеристик и средств модальности стимулированы в русистике очерком В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке». Следует отметить точку зрения А.М. Пешковского, подчёркивавшего условность оппозиции «объективная – субъективная модальность» и рассматривавшего модальность как «отношение к отношению» (отношение субъекта к устанавливаемой им самим связи между действительностью и содержанием высказывания). Идеи А.М. Пешковского В.В. Виноградова нашли своё развитие в современных функционально – семантических и прагматических концепциях модальности как выражения многоаспектных взаимодействий 4 факторов коммуникации – говорящего (адресанта), слушающего (адресат), содержащая их высказываний и реального мира. Модальности, являясь аспектом субъектно – субъектных, субъектно – объектных отношений, составляют дуальную оппозицию, полюса которой амбивалентны, что превращает модальность в преодоление противоречий между этими полюсами [6, С. 135]. В.П. Руднев в своей работе «Характеры и расстройства личности» [5, С. 22] выделяет такие виды модальности, как: алетическая модальность: «- Повести его, что ли, наверх? – нерешительно предложил адвокат. – Это, что же, можно... - Я покоряюсь вам, - призраки, оборотни, пародии... Все трое вышли»; эпистемическая модальность: «- Я чувствую, что вы ни за что не ответите мне...»; деонтическая модальность: «- Уйдите, - воскликнул Цинциннат, привстав и весь трясась. – Никак не можем, - степенно произнёс Родион» [4, С. 239]); аксиологическая модальность: «Он принялся класть крохотные карты на стол. – Превосходно, замечательно, - приговаривал Родриг Иванович... Сногшибательно! А это что же такое – никак арбуз кушаете! – Очаровательно! – Жонглирую тремя яблоками, - сказал мсье Пьер. – Здорово! – директор даже прицокнул» [4, С. 247].); избирательная модальность: «- Ах, стоит ли.. Это так, пустое... - заскромничал мсье Пьер. – Задумайте одну из карт, - с комической важностью произнёс мсье Пьер. – Нет, - сказал библиотекарь и вышел». Здесь аксиологическая модальность по форме дающая одну оценку, на самом деле, следующим за ним - «заскромничал», предполагает противоположную с позиции героя, но не с позиции автора. Избирательная модальность библиотекаря ещё раз подтверждает его непринадлежность к кругу директора тюрьмы, Родрига Иванoviча, в его же лице тюремщика Родиона, мсье Пьера. Ведь только с ним Цинциннат вступает в своего рода не дружеские, но товарищеские отношения в недружественной среде: «- Я, увы, не успел изучить восточные языки. – Досадно, сказал библиотекарь. – Ничего, душа наворачивает. Постойте, не уходите ещё. Я хоть и знаю, что вы только так – переплетены в человеческую кожу, всё же... Послезавтра... Но, дрожа, библиотекарь ушёл» [4, С. 306]). Темпо-

ральная (временная) модальность: «...на что мне это далёкое, ложное, мёртвое, - мне, готовящемуся умереть?... [Цинциннат] начинал представлять себе, как автор, человек ещё молодой...сам будет умирать, - и это было как-то смешно, - что вот когда-нибудь непременно умрёт автор, - ...единственным тут настоящим, реально несомненным была лишь смерть, - неизбежность физической смерти автора». Здесь в сочетании с временной модальностью используется объективная модальность (реальное/ирреальное), которая играет важную роль в определении позиций автора. Пространственная модальность: «Тамарины сады... Там, когда Марфинька была невестой и боялась лягушек...Там, где, бывало, когда всё становится невтерпёж... Там, тамошние холмы, томление прудов, тамтамам далёкого оркестра...». Использование данной модальности подчёркивает недостижимость и утраченность желанных мест, «потерянного рая». М. Эпштейн выделяет также онтическую (бытийную) модальность, выраженную в суждении информация о возможности / невозможности, действительности, необходимости, случайности». Из примеров видно, что в тексте может быть использовано одновременно несколько видов модальностей. Объективная модальность, точнее искажение В. Набоковым понятий, на которых она базируется – отношение реального/ирреального, является одним из ключевых определяющих романа В. Набокова «Приглашение на казнь». На иллюзорном пространстве выстраиваются лабиринты романа, особенно трагическим становится заблуждение героя при попытке бегства. Эта же хронотопическая модальность является ключевой в финале романа, когда герой, после томительного и мучительного ожидания казни, спускается с помоста, и начинают сползать маски («...его догнал Роман, он же Родриг») и рушиться декорации («Всё расползлось. Всё падало. ...Цинциннат пошёл среди пыли, и падших вещей...направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему») [4, С. 333] обнаруживается вопрос – что действительно истинно, а что ложно. Происходит своего рода освобождение героя от страхов, гнетущей, напряжённой, ненужной и удушающей обстановки. Такой финал ещё раз подтверждает завуалированную, но считываемую позицию автора.

Средства выражения модальности могут комбинироваться, сочетаться друг с другом, использоваться в не свойственной им функции, обозначая одно, а внешне выражаясь признаками иной модальности. Внешняя языковая форма отдельных признаков модальности не говорит об истинном содержании модальности. И лишь комплексный анализ совокупности всех средств выражения - вербальных, невербальных, паравербальных, учёт использования контекста, композиционных, стилевых, жанровых особенностей - позволяет эксплицировать внутреннее состояние героев и интенцию автора. Средством оформления модальности могут быть специальные (модальные) слова, категории глагольного наклонения, синтаксические средства, в некоторых случаях - грамматически значимый порядок слов (прямой / инверсированный); подаваемые (сознательно/несознательно невербальные и паравербальные) сигналы. В конкретном тексте эти средства вступают во взаимодействие друг с другом и соотносятся с определённой авторской задачей. В.П. Руднев справедливо считает, что каждый характер как тип психологической реакции на реальность, определённым обра-

зом соотносится с определённой модальностью как речевыми реакциями на реальность. Например: ананкаст, сфера которого точность, педантизм, который, как правило, помнит прошлое до мелочей и так же, до мелочей, планирует будущее. Чаще соотносится с алетической и эпистемической модальностями. Истерик, сфера которого – свобода, склонен к капризной изменчивости и перекраивает прошлое по своему усмотрению, может существовать адекватно своей конституции только здесь и сейчас, при этом постоянно погружаясь в аксеологическую модальность. Циклоид - наиболее общительный тип личности, наиболее альтруистичный, с легкостью идентифицирующийся с другим, принимая на себя заботу другого. Соотносящийся с избирательной модальностью, использует идентификацию как механизм защиты. Описание создаваемой действительности, реальности, в центре которой находится человек (герой, автор) и интерпретирует событие в настоящем, прошедшем или будущем (положительно или отрицательно), делает событие принадлежащим «реальности создающего». Понимание интенций, истинного отношения человека к фактам, событиям и явлениям не может ограничиваться перечисленными признаками и приведёнными в статье классификациями. Сам говорящий, творящий, автор не всегда может осознать и принять своё истинное отношение к кому / чему - либо, свои истинные намерения. Сложность и многогранность реальности и человеческой сущности (и ещё более сложные связи между ними в любом языке и в любом тексте любого народа, который взаимодействует с другими и с миром) находят своё выражение в категории модальности, при определении вида которой особое значение приобретает контекст и прагматика.

Постижение сознания автора и его героя, творческого процесса порождения, бытования художественного произведения и способов его интерпретации актуализируется возможностью через образную систему, во всех формах и разновидностях проявления и взаимодействия, реализовать авторские мысли, его идеи, обусловленные полифоничностью сознания как самого автора, так и героев его произведений. Множественность прочтений художественного произведения свидетельствует о диалогичности, полифоничности сознания адресата (читателя).

Для наиболее полного декодирования текста и интенций автора необходимо наиболее полное и адекватное прочтение всех уровней художественного произведения с учётом особенностей взаимодействия звеньев в цепи «автор – текст - реципиент», для чего необходимо учитывать категорию модальности, используя и лингвистический, и литературоведческий подходы. В художественном произведении автор чаще всего скрыт, завуалирован, его интенции имплицитны. Сложность выявления в тексте выражения авторского отношения к сообщаемому, его концепций, точек зрения, позиции, его ценностных ориентации, т.е. модальности текста, обуславливается сложностью художественных форм, языковых, жанровых, композиционных и стилевых особенностей. В.В. Виноградов отмечал, что важно, чтобы в художественном произведении автор не заслонял, не заменял собой «предмета» [2, С. 182]. По В.В. Виноградову образ автора интерпретируется как проявление «литературного артистизма» творца [2, С. 83]. Мастером литературного артистизма и игры по праву можно считать В.В. Набокова.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Теория текста. Учебное пособие. М., 2003.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1998.
4. Набоков В.В. Рассказы. Приглашение на казнь. Эссе, интервью, рецензии. М., 1989.
5. Руднев В.П. Характеры и расстройства личности. – М., 1996.
6. Социокультурный словарь/ сост. А. Ахизер. – М., 2003.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АББРЕВИАТУР В СОВРЕМЕННОМ ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ**Васильева Надежда Матвеевна,***кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск***ABOUT USING OF ABBREVIATIONS IN THE MODERN YAKUT LANGUAGE***Vasilyeva Nadezhda, PhD in Philology, Institute of Humanitarian Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Yakutsk***АННОТАЦИЯ***Статья посвящена проблеме употребления аббревиатур в якутском языке. Рассматриваются аббревиации с точки зрения их возможного нормирования, так как относительно их установления в действующем своде орфографических правил нет.**Ключевые слова: якутский язык; сложносокращенное слово; аббревиация; орфографические правила.***ABSTRACT***The article deals with the abbreviations in the Yakut language. Abbreviations are considered from the point of view of their possible regulation, as relative to their establishment in the current set of spelling rules do not.**Keywords: Yakut language; difficult abbreviated word; the abbreviation; spelling rules.*

Аббревиатуры в якутском языке создавались и создаются под влиянием русского языка, то есть каждое якутское сложносокращенное слово появилось как отражение соответствующей русской аббревиатуры. В якутский язык проникают из русского языка наиболее популярные, используемые аббревиатуры с употреблением прописных букв с переводом на якутский язык, например: ОДЬКХ (олох-дьаһах коммунальной хаһаайыстыбата) 'ЖКХ' (жилищно-коммунальное хозяйство), ХЭУо (хааччахаммыт эппиэтинэстээх уопсастыба) 'ООО' (общество с ограниченной ответственностью), ХБК (хайа-байытар кэмбинээт) 'ГОК' (горно-обогатительный комбинат), ИДЬМ (Ис дьыала министиэристибэтэ) 'МВД' (министерство внутренних дел), ААУо или ААО (аһаҕас аахсыйалаах уопсастыба (общество) – 'ОАО' (открытое акционерное общество), ТХПК (тыа хаһаайыстыбатын потребительскай кооператива) 'СХПК' (сельско-хозяйственный потребительский кооператив), ХЭТ (хааччахаммыт эппиэтинэстээх тэрилтэ) 'ООО' (общество с ограниченной ответственностью), МО (муниципальной оройуон) 'МР' (муниципальный район), АХШ (Америка Холбонуктаах Штаттара) 'США' (Соединенные Штаты Америки), КНӨ (Кытай Норуодунай Өрөспүүбүлүкэтэ) – 'КНР' (Китайская Народная Республика), СӨ (Саха Өрөспүүбүлүкэтэ) 'РС' Республика Саха (Якутия), НККК (национальной көрдөрөр-иһитиннэрэр компания) 'НВК' (национальная вещательная компания), ЫБММ (ыксаллаах быжыыга-майгыга министиэристибэ) 'МЧС' (министерство чрезвычайных ситуаций) т.д.

В данной статье будут рассмотрены аббревиации с точки зрения их возможного нормирования, так как относительно их установления в действующем своде правил нет.

Отличительным признаком буквенной аббревиатуры является ее склоняемость, правописание которой на сегодняшний день в якутском языке вызывает некоторые трудности. Падежные окончания отделяются от аббревиатуры дефисом, правильность написания которых зависит от правильности произношения последних букв аббревиатуры, преимущественно согласных звуков. В фонетическом и орфоэпическом плане произношение гласных и согласных, а также комбинаторные взаимодействия звуков при различных стечениях представляет интерес [1, с. 247-248]. В произносительном отношении аббревиатуры, состоящие из одних букв согласных звуков, например, КНР, ТХПК, наиболее трудные. Без букв гласных звуков такие аббревиатуры читаются по-разному: а) по названиям букв – ка-эн-эр (по-русски) и кы-ын-ыр (по-якутски); б) с раскрытием расшифровки – 'Кытай Народная Республика', 'тыа хаһаайыстыбатын потребительскай кээпэрэтиибэ'. Произношение аббревиатур по названиям букв господствует в якутском языке. При написании склонений таких аббревиатур из-за отсутствия единства в наименованиях букв алфавита и возникают некие трудности. Названия букв якутского алфавита в школьных учебниках и пособиях даны в соответствии с названиями букв русского алфавита [3, с. 40]. В якутском языке по этому вопросу нет теоретических изысканий. И.Е. Алексеев при составлении нового якутского алфавита дает названия якутских букв: б – бы, г – гы, ҕ – аҕы, д – ды, дь – дьы, дь – ый, й – ый, л – ыл, м – ым, м – ын, н – ын, нь – ньы, п – пы, р – ыр, с – ыс, Һ – Һы, т – ты, х – ха, ч – чы [2, с. 30]. В письменной практике склонения аббревиатур оформляются чаще по якутскому произношению, например: ОПХ-ҕа, ХНТ-га, ФЛГ-тын,

КНДР-га, ФГДС-ка, РФ-га, ГМК-ны и т.д. Русские буквы произносятся по-разному (например, в [официальное название: вэ, якутское произношение: вы [вы], ж [жэ – жы], з [зэ – зы], ф [эф – фы], ц [цэ – цы], ш [ша – ыш, шы], щ [ща – щы]) соответственно и склоняются неодинаково, например: ТСЖ-лар ([ты-сы-жы-лар]), АХШ-ка [а-хы-ыш-ка], АХШ-га [а-хы-ыш-ка]. Здесь нужно отметить важность установления в якутском языке единых названий букв якутского алфавита и единообразного написания названий букв.

В практике письма встречаются случаи склонения аббревиатуры по последнему слову, например: ИДЬМ-тын (Ис дьыала министерствотын), ИДЬМ-гар (Ис дьыала министерствотыгар), ХИФУ-кка (Хотугулуу-Илинни федеральной университетка), АПК-ка (агро-промышленной комплекса).

Буквенные аббревиатуры передаются на письме полуслитно, например, ЯПТА-бытын, КГЭ-ни, ХИФУ-га, ГЭС-кэ, ААУо-лар, «АЛРОСА»-ны, АЛРОСА-бытын, ДЬТХА-ба, ГУП-тар, УСПО-ба, БКЭ-тин, БКЭ-бэ, ХЭТ-иттэн, ГРЭС-тэн, УЗИ-га, ГИА-ба, АЛРОСА-ттан, ВТО-ба и др. Иногда окончания аббревиатур пишутся без дефиса, например: АЛРОСА-ттан, МИТкэ, ИПлар, МПТИгэ, ХБКта, что не допустимо.

Наблюдается использование в периодической печати аббревиатуры без перевода на якутский язык и таких написаний преобладающее большинство, например, ГИБДД, ЮНЕСКО, ИП, ФГДС, УЗИ, ГИА, КВН, ГОСТ, ФСБ, АГИИК, КЛДК, СМИ, ГБУ и т.д.

На примере республиканских газет «Саха сирэ» и «Кыым» от 11 апреля и 28 марта 2014 года по правописанию буквенных аббревиатур получили следующие результаты. В пределах одного номера в газете «Саха сирэ» использовано 22 аббревиатуры, из которых фонетизировано 12, например, ОДЬКХ (олох-дьаһах коммунальной хаһаайыстыбата) 'ЖКХ' (жилищно-коммунальное хозяйство), ААУо или ААО (аһаҕас аахсыйалаах уопсастыба (общество) 'ОАО' (открытое акционерное общество), ТХПК (тыа хаһаайыстыбатын потребительской кооператива) 'СХПК' (сельскохозяйственный потребительский кооператив), а в газете «Кыым» употреблено всего 56 аббревиатур. Из них в якутском переводе сокращению подверглась 21 аббревиатура, например, ТХМ (тыа хаһаайыстыбатын министиэристибэтэ) 'МСХ' (министерство сельского хозяйства), АХ (аахсыйалаах хампааньна) 'АК' (акционерная компания), УАПК (үүт-ас промышленной комплекс) 'АПК' (агро-промышленный комплекс), ХЭТ (хааччахтаммыт эп-пиэтинэстээх тэрилтэ) 'ООО' (общество с ограниченной от-

ветственностью), СӨ (Саха Өрөспүүбүлүкэтэ) 'РС(Я)' (Республика Саха (Якутия) и т.д., остальные 35 переданы в русском начертании, например, МИО, ГУП, НВП, ЦАР, РФ, ФЗ, АТС, ГАИ и др.

Склонения буквенных аббревиатур передаются в газете «Кыым» полуслитно и слитно, причем в пределах одной статьи наблюдаются оба варианта, например, ФАП-тары, СМИ-гэ, ХБК-ларга, ОДЬКХ-ны, ВВП-тын, КГЭ-лэри, ХИФУ-га и ХБКта, АБКтын, ФАПтарга, СМигэ и т.д. Также в ней зафиксированы случаи склонения по последним буквам согласных звуков аббревиатуры по русскому произношению, например, ХБК-ба, УАПК-ба.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в якутской орфографии пора установить правила написания аббревиатур: к якутским аббревиатурам аффиксы должны присоединяться через дефис и склоняться по последней букве аббревиатуры в якутском произношении, например:

Основной падеж ААУо ХИФУ ИДЬМ АХШ

Частный падеж ААУо-та -----

Дательный падеж ААУо-ба ХИФУ-га ИДЬМ-на АХШ-ка, -га

Винительный падеж ААУо-ну ХИФУ-ну ИДЬМ-ы АХШ-ны

Исходный падеж ААУо-ттан ХИФУ-ттан ИДЬМ-тан АХШ-ттан

Орудный падеж ААУо-нан ХИФУ-нан ИДЬМ-(ы)нан АХШ-нан

Совместный падеж ААУо-луун ХИФУ-луун ИДЬМ-ныын АХШ-лыын

Сравнит. падеж ААУо-тааҕар ХИФУ-тааҕар ИДЬМ-нааҕар АХШ-тааҕар

Множ. число ААУо-лар

Список литературы

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 346 с.
2. Алексеев И. Е. С. А. Новгородов уонна билинни сурук туруга (С. А. Новгородов и современное состояние письма) // Саха уран тыла: кыраапыка, арпагыраапыга, тиэрмин үөрэбэ, истилистикэ эйгэтэ (Материалы республиканской научно-практической конференции, 22 марта 2007 г.). Дьокуускай, 2008. С. 24-36.
3. Филиппов Г. Г., Винокуров И. П. Саха тыла. Тыл баайа. Саҥа дорҕооно. Тыл тутула. Грамматика ыйынныга (Якутский язык. Лексика. Фонетика. Морфология. Грамматический справочник). Якутск: Бичик, 1996. 189 с.

ТЕМА «МЕРТВОЙ ДУШИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Волосков И.В.,

Grand Doctor of Philosophy, Академик Российской академии гуманитарно-прикладных наук

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу символики души в позднем творчестве Н.В. Гоголя. Символика исследуется в тесной связи с религиозной традицией, влиянием религиозной философии Г. Сковороды. Предметом анализа является

комедия «Ревизор», роман «Мертвые души», «Выбранные места из переписки с друзьями», литературно-критические статьи и комментарии Н.В. Гоголя. Автор статьи приходит к выводу об односторонности сатирической трактовки творчества Гоголя, об интересе писателя к духовно-нравственной проблематике человеческой души.

Ключевые слова: душа, совесть, духовность

ABSTRACT

This article analyzes the symbolism of the soul in the later works, NV Gogol. Symbolism is studied in close connection with the religious tradition, influenced by religious philosophy H. Skovoroda. The subject of analysis is the comedy "The Inspector General", the novel "Dead Souls", "Selected Passages from Correspondence with Friends" literary critiques and comments, NV Gogol. The author concludes that one-sided interpretation of Gogol's satirical, the interest of the writer to the spiritual and moral issues of the human soul.

Tags: soul, conscience, spirituality

Тема «Мертвой души» в творчестве Н.В. Гоголя остается одной из малоисследованных в современном литературоведении. Советские стереотипы восприятия творчества писателя исключительно как сатиры не позволяли рассмотреть религиозные аспекты его творчества, дать объективную интерпретацию литературно-критических статей и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Те же исследователи, кто обратил внимание на христианские мотивы в творчестве писателя, связывали с его именем возврат русской литературы к ее религиозным корням. Эта неразрывная связь литературы с религией, составляющая важную особенность русской национальной литературы, прерванная в светской литературе XVIII века, начиная с творчества Гоголя начинает восстанавливаться.

Источник религиозного начала в творчестве Гоголя лежит как в культурологическом, так и в биографических разрезах. На уровне культурной традиции, помимо усвоения опыта немецкого романтизма, для писателя оказалось важным наследие украинского религиозного философа Г.С. Скоророды. Гоголь усваивает учение украинского философа о внутреннем и внешнем человеке, о душе, как основе антропологического познания, символической основе литературного текста. Влиянием Сковороды можно объяснить тяготение Гоголя к масштабным, многозначным символам города, «мертвой души», Руситройки.

Биографический разрез религиозной основы творчества Гоголя связан с религиозным кризисом начала 40-х годов XIX века. Отправной точкой позднего творчества Гоголя считают религиозный кризис 1840 года. К. Мочульский [4, с. 25] считает, что «болезнь Гоголя не была смертельной, она отягощается психологическим состоянием умирания. Субъективно, с своей внутренней реальности, Гоголь умирал. Он знает, что умирает, так как видел в себе все признаки, которые наблюдал в умирающем Вельггорском». Столкнувшись со смертью не в ореоле народной мифологии, а в своем жизненном опыте Гоголь переживает экзистенциальный опыт, молится Богородице. Болезнь отступает и причину своего выздоровления писатель связывает с вмешательством в его жизнь божественных сил, Богоматери, которой усердно молился во время болезни. С этого момента начинается «духовная перестройка», писатель тщательно пересматривает свои сочинения, перерабатывает, переделывает их. Основой такой работы стало выдвижение на первый план проблемы человеческой души, ее просветления, очищения. Писатель убежден, что в ней- основа всего существования человека, что можно исправить порочную, греховную душу. В письме к художнику Иванову Гоголь пишет: «Цель искусства состоит в том, чтобы душа человека из затемненного

греховного состояния поднялась до светлой цельности» [2, с. 259].

К началу 40-х годов XIX века относится статья «Размышление о некоторых героях первого тома «Мертвых душ». В ней Гоголь прослеживает процесс превращения живой души в мертвую: постепенно человека обхватывают «пошлые привычки света, условия, приличия», они образуют плотную скорлупу вокруг его души. Привычки, страсти постепенно убивают человеческую душу, порождают феномен «мертвой души». Внутренний мир человека умирает и остается только материальная физическая оболочка. В первом томе «Мертвых душ», повествуя о Собакевиче, Гоголь в первую очередь думает о его душе: «Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного Кощея, где-то за горами и закрыта такой плотной скорлупой, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности». [2, т.4, с. 118].

В поздний период творчества Гоголь становится исследователем человеческой души, ее «духовных лихонимцев». На первый план выдвигается проблема духовного просветления. С этой целью создается ряд статей, посвященных «Ревизору». В статье «Предуводомление для тех, кто хотел бы сыграть «Ревизор»» герои комедии разбираются с точки зрения пожирающих их страстей: у городничего- страсть к наживе, у судьи- к псовой охоте, у Бобчинского и Добчинского- страсть переносить сплетни. Все так поглощены своими страстями, что живут во сне, в мире иллюзий. Омертвление, окаменение жизни выражено в «немой» сцене с ее неподвижностью и автоматизмом. В статье «Развязка «Ревизора» писатель подходит к аллегорической трактовке комедии. Первый комический актер словами писателя утверждает, что город, изображенный в комедии, - «это наш внутренний духовный город, а Ревизор- наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас разом вдруг и взглянуть во все глаза на самих себя. Перед этим Ревизором ничто не укроется». [2, т.4, с. 408]. В таком контексте финальная сцена выступает как воплощение Божьего суда и суда совести. Суд совести призван разбудить душу. Христианский подтекст немой сцены отмечает и Л.В. Жаравина: «В гоголевской комедии немая сцена- проработка Божьего суда, неминуемо влекущего наказание. Все поступки, лежащие на совести персонажей, в отраженном виде, подобно бумерангу, возвращаются к ним» [3, с. 91]. Этому способствует приемы саморазоблачения и характеристик, данных другими персонажами. Благодаря этому построению комедия напоминает зеркало. Как система отражений, комедия становится зеркалом не только для гоголевских героев, но и для зрителей. При такой системе взаимных отражений границы между сценой,

залом и окружающим миром, между пороками своими и чужими стирается. Театр, в котором представляется комедия, становится местом самоосуждения и самоочищения путем осознания греховной единственности русского общества. Так переплетаются в комедии на уровне символического ряда образы души-города-ревизора-совести-суда.

Продолжением размышлений Н.В. Гоголя в этой статье является утверждение в «Выбранных местах из переписки с друзьями», что мир героев «Ревизора»- это также внутренний мир самого писателя, что изображенные в комедии пороки выявлены в ходе своеобразного анализа, проведенного автором над своим духовным миром. Художественное и нравственное начало, духовное самосовершенствование и творчество полностью сливаются и становятся уже неразделимыми. Позиция писателя-христианина проникает в творчество и образуется сложная триада личное-художественное-общественное. При этом духовные недостатки и пороки, высвеченные в «Ревизоре» и «Мертвых душах» проецируются на внутренний мир Гоголя и требуют религиозного преодоления. В этой триаде личное-художественное-общественное проявляется религиозная соборность, которая составляет суть эстетической концепции позднего творчества Н.В. Гоголя. Но для писателя-христианина постановка диагноза духовных пороков и «болезней» недостаточна, важно наметить пути выздоровления. С этой целью задуман второй том «Мертвых душ».

Многие исследователи творчества Н.В. Гоголя не ставят вопрос о духовном пробуждении его героев. Им отказывается в развитии, потому что они- «мертвые души», их внутренний мир мертв и неподвижен. Однако, по мысли Гоголя, «богатырь духа» явится из мира моральных уродов, поскольку духовное пробуждение души рождается из состояния «нравственного падения». Подобный процесс духовного возрождения Чичикова пытается воспроизвести писатель во втором томе «Мертвых душ». Муразов призывает Чичикова, ожидающего суда: «Павел Иванович, успокойтесь; подумайте, как бы помириться с Богом, а не с людьми; о бедной душе своей помыслите» [2, Т.5, с. 543]. Под влиянием этой беседы с Муразовым Чичиков начинает сознавать, что «не так, не так иду и что далеко отступился от своего пути» (2, Т.5, с. 243). Герой, анализируя свое прошлое, приходит к выводу, что жажда к накоплению имущества полностью овладела его душой, извратила ее, стала причиной духовного падения: «натура огрубела; нет любви к добру, этой прекрасной склонности к делам благородным. Муразов прав,-сказал он,- пора на другую дорогу». (2, Т.5, с.544).

Художественная логика второго тома «Мертвых душ» с духовным перерождением русского человека еще раз подчеркивает всепоглащающую веру Гоголя в нереализованный потенциал русского народа, в возможность освобождения от нравственных пороков. В одном из писем 1844г. писатель отмечает: «Нельзя ручаться, что развратнейший, презреннейший и порочнейший из нас не сделается святее всех нас, хотя бы просветление случилось с ним за несколько дней до смерти». (2, Т.7, с. 292). Усилия Гоголя в поиске религиозно-эстетического идеала привели к тому, что был найден праобраз положительного героя, которым стал Муразов.

Способность к раскаянию, духовному возрождению составляет одно из несметных богатств русского духа.

Значит, нужно помочь человеку на пути духовного совершенствования. Гоголь не случайно задается вопросом: «Где тот, кто на родном языке русской души нашей умел бы сказать это всемогущее слово: вперед! Кто, зная все силы и свойства, и всю глубину нашей природы одним чародейным мгновением смог бы устремить нас на высокую жизнь? Какими слезами, какую любовью заплатил бы ему благодарный человек!» (2, т. 5, с. 488). Во многом таким пророком в русской культуре стал Н.В. Гоголь, поставивший проблему духовного возрождения русского человека и породивший творчество Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова. После явления Гоголя русская литература возвращается к православной проблематике и символике.

Символом духовного возрождения русского человека в «Мертвых душах» становится образ дороги. Уже в первом томе этот символ организует разрозненные главы, формирует в концовке идею: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобой дорога, гремят мосты, все остается и остается позади. Остановился пораженный чудом Божиим созерцатель: не молния ли это, брошенная с неба? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых свету конях?» (2, т.5, с. 288). В концовке второго тома появляется тот же символ дороги: «Подумайте не о мертвых душах, а о живой душе, да и с богом на другую дорогу» (2, т.5, с. 554). Таким образом, дорога и становится тем сквозным символом, который организует все повествование, олицетворяет нравственные искания как самого писателя, так и его героев. Однако, следует заметить, что во втором томе «Мертвых душ» под влиянием художественной задачи автора усиливается этический аспект символа. Дорога понимается уже в переносном значении как путь нравственного развития.

Тема спасения души неразрывно связана с идеей выполнения долга. Забвение людьми своих христианских обязанностей и гражданского долга писатель считает источником всех бед в России. В этой связи необходимым является призыв к пробуждению чувства долга в человеке: «Дело в том, что пришло время спасти нашу землю; что гибнет уже наша земля не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих» (2, т.5, с.557).

Теме христианских обязанностей каждого человека, занимающего определенную должность, посвящены «Выбранные места из переписки с друзьями». В произведении заключена программа действия реформы общества на основе нравственности. Потому на первое место выходит проблема долга человека на государственном посту. По мысли Гоголя, должность- Богом данная определенность человеку быть на том месте, которое он сейчас занимает. Долг перед совестью, Богу, а не служебной начальнику и государству образует духовную и социальную ткань живой души. Писатель отмечает: «Нужно подумать о том всем нам, как на собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он стоит» (2, т.6, с. 211). Потому «Выбранные места из переписки с друзьями» состоят из писем, адресованных разным лицам. В каждом письме содержится руководство к действию в соответствии с занимаемой должностью. Ориентация на духовную сферу, управление процессом духовного развития людей- первейшая задача человека, наделенного вла-

стью. Так, главная задача губернатора- забота о нравственном здоровье общества, об отношении человека к Богу, к закону, к ближнему. Именно моральный кодекс является непременным условием реформирования общества. Задача дворянина- нравственная власть над крестьянами, поскольку в дворянстве сосредоточено нравственное благородство, которое должно распространиться по всей земле. Задача губернаторши- простота и скромность: «Гоните роскошь, хвалите на всех только то, что дешево и просто. Словом, гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источник взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас только есть» (2, т.б., с. 303).

Таким образом, религиозная концепция Н.В. Гоголя имела практический характер, она была направлена на решение нравственных проблем общества. Для реализации программы писатель начал с собственной души, что позволило лучше понять природу русского человека. Поскольку реформы русского общества Гоголь связывал с морально-нравственными изменениями, необходимо было усиление этического начала в творчестве писателя, концентрации на теме души. Писатель верит в преобразующую силу искусства, в его способность направить духовное развитие русского человека на иной путь, приблизить его к Богу. Процесс совершенствования человека Гоголь

связывает с духовной эволюцией русского общества. Таким образом, по сути речь идет об этической концепции социально-религиозного преобразования. При всех преимуществах предложенной реформы общество не услышало Гоголя. На «Выбранные места из переписки с друзьями», «Мертвые души» обрушилась волна критики как со стороны врагов (В.Г. Белинский неоднозначно намекал на сумасшествие Гоголя), так и со стороны друзей, религиозных деятелей. В этой полемике общество так и смогло объективно оценить достоинств предложенного авторов пути развития русского человека и общества.

Литература

1. Волосков, И.В. Духовное наследие Н.В. Гоголя и традиции русской культуры.-М.: Университетская книга, 2010.-156с.
2. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений: в 7 томах.-М., 1966
3. Жаравина Л.В. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь: философско-религиозные аспекты литературного развития 1830-40-х годов.-Волгоград, 1996.-С. 91
4. Мочульские, К.С. Гоголь. Соловьев. Достоевский.-М., 1995.-С.25

К ВОПРОСУ О СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Вольский Камилл Павлович

Учитель истории. Пенсионер. Архангельская обл., п. Североонежск

THE QUESTION OF SEMASIOLOGICAL AND ONOMASIOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE SUBSTRATE TOPONYMS IN THE RUSSIAN NORTH.

Wolski Camille, History teacher. Retired. Arkhangelsk Region, p. Severoonezhsk.

АННОТАЦИЯ

Содержание настоящей статьи посвящено сравнительно-сопоставительному анализу результатов ономазиологического и семасиологического методов при исследовании субстратной топонимии по материалам статьи А.К. Матвеева «Методы» в его монографии «Субстратная топонимия Русского Севера», 2001 г. т. I с. 80-100.

ABSTRACT

The content of this article is devoted to comparative benchmarking results onomasiological semasiological and methods in the study of the substrate toponymy on the article, AK Matveeva "Methods" in his monograph "The substrate toponymy of the Russian North", 2001 vol. I p. 80-100.

Ключевые слова: идентификация; ономазиологический подход; семасиологическая подход; семасиологическая модель; топонимическая система.

Keywords: identification; onomasiological approach; semasiological approach; semasiological model; toponymic system.

Постановка проблемы.

В настоящее время в работах некоторых исследователей по проблеме этнической принадлежности субстратной топонимии Русского Севера (РС) одновременно присутствует прямо противоположные мнения.

С одной стороны, утверждается принадлежность субстратной топонимии мертвым языкам исчезнувших народов, с другой – признается саамское авторство для значительной части субстратной топонимии.

Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в уральской школе топонимистики, ярким представителем и основателем которой был выдающийся ученый-лингвист А.К. Матвеев.

Сравним от А.К. Матвеева.

Во-первых,. «Топонимия – драгоценный источник изучения древних языков и древней истории, но важность топонимических данных особенно очевидна в тех случаях, когда языки исчезнувших народов не были засвидетельствованы в памятниках письменности и географические названия становятся основным источником наших знаний о вымерших языках» [4, с. 5].

«... исследователь часто не знает, к одному или нескольким субстратным языкам восходит интерпретируемый материал и что представляют собой эти языки» [6, с. 88].

«Сложность изучения топонимического субстрата связана еще и с тем, что интерпретируются реликты мертвых языков...» [4, с. 77]; «следует считаться с «феноменом мертвого языка» [6, с. 260]; «Исследователь топонимии РС должен все время помнить, что он имеет дело с «мертвыми» языками» [6, с. 277].

Во-вторых. «...есть много оснований для того, чтобы обратиться к саамскому языку, поскольку уже имеется ряд этимологических данных, указывающих на наличие саамского компонента в СТРС (субстратная топонимия Русского Севера, - авт.)» [4, с. 93].

Чем вызвана такая избирательность, когда в одном случае предполагается, что неизвестно к каким субстратным языкам принадлежит субстратная топонимия, в другом – что субстратная топонимия – это реликты мертвых языков, в третьем – язык изначально известен – объяснить трудно. И именно это противопоставление – топонимия – это реликты мертвых языков и язык изначально известен – заставляет автора статьи верифицировать этимологию некоторых субстратных топонимов, предлагаемую как результат ономаσιологического подхода, обозначенного А.К. Матвеевым как перспективный путь этимологического изучения субстратных топонимов РС [4, с.с. 84, 87].

Основная часть

А.К. Матвеев, предлагая ономаσιологический подход к исследованию субстратной топонимии РС путем перевода русских топооснов на саамский язык с последующей их идентификацией с топоосновами субстратной топонимии РС, мотивирует его введение в практику топонимического исследования рядом соображений общего характера:

«Во-первых, топонимическая лексика тематически ограничена. И уже поэтому неизбежны значительные совпадения в семантике топонимов разных народов. Эти «общие места» еще более характерны для топонимии соседних народов, а также для топонимии субстрата и сменившего его языка.

Во-вторых, топонимическая система в определенной мере воспроизводит систему языка в области фонетики, словообразования, лексики... Это позволяет выявлять фонетические, словообразовательные, лексические оппозиции в пределах топонимии одного или нескольких языков.

В-третьих, обладая знанием ономаσιологических моделей, распространенных в топонимии функционирующего языка, можно построить с определенным приближением систему ономаσιологических моделей языка субстрата» [4, с. 91].

От автора. О тезисе – «топонимическая лексика тематически ограничена».

А.К. Матвеев в качестве доказательства тематической ограниченности топонимической лексики приводит данные ономаσιологического анализа русской топонимии на территории РС, в результате которого «был получен список из 400 нарицательных, наиболее полно отраженных в русской топонимии региона и составляющих 22 тематические группы: гидрография, рельеф, почвы и полезные ископаемые, лес и лесное хозяйство, виды деревьев, кустарников и травянистых растений, дикие животные, домашние животные, птицы, рыбы, прочая фауна, люди, населенный пункт и постройки, общественные учреждения и отношения, сельское хозяйство, охота и рыболовство и др.» [4, с. 92].

Перечисленная тематика, представленная в русской топонимии 22 группами – это практически вся тематика представлений человечества о мире природы, его окружающей и о свидетельствах хозяйственно-производственной деятельности людей и их отношениях.

Сомнительно, чтобы эта тематика могла как-то ограничивать языковые средства, с помощью которых человечество осваивало географическое пространство, как территорию своего хозяйствования.

Топонимическая лексика в своей совокупности, как и вообще лексика любого языка есть вербализация знаний о мире, полученных человечеством в результате чувственного познания мира и сознательной деятельности по его преобразованию. Разница между топонимической лексикой и обычной лексикой в том, что топонимическая лексика использует уже существующий объем лексики и в том, что она с необходимостью приобретает значимость семиотической системы. А потому в ней возможны изменения, не укладывающиеся в закономерности, существующие в языке авторов названия, а равно и в языке пользователей названием иной языковой семьи, использующих его в его семиотической сущности.

Топонимическая лексика – это субъективное вербальное оформление авторами названий информации, полученной с помощью чувственного познания об именуемых объектах. Субъективизм вербализации информации связан со многими факторами, практически не поддающимися учету – здесь и уровень хозяйственно-производственного развития, отношения собственности, культура, верования, корпоративная принадлежность... не малую роль при этом играет и морально-психическое состояние авторов названия, их возраст, физическое здоровье и многое-многое другое.

Иначе, вслед за признанием тематической ограниченности топонимической лексики, не трудно предположить, что есть все основания для составления семантического тезаруса для топонимической лексики, открывающего возможности для этимологии топонимического материала в любом языке мира. Тогда как, не вызывает сомнения тот факт, что практически любое слово или их сочетание, включая антропонимы, а равно и сами топонимы (посессивная метонимия) могут стать названием любого географического объекта.

Руководствуясь этим непреложным фактом – практически любое слово или их сочетание может стать географическим названием – надо признать, что топонимическая лексика это не ограниченный набор лексических данных «общие места», не лаконичный и замкнутый лексико-идеографический код, а ничем неограниченное языковое творчество авторов названия, использующих весь лексический запас языка с его служебно-грамматическими функциями, со служебными частицами, с передачей в названии существующих в лексике парадигматических, синтагматических, эпидигматических отношений.

В целом утверждение, что «топонимическая лексика тематически ограничена», невозможно принять как логически обоснованную истину, в связи с отсутствием взаимозависимости между природными факторами и языком.

Тематический фактор – это объективная реальность, существующая независимо от воли авторов названия, тогда как лексический фактор – это спонтанное язы-

ковое творчество, ограничено объемом лексики и закономерностями словообразования, фонетики и синтаксиса, существующими в языке авторов названия, что не может ограничиваться экстралингвистическим фактором, т.е. объективно существующей реальностью.

О тезисе, что «топонимическая система в определенной мере воспроизводит систему языка в области фонетики, словообразования, лексики... Это позволяет выявлять фонетические, словообразовательные, лексические оппозиции в пределах топонимии одного или нескольких языков».

Для начала надо заметить, что главным свойством любой системы является взаимовлияние ее компонентов друг на друга, когда изменение одного компонента с обязательностью влечет изменение другого. Такое сосуществование возможно только в естественных физико-химических системах, а не в искусственных, пусть и существующих объективно, каковой, например, является топонимическая совокупность.

Топонимическая совокупность системообразующим свойством не обладает, в ней лишь можно констатировать те или иные языковые закономерности, повторяющиеся от названия к названию, которые можно назвать системными, но эти закономерности являются свойством языка, а не свойством топонимической совокупности.

При таком подходе, очевидно, можно говорить не о воспроизводстве топонимической системой системы языка, а об отражении и сохранении в ее компонентах (названиях) фонетики, словообразования, лексики языка авторов названия. Безусловно, что любой топоним явление историческое и, будучи фактом языка, он отражает исторические изменения, происходящие в фонетике, словообразовании, как в языке авторов названия, так и в языке преемников названия. Предположение того, что топонимическая совокупность позволяет выявлять фонетические, словообразовательные, лексические оппозиции в пределах топонимии... нескольких языков, навряд ли оправдано.

О тезисе о «неизбежности значительных совпадений в семантике топонимов разных народов».

Чтобы согласиться с этим утверждением, надо признать, что значительные совпадения в семантике топонимов разных народов возможны у тех народов, которые проживали не только в одинаковых природных условиях, но и уровень их хозяйственно-производственного, социального, культурного развития и др. проявления общественной жизни были приблизительно равным. Субстратная топонимия, как и любая другая, возникла не одновременно и ее страты есть исторически обусловленная данность, а потому географические названия одной эпохи в целом не могут семантически не отличаться от названий другой эпохи.

Заметим от В.А. Никонова, известного исследователя русской топонимии: «Историзм – основа всех названий», что главное для одних – ничтожно для других и что «Местность, которая вчера называлась Верблюжья колючки или Одинокая могила, завтра станет Долина нефти» [7, с. 80- 81].

Кстати, А.К. Матвеев подчеркивает, что «Разный образ жизни вел к различным системам видения и обозначения» [4, с. 87].

В отношении тезиса, что «обладая знанием ономазиологических моделей, распространенных в топонимии

функционирующего языка (в данном случае имеется в виду русский язык, - авт.) можно построить с определенным приближением систему ономазиологических моделей языка субстрата» повторим уже сказанное нами, что при таком подходе надо признать, что можно составить список должных лексем, с помощью которого можно моделировать топонимическую лексику для любой этнической группы, существовавшей в любую историческую эпоху, тогда как такое, вне сомнения, невозможно. Констатация топонимии в синхронии ничем не может свидетельствовать о ее развитии в диахронии, тем более в межъязыковом пространстве, которое представляет собой топонимия РС.

Тем не менее, именно такой подход лежит в основе метода идентификации, предлагаемого А.К. Матвеевым: «Процедура четко делится на три этапа... в процессе реализации, которых следует: 1) смоделировать словник важнейших семем, предположительно употребляемых в субстратной топонимии данной территории, 2) перевести его на язык-эталон, 3) наложить полученную сетку лексем языка-эталона на субстратную топонимию» [4, с. 92].

От автора. К сожалению, А.К. Матвеев не объясняет процесс моделирования словника важнейших семем, предположительно употребляемых в субстратной топонимии данной территории. Если этот процесс завязан на результаты, полученные с помощью существующего метода этимологического исследования – от слова к понятию – то в этом случае отпадает необходимость в переводе словника на язык-эталон, как не представляет методической ценности и наложение сетки лексем языка-эталона на субстратную топонимию, т.к. словник важнейших семем, предположительно употребляемых в субстратной топонимии данной территории, уже смоделирован на первом этапе.

А.К. Матвеева отмечая, что в настоящее время основным путем «при этимологическом изучении субстратной топонимии» является путь «от звукового комплекса», обозначающего определенный объект, т. е. «от слова» [4, с. 88] отмечает его недостатки:

Во-первых, «...если идти «от слова», необыкновенно широки возможности этимологического объяснения, обусловленные самой природой субстратных топонимов: исследователь часто не знает, к одному или нескольким субстратным языкам восходит интерпретируемый материал и что представляют собой эти языки. [4, с. 88].

Во-вторых, «при «семасиологическом» подходе отсутствует главное - строгость и последовательность метода» [4, с. 89].

От автора. Что значит – исследователь часто не знает, к одному или нескольким субстратным языкам восходит интерпретируемый материал? Субстратные языки реально не существуют.

Почему при семасиологическом подходе отсутствует - строгость и последовательность метода?

Для такого утверждения должны быть доказательства, тем более, что семасиологический подход опирается как раз на строгую последовательность методов (структурно-морфологический анализ, типологическая систематизация по результатам структурно-морфологического анализа, картографирование результатов структурно-морфологического анализа, фоно-статистический анализ...), финалью которых является этимология названия.

Отмечая ущербность топонимической семасиологии [4, с. 89] А.К. Матвеев предлагает, как метод, поиск значения (этимологию) субстратных топонимов «от понятий», моделируя компоненты топонимии. Этот путь, основанный на принципах ономаσιологического подхода, представляется перспективным...» [4, с. 88-89]. А.К. Матвеев считает, этот путь позволит «по-новому взглянуть на проблему методов этимологизации топонимов» [тмж]. Предлагая путь поиска значения «от понятий» А.К. Матвеев считает «необходимым уяснить принципиальную разницу между семасиологическим и ономаσιологическим подходом к интерпретации топонимов» [тмж].

От автора. Для начала подчеркнем, семасиология – это аспект семантики, в котором значение изучается от плана выражения (т.е. от слова) к плану содержания. При этом ставится вопрос: «Что значит данное слово или сочетание слов? А потому независимо от того известна или неизвестна семантика субстратного топонима, а звуковой комплекс — это всегда слово и поиск его значения — это всегда семасиологический подход. Правда, он скрыт за поиском фонетических аналогов для топооснов субстратного названия в языке авторов названия, но суть от этого не меняется — это всегда путь от плана выражения к плану содержания.

Предлагая ономаσιологический подход, как подход от плана содержания к плану выражения А.К. Матвеев считает, что вся процедура должна проходить на линии русский язык- саамский язык: «есть много оснований для того, чтобы обратиться к саамскому языку, поскольку уже имеется ряд этимологических данных, указывающих на наличие саамского компонента в СТРС» [4, с. 93].

Если в целом исходить из анализа предлагаемой процедуры ономаσιологического подхода, то методические этапы ее должны выглядеть так:

- а. ономаσιологический анализ русской топонимии;
- б. поиск в лексике саамского языка семантически равнозначных слов семасиологическим моделям, полученным в результате ономаσιологического анализа русской топонимии;
- в. поиск в субстратной топонимии фонетических корреляций для саамских моделей, семантически равнозначных русским ономаσιологическим моделям.

Насколько перспективен такой подход можно судить, если, допустим, сравнить данные ономаσιологического анализа русской топонимии – 400 смысловыражающих единиц – с данными саамской топонимной лексики Кольского полуострова от Г.М. Керта – 2,5 тыс. смысловыражающих единиц [3, с. 118-140], когда практически только 16% саамской топонимии можно идентифицировать через русскую топонимную лексику, но возможно только в том случае если 16% саамской топонимии возникли в социально-экономических условиях, равнозначных условиям русскому социально-экономическому устройству, сравнительными свидетельствами о которых историческая наука не располагает.

А.К. Матвеев, предлагая метод идентификации, считает возможным, как было отмечено выше, искать в субстратной топонимии названия с топоосновами фонетически коррелятивными со словом саамского языка, семантическим аналогом русского слова – топоосновы в русских названиях.

Такой подход А.К. Матвеев считает методически более целесообразным т.к. позволяет «идти не от топонима к исходному апеллятиву, подбирая в различных языках «подходящие» звучания и значения, а построив ономаσιологическим путем на материале привлекаемого для сравнения языка (диалекта) сетку апеллятивных компонентов, постулируемых для данной топонимической системы, идти от нее к топонимам, т. е. составив перечень лексем, которые должны функционировать в топонимии, вести целеустремленный поиск в области субстратной топонимии, «направленную этимологизацию» [4, с. 90].

Анализ примеров «направленной этимологизации» субстратной топонимии.

А.К. Матвеев, обнаруживая в русских названиях топооснову от слова ворон, предлагает для его идентификации в топонимическом субстрате слово саамских диалектов Кольского полуострова *karnes, karnas* 'ворон' и норвежско-саамское *garanas* 'ворон', привлекая эти слова для этимологии названий Карнаш, Карныш, правда, без указания их типологической и территориальной принадлежности [4, с. 94].

От автора. Название Карныш, приводимое А.К. Матвеевым, возможно, относится к одному из истоков р. Унжа – Волга, верхневолжский бассейн, ареал, соседствующий с Коми Республикой и Кировской областью, имеющий значительный пермский топонимический след. Признавая это обстоятельство – ареал пермского топонимического следа – сравним название Кырнышаю, приток р. Вычегда – Сев. Двина, топооснова названия которого интерпретируется А.И. Туркиным от слова коми кырныш 'ворон' [8, с. 55].

С учетом места образования и в русском, и в коми языке гласных «а» и «ы» (гласные среднего ряда), и принадлежностью названий к ареалу пермской топонимии, думается, что более высока вероятность происхождения названия Карныш от коми кырныш 'ворон', чем от саамского *karnes, garanas*.

Для интерпретации названий Кегозеро, Кегостров А.К. Матвеев привлекает диалектные слова кольских саамов *kĭGk, kiekk* и норвежско-саамское *giekka*, все в значении 'кукушка' [4, с. 94].

От автора. Сравним кар. *kägi, kägoj* фин. *käki*, коми *kök* все в значении 'кукушка'. Учитывая, что согласный *e* возможен от *ä* на русской почве (Меньдюга от кар *mändu*), отдавать предпочтение саамскому слову *kĭGk, kiekk* навряд ли оправдано, если придерживаться версии кего в значении кукушка, вероятнее в этом случае от кар. *kägi, kägoj*.

Но есть еще кар. *kego*, фин. *keko* 'стог', коми *kega* 'копна, круглая скирда'. Остров Кегостров действительно имел прекрасные, заливные сенокосные угодья, а потому не исключена версия Кегостров – остров Стогов. Косвенно в пользу этой версии свидетельствует название болота Кегоручное (Нянд. Арх.), на котором, по всей вероятности, заготавливали сено только вручную, а слово *kego* 'стог', было понятно русским насельникам, независимо от того пермская или прибалтийско-финская природа этого слова. Правда, учитывая, что один из мысов о-ва Кегостров носит название Кяроостров, которое, не исключено, от коми кыр 'дятел', коми-версия для названия Кегостров более привлекательна.

Для названий Коргозеро, Коргурчей, не называя территориальной принадлежности и не отмечая саамских слов кольских диалектов, А.К. Матвеев предлагает норвежско-саамское *guorga* 'журавль' [4, с. 94].

От автора. Сравним «корга 'риф, отмель, утес под водой', аханг., олонекк... Заимствов. из карельск. *korgo* 'утес, отмель'» [9, с. 323].

Г.А. Богуславский о коргах «нагромождения камней, выступающие из воды» [1, с.17.]

Названия с основой корг в значении нагромождения камней, выступающие из воды возможны для островов, мысов, мелей, а как результат метонимии возможен для любого географического объекта.

Кстати, оз. Коргозеро (Карг., Арх.), соединяется каменной протокой с оз. Долгое (Карг.). Что касается естественно-географических условий р. Коргурчей – р. Тура – оз. Кожозеро, то его протяженность 16 км. и русло его имеет каменные луды.

Для названий Киндога, Киндозеро А.К. Матвеев предлагает для сравнения саам кильд. *kinDA* (род. падеж), йоканьг. *kinDa* (род. падеж) в значении 'место бывшего жилия' [4, с. 96].

От автора. Справедливости ради, надо заметить, что в монографии «Субстратная топонимия Русского Севера» А.К. Матвеев возвращается к семасиологическому методу исследования этого названия, т.е. от звукового комплекса (от слова) к его значению, и для названия Киндога предлагает для сравнения «фин. *kenttä*, *kentä* «ровный луг», «поле, ставшее лугом», «лужайка, окружающая саамское жилище», карел. *kenttä* «открытое, ровное, поросшее травой место», вепс. *kend* «берег реки или озера, край болота» [6, с. 81].

Для названий Кундыбой, Кундыш А.К. Матвеев предлагает саам-кильд. *kunDA* (род. падеж) в значении 'хороший'.

От автора. А.К. Матвеев не называет территориальной принадлежности названий с топоосновой кунд-, но, очевидно, имеется ввиду р. Кундыш, приток р. Маймонга – р. Кичменьга – р. Юг.

Думается, что для древних насельников края, как, безусловно, и для любого другого народа на любой стадии развития была важна в названии качественная характеристика объекта, но не безликое, безотносительное название хороший если оно не имеет рядом оппозиционной пары злой, дурной....

Для этимологии топоосновы кунд- более предпочтительным будет мнение А.К. Матвеева по этой топооснове в названии урочища Кундаранда, дельта р. Северная Двина: «П р и б.- ф и н. ~ Фин. *kunta* 'община, волость', карел. *heimokunda*, ливв. *heimokundu* 'племя; соплеменник', люд. *heimokund* 'род', вепс. -*kund* — второй компонент сложных слов, обозначающих коллектив, общество» [7, с. 365].

Для рынд(V)- в названий Рында, Рындобола А.К. Матвеев предлагает саам-кильд. *rinDA* (род. падеж), йоканьг. *rinDa* (род. падеж) в значении 'берег' [5, с. 94].

От автора. Река Рында впадает в Баренцево море на Кольском полуострове. Думается, что не совсем корректно предлагать название р. Рында как свидетельство присутствия саамской топонимии на территории РС, т.к.

Кольский полуостров — это ареал действительно саамской топонимии, к тому же сравним в кар. *randu*, фин. *ranta* в значении 'берег, край'.

Заключение.

Среди перечисленных замечаний по факту теоретического обоснования метода идентификации, отметим его самый существенный недостаток – метод идентификации в его практическом применении предполагает изначально известность языкового авторства топонимического субстрата. Но в этом случае совершенно исключается необходимость перевода русской топонимической лексики на язык авторов названий, чтобы вести направленную этимологизацию.

Язык известен и для этимологии названий один путь – от плана выражения к плану содержания.

И главное, топонимический материал, как объект научного исследования, – это всегда интерес к истории возникновения названий и их значение. Топонимический материал не содержит информации, как об истории исчезнувших народов, так и для восстановления компонентов лексики и фонетики мертвых языков, что возможно только на сопоставительно-ономасиологическом анализе современных языков потомков финно-угорских народов.

К сказанному надо добавить, что историческая наука не располагает материальными свидетельствами постоянного проживания на территории РС каких-либо народов в течении более 500 лет I тыс. н.э., но есть письменные (летописи) и материальные (археологические) свидетельства о проживании конкретных народов, начиная с VII века н.э. Вероятнее всего, эти народы, среди них саамы не упоминаются, и были авторами субстратной топонимии, которая сохранилась благодаря хозяйственному освоению этих земель русскими и в условиях существования двуязычия [2, с. 109-30].

Список литературы

1. Богуславский Г. Острова Соловецкие. Сев.-Зап. Изд. 1968.
2. Вольский К.П. К проблеме саамского топонимического субстрата на территории Русского Севера. Современный научный вестник. № 30 (226) 2014, сс. 109-130.
3. Керт Г.М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск. 2009.
4. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера», 2001 г. т. I.
5. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера», 2007 г. т. III.
6. Матвеев А.К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера европейской части СССР. Докторская диссертация, 1970 г.
7. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера», 2004 г. т. IV.
8. Никонов В.А. Пути топонимического исследования. Сб. Принципы топонимики. Академия наук СССР. М., 1964.
9. Туркин 1986. А.И. Туркин. Топонимический словарь Коми АССР. 1986.
10. Фасмер Этимологический словарь русского языка. С- Пб, т. II, 1996.

Об авторе.

Соавтор пособия «Беседы по начальному топонимическому просвещению». Издательство Поморского гос. университета. 2007 г.

«Холмогоры без гор, Заборье без заборов» Этюды по топонимике Архангельской области. Архангельск. 2003 г.

Автор кн. «Плесецкий край в названиях рек, озер, поселений (топонимия района). Плесецк. 2010 г.

«Топонимия Холмогорского района». Холмогоры. 2010.

Статьи в журнале «Вопросы ономастики»

«О названии Кенозеро» №2, 2014 г.

«О названии Двина», планируется в №1, 2015 г.

Ст. в сб. Историко-культурное наследие Русского Севера. «О названии озера Лача», Каргополь. 2006 г.

Ст. журн. «Современный научный вестник» №30 (226), 2014г. Белгород. К проблеме саамского топонимического субстрата на территории Русского Севера.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА АК ЖАЙЫК В ШАМАНСКИХ ОБРЯДОВЫХ ТЕКСТАХ В ЗАПИСИ

А.В. АНОХИНА¹

Яданова Кузелеш Владимировна

кандидат филол. наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск

MEANING OF THE WORD AK JAYIK IN SHAMANIC RITUAL TEXTS RECORDED BY A.V. ANOHIN

Yadanova Kuzelsh Vladimirovna, Ph. D. of Philology, Senior Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov, t. Gorno-Altaysk

АННОТАЦИЯ

В научной статье рассматривается значение термина ак жайык в шаманских призываниях в записи А.В. Анохина. В шаманской лексике термин ак жайык обозначает духа посредника между людьми и высшими духами / божествами. В шаманских обрядовых текстах священный белый заяц ак койон олицетворял духа-посредника – Ак Жайык'а.

Ключевые слова: дух-посредник; ак жайык; значение слова; кам; шаманские обрядовые тексты.

ABSTRACT

The article discusses the meaning of the words ak jayik in shamanic calls recorded by A.V. Anohin. The term ak jayik in shamanic lexicon meant the spirit-mediator between people and higher spirits / deities. The sacred white hare ak koyon embodies the spirit of mediator Ak Jayik in shamanic ritual texts.

Key words: the spirit-mediator; ak jayik; meaning of the word; kam, shamanic ritual texts.

В рамках проекта РФНФ № 13-04-00128 «Язык фольклора алтайцев: исследование и составление словаря лексики поэтических текстов» нам представилась возможность поработать над составлением словаря лексики алтайских шаманских обрядовых текстов в записи А.В. Анохина. Фольклорные тексты обрядовой поэзии шаманов опубликованы в 1924 г. в научном труде А.В. Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев» на алтайском языке и с переводами на русский язык. Мы попытались описать лексическое значение слов, выявить частотность использования шаманской лексики в обрядовых текстах.

Из всего опубликованного материала нами отобраны для работы 88 шаманских обрядовых текстов. Это в основном: призывания духов-покровителей шамана – кама, заклинания, отдельные части поэтических текстов камлания и т.д. В этих фольклорных произведениях лексема жайык встречается – 1 раз [1, с. 101], словосочетание ак жайык – 7 раз [1, с.с. 66, 99, 104, 107, 115].

А.В. Анохин объясняет значение лексемы жайык (дьяйык / яик): дух-посредник, дух-небожитель и «часть существа Ёлгена» [1, с. 12]. Ёлген (Ульген) – благодетельный высший небесный дух (верховное божество) [1, с. 9]. «Жайык живет на земле среди людей. Ёлген послал его с

неба охранять человека от всего худого и злого и давать всему жизнь, за что славословится в молитвах, как бог – Кудай. Но главная роль Жайык'а заключается в посредничестве между человеком и Ёлген'ем» [1, с. 12-13].

При совершении обряда жертвоприношения (үстүгү) верхнему божеству Ульгену, шаман призывал Жайыка, который вел его на небо вместе с жертвенным животным. Без участия Жайыка шаман восходить на небо не мог [1, с. 13].

Вместилищем духа-посредника Жайык'а служила шкурка зайца, привязанная к белой шерстяной нити, протянутой между двух березовых веток, к которой также привязывались жертвенные ленточки (жалама / кыйра) [14, с. 84; 1, с. 32]. Шкурка зайца снималась целиком с тушки животного. К ушкам и лапкам прикрепляли ленточки белого и красного цвета [5, с. 182]. Шкурка зайца заменялась и широкой с разрезами лентой [1, с. 32]. В юрте Жайык висел на почетном священном месте – төр (тёр), против очага [13, с. 438].

Заяц (койон, тулай) по представлениям алтайцев считался чистым, священным животным. Его почитали роды (сёок (сёок)): жабак (дьябак), көбөк (кёбёк), сойон (сойон) [6, с. 185-186; 14, с. 127]. Белый заяц вошел в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (Проект № 13-04-00128а, 13-04-00128 "Язык фольклора алтайцев: исследование и составление словаря лексики поэтических текстов").

название четвертого года двенадцатилетнего животного цикла. В алтайском фольклоре белый заяц является священным животным духа-хозяина Алтая.

В предании в самозаписи Н.К. Ялатова «Сказитель – кайчы и дух-хозяин Алтая» дух-хозяин Алтая посылает белого зайца за знаменитым слепым сказителем Онок'ом; просит сказителя, чтобы он исполнил героическое сказание. В конце предания белый заяц становится помощником, поводырем слепого сказителя [12, с. 113-115].

В традиционной конечной формуле сказки «Старик Кара-Каан» сказочник «выходит» из мира сказки и возвращается домой, оседлав белого зайца [10, с. 33]. Т.М. Садалова пишет, что возвращение сказочника на белом зайце напоминает возвращение шамана из путешествия в потустороннем мире [10, с. 34].

В шаманской лексике ак койон – белый, чистый, священный заяц олицетворяет духа-посредника – Ак Жайык'а. Заяц – Жайык сопровождал шамана, когда он восходил на небо при совершении обряда жертвоприношения небесным высшим духам.

В рассматриваемых шаманских текстах словосочетание ак койон – «чистый, священный заяц» встречается 1 раз в тексте, записанном А.В. Анохиным от шамана Мампыя из Апшыякту. Перед удушением жертвенного животного, посвященного Айас-каан'у (Ясности-хану / Небесному хану)², шаман Мампый поэтическими словами описывает обряд жертвоприношения и желает, чтобы жертва дошла до Айас-каан'а. В обрядовом тексте священный заяц – ак койон выступает духом-посредником, проводником к небесному божеству, он показывает дорогу шаману: Алтай кечкен Ак Кечкил / Агарарда, ак-койон / Арба алдынан баштап туру. 'Когда священная переправа – Ак Кечкил, перетянувшаяся через Алтай, / засветилась, белый (священный) заяц – ак койон / Впереди [приносимой жертвенной пищи] ячменя – арба показывает [дорогу]' [1, с. 105].

В шаманских текстах в записи А.В. Анохина лексема жайык встречается 1 раз в призывании кама³ Мампыя из Апшыякту (ныне – с. Апшыякту Шебалинского района Республики Алтай), обращенной к паш-туткану. Из содержания текстов выясняется, что кам Мампый совершал камлание, посвященное сыну Ульгена – Каршыту, которому приносили жертву, по-видимому, кобылицу светлой масти [1, с.с. 11, 100]. По ходу камлания шаман просит Жайыка проводить его к сыну Ульгена и через Жайыка просит у Айас-каана (Ясности-хана) семье, устраиваемого жертвоприношение, счастья, благополучия, душу-зародыш ребенка – пала сузу, плодородие скоту [1, с. 100]. Вечером кам обращается к паш-туткану и возвращает его душу – жула (дьюла) домой [1, с. 101].

Паш-туткан (букв. «голову держащий»); другое название: пайтал-башчы – букв. «возглавляющий (жертвенную) кобылицу») – помощник шамана, жула (дьюла) – душа, двойник, которого путешествует в верхний мир вместе с душой (жула) шамана. Жула (душа, двойник) паш-туткана ведет жул'у жертвенного животного к божеству (высшему духу), в честь которого устраивалось камлание [2, с. 256-257; 9, с. 48]. Шаман ударом бубна отсылал душу, двойник (жула) жертвенного животного с жул'ой паш-

туткана к тому или другому чистому небесному духу (ару тос). Действие называлось – мал кагып жат («животное посылать») [1, с. 60]. После окончания камлания шаман возвращал жула паш-туткана / пайтал-башчы назад: вдувал через его правое ухо [2, с. 256-257]. Образ паш-туткана изображался в лицевой стороне шаманского бубна [1, с. 60].

В призывании, обращенной к паш-туткану, кам просит его возвращаться домой. За помощь и услугу шаман выпрашивает у Бога – Кудай осенью косулю (элик) для человека, выполнявшего роль паш-туткана [1, с. 101].

В шаманских обрядовых текстах в записи А.В. Анохина словосочетание ак жайык в значении «священный чистый джайык» встречается 7 раз; среди них сочетания: Алтын кырлу Ак Жайык («С золотыми краями Ак Жайык») – 1 раз, Жалыр отту Ак Жайык – («С пламенным огнем Ак Жайык») – 1 раз, Ыч ййелү Ак Жайык – («С тремя сгибами (трехсоставный) Ак Жайык») – 2 раза.

Ак жайык употреблены шаманами: Мампыем, проживавшим в Апшыякту – 4 раза, Манзыром из вершины реки Анос – 2 раза, Полштопом, который жил на речке Арәмөс, на правом берегу реки Катунь – 1 раз.

Шаман Полштоп, призывая своих духов-помощников, духа священной горы Ыч мүйстү Кара-Кайа («Трехрогая Кара-Кайа (Черная скала)»), обращается к сыну Ульгена – Каршыту (Ыч текпиштү Пай Каршыт – «Трехступенный Пай Каршыт») и к духу-посреднику Жайык'у (Алтын кырлу Ак Жайыгым – «С золотыми краями мой Ак Жайык»). А.В. Анохин переводит Алтын кырлу Ак Жайыгым как: «Златогранный мой Ак Жайык» [1, с. 66]. Эпитет «златогранный» в рассматриваемых шаманских текстах встречается 1 раз и применяется по отношению к духу посреднику – Ак Жайык.

Начинающий шаман Манзыр, живший в долине реки Анос, в своем призывании к духам помощникам 2 раза обращается к Жайык'у со словами: Ыч ййелү Ак-Жайык, которые можно перевести как: «Трехсуставный Ак-Жайык» или «С тремя сгибами Ак-Жайык» [1, с. 115]. Эпитет йч ййелү – «трехсоставный» (букв. «трехсуставный»), применяется шаманами по отношению к почитаемому духу-предку рода маймалар кижы, к стражу юрты – Бай-Күрмүш'у: Эрмен агаш ээлү, / Ыч ййелү Пай-Күрмүш!. – «Имеющий духом-хозяином красное дерево [дуб], / Трехсуставный Пай-Күрмүш!», к духу-хозяину местности Күрен-Арт (Курен-Арт – букв. Коричневая-Седловина): Ыч ййелү Күрен-Арт! – «Трехсоставный Күрен-Арт» [1, с.с. 27, 70, 98]. Эпитет «трехсуставный», «трехсоставный», «трехступенчатый» (йч ййелү) в рассматриваемых текстах встречается и в сочетании со словами: ак манжак – «священный, чистый шаманский кафтан – манжак»: Ыч ййелү ак манжак – «Трехсоставный белый (чистый, священный) мандьяк» [1, с. 28]; йле⁴ текпиш – «священная лестница»: Ыч ййелү йле текпиш тебилзин – «Трехступенчатая священная лестница да будет попираема» [1, с. 105].

Таким образом, эпитет «трехсуставный», «трехсоставный», «трехступенчатый» (йч ййелү) в шаманских обрядовых текстах, записанных А.В. Анохиным (88 текстов), используется всего 7 раз в отношении к почитаемым духам: духу посреднику Ак Жайык'у (2 раза), к духу охран-

² В молитвенных обращениях шаман называет Ульген'а *Айас-каан*.

³ Кам – шаман.

⁴ *Йле* – букв. жертвенные камни, собранные в кучу на перевалах в честь духа-хозяина Алтая, тайги.

нику, стражу юрты Пай-Күрмүш'у (2 раза), к духу местности Күренг-Арт (1 раз) и в сочетании со словами: ак манжак (1 раз), үле текпиш («священная лестница») (1 раз).

[J]алыр оттын ээзи!
Ал жалгыннын улузы!
Айрылбас тын жайаган,
Астыкпас тын бычыган

[J]алыр отту Ак Жайык!
Тенередеги Кудай!
Мунун учун жалбарып жадым.

Дух-хозяин пламенного огня!
Люди [духи] страшного пламени!
Не отделяющуюся душу создавший,
Не блуждающую (непорочную) душу
сотворивший

С пламенным огнем Ак Жайык!
На небе Кудай (Бог)!
Из-за этого молюсь.

[1, с. 99; перевод – К.В. Ядановой].

В тексте шаман Мампый обращается к духу-хозяину «пламенного огня» (Жалыр оттын ээзи), «с пламенным огнем Ак Жайык'у» (Жалыр отту Ак Жайык) и к небесному Богу – Кудай (Тенередеги Кудай). Дух-хозяин огня так же, как и жайык служит посредником между человеком и высшими духами, божествами. «Огонь передает жертвы различным духам. Ни одна жертва не пойдет к Ульгеню прежде, чем ее не примет огонь... Ни один кам не согласится идти ни к какому духу без разрешения матери-огня... Вот почему каждое камланье начинается с обращения к матери-огню и с молитвы к ней» [4, с. 71]. Из обрядового текста ясно, что представление о духе-хозяине огня сливается с жайыком в одно общее представление о семейном духе-посреднике, хранителе домашнего очага. В современных записях огонь называют от жайык – «дух-посредник – дьайык огонь» [3, с. 12].

В тексте оригинала, записанного от кама Мампя, словосочетание жалыр от – «пламенный огонь» (от гл. жалы- «пламенеть, гореть, сиять, сверкать» [8, с. 45]) приводится как алыр от и переводится А.В. Анохиным: «грозыный огонь». Очевидно, А.В. Анохин при записи текста не расслышал первый звук ж в слове жалыр, поэтому произошло искажение смысла слова и всего контекста. Исследователь сам признавался, что «полностью записать тексты

камлания возможно только при помощи графофона; даже человек, вполне знающий язык, не в состоянии попеть за шаманом, который из своих призываний диктует только бессвязные отрывки» [1, с. 65].

Словосочетание жалыр от встречается в другом тексте благопожелания шамана Мампя, обращенного огню. В этом случае исследователь переводит жалыр от как «пламенный огонь»: Үзү чаккан жалыр одым, / Жер-жениске эбир көр! – «Горячий, высеченный пламенный огонь мой, / Обвейся вокруг вселенной⁵!» [1, с. 107].

Устойчивое сочетание жалар от встречаем в телеутском благопожелании огню в записи Н.П. Дыренковой. Сочетание Жалалу жалар от Н.П. Дыренкова переводит как «С ленточками огонь-лизун» [4, с. 76]. Мы считаем, что словосочетание жалар от – это вариант жалыр от с одним и тем же значением: «пламенный (живой); пылающий огонь». В современных записях также встречается устойчивое сочетание жалар от в текстах благопожеланий – алкыш, в красноречивых выражениях сватов, в свадебных песнях и др. [15, с.с. 34, 80].

В благопожеланиях употребляется и парное слово от-жалар в значении «огонь-пламя»: Ак-Жайыкка, башпаады! / От-Жаларга, башпаады! – «Ак-Дьайыку, башпаады⁶! / Огню-пламени, башпаады!» [15, с. 33].

В некоторых текстах применяется только одно слово жалар в значении «огонь, пламя»:

Жангы туткан айылыннын	В новом построенном в твоём аиле
Жалары канайып көрүнбейт?	Почему [разведенного] огня не видно?
Жангы келген келиннин	Недавно прибывшей невесты
Жангары канайып угулбайт?	Почему песни – жангар ⁷ не слышно?

[15, с. 135].

Таким образом, лексема жалар (жалыр) имеет следующие значения: 1) сущ. (разожженный) огонь, пламя; 2) прил. пламенный; пылающий; разожженный (об огне). Сочетание Жалыр отту Ак Жайык – «с пламенным огнем Ак Жайык», использованное шаманом Мампием в обрядовом тексте, обращенном Жайык'у, в других текстах благопожеланий мы еще не встречали.

Шаман Мампый во время камлания Каршыту доходит до третьего слоя неба (препятствия – сүргек), просит удачи, благополучия, счастья народу; при этом обращается к духу-посреднику Ак Жайык'у, чтобы он крепко держал ниспосланный Богом – Кудай дар куруй: Ак Жайык сен

пектеп тут / Ол ок куруйды! – «Ак Жайык ты крепко держи / Этот самый куруй!» [1, с. 104].

Лексема куруй (курый) / оп куруй в обрядовых текстах используется при обращении к божествам / высшим духам, при просьбе удачи, счастья, приплода скоту. В конце обрядового текста восклицанием «Оп куруй, оп куруй!» шаман / просящий человек как бы закрепляет свою просьбу и ловит ниспосланный дар. В тексте шамана Мампя слово куруй используется и в значении «счастье, благодать», испрошенный у Кудая. Глагол куруйла в шаманской лексике выступает в значении: 1) «ловить» счастье, ниспосланное божеством / высшим духом; 2) «ловить»

⁵ Жер-женис – букв. «земля-мох», А.В. Анохин переводит как «вселенная».

⁶ Башпаады – благословение, благопожелание – алкыш молодоженам.

⁷ Жангар (дьангар) – протяжная народная песня.

душу – жула жертвенного животного или заблудшую душу – жула человека [11, с. 155; 2, с. 256].

В конце камлания сыну Ульгена – Каршыту шаман Мампый снова обращается к огню и священному Жайык'у, благословляет их: Ак Жайыктан Алтай жаргы сурап турзун! / Айдаг, күннен бир быйаны једишсин! / Жалыр отко табышсын! – «От Ак Жайык'а Алтай пусть просит решение! / От месяца, солнца пусть достанется милость! / Пламенному огню вручится!» [1, с. 107].

Таким образом, в шаманских обрядовых текстах в записи А.В. Анохина образы духа-хозяина огня и духа посредника Жайык'а тесно связаны между собой. Они выступают посредниками между людьми и духами-хозяевами / божествами, покровителями и охранителями семьи. Ни одно угощение вином, происходящее в юрте, не обходится без того, чтобы хозяева прежде всего не угостили бы изображение Жайыка и От-эне (матери-огня) (брызгают аракой⁸ в их направлении) [7, с. 163].

Список литературы

1. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – Л., 1924. – 248 с.
2. Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлениям телеутов // Сб. МАЭ. – Л., 1929. – Т. 8 – С. 253-269.
3. Алтай алкыштар / Сост. К.Е. Укачина, Е.Е. Ямаева. – Горно-Алтайск, 1993. – 144 с. – на алт. яз.
4. Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сб. МАЭ. – Л., 1927. – Т. VI. – С. 63-78.
5. Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск, 2001. – 223 с.
6. Екеев Н.В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). – Горно-Алтайск, 2011. – 232 с.
7. Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о Вселенной // Советская этнография. – М.; Л., 1935. – № 4-5. – С. 160-183.
8. Ойротско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тошчакова. – 2-е изд. – Горно-Алтайск, 2005. – 316 с.
9. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. – 321 с.
10. Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: этнофольклорный контекст и связи с другими жанрами. – Горно-Алтайск, 2003. – 177 с.
11. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. В.И. Вербицкий. – 2-е изд. – Горно-Алтайск, 2005. – 496 с.
12. Соојындар ла кеп-куучындар / Сост. М.А. Демчинова, Е.Е. Ямаева, К.В. Яданова. – Горно-Алтайск, 2007. – 136 с. – на алт. яз.
13. Тюхтенева С.П., Халемба А., Шерстова Л.И., Добжанская О.Э. Духовная культура // Тюркские народы Сибири. – М., 2006. – 429-442.
14. Тюхтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. – Элиста, 2009. – 169 с.
15. Укачина К.Е. Алтай той (Алтайская свадьба). – Горно-Алтайск, 2012. – 192 с. – на алт. яз.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА АНГЛИИ

Загрядская Наталья Анатольевна

Кандидат филол. наук, доцент, Московский государственный областной университет, г. Москва

ENGLISH PHRASEOLOGICAL TOPONYMS

Zagryadskaya Natalya, Candidate of Philology, assistant professor of Moscow State Regional University

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена англоязычным фразеологическим топонимам. Автор останавливается на двойственной природе данных единиц, совмещающих свойства имен собственных и фразеологизмов английского языка. В работе определяется лингвистический статус единиц данного класса, анализируются их структурные, семантические и функциональные особенности. Особое внимание уделяется предпосылкам их появления и связи с историей страны, раскрывается их лингвострановедческий потенциал.

ABSTRACT

The article deals with the problem of phraseological nicknames of geographical objects. These nicknames are considered as a part of the English language phraseological system. The author deals with their double nature which combines the features of proper names and idioms. Major emphasis is placed upon the linguistic status of such units. Their structural and semantic features are focused on. Particular attention is paid to their origin and their cultural potential.

Ключевые слова: топоним, фразеологическая единица, фразеологическое прозвище, оценочность, коннотативное значение, имя собственное, фразеологическая номинация, исторические события;

Keywords: toponym, phraseological unit, phraseological nickname, evaluation, connotation, proper names, phraseological nomination, historic event

Имена собственные очень разнообразны по своему составу. Среди них выделяют антропонимы, представляющие собой именованья людей, топонимы – названия

географических объектов, астрономимы – названия небесных тел, зоонимы – клички животных и др. Из вышеперечисленных классов собственных имен некоторые явля-

⁸ Араки – молочная водка.

ются именами собственными, именующими единственные в своем роде объекты и выражающими конкретные единичные понятия. Другие могут обозначать как неограниченное число объектов, так и объекты, единственные в своем роде. Значение и тех, и других является определенным обобщением опыта языкового коллектива.

Объектом исследования в данной статье является особый пласт топонимической системы Великобритании, а именно сверхсловные прозвища географических объектов, представляющие собой устойчивые сочетания, закрепившиеся в сознании носителей языка.

В целом топонимика англоязычных стран представляет собой хорошо исследованную область. В разное время учеными публиковались работы по проблемам происхождения и функционирования британских, американских и австралийских географических названий [1; 2; 4]. Однако исследуемые единицы – фразеологические топонимические прозвища – изучались лишь фрагментарно. Главным образом внимание уделялось топонимической системе США [5]. Фразеологическая топонимика Великобритании изучена значительно меньше. Вместе с тем эти единицы, возникшие в разные периоды истории, несут значительный пласт информации страноведческого характера и представляют интерес с точки зрения познания культуры страны, ее традиций и быта.

Традиционно подобные наименования относят к «именам собственным единичным». По мнению М.П. Тарасевич, своеобразной чертой, характеризующей «имена собственные единичные», является то, что в силу их «единичности», уникальности, в них происходит совмещения денотата и референта. Однако процесс семантического слияния на этом не заканчивается, а идет дальше, так как у них происходит совпадение сигнификата и объема денотата [5, с. 60].

Прозвища составляют класс имен собственных, отличных от других классов. Одним из основных свойств прозвищ является их способность не просто называть объекты, но характеризовать их в связи с определенными их качествами. Любое имятворчество предполагает причину, повод и мотив номинации. Доминирующую же часть составляют эмоциональные экспрессивные оценочные единицы. Единицы, являющиеся объектом данного исследования, отличаются от лексических (словных) прозвищ тем, что они обладают фразеологическим значением, то есть их значение не выводимо из значения их компонентов. Незавершенность этой проблемы привела к тому, что в полном объеме они фиксируются лишь в специализированных справочниках. Во фразеологических словарях они практически не фиксируются.

Определяя лингвистический статус изучаемых единиц в данной работе, мы исходим из положения о том, что сверхсловные прозвища представляют собой часть фразеологического фонда английского языка. Согласно теории А.В. Кунина, любая будущая фразеологическая единица должна пройти стадию потенциальной фразеологичности. Потенциальные фразеологизмы, выходя за рамки единичного употребления и приобретая недостающие элементы устойчивости, например, устойчивость употребления, приводящую к возникновению у них фразеологической абстракции, становятся единицами языка ... Потенциальный фразеологизм может стать единицей языка только в том случае, если он перестанет быть «частной

собственностью» и станет «общественной собственностью» [3, с. 48].

Что касается структурно-семантической и лексической устойчивости, то все собранные многокомпонентные прозвища характеризуются неизменяемостью лексического состава, тождественностью значения во всех фразеологических вариантах.

Невозможность образования фразеологических единиц по порождающей структурно-семантической модели переменного сочетания слов традиционно рассматривалась фразеологами как одна из их основных характеристик. Исходя из существующих ранее положений, фразеологизмы считались единичными немоделированными образованиями. Сейчас моделированность в сфере фразеологии не отрицается, хотя существование единичных образований также не исключается. Принцип моделируемости фразеологических единиц отличается от моделируемости свободных словосочетаний и предложений. Фразеологическая моделируемость ограничена по сравнению с образованием свободных сочетаний, по фразеологическим моделям возникает меньше фразеологических единиц, чем на базе свободных сочетаний слов. Фразеологизмы, созданные по моделям, появляются в речи первоначально как индивидуальные авторские новообразования, т.е. проходят обязательную для всех фразеологизмов стадию потенциальной фразеологичности. Все это позволяет говорить не столько о характерной для фразеологических единиц моделируемости, сколько о возможности выделения ограниченных структурно-семантических моделей. О модели можно говорить, как о некотором образце, по которому создаются новые и новые единицы, а можно подойти к ней как к способу описания имеющегося в наличии материала. В связи с этим положение о немоделированности фразеологических единиц означает фактически ограниченную возможность существования во фразеологии моделей первого типа, но не исключает использование моделей второго типа как одного из методов изучения материала. Вместе с тем исследования показывают, что семантическому моделированию могут подвергаться только образные фразеологизмы.

Хотя рассматриваемые единицы обладают устойчивостью значения, степень переосмысления в них различна. Существуют единицы с полностью переосмысленным, частично переосмысленным и осложненным значением компонентов. Единицы с полностью переосмысленным значением представляют собой словосочетания, значения которых абсолютно не выводимо из значений их составляющих. Их можно отнести к классу идиом или, по классификации А.В. Кунина, собственно фразеологических единиц. Основными способами переосмысления являются метафора и метонимия.

Среди различных единиц этого класса особый интерес представляют фразеологические топонимы Лондона [6]. Лингвострановедческий потенциал этих единиц более, чем значителен. Подобные дополнительные названия районов города, улиц, мостов сообщают информацию, идущую из глубины веков, раскрывают секреты огромного мегаполиса, названного некогда «столицей мира».

С точки зрения структуры фразеологические топонимы включают самые разные типы, однако, большую

часть этих единиц составляют субстантивные фразеологизмы со стержневым компонентом - существительным. При этом наиболее частотными моделями являются:

- 1) adj+n, например: the Great Wen - («Большой Жировик») - прозвище самого Лондона. Как видно из примера, это отрицательно-оценочная единица с метафорическим переосмыслением;
- 2) n+n. Среди единиц этого типа встречаются прозвища-фразеологизмы, в которых первый компонент может представлять существительное в притяжательном падеже, например: Lover`s Leap – («Прыжок Влюбленного») – прозвище моста Ватерлоо, являвшегося местом самоубийств из-за несчастной любви. Это нейтральная метонимически переосмысленная единица. Другим типом является тип с первым компонентом - именем собственным, например: Colnbrook Churchyard – («Колнбрукское Кладбище») – прозвище места на Темзе, где в XVIII-XIX вв. грабители и разбойники затапливали тела ограбленных и убитых прохожих. Второй компонент этого фразеологического прозвища также как и в примере 1 является метафорой;
- 3) n+preposition+n. Это наиболее частотная модель, при этом самым распространенный предлог – of, указывающий на функцию самого объекта, например: the Arch of Suicide – («Арка Самоубийств»), the Bridge of Sorrow – («Мост Печали») – прозвище уже упомянутого моста Ватерлоо – самого популярного места у Лондонских самоубийц.

Это безоценочные единицы, однако, в них также присутствует определенная степень метафорического переосмысления.

Фразеологические топонимы Великобритании, в том числе и Лондона, еще недостаточно хорошо изучены. Нам удалось затронуть лишь малую часть этого огромного пласта языкового материала, ждущего всестороннего изучения и описания.

Список литературы

1. Беленькая В.Д. Очерки англоязычной топонимики. Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. – М.: Высшая школа, 1977. – 226 с.
2. Ермолович Д.И. Функционально-семантические особенности индивидуализирующих знаков (на материале именовании лица в английском языке): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 203 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
4. Леонович Е.О, Леонович О.А. Заметки об английских собственных именах [Текст]: М.: Флинта, Наука, 2014. – 200 с.
5. Тарасевич М.П. Американская фразеологическая топонимика: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 213 с.
6. Ackroyd P. Thames: sacred river. Vintage, 2008.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Агапова Ольга Алексеевна

Преподаватель, Саратовская Государственная Юридическая Академия, г. Саратов

CONCEPT AND SOME FEATURES THE PROSECUTOR'S INSPECTION IN THE PRETRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Agapova Olga, teacher, Saratov State Academy of Law, Saratov

АННОТАЦИЯ

Рассматривается понятие прокурорской проверки. Автором исследуются вопросы о прокурорской проверке в досудебных стадиях уголовного процесса, делаются выводы об её отличительных особенностях.

ABSTRACT

The concept of the prosecutor's inspection is considered. The author explores questions about the prosecutor's inspection in the pre-trial stages of the criminal process, conclusions about its distinctive features.

Ключевые слова: прокурорский надзор; досудебное производство; уголовный процесс; прокурорская проверка.

Keywords: prosecutor's supervision; pre-trial proceedings; criminal proceedings; prosecutor's inspection.

Проведение прокурором проверок всегда являлось и является основным способом выявления нарушений действующего законодательства. Так, по данным коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 5 марта 2013 года на досудебных стадиях уголовного судопроизводства путем осуществления прокурорами проверок только в 2012 году выявлено свыше 5 миллионов нарушений [8, с.75]. Именно прокурорская проверка называется многими авторами основным средством прокурорского надзора [3, с.89-93; 9, с.140-145]. Данный правовой институт является, безусловно, важным, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Между тем, на сегодняшний день нормативно-правовыми актами не урегулированы вопросы о понятии прокурорской проверки, сроках её проведения, правах лиц, участвующих в прокурорской проверке (за исключением сотрудников прокуратуры), итоговом документе по результатам проверки (за исключением актов прокурорского реагирования). На это обстоятельство уже обращал внимание Конституционный суд Российской Федерации, рассматривая вопрос о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана. По данному делу, Конституционный суд РФ, анализируя ограничение конституционного права на доступ к информации по результатам проведенной прокурорской проверки, изложил свою позицию следующим образом: «Поскольку в настоящее время законодательно не закреплены ни сроки, ни процедуры проверок, осуществляемых органами прокуратуры в порядке надзора, защита непосредственно затрагиваемых такими проверками прав граждан, тем более, должна реально обеспечиваться правосудием. Иначе нарушается не только конституционное право на доступ к информации, но и конституционное право на судебную защиту, а также не выполняется обязанность государства следовать установленным

Конституцией Российской Федерации, ее статьями 18, 23 (часть 1), 24 (часть 2), 29 (часть 4), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), целям и требованиям при введении возможных ограничений конституционных прав и свобод и создавать необходимые механизмы их государственной охраны от необоснованных вторжений» [4]. Исходя из данной позиции Конституционный Суд РФ предписал «до принятия федерального закона, который мог бы урегулировать процедуру проверок при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов, в частности предусмотреть гарантии прав личности, в том числе права, вытекающего из статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации, и его допустимые ограничения в сфере прокурорского надзора, одно лишь положение пункта 2 статьи 5 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" не может служить основанием для отказа в предоставлении гражданину возможности ознакомиться с непосредственно затрагивающими его права и свободы материалами прокурорских проверок». То есть предусматривалось, что будет принят закон, который бы урегулировал процедуры прокурорских проверок. С момента принятия Постановления КС РФ прошло уже 15 лет, но закон по настоящее время не принят и даже не разрабатывается.

Прокурорская проверка представлена в законе «О прокуратуре» в качестве полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона (ст. 22). Применительно к уголовному судопроизводству о прокурорской проверке говорится в ст. 37 УПК, определяющей правовой статус прокурора в уголовном процессе. Однако в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не содержится определения ее понятия. В ст. 37 УПК упоминается, во-первых, о проверке требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37), во-вторых,

что прокурор уполномочен проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК (п. 5.1 ч. 1 ст. 37).

Согласно определению, приводимому в толковом словаре Д.В.Дмитриева «под проверкой чего-либо понимается проведение комплекса испытаний или анализов, необходимых для того, чтобы подтвердить соответствие его свойств требуемым... Под проверкой чьего-либо решения, утверждения и т. п. понимается выяснение их истинности или соответствия имеющемуся фактическому материалу» [1, с.167]. В энциклопедическом словаре экономики и права указано, что «проверка - контроль, проводимый на предмет установления соответствия реального, истинного состояния товара, документа, проекта, исполнения поручений требуемому образцу, стандарту, установленным правилам» [11, с.131].

Таким образом, проверка — это всегда комплекс мер, направленный на установление соответствия чего-либо предъявляемым требованиям.

Согласно Разъяснению Прокуратуры Республики Марий Эл «О прокурорской проверке, полномочиях прокурора и мерах прокурорского реагирования» от 15.10.2013 г. «прокурорскую проверку можно определить, как совокупность проводимых органами прокуратуры мероприятий по оценке соответствия осуществляемой деятельности или действий (бездействия), обязательным требованиям, т.е. требованиям федерального и регионального законодательства» [7].

То есть составителями данного разъяснения выделяется ключевое свойство прокурорской проверки — установление соответствия действий (бездействия) требованиям законодательства. Данная позиция представляется нам обоснованной и находит отклик в трудах ученых, рассматривающих вопросы прокурорских проверок.

Из анализа научной литературы можно выделить две основных группы точек зрения на определение прокурорской проверки:

1. Первая группа авторов относит прокурорские проверки к разновидности средств прокурорского надзора по выявлению нарушений закона [9, с.140-145;2]. Так, И.В. Кушнир пишет, что «прокурорская проверка — основное правовое средство выявления и пресечения нарушений закона (правонарушений) и установления обстоятельств, им способствовавших» [2]. «Средство» согласно толковому словарю Ушакова это «приём, способ действия для достижения чего-нибудь» [10]. На наш взгляд, рассмотрение прокурорской проверки только как способа действий, несколько сужает данное понятие, так как прокурорская проверка и есть сама по себе действие, предполагающая наличие не только способа, но и метода осуществления.

Действительно, прокурорская проверка служит не только выявлению, но и пресечению нарушений закона, что находит свое отражение в Приказах Генеральной Прокуратуры РФ, предписывающих принятие решений в форме актов прокурорского реагирования по итогам проведения прокурорской проверки.

2. Вторая группа авторов определяет прокурорскую проверку как широко используемое на практике полномочие прокурора по надзору за точным и единообразным

исполнением законов должностными лицами, метод осуществления высшего надзора [6, с.105, 106. 122]. Действительно, правовое регулирование прокурорской проверки выражено в законе как совокупность полномочий по ее проведению. Однако, на наш взгляд, если говорить о прокурорской проверке только как о полномочии прокурора, то это не в полной мере отразит ее сущность. В этой связи стоит согласиться с мнением В.Д. Ломовского о том, что прокурорская проверка — «это всегда совокупность методов, способов установления, выявления обстоятельств правонарушений, и уже по этой причине она не может рассматриваться в качестве обычного средства выявления правонарушений. Среди всех иных средств выявления прокурором обстоятельств правонарушений прокурорская проверка выступает в качестве родового и, следовательно, более значимого» [2, с.89-93]. Данная позиция представляется нам обоснованной, так как в действительности именно путем проверки возможно выявить совершенные правонарушения, а иные полномочия прокурора, такие как возможность делать запросы и т.д., выступают в данной ситуации способами проведения проверки.

Полагаем, что наилучшим образом выразить определение проверки можно через термин деятельность, который является широким и может включить в себя как способы, так и средства, и метод и форму.

Прокурорская проверка, являясь деятельностью прокурора, направленной на установление соответствия действий (бездействия) требованиям законодательства, в уголовном судопроизводстве имеет свои отличительные черты.

Во-первых, исходя из анализа ст. 6 и ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ можно сделать вывод, что задачами осуществления прокурорских проверок в досудебном производстве по уголовным делам являются не только установление законности и обоснованности проведенного по делу расследования и принятых решений, но и проверка полноты и всесторонности расследования, достаточности собранных по делу доказательств для осуществления дальнейшего уголовного преследования, целесообразность и возможность осуществления уголовного преследования по делу вообще. То есть прокурор, при проведении уголовно-процессуальных проверок, выступает одновременно и как лицо, осуществляющее надзор, и как лицо, осуществляющее уголовное преследование. Двуединство этих статусов прокурора и, следовательно, целей проверки определяет сущность прокурорской проверки в досудебном производстве по уголовным делам.

Во-вторых, в основе деятельности прокурора по проведению проверок в досудебном производстве по уголовным делам лежит метод постоянного наблюдения. Данный метод красной линией прослеживается в правовой регламентации полномочий прокурора в уголовном процессе во всех исторических периодах, начиная от создания органов прокуратуры и по настоящее время.

Так, в циркулярном порядке от 22 сентября 1802 г., в котором впервые на прокуроров возлагался надзор за следствием как особая форма контроля, говорилось: «В рассуждении самого производства сего рода дел, всемерно имеете наблюдать и доставлять ко мне краткие уведомления..» [5, с.310-312]. Позже в статье 278 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. указывалось, что прокуроры и их товарищи предварительных следствий

сами не производят, но дают предложения о том судебным следователям и наблюдали постоянно за производством следствия. В настоящее время систематическое наблюдение за деятельностью органов предварительного следствия и дознания предписывают действующие Приказы и Указания Генерального прокурора.

Ни в каких других видах надзора нет столь явно выраженного и непосредственно предписываемому к осуществлению прокурором метода постоянного наблюдения.

Использованием метода постоянного наблюдения для проведения прокурорских проверок как основного обусловлены отличительные от общенадзорных особенности повода и основания для проведения прокурорских проверок в уголовном процессе. Прокурорские проверки в досудебном производстве проводятся вне зависимости от наличия или отсутствия повода для ее проведения, носят регулярный характер и их проведение является обязательным для прокурора.

Во-третьих, отличительной особенностью является процессуальная форма проведения проверок прокурором по уголовным делам. В статье 30 ФЗ «О прокуратуре РФ» говорится, что «полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами». То есть в отличие от остальных видов надзора, прокурорские проверки в досудебном производстве по уголовным делам должны регламентироваться в УПК РФ. Учитывая специфику уголовно-процессуальной деятельности и то, что неукоснительное соблюдение уголовно-процессуальной формы является обязательным требованием к деятельности всех государственных органов и должностных лиц в уголовном процессе, прокурорские проверки в досудебном производстве должны осуществляться в строго установленном уголовно-процессуальным законом порядке, а прокурор вправе осуществлять лишь предоставленные ему законом полномочия и обязан документировать проводимые им проверки.

В-четвертых, предмет деятельности прокурора по осуществлению прокурорских проверок в досудебном производстве по уголовным делам специфичен и представляет собой исполнение уголовно-процессуального законодательства компетентными государственными органами и должностными лицами, а именно органами дознания, дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, органами предварительного следствия, следователем, руководителем следственного органа.

Данные отличительные признаки позволяют выделить прокурорскую проверку в досудебном производстве по уголовным делам в отдельный вид прокурорских проверок и дать ее определение.

Прокурорская проверка в досудебном производстве по уголовным делам – это осуществляемая в строго установленном законом порядке с использованием метода постоянного наблюдения деятельность прокурора

по оценке соответствия деятельности (действий/бездействий и их результатов) органов дознания (дознателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания) и предварительного следствия (следователя, руководителя следственного органа) в рамках досудебного производства требованиям федерального законодательства, а также установления целесообразности и возможности осуществления уголовного преследования с целью защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Список литературы

1. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка Дмитриева. 2003.
2. Кушнер И.В. Прокурорский надзор // <http://www.be5.biz/pravo/p003/03.htm> (дата последнего обращения 7.03.2015 г.)
3. Ломовский В. Д. О понятии и содержании прокурорской проверки // Правоведение. -1988. - № 5.
4. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана от 18 февраля 2000 г. № 3-П // Официальный сайт СПС «Консультант Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325/ (дата последнего обращения 7.03.2015 г.)
5. Полное собрание законов Российской империи.- Санкт-Петербург.- 1830.-Т.27, №20553, С.398: цит. по: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995.
6. Прокурорский надзор в СССР / Под ред. Б. А. Галкина. М., 1982.
7. Разъяснение Прокуратуры Республики Марий Эл «О прокурорской проверке, полномочиях прокурора и мерах прокурорского реагирования» от 15.10.2013 // По материалам официального сайта Прокуратуры Республики Марий Эл <http://proc.gov12.ru>
8. Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2013 г. «Об итогах работы органов прокуратуры в 2012 г. и задачах по укреплению законности и правопорядка в 2013 г.» // Прокуратура Саратовской области. Информационный бюллетень №5. 2013.
9. Синельщиков Ю.П. Правовые средства прокурорского надзора // Настольная книга прокурора / коллектив авторов; под ред. С.И. Герасимова. М.: НИИ укрепления законности и правопорядка, изд-во «Эсклит», 2003.
10. Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова // <http://www.vedu.ru/expdic/33570/> (дата последнего обращения 7.03.2015 г.)
11. Энциклопедический словарь экономики и права, 2005.

ОСНОВАНИЯ И ПРОЦЕДУРЫ ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ ИРАК: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Ахмед Хайдер Наджиб Ахмед

Аспирант кафедры «Конституционного и административного права», Южно-Уральский государственный университет. г. Челябинск. Стипендия от Министерства высшего образования и научных исследований, Республика Ирак - Дияла университет.

GROUND S AND PROCEDURES FOR APPEALING DECISIONS OF FINANCIAL CONTROL IN THE REPUBLIC OF IRAQ: HISTORICAL PERSPECTIVE AND PRESENT STATE

Ahmed Haider Najeeb Ahmed, Postgraduate student, Of the Department "Constitutional and Administrative Law, South Ural State University, Chelyabinsk city. Scholarship from the Ministry of Higher Education and Scientific Research, Republic Iraq, Diyala University.

АННОТАЦИЯ

Задачи налогообложения формируются на основе принципа законности, направлены на достижение баланса между интересами общества и личности, на достижение социальной справедливости в области налогообложения. Процедура обжалования решений о налогообложении заключается в разрешении спора, который возникает вследствие налогообложения. На этом и сосредоточено наше исследование в свете положений Конституции Республики Ирак и налогового законодательства, направленное на достижение конституционной или правовой основы обжалования решений в сфере налогообложения.

ABSTRACT

Themes of tax task which emphasizes the principle of legality to achieve a balance between public and private interests and social justice in the area of taxation is the subject of an objection or appeal the administrative decision taxation and regulation to resolve the conflict that arises from that and this is the focus of research in light of the provisions of the constitutions of Iraq and tax legislation in Iraq to reach to a constitutional or legal basis for the organization of this tax appeal and objection and resolving the dispute administrative tax.

Ключевые слова: Первая Конституция, Временная Конституция 1963, Конституции 2005, Законе республики Ирак, Налоговым законодательством 1959.

Keywords: The first Constitution, the Interim Constitution 1963, Constitution 2005, Law of the Republic of Iraq, the tax legislation in 1959.

В процессе рассмотрения условий и положений действующей Конституции Республики Ирак и тех, которые действовали ранее, касающихся налоговой сферы и применения принципа законности, как гаранта права на судопроизводство, а также рассматривая органы, уполномоченные на разрешение данной категории споров, можно обнаружить, что в Конституции имеют место расхождения и противоречия. Они обусловлены двусмысленностью некоторых положений и отсутствием общепринятых терминов и правил, распространяющихся на всех граждан данного государства.

Первая Конституция, которая представляла собой основной закон Ирака, была принята при монархии в 1925, предусматривала право на доступ к судопроизводству, и пересмотр решений судами надлежащей юрисдикции. Налоги в то время занимали важное место в жизни государства и общества. Существовало несколько видов налогообложения, предусмотренных разными законами, издаваемыми с целью обложения налогом, ими также было предусмотрено право гражданина подавать жалобу королю на пересмотр суммы налога [1]. В о временной конституции Ирака 1958, которая была принята в республиканскую эпоху, были включены положения, подтверждающие наличие налогообложения, а также расходов, предусмотренных законодательством, на новые или утраченные налоги или сборы. Однако законодательством [2] не предусматривалось право на участие в рассмотрении споров в качестве стороны в процессе, хотя за-

коном было предусмотрено отправление судебного правосудия. В Законе Национального совета Революционного собрания, изданном в 1963, отсутствуют какие-либо упоминания о налогообложении и праве на судопроизводство. В этот период законодательная власть принадлежала Совету. Необходимо отметить, что Временная Конституция 1963 предусматривала законность обложения налогами и пошлинами [3], обеспечивалось право каждого на участие в судопроизводстве, на обжалование решений органов государственной власти. В Конституции 1964 говорится о внушительных налогах и сборы [4], установленных в то время. Однако право на обжалование решений органов государственной власти невозможно было реализовать, равно как и предусмотренное в Конституции 1968. Более того, нельзя было предъявить иск гражданину, в то время как существовали специальные оговорки: налоги и сборы не могут быть изменены, аннулированы и никто не может быть освобожден от их уплаты [5]. В переходный период в Конституции 1970, происходят изменения интересов: существовавшее уставное положение гарантирует право на судопроизводство, включая в него право на обжалование решений, а также обжалование сумм налогообложения и сборов, внесение поправок или отмену закона [6]. Но также, как и все выше-названные Конституции, за исключением Конституции 1925 года, не предусматривала право обжалования решений по частным делам гражданина или общественным делам. В Законе «Об управлении государством», который был принят в 2004, существовала специальная оговорка,

согласно которой налогоплательщик был вправе подать жалобу против должностного лица, если его поведение противоречило законным требованиям, а затем потребовать компенсации [7]. Решение в данном случае могло быть обжаловано по причине незаконных действий со стороны органов финансового контроля в сфере налогообложения. В настоящее время в Республике Ирак действуют нормы Конституции 2005. Отмечается, что в ней предусмотрены условия налогообложения, а также гарантии права на судопроизводство для всех граждан, включая право обратиться и представить жалобу в Федеральный суд с соблюдением определенных юридических формальностей, а также возможность формирования независимых органов по мере необходимости для рассмотрения подобного рода жалоб [8].

На основе вышесказанного мы полагаем, что действующая Конституция способна создать условия и положения конституционности, удовлетворяющие интересы общества и личности в большей степени. Данная Конституция может быть призвана установить наиболее благоприятные по сравнению с налоговым законодательством конституционные условия и порядок наложения пошлин и налогов, а также процесс обжалования решений в независимых органах (учреждениях), Апелляционных Комитетах для обеспечения справедливого налога и судопроизводства.

Субъект налогообложения, заинтересован в наличии в налоговом законодательстве Республики Ирак процедуры обжалования решений органов финансового контроля, направленных на обложение налогом. Несмотря на важность налогов в обществе, этот интерес к содержанию положений налогового законодательства Республики Ирак проявлялся в равной степени в более ранние периоды. Существование положений в законодательстве об отмене налогов было обусловлено отсутствием четкой процедуры их взимания, отсутствием правовой основы налогообложения. Процедура обжалования не была предусмотрена вообще. Именно это позволяет нам говорить о том, что положения налогового законодательства, действующие в настоящее время являются наиболее совершенными по сравнению с теми, которые существовали ранее. Действующим законодательством предусмотрена четкая процедура обжалования решений и закреплён принцип законности [9].

В Законе республики Ирак «О подоходном налоге», действующем в настоящее время, в статьях 33-40 закреплена правовая основа, регулирующая процедуру обжалования. В случае если налогоплательщик не согласен с решением органа финансового контроля о необходимости уплаты налога, он может обжаловать данное решение. Причиной для обжалования решения может послужить незаконность начисленного налога, злоупотребление властью органами финансового контроля, либо если сумма налога преувеличена (вследствие некорректного расчета дохода налогоплательщика).

Законодателем предусмотрено право налогоплательщика обратиться с жалобой в пределах определенного срока, установление которого связано с продолжительностью процедуры, с необходимостью уплаты пошлины. Одним из условий для подачи жалобы является обязательная уплата налога, а также представление необходимых доказательств для поддержания своей позиции.

Жалоба может быть отклонена в случае, если представленные доказательства не являются достаточными и убедительными для органов финансового контроля, которые приняли решение об обложении налогом. В случае если в рассмотрении жалобы будет отказано, налогоплательщик имеет право обратиться в другие комитеты, уполномоченные рассматривать жалобы. Министр финансов Республики Ирак наделен полномочиями по рассмотрению решений, принятых Апелляционными Комитетами, уполномоченными рассматривать административные налоговые споры на второй и третьей стадиях обжалования. Условия, установленные законом, относительно содержания решений и их формы, не относятся к судам, рассматривающим гражданские, уголовные и административные споры. Это следует из содержания положений, регулирующих процедуру обжалования решений в административном порядке. Налогоплательщик обязан доказать свою точку зрения, либо органами финансового контроля будет доказано обратное [10].

Налоговым законодательством 1959 был предусмотрен Кассационный суд, уполномоченный рассматривать жалобы на решения Аудиторского Комитета. Юрисдикция Кассационного суда ограничена, это очевидно из содержания полномочий данного суда, ограниченных определенными сферами. При обжалования или пересмотре решения суд не начинает рассмотрение дела с самого начала, а рассматривает лишь те вопросы, которые относятся к ведению данного суда. Законом, действующим в настоящее время, предусмотрена следующая процедура обжалования: суд пересматривает решения, принятые органом финансовой власти или специальным комитетом [11], Принятие вышеназванного Закона требовало пересмотра или отмены Закона «О подоходном налоге», поскольку в нем не были указаны суды надлежащей юрисдикции, уполномоченные рассматривать налоговые споры [12]. Практика свидетельствует о том, что обжалование решений происходило сначала в органах финансового контроля, а затем в Апелляционном Комитете, И только после внесения поправки в Закон были исключены положения о том, что суды не уполномочены рассматривать налоговые споры [13]. Таким образом, право на обжалование решений органов финансового контроля предусмотрено в Конституции государства – в законе, имеющем наивысшую юридическую силу. Из этого положения вытекает право каждого на доступ к судопроизводству [14].

Литература

1. Основной закон Республики Ирак от 1925 (Ст. 9, 11, 14, 91-92). – Режим доступа: <http://www.iraqja.iq>; <http://www.almutmar.com>.
2. Временная Конституция Республики Ирак от 1958. (Ст. 15). газета «Иракская реальность» № 2 от 07.28.1958. – Режим доступа: <http://www.almutmar.com>; <http://www.iraqja.iq>.
3. Закон Национального совета Революционного собрания № 25 временная Конституция Республики Ирак от 1963. (Ст. 38). газета «Иракская реальность» № 797 от 04.25.1963. – Режим доступа: <http://www.iraqja.iq>; <http://www.almutmar.com>.
4. Конституция Республики Ирак от 1964 от 29.04.1964. (Ст. 38). газета «Иракская реальность»

- № 949 от 10.05.1964. – Режим доступа: <http://wiki.dorar-aliraq.net>.
5. Конституция Республики Ирак 1968. (Ст. 39). – Режим доступа: <http://www.almutmar.com>.
 6. Временная конституция Республики Ирак 1970 от 16.07.1970. (Ст. 35,63). газета «Иракская реальность» № 1900 от 17.07.1970 | ч: 1 – С. 3.
 7. Закон Республики Ирак Об управлении государством от 2004 г. газета «Иракская реальность» № 3981 от 31.12.2003/2004 (Ст. 18, 288) – С. 96.
 8. Конституция Республики Ирак действующая от 2005 г. Газета «Иракская реальность» № 4012 от 28.12.2005. (Ст. 28, 90, 105). – С. 1.
 9. Закон Республики Ирак «О подоходном налоге» утратил силу: от 13.06.1959 № 95 газета «Иракская реальность». От 13.06.1959 № 184. ч.1. – С. 479. (Ст.40). Закон Республики Ирак «О подоходном налоге» утратил силу от 1927. (Ст. 39). – Режим доступа: <http://www.iraqnl.org>.
 10. О подоходном налоге: закон Республики Ирак: от 27.09.1982 г. № 113 (с изм. и доп.) // газета «Иракская реальность» от 27.12.1982. – № 2917. Ч.2. – С. 846. (Ст. 33-40).
 11. Закон Республики Ирак «О подоходном налоге» утратил силу 1959. (Ст.40) там же, Закон Республики Ирак «О подоходном налоге» № 113 1982. (Ст. 55) там же.
 12. Публикация Факты Республики Ирак № 3972.от 03.03.2003.
 13. Публикация Факты Республики Ирак № 40110. от 22.12.2005.
 14. Конституция Республики Ирак действующая от 2005 г. там же. (Ст. 19, 90, 100).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Альбов Алексей Павлович

доктор юрид. наук, кандидат философ. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская академия живописи, ваяния и зодчества, г. Москва

Николюкин Станислав Вячеславович

кандидат юрид. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

ADMINISTRATIVE EFFICIENCY: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Albov Aleksey, doctor of juridical sciences, candidate of philosophy, professor, Financial University, Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture

Nikolyukin Stanislav, candidate of Science, associate professor, Financial University

АННОТАЦИЯ

Современная теория права исследует институциональную форму государственности, где власть государственного аппарата ограничена правом в целях создания благоприятных условий для развития гражданского общества. Это ограничение достигается посредством толкования конституционных принципов и норм, что способствует успешному функционированию социального целого, благодаря эффективной деятельности государственных механизмов.

ABSTRACT

The modern theory of law attempts to explore the institutional form of statehood, where the power of the state apparatus is limited by law in order to create optimal conditions for the development of civil society. This limitation is achieved through an interpretation of constitutional principles and norms that contribute to the successful functioning of the social whole through the effective operation of state mechanisms.

Ключевые слова: государственное управление, административное управление, гражданское общество, управленческая деятельность, конституционализм, правовые институты.

Keywords: governance, administration, civil society, administrative activity, constitutionalism, legal institutions.

Современный период развития общества определяется переходным периодом от так называемой советской тоталитарной экономики к экономике современной России. Не все шаги, возможно оценить однозначно положительно, поскольку возникали трудности переходного периода. Однако это были не сознательные, не запланированные ошибки, скорее поиск тех нелегких путей, по которым должно было идти экономическое и политическое развитие государства в целом и административного аппарата, в частности.

Вместе с тем в именно условиях переходного периода возник целый пласт деструктивных, негативных факторов, тормозящих дальнейшее позитивное развитие, создающих кризис государственной власти и подрывающих условия стабильного развития. Управление общественными процессами по своей сути означает создание благоприятных условий для развития и действия позитивных факторов и блокирования тормозящих негативных [5, с. 29].

Определяющим позитивным в этом аспекте моментом является то, что государственная власть проводится государством, в конституции которого провозглашена приверженность государства демократии и принципам правового государства: обеспечение прав и свобод человека и гражданина; последовательное связывание с помощью права государственной власти, формирование для государственных органов режима правового ограничения; разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную; федерализм; верховенство закона; взаимная ответственность государства и личности; высокий уровень правосознания и правовой культуры в обществе; наличие гражданского общества и осуществление контроля с его стороны за выполнением законов всеми субъектами права и др.

Развитие этих принципов предполагает включение в орбиту административных преобразований таких важных факторов, как общественное и национальное согласие, социальная защита личности, господство права, разделение властей и конструктивный федерализм, т.е. защиту целостности государства, углубление федералистских основ, блокирование сепаратизма.

С объективной стороны тормозящие факторы состоят не только в необоснованных действиях исполнительной власти, но и в негативных аспектах законотворчества. Низкий уровень качества законов, поспешное их изменение, несогласованность законов с «дорожной картой», в значительной степени ведут к пробуксовыванию ряда инициатив. К числу негативных факторов следует отнести и так называемую «войну законов», ситуацию сопротивления закону, искаженные представления о природе государственного и национального суверенитета. Деформированное общественное мнение также является причиной юридических конфликтов, что ведет к правовому беспределу, разводит в разные стороны требования принятых законов и ожидания членов общества.

Научная поддержка современных преобразований должна обеспечить ее последовательное и поэтапное проведение, обратную связь с исполнительной, законодательной и судебной властями, с регионами и учреждениями, разработку и экспертизу нормативных актов, социологические исследования и организацию экспериментов, аккумуляцию научных сил для решения ряда теоретических проблем, без понимания которых преобразования будут проводиться методом проб и ошибок.

Существенно важной является проблема стратегии развития законодательства. В данном случае необходима концепция развития государства, определяющая приоритетные законы на ближайшую и долгосрочную перспективу, последовательность принятия законов в соответствии с интересами государства и потребностями граждан, способствующая эффективности правового воздействия на общественные отношения.

В перспективе развитие законодательства должно определяться действием таких факторов, как: удовлетворение основных общественных потребностей с помощью законов на основе научного анализа и прогнозов; правовое обеспечение государственных реформ и программ по важнейшим направлениям экономического и социально-культурного развития общества; совершенствование структуры законодательства с учетом обеспечения развития качественно новой системы общественных отношений и соответственно новых отраслей

правовых институтов; децентрализация правового регулирования на основе федеративных начал и местного самоуправления; укрепление системных связей между законами и подзаконными актами, между законами и договорами (соглашениями).

Теория административного права ориентируется в первую очередь на развитую институциональную форму государственности, обозначаемой понятием демократического конституционного государства, где данный термин применяется только к тем государствам, где государственная власть ограничена правом в целях создания оптимальных условий для функционирования саморегулирующегося гражданского общества. Это ограничение достигается в процессе непрерывного толкования (конституционным и судами общей юрисдикции) конституционных принципов в контексте потребностей государства, что способствует успешному функционированию социального целого.

Наиболее значимыми принципами для административного права, которые должны в первую очередь применяться в процессе законотворческой деятельности, являются: 1) верховенство права; 2) ограничение государственной власти или ограниченное правление; 3) институциональный контроль над правителями; 4) суверенитет народа и связь государственной власти с народом; 5) разделение властей; 6) легитимность государственной власти.

Принятие более совершенных норм административного права не будет сразу свидетельствовать непосредственно о становлении и функционировании правового государства, основанного на принципе господства права, когда право не тождественно системе правовых норм и понимается не как позитивное право (закон), а как сложный, многофункциональный и комплексный феномен аккумуляции идеалов справедливости и гуманизма.

Ограничение государственной власти помимо самой конституции осуществляется правами и свободами человека и гражданина. Автономия личности и фундаментальные свободы, ее определяющие, должны быть под запретом для государственного вмешательства. В то же время деятельность государственных органов по защите нарушенных прав и свобод в равной степени должна быть поставлена в рамки закона.

Принцип конституционального контроля над правителями находит свое выражение в процедуре всеобщих выборов и системе отчетности перед избирателями. Наиболее полно такому контролю подвержена представительная власть, однако и исполнительная в лице президента в значительной мере контролируется процедурой выборов.

Задачей ограничения государственной власти служит, во-первых, суверенитет народа, а во-вторых, связь государственной власти с народом. Однако этот принцип не означает полной неограниченности власти народа, поскольку суверенитет народа, как и всякий другой суверенитет, предполагая лишь его верховенство, и должен быть ограничен правами и свободами личности. Этот принцип означает решающее участие народа в организации государственной власти и создании государственных учреждений как проявление связи граждан государства с институтами власти.

Отношения, складывающиеся в государственной сфере между законодательными, исполнительными и

судебными органами, должны основываться, с одной стороны, на разделении (и в этом смысле обособлении их компетенции), а с другой стороны, на взаимопроникновении с целью контроля и равновесия, чтобы ни один орган с полномочиями власти не вырос в самодовлеющую силу, способную подмять под себя всю пирамиду власти. Все три власти необходимо разделить, но не для того, чтобы обособить их друг от друга, а лишь для направления их деятельности к взаимодействию и сотрудничеству.

Признание за носителями власти права осуществлять свои властные функции способствует поддержанию в обществе стабильности и правопорядка. Поэтому, легитимизация власти является важным компонентом любой политической системы, функционирующей и осуществляющей свои функции на основе норм административного права.

Важно отметить, что механизм формирования государственной власти во многом далек от таких демократических стандартов, как: разделение властей, многопартийность, приоритет прав и свобод личности, господство права во всех областях жизни общества. До настоящего времени формирование властных механизмов практически не подвержено влиянию межпартийных дискуссий. Принцип разделения властей только декларируется. На деле же государственные структуры борются за полноту и единство власти, разумеется, своей собственной.

В сфере легитимности предстоит переход от харизмы, на которой основывалась тоталитарная власть, к рационально-правовому оправданию управленческих притязаний. На практике власть пытается обращаться сразу ко всем известным способам легитимации, ссылаясь и на исторические традиции, и на особые качества лидеров.

Несмотря на взгляды, полностью отказывающиеся государству в позитивном потенциале, представляется, что государственное вмешательство в общественные процессы, обеспечивающие социальную защищенность человека, необходимо. Речь идет о создании социального государства, ориентированного на самые различные слои, группы населения, включающего в себя: борьбу с безработицей, общедоступность образования, бесплатную медицинскую помощь, бесплатное пользование библиотечными фондами и др.

Действительно, если на Западе вопрос об индивидуальных правах и свободах занимает приоритетное положение, то в ряде восточных стран, на первом месте, стоят групповые права и интересы. В связи с этим, как отмечает К.С. Гаджиев, вполне объяснимо, что западные образцы государственности по-настоящему, в первоначальном евроцентристском варианте не могут институционализироваться в странах, где господствуют так называемые органические социокультурные, политико-культурные, религиозные и другие традиции и формы ментальности.....Россия по многим параметрам относится к такому типу стран и обществ. Парадоксальность ситуации состоит в том, что успех рыночных реформ в России в качестве необходимого условия предполагает учет и подключение российских традиций, которые носят если не антикапиталистический, то некапиталистический характер... Если под державностью иметь в виду сильную государственность, а под демократией свободу в рамках юридической ответственности, то с полным на то

основанием можно утверждать, что без четкого, решительного и принципиального следования идее сильной российской государственности все рассуждения о демократии, свободе, гражданском обществе, правовом государстве и т.д. будут малоперспективны. Основное различие норм права от норм обычая и морали состоит в том, что действенность первых обеспечивается силой государства, а вторых - обществом. Поэтому свобода и права человека представляют собой иллюзию, если полноценно не работают все без исключения властные структуры, как по вертикали, так и по горизонтали. Наиболее оптимальным для законотворчества в России можно считать смешанный президентско-парламентский режим, в котором руководящие исполнительные функции являются прерогативой и президента, и кабинета министров, ответственного перед парламентом... [1, с.71].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что законодательство должно в первую очередь гарантировать при всех возможностях верховенство закона, его решающую роль в регулировании общественной жизни. Успех законодательной деятельности во многом зависит от точного определения понятия закона, установления правильного соотношения между правом и законом. Это – один из наиболее сложных и объемных вопросов теории права.

Главным объектом внимания юристов традиционно выступал один вид источников права – нормативные акты, существующие наряду с такими источниками права как обычай, судебная практика, договор и т.д. [2, с.142-147]. Между тем качество и эффективность действующего законодательства в значительной мере зависят от «ауры» его функционирования, которую составляют законодательство и сопутствующие ему источники (формы) права. Взаимоотношения законодательства и иных источников права определяют результативность каждого из них и эффективность всей системы юридического регулирования. Если между действующим законодательством и другими источниками права конфликт, коллизия, конфронтация, то неизбежны «сбои» в реализации тех или иных законодательных актов и норм. В случае наличия согласованности и гармонии, можно ожидать значительного положительного эффекта. Речь идет о надлежащем законодательном обеспечении действия всех источников права. Верховенство закона как ведущий элемент концепции правового государства не может и не должен пониматься как абсолютная данность. Законодательство не может «подавлять», «подминать под себя» другие источники права. У каждого источника права есть своя «ниша действия, и важно четко определить ее границы. По справедливому замечанию Г.И.Муромцева, «процесс построения правового государства в нашей стране предполагает необходимость критической переоценки источников прав с точки зрения возможности включения в нее доктрины, принципов права, судебной практики, правового обычая» [3, с.27].

Действительно, механизм реального верховенства закона в условиях нового содружества, качественно изменившегося международного правопорядка предполагает не только проявление общесоциального в праве, не только внедрение в него общечеловеческих начал, но и возвышение с помощью закона всех источников права.

В настоящее время необходимо нормативно зафиксировать фундамент регулятивной системы государства

либо главную форму права. В этой связи можно утверждать, что в правовом государстве важнейшей формой права должен быть признан не нормативный правовой акт вообще, а только один из них - Конституция. При этом было бы целесообразно зафиксировать следующую конституционную норму: «Все правовые акты и иные формы действующего законодательства Российской Федерации, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы».

Предлагаемое законодательное решение позволит обеспечить реальную подвижность формы права, а Конституция государства в этой сложной регулятивной системе образует стабильное ядро, а все остальные формы права позволят быстро заполнять пустоты юридического общения.

Важно отметить, что еще Г.Спенсер в работе «Грехи законодателей» [4, с.129-136] указал, что все попытки юридического регулирования соотношения между спросом и предложением неизбежно заканчивались провалом. Ныне вмешательство в процессы спроса и предложения продолжается. Думается, что эти процессы не могут быть предметом законодательного регулирования, поскольку здесь требуется поиск адекватных форм права - обычного либо прецедентного.

Разумеется, разработка теоретических основ

законотворчества не может происходить в «безвоздушном» пространстве чистой науки. Следует согласиться с мнением Л.И.Спиридонова о том, что важнейшим источником права является культура, которая в процессе селективной эволюции вбирает в себя социальный опыт и выражается в общеобязательных правилах поведения [2, с.138]. В связи с этим, представляется необходимым при принятии норм административного права опираться на национальные правовые традиции, национальную правовую культуру, отечественный опыт законотворчества.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. О перспективах российской государственности (Террит.-полит. и нац.-террит. аспекты) / Рос. акад. упр. М.: Луч, 1993.
2. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1996.
3. Муромцев Г.И. Источники права (Теоретические аспекты проблемы). Правоведение. М., 1992.
4. Спенсер Г. Грехи законодателей. Соц. исследования, 1992.
5. Альбов А.П. Эффективность административного управления: конституционный и административно-правовой анализ // Современный юрист. 2013. № 2 (февраль-март).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ РОЗЫСКА ГРАЖДАН ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

Антонов-Романовский Григорий Всеволодович

кандидат юридических наук, доцент, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва

Коимшиди Георгий Феофилактович

кандидат технических наук, доцент, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва

Толпекин Константин Андреевич

кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт Московского городского педагогического университета, г. Москва

KRIMINOLOGICHESKOE EVALUATION OF INVESTIGATION OF THE CITIZENS OF MISSING

Antonov-Romanovsky Gregory, Candidate of Science, associate professor, Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Moscow

Koimshidi George, Candidate of Science, associate professor, Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation Moscow

Tolpekin Constantine, Candidate of Science, associate professor, Law Institute of Moscow City Pedagogical University Moscow

АННОТАЦИЯ

На основе анализа статистических данных выявляется реальное состояние розыска лиц пропавших без вести и ставших жертвами преступления. Показано, что наблюдаемое за последние 15 лет сокращение количества зарегистрированных случаев криминального исчезновения граждан не соответствует действительности. В исследовании применялся метод корреляционного анализа.

ABSTRACT

Based on the analysis of statistical data revealed the real state of searching for persons missing and victims of crime. It is shown that the observed over the past 15 years to reduce the number of reported cases of disappeared persons criminal untrue. The study used the method of correlation analysis.

Ключевые слова: преступление; убийство; безвестное исчезновение граждан; статистические данные; уравнение регрессии; коэффициент корреляции.

Keywords: a crime; murder; disappearances of citizens; statistics; the regression equation; correlation coefficient.

Сложно развивать теорию предупреждения преступности на основе не точных данных о ее состоянии. К сожалению, практика опоры в оценках ее состояния на формальные признаки динамики зарегистрированных преступлений и их раскрываемости во многом препятствует как совершенствованию борьбы с преступностью, так и развитию теории ее предупреждения.

Сказанное всецело относится к анализу состояния розыска безвестно исчезнувших граждан по криминальным причинам. Формальный признак сокращения количества ежегодно выявляемых факторов установления криминальных причин их исчезновения не свидетельствует о том, что общество и его правоохранительные органы успешно борются с такими особо тяжкими преступлениями как убийства, маскируемые под безвестное исчезновение граждан. Углубленный анализ данных о безвестном исчезновении граждан и соотнесение их с данными о зарегистрированных и предварительно расследованных убийствах свидетельствует о неблагоприятном состоянии работы правоохранительных органов по выявлению истинных, криминальных причин их исчезновения. Кроме того, он указывает на слабое влияние теории на практику предупреждения преступности.

Практика уклонения от своевременного возбуждения уголовных дел и их качественного расследования по заявлениям и сообщениям о безвестном исчезновении граждан не только искажает реальную картину состояния борьбы с такого рода особо тяжкими преступлениями, но и наносит ущерб обеспечению общественной безопасности.

Незначительное число розыскных дел, приходящихся в течение года на отдельные территориальные органы полиции, создает у их сотрудников, работающих «на земле», иллюзию бесполезной траты рабочего времени на поиск пропавших граждан, т.к. подавляющую их часть находят и их исчезновение не связано с совершением преступления. Есть подразделения полиции, на обслуживаемой территории которых годами не выявляется ни одного исчезновения местного жителя, впоследствии найденного убитым. Но именно вуалирование криминально обусловленных исчезновений граждан массой случаев безвестного их отсутствия по не криминальным причинам превратилось, с одной стороны, в фактор маскировки преступниками убийств под безвестное исчезновение жертв, а с другой стороны, это подталкивает недобросовестных сотрудников полиции уклоняться от розыска лиц пропавших без вести, не возбуждать уголовные дела по фактам исчезновения граждан даже при наличии оснований полагать, что они стали жертвой преступления.

Доля разысканных лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступлений, на протяжении четырнадцати лет (с 2001 по 2014 гг.) колеблется в пределах 0,5-1,5% от числа всех, находившихся в течение года в розыске безвестно отсутствующих лиц. Сам этот показатель отражает соотношение динамики количества лиц, находившихся в розыске в виду безвестного отсутствия, и установления числа пропавших людей, ставших жертвами преступлений. Динамика численности тех и других категорий безвестно отсутствующих лиц не совпадает. Это вызывает колебания доли разысканных жертв преступлений среди всех разыскиваемых пропавших лиц. Поэтому изменение этой доли не говорит о состоянии розыска без-

вестно отсутствующих лиц, ставших жертвами преступления. Но незначительные размеры этой доли свидетельствует о сложности выявления криминальных фактов безвестного отсутствия людей.

Так в 2000 г. эта доля составляла 1,28%. В конце первого пятилетия (в 2005 г.) она равнялась 0,82%, в конце второго пятилетия (в 2010 г.) – 0,54% и в четвертом году третьего пятилетия (в 2014 г.) – 0,5%.

Вызывает тревогу последовательное снижение количества случаев установления личности пропавших жертв преступлений. В 2000 г. было установлено 1341 безвестно отсутствующее лицо, ставшее жертвой преступления. Через пять лет, в 2005 г. выявлено 990 таких лиц (-26,2% к 2000 г.). Еще через пять лет, в 2010 г., выявлено 627 жертв таких преступлений (-36,7% к 2005 г.) и в 2014 г. – 477 (-23,9% к 2010 г.).

С начала века (2014 к 2000 г.) число разысканных безвестно отсутствующих лиц, ставших жертвами преступлений, снизилось на две трети, на 64,4%.

Никаких кардинальных изменений в социальных условиях, которые могли привести к резкому снижению случаев исчезновения лиц в связи с совершением в отношении их преступлений, за эти 14 лет не произошло. Поэтому обоснованной является гипотеза об ухудшении работы по выявлению таких фактов.

Борьба с уклонением от возбуждения уголовных дел по фактам безвестного отсутствия лиц при наличии признаков возможного совершения в отношении их преступления (убийства, похищения и т.п.) не привела к повышению выявления таких преступлений. Тенденции изменения числа случаев возбуждения уголовных дел в момент фиксации безвестного отсутствия лица и случаев раскрытия преступлений, совершенных в отношении разыскиваемых лиц, прямо противоположны. Количество таких уголовных дел возрастает, а раскрытых преступлений падает.

В результате этого доля разысканных жертв преступлений от числа случаев объявления в розыск пропавших лиц с одновременным возбуждением уголовного дела постоянно снижается. Данные о количестве разысканных жертвах преступлений уже приводились. В 2000 г. их количество составило 29,3% от 4584 разыскивавшихся лиц, пропавших без вести, с возбуждением уголовного дела. В 2005 г. эта доля снизилась до 11% от 9016 возбужденных уголовных дел. В 2010 г. последовало снижение этой доли до 4,9% от 12678 таких уголовных дел. В 2014 г. эта доля составила всего 3,3% от 14359 уголовных дел указанной категории.

Расчет корреляционной зависимости между статистическими данными о ежегодно разысканных в стране лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступления, и о лицах, находящихся в розыске с возбуждением уголовных дел, за период с 2000 по 2014 гг. показал, что между ними существует весьма высокая обратная регрессионная зависимость. Коэффициент корреляции -0,967. Уравнение регрессии: $y = -0,092x + 1805$ (рис. 1). Рост (снижение) на 100 числа разыскиваемых лиц, пропавших без вести с возбуждением уголовного дела, сопровождается снижением (ростом) на 9 разысканных лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступлений.

В этом и во всех остальных случаях определения регрессионных зависимостей (следующие рисунки) не-

сколько выделяются данные за 2006 г. Это связано с единовременным резким увеличением зарегистрированных преступлений в этот год. Руководство Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России провели

компанию по усилению контроля за соблюдением учетно-регистрационной дисциплины. В 2006 г. было зарегистрировано более 3,85 млн. преступлений. В 2014 г. – только 2,17 млн.

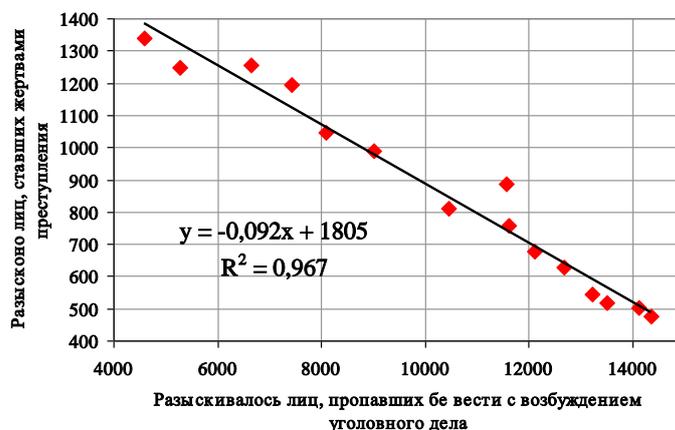

Рисунок 1. Расчет регрессионной зависимости между числом разысканных лиц, ставших жертвами преступления, и числом разыскиваемых лиц, пропавших без вести с возбуждением уголовного дела. 2000 – 2014 гг.

Выявлено совпадение тенденций сокращения фактов розыска лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступления, и числом зарегистрированных убийств, квалифицируемых по ст. 105 УК РФ. Это свидетельствует о том, что пропавшие без вести лица, ставшие потерпевшими от преступлений, в основном являются жертвами убийств.

Более важным является вывод о том, что порок занижения регистрации преступлений в равной степени выразился в последовательном сокращении как зарегистрированных убийств, так и сведений о разысканных безвестно отсутствующих лицах, ставших жертвами преступлений, в основном убийств. Это означает, что статистиче-

ские сведения о ежегодно устанавливаемых фактах безвестного исчезновения лиц из-за совершения в отношении их преступлений, не отражают реального числа таких фактов.

Между показателями ежегодно разысканных в стране лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступления, и количества зарегистрированных убийств (ст. 105 УК РФ) существует высокая прямая регрессионная зависимость. Коэффициент корреляции составляет 0,907. Уравнение регрессии: $y = 0,035x + 63,9$ (рис. 2). Рост (снижение) числа зарегистрированных убийств на 1000 сопровождается ростом (снижением) на 35 разысканных лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступлений.

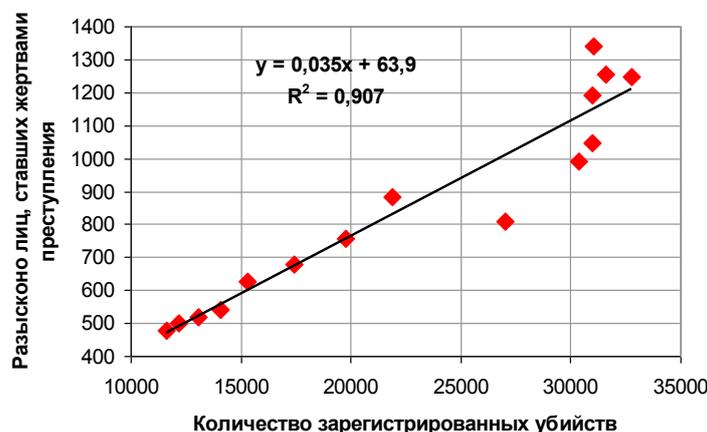

Рисунок 2. Расчет регрессионной зависимости между числом разысканных лиц, ставших жертвами преступления, и числом зарегистрированных убийств. 2000 – 2014 гг.

Исследования показали, что между данными о ежегодно разысканных в стране лицах, пропавших без вести и ставших жертвами преступления, и о количестве расследованных убийств (ст. 105 УК РФ) также существует высокая прямая регрессионная зависимость. Расследованные убийства это, в основном, раскрытые преступления. Коэффициент корреляции составляет 0,847. Уравнение регрессии: $y = 0,046x + 23,4$ (рис. 3). Рост (снижение) числа расследованных убийств на 1000 сопровождается ростом (снижением) на 46 разысканных лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступлений.

Степень зависимости несколько ниже. Это, по нашему мнению, можно объяснить тем, что фиксация факта розыска лица, пропавшего без вести и ставшего жертвой преступления, не означает завершения расследования этого преступления. Очевидно, что среди выявленных таких фактов имеются случаи, когда эти преступления остались нераскрытыми (расследование по этим уголовным делам приостанавливалось). Данное обстоятельство превратилось еще в один стимул для недобросо-

вестных сотрудников полиции не усердствовать при розыске лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступлений.

Анализ показал, что тенденция последовательного занижения числа зарегистрированных и расследованных

убийств, а также розыска лиц, пропавших без вести и ставших жертвами преступлений, четко прослеживается только по данным за 2007 – 2014 гг.

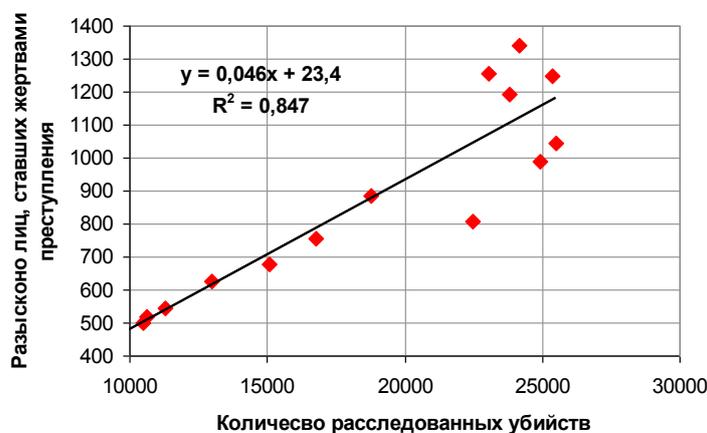

Рисунок 3. Расчет регрессионной зависимости между числом разысканных лиц, ставших жертвами преступления, и числом расследованных убийств. 2000 – 2014 гг.

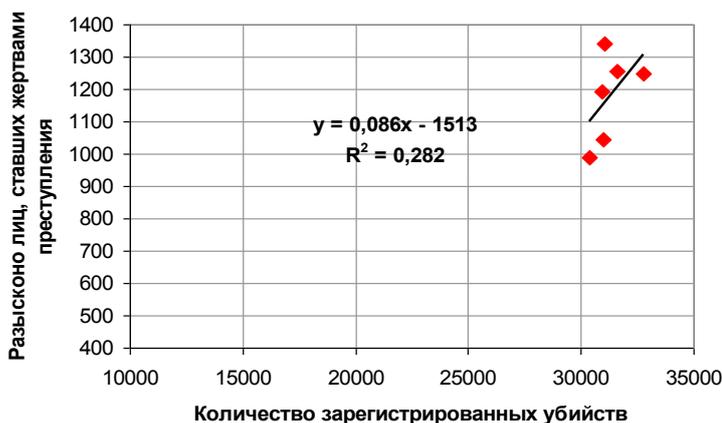

Рисунок 4. Расчет регрессионной зависимости между числом разысканных лиц, ставших жертвами преступления, и числом зарегистрированных убийств. 2000 – 2005 гг.

В период 2000 – 2005 гг. между показателями ежегодно разысканных в стране лицах, пропавших без вести и ставших жертвами преступления, и количества зарегистрированных убийств (ст. 105 УК РФ) регрессионной зависимости практически нет. Коэффициент корреляции составляет всего 0,282 (рис. 4).

А за период 2007 – 2014 гг. между показателями ежегодно разысканных в стране лицах, пропавших без вести и ставших жертвами преступления, и количества зарегистрированных убийств (ст. 105 УК РФ) наблюдается весьма высокая прямая регрессионной зависимости. Коэффициент корреляции составляет 0,985 (рис. 5).

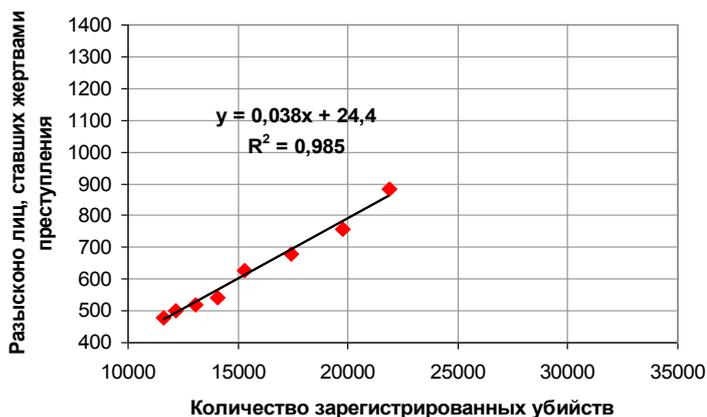

Рисунок 5. Расчет регрессионной зависимости между числом разысканных лиц, ставших жертвами преступления, и числом зарегистрированных убийств. 2007 – 2014 гг.

Точно также выглядит зависимость между розыском рассматриваемой категории лиц и числом расследованных убийств. За период 2000 – 2005 гг. между этими показателями регрессионной зависимости практически не наблюдается. Коэффициент корреляции составляет 0,261 (рис. 6).

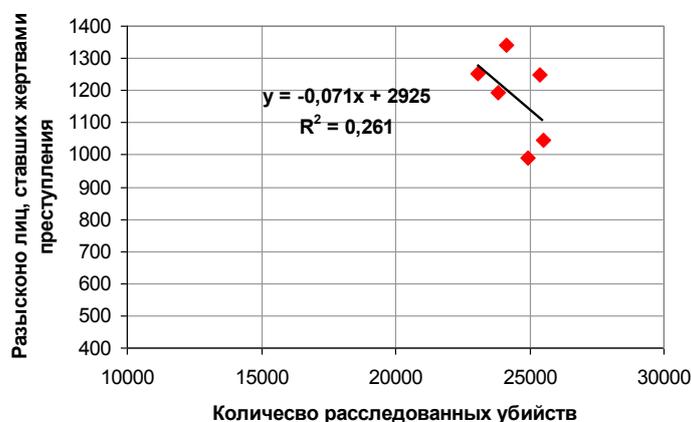

Рисунок 6. Расчет регрессионной зависимости между числом разысканных лиц, ставших жертвами преступления, и числом расследованных убийств. 2000 – 2005 гг.

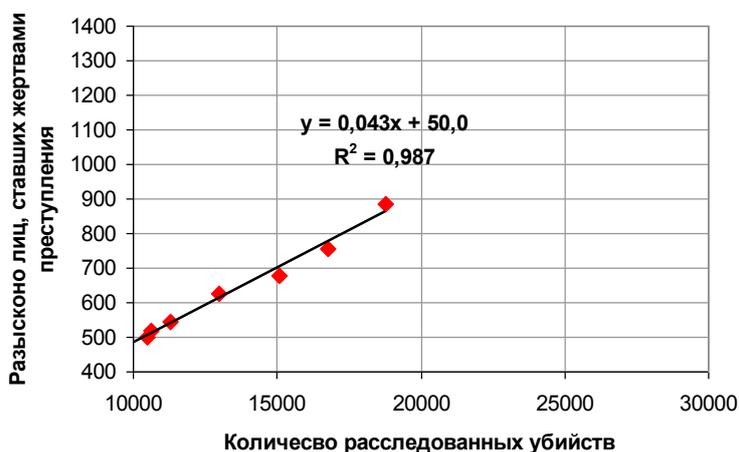

Рисунок 7. Расчет регрессионной зависимости между числом разысканных лиц, ставших жертвами преступления, и числом расследованных убийств. 2007 – 2014 гг.

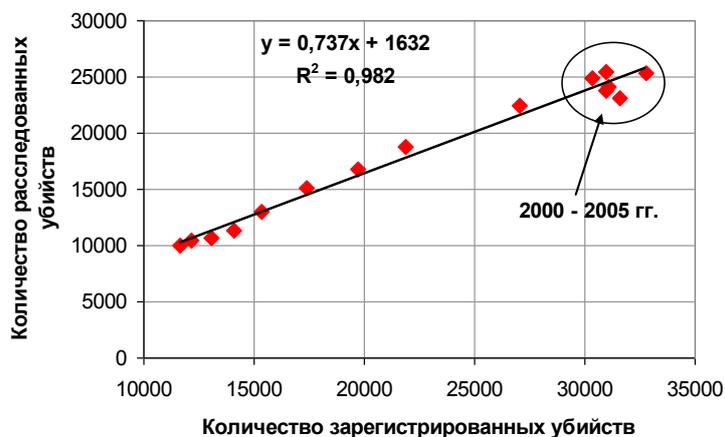

Рисунок 8. Расчет регрессионной зависимости между числом зарегистрированных и числом расследованных убийств. 2000 – 2014 гг.

Обращает на себя внимание факт высокой прямой корреляционной зависимости между числом зарегистрированных и расследованных убийств. Коэффициент корреляции составляет 0,982 (рис. 8).

За период 2007 – 2014 гг. между ними, наоборот, наблюдается весьма высокая прямая регрессионная зависимость. Коэффициент корреляции составляет 0,987 (рис. 7).

Но как видно из рисунка 8 годовые даны о зарегистрированных и расследованных убийствах за 2000 – 2005 гг. сгруппированы хаотично, но в пределах самых высоких значений по обоим показателям. В этот период

между ними нет корреляционной зависимости. Это свидетельствует о не высоком влиянии в те годы на значения исследуемых показателей искусственного регулирования. Но за счет данных 2007 – 2014 гг. сформировалась весьма высокая корреляционная зависимость за весь период (рис. 8). Следовательно, в 2007 – 2014 гг. возросла роль искусственного регулирования рассматриваемых показателей, путем занижения их значений.

Сопоставление данных о розыске безвестно отсутствующих лиц и обнаружении неопознанных трупов с признаками насильственной смерти свидетельствует о неудовлетворительном состоянии раскрытия и расследования преступлений, замаскированных под безвестное исчезновение их жертв, и преступлений, связанных с обнаружением неопознанных трупов с признаками насильственных действий, повлекших смерть потерпевшего.

Сравнение данных о неопознанных трупах с признаками насильственных действий, повлекших смерть потерпевшего, со сведениями о разысканных лицах, ставших жертвами преступлений, позволяет сделать примерный расчет количества неопознанных трупов людей с признаками насильственной смерти, чьи личности впоследствии были установлены в ходе их розыска как безвестно отсутствующих граждан.

Разысканные безвестно исчезнувшие лица, ставшие потерпевшими от преступлений, в основном являлись жертвами убийств. До момента розыска их трупы находились в числе неопознанных. Соотнесение данных о разысканных лицах, ставших жертвами преступлений, со сведениями об обнаружении трупов с признаками насильственных действий, повлекших смерть потерпевшего, показывает, что в настоящее время не более десятой части лиц, чьи неопознанные трупы были обнаружены с признаками насильственной смерти, находились в розыске как безвестно отсутствующие, тогда как в начале века они составляли треть.

Наличие в стране большого числа лиц, не имеющих постоянного места жительства, мигрирующих по ее территории, способствует увеличению числа неопознанных трупов людей, исчезновение которых не фиксировалось. Наличие категории людей, трупы которых не были опознаны, и при этом такие лица не находились в розыске, может только уменьшить указанную долю. Это говорит об ухудшении работы по установлению личности людей, чьи неопознанные трупы были обнаружены с признаками насильственной смерти.

В 2000 г. на 3666 неопознанных трупа приходилось 1341 разысканное лицо, ставшее жертвой преступления, что составляет 36,6%, в 2005 году – на 5175 неопознанных трупов пришлось 990 таких лиц (19,1). В 2010 году на 6254 неопознанных трупа приходилось 627 таких лиц (10%) и в 2014 году на 4614 неопознанных трупа с признаками насильственной смерти пришлось только 477 разысканных лиц, ставших жертвами преступлений (10,3%).

Динамика снижения количества разысканных лиц, ставших жертвами преступлений, совпадает с динамикой количества зарегистрированных в России убийств за 2000-

2014 гг. Все эти годы сокращалось как количество находившихся в розыске лиц, данной категории, так и зарегистрированных убийств. Число разысканных лиц, ставших жертвами преступлений, как уже отмечалось, снизилось на 64,4%, а зарегистрированных убийств – на 62,0% (с 31052 - в 2000 г. до 11813 - в 2014 г.).

Расчеты также показывают, что на протяжении 2000-2014 г.г. ежегодно количество разысканных лиц, ставших жертвами преступлений, составляло 3,0-4,3% от числа зарегистрированных убийств. Эти данные свидетельствуют о двух важных фактах. Во-первых, количество разысканных жертв преступлений, в основном жертв убийств, составляет относительно высокую долю в числе всех зарегистрированных убийств. Во-вторых, это говорит о достаточно большом числе случаев неочевидных убийств, когда жертва бесследно исчезала.

Представляется целесообразным расширение статистики розыска лиц, пропавших без вести. В настоящее время в статистической отчетности выделяется 12 категорий пропавших без вести лиц. Это меньше, чем количество таких категорий, указанных в перечне обстоятельств, которые с высокой степени вероятности указывают на совершение преступления в отношении без вести пропавшего лица. В инструкции 2010 г. «О порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением граждан» перечислены 19 таких обстоятельств. В настоящее время актуальным стало внесения в этот перечень такой группы граждан как пропавшие с мобильными телефонами.

Необходимо также ввести в формы статистического учета розыска безвестно отсутствующих лиц и статистического учета неопознанных трупов показатели, раскрывающие эффективность борьбы с такими сложно раскрываемыми убийствами как убийства, связанные с сокрытием трупа и убийства неустановленных лиц. Необходимо иметь сведения о результатах расследования уголовных дел, возбужденных по факту безвестного отсутствия лица. Нужно ввести в статистическую отчетность о розыске безвестно отсутствующих лиц показатели, характеризующие основания завершения расследования таких уголовных дел (основания их прекращения, приостановления и направления в суд). По аналогичным показателям следует расшифровать статистические данные о разысканных лицах, ставших жертвами преступлений.

Точно также следует расширить собираемые статистические сведения по неопознанным трупам. Следует дополнить статистическую форму об их учете показателями возбуждения уголовных дел по фактам обнаружения неопознанных трупов с признаками насильственных действий, повлекших смерть потерпевшего, и результатах расследования таких уголовных дел.

Без таких данных правоохранительные органы не могут с достаточной достоверностью определить эффективность борьбы с указанными сложными для раскрытия и расследования наиболее опасными преступлениями против жизни человека.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Букреев Игорь Викторович

магистрант юридического факультета, Курский государственный университет, г. Курск

SOME ASPECTS OF THE HISTORY OF CORRUPTION ORIGIN

Bukreev Igor, post-graduate student of the law department of Kursk State University, Kursk.

АННОТАЦИЯ

В данной статье освещаются истоки возникновения коррупции в разных странах, начиная с древних веков.

ABSTRACT

This article concerns the origins of corruption in various countries since ancient times.

Ключевые слова: коррупция; бюрократический аппарат; фискалы.

Key words: corruption; bureaucratic apparatus; fiscals.

Коррупция, будучи сложным и многогранным явлением, неразрывно связана с историей человеческой цивилизации с самых древних времен. Так, самые ранние упоминания о коррупции находят свое отражение в архивах древнего Вавилона, согласно которым царь Лагаша Урукagina реформировал государственное управление с целью пресечения злоупотреблений чиновников и судей [6]. С аналогичными проблемами сталкивались и фараоны Древнего Египта, в котором сложился огромный бюрократический аппарат чиновников, позволявший себе творить беззаконие и произвол в отношении свободных крестьян, ремесленников и даже военной знати. Сохранилось поучение некоего Итахотела, который рекомендует: «Гни спину в исправности, ибо плохо тому, кто противится перед начальником, но легко жить, когда он благоволит» [7]. Тема коррупции обнаруживается даже в библейских текстах. Например, в Ветхом Завете говорится о том, что «...начальник требует подарков, и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают дело...» [2]. Таким образом, можно утверждать, что: возникновение коррупции относится ко времени формирования самых первых классовых обществ и государственных образований.

Древней Греции у термина «*corruptio*», изначально использовавшегося для обозначения порчи воды или пищевого отравления, по является социальный смысл — приведение в упадок нравов, расстройство порядка. Широкое распространение получает древнелатинское изречение: «*Do ut facies*» — «Даю, чтобы сделал». Примерно в это же время понятие коррупция приобретает значение подкупа кого-либо. Так, например, в древнеримских Законах вышеупомянутый термин начинает использоваться в значениях «менять за деньги показания в суде» и «подкупать судью»: «Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертной казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении, [для разбирательства дела] и были уличены в том, что приняли денежную мзду по [этому] делу?»). В период Средневековья понятие «коррупция» приобретает исключительно церковное, каноническое значение — как обольщение, соблазн дьявола. Коррупция в богословии католицизма стала проявлением греховности, ибо по Апостолу Иоанну «грех есть беззаконие» [5]. Коррупция известна с глубокой древности. Упоминания о ней встречаются в дошедших до нас исторических источниках, относящихся ко всем центрам древневосточных цивилизаций, в том числе Древнему Египту, Китаю, Индии

и другим, а также к античным цивилизациям Древней Греции и Рима.

Сам термин коррупция, как полагает большинство исследователей, происходит от латинского слова *corruptio*, означающего порчу, подкуп. Упоминание о коррупции, ее осуждение присутствует во всех ведущих религиях мира. Найти подтверждение этому можно в Библии и Коране. Если рассматривать истоки появления коррупции в обществе, то, по-видимому, их следует искать еще в первобытном обществе. Вероятно, они связаны с языческими верованиями - наши предки полностью зависимые от сил природы старались задобрить богов, олицетворявших эти силы. Им люди приносили жертвы, являвшиеся по своей сути своеобразными дарами. По мере развития общества и появления первых служителей культа — шаманов, колдунов, знахарей, ведунов волхвов и т.д., «близких к богам», им тоже стали делать подарки и подношения, чтобы через них добиться расположения к себе милости самих богов. С возникновением государства и появлением профессиональных чиновников обычай приносить дары тем, от кого зависела судьба человека (царям, правителям, жрецам), стал распространяться и на них, тем более что в начале складывания государства высшая светская и духовная власти, как правило, соединялись в одном лице. Развитие государственности, возникновения обширных государств неминуемо вело к возникновению значительного бюрократического аппарата, особой касты чиновников, получавшей все большие полномочия в обществе. Как полагали правители, чиновники должны были существовать за счет фиксированного жалованья, но на практике происходило по-иному. Стал укореняться обычай делать им подарки, чтобы добиться их расположения и выполнения своих просьб, поскольку дорогие подношения выделяли правителя из массы других заинтересованных людей. В подавляющем числе государств, где сформировался значительный бюрократический аппарат, его представители стремились использовать свое положение в качестве источника тайных доходов. Причем зачастую подобное явление во многих государствах принимало массовый характер и превращалось в своеобразную норму поведения чиновников. Проведенные Петром I реформы государственного аппарата и управления имели колоссальные последствия для развития российской государственности. Фактически именно при Петре I были заложены основы тоталитарного государства в нашей стране. Петр I сумел создать так называемое «регулярное государство» — полицейско-бюрократическое по своей сути, в котором жизнь каждого человека жестко регламентировалась. Для

такого типа характерна система всеобъемлющего контроля, паспортного режима, доносительство. При Петре I был создан огромный бюрократический аппарат, который постепенно разрастался, и его роль в управлении государством все больше возрастала. Интересы же бюрократического аппарата вступали в противоречие с интересами общественного развития, поскольку критерием успешной работы чиновников являлось, в первую очередь, упорядоченное делопроизводство, а не реальное состояние дел. К тому же, содержание постоянно увеличивающегося бюрократического аппарата требовало все больших расходов, которые зачастую явно превышали материальные ресурсы государства, что стало отчетливо проявляться уже при Петре I, и, прежде всего, в работе местных органов власти. Естественно, что нехватку финансирования чиновники компенсировали поборами с населения. Таким образом, можно сделать вывод, что реформы Петра I не только не ликвидировали условия для коррупции в России, но даже создали более благоприятную почву для нее. Следует отметить, что сам царь достаточно хорошо понимал реальное положение дел, не имел иллюзий в отношении оценки моральных качеств людей, заполнявших многочисленные канцелярии, и с подозрением относился к чиновникам. Как отмечает один из исследователей данного периода истории России Н.И. Павленко, царь «едва ли не в каждом из них готов был видеть казнокрада, мздоимца, вымогателя, человека, не знающего границ в утолении жажды наживы за счет ограбления государства и отдельных подданных государя». Исходя из подобных оценок чиновников, Петр I большое внимание уделял созданию контролирующих органов, которые создавались одновременно с аппаратом управления. Показательно, что в 1711 году в один и тот же день были учреждены Сенат и институт фискалов. Фискалы должны были «тайно проводить, доносить и обличать, не вмешиваясь в ход самого дела. Они подчинялись только обер-фискалу, должность которого была учреждена при Сенате. Именно ему они и докладывали обо всех выявленных нарушениях. В 1718-1721 гг. были созданы новые исполнительные органы центральной власти – ими стали коллегии, заменившие запутанную приказную систему (к тому времени существовало 44 приказа). Дела в коллегиях рассматривались и решались коллегиально. Одна из коллегий – юстиц-коллегия ведала судебными делами. Петр даже предпринял попытку отделить судебную власть от административной, но этого ему сделать не удалось. Большое значение в петровском государстве имел карательный орган, именованный Преображенским приказом, – он возник еще в конце 17 века и вел следствия, а также суд по политическим делам. В 1718 году создается еще один карательный

орган – Тайная канцелярия. Она тоже осуществляла следствие и суд по политическим делам, но в ее компетенцию в основном входили дела, касающиеся Петербурга и округа. Важную роль играл и «Кабинет» – так называлась личная канцелярия Петра I. В 1722 году в России был создан важнейший контрольный орган – прокуратура. При сенате была учреждена высшая в стране должность генерал-прокурора, а в коллегиях – прокуроров. В отличие от фискалов, прокуроры, обнаружив нарушение законности, должны были его исправить. Генерал-прокурор был наделен очень большими функциями и мог быть назначен или отстранен только царем. Он руководил заседаниями Сената и осуществлял контроль над его деятельностью. В указе, изданном Петром I, о должности генерал-прокурора говорилось следующее: «Сей чин, яко око наше, и стряпчий о делах государственных». Первым генерал-прокурором был назначен П.Н. Ягужинский. [4]

Современное понятие коррупции начинает складываться на рубеже образования централизованных государств. Одной из наиболее серьезных и опасных угроз национальной безопасности Российской Федерации в настоящее время является коррупция. [1] Масштабы этого явления в нашей стране достаточно велики: по данным международной неправительственной организации по профилактике и противодействию коррупции Transparency International, Российская Федерация по коррупционному показателю в 2012 г. набрала 28 баллов, заняв 133-е место из 174, в 2013 г. с тем же числом баллов – 127-е место [3]. Только за счет ухудшения результатов ряда других государств в общемировом списке Россия поднялась на шесть позиций. Коррупция в России. За последнее десятилетие руководством страны проблеме борьбы с коррупцией стало уделяться более пристальное внимание.

Список литературы

1. Баженов А.В. Развитие антикоррупционного законодательства в России.
2. Библия. Ветхий Завет. М., 1994. С. 352.
3. Домасин О.И. Коррупция: состояние, причины, противодействие М.: Триумфальная арка 2009
4. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005
5. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России М.: Проспект 1998.
6. Томсинов В.А. Хрестоматия государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века /сост. М.: Зерцало, 1999; 2004. С. 34.
7. Томсинов В.А. Хрестоматия государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века /сост. М.: Зерцало, 1999; 2004. С. 56.

К ВОПРОСУ ОТГРАНИЧЕНИЯ НАЛОГОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ ОТ НАЛОГОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Букреева Оксана Михайловна

магистрант юридического факультета, Курский государственный университет, г. Курск

SOME ASPECTS OF DIFFERENTIATING TAX VIOLATION AND TAX CRIME

Bureeva Oksana, post-graduate student of law department of Kursk State University, Kursk

АННОТАЦИЯ

В статье указываются критерии отличия налогового правонарушения от налогового преступления, а также рассматривается ответственность за их совершения.

ABSTRACT

The article observes the criteria of differentiating tax violation and tax crime and considers the responsibility for their commission.

Ключевые слова: налоговое преступление; налоговое правонарушение; юридическая ответственность; уплата налогов.

Key words: tax crime; tax violation; legal responsibility; payment of taxes.

Очевидно, что все правонарушения, совершаемые в обществе, не однородны по своему характеру. По степени общественной опасности и юридическому оформлению теория права объединяет их в две группы: преступления и проступки. Это в полной мере относится и к сфере финансового права.

В словаре по экономике и финансам налоговое правонарушение понимается как противоправное, виновное действие или бездействие, которым не исполняются или ненадлежащим образом исполняются обязанности, нарушаются права и законные интересы участников налоговых отношений и за которые установлена юридическая ответственность [6].

Однако мы полагаем, что наиболее точным и оптимальным является понятие налогового правонарушения, представленное в Налоговом кодексе, где под налоговым правонарушением понимается противоправное, виновное деяние, совершенное налогоплательщиком, налоговым агентом или иным лицом, ответственность за которое установлена соответствующей нормой НК [1].

Стоит отметить, что налоговое правонарушение и налоговое преступление не являются тождественными категориями. Они отличаются друг от друга степенью общественной опасности.

Под налоговым преступлением понимается совершенное в налоговой сфере противоправное деяние, преступный характер которого признан действующим уголовным законодательством территории, к юрисдикции которого оно отнесено.

Термин “налоговое преступление” впервые был официально употреблен в Законе РФ “О федеральных органах налоговой полиции”, в статье 2 данного Закона было указано: “Задачами федеральных органов налоговой полиции являются:... выявление, предупреждение и пресечение налоговых преступлений и правонарушений...” [2].

Итак, можно выдвинуть предположение, что налоговое преступление отличается от правонарушения степенью общественной опасности. По мнению Б.С. Никифорова «Именно потому, что правонарушения, с которыми ведет борьбу уголовное право, причиняют общественным отношениям существенный вред, они, в отличие от других правонарушений, именуются преступлениями» [4, с.8].

Несомненно, налоговая преступность препятствует решению государственных задач, тем самым, причиняя прямой ущерб не только государственным, но и общественным интересам. Стоит учитывать, что от точности выбора подхода к определению понятия налоговых преступлений во многом зависит эффективность контроля над этим явлением со стороны общества и государства, формирования правоохранительными и судебными органами действенной стратегии борьбы с указанными деликтами.

По мнению законодателя, уголовно наказуемым следует признать не любое уклонение от уплаты налогов, а только такое, которое причиняет существенный ущерб бюджетной системе государства. С этих позиций проявлением достаточно высокой степени общественной опасности данного деликта выступает конкретная денежная сумма, выраженная в рублях, непоступление которой в бюджетную систему РФ влечет для государства серьезные негативные последствия.

Важно отметить, что общественная опасность рассматриваемого преступления обуславливается повышенной ролью налогов в экономике государства, а также значимостью защищаемых здесь уголовным законом общественных отношений, характером, объемом причиненного вреда, особенностью самого общественно опасного деяния, особенностями его объекта и субъекта. Общественная опасность уклонения от уплаты налогов заключается в умышленном невыполнении конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги.

Для определения степени общественной опасности правонарушения и отграничения административных правонарушений от преступлений применяется такой показатель, как наличие или отсутствие тяжких последствий, например, размер имущественного ущерба, причиненного правонарушителем. Законодатель использует для обозначения размера причиненного ущерба такие критерии, как «значительный», «крупный», «существенный» ущерб. В уголовном законе формальная определенность дана только крупному ущербу. Например, уголовно наказуемым признается лишь уклонение от уплаты налога физическим лицом, совершенное в крупном размере, если сумма неуплаченного налога превышает 200 МРОТ, а в особо крупном размере – 500 МРОТ, а организацией – превышает 1000 МРОТ.

Итак, согласно вышеизложенному, налоговые правонарушения по сравнению с налоговыми преступлениями представляют меньшую общественную опасность и закрепляются не УК РФ, а только НК РФ. Кроме того, они влекут за собой не наказание, а взыскание.

Предварительный анализ смежных составов налоговых преступлений и правонарушений свидетельствует о сложности их правовой оценки. В связи с этим представляется важным в последующих работах произвести обобщение судебно-следственной и административной практики по делам этой категории, а также выработку предложений по более четкому разграничению смежных составов.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // ред. от 30.06.2008. Ст. 106. - СПС «КонсультантПлюс».

2. Закон РФ от 24.06.1993 N 5238-1 (ред. от 31.12.2002) "О федеральных органах налоговой полиции" (24 июня 1993 г.) Ст.2. - СПС «КонсультантПлюс».
3. Налоговые преступления / Бембетов А.П., Ларичев В.Д.. - М.; Экзамен, 2001. - 336 с.
4. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву: Авто-реф. дис.... докт. юрид. наук. М., 1956.-28с.
5. Постатейный комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации. Часть первая. 2-е изд., перераб. и доп. / Под общей ред. Слома В.И. и Макарова А.М. - М.: Статут, 2000.
6. Словарь по экономике и финансам[Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www.glossary.ru/>

ФОРМА И ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА

Чернякова Светлана Александровна

кандидат юр.наук, Российский Государственный Университет, туризма и сервиса, доцент

*FORM AND MANNER OF CONCLUSION OF THE CONTRACTS OF A JOINT CONSTRUCTION OF AN APARTMENT BUILDING
Chernyakova Svetlana, Candidate of Science, Russian State University of Tourism and Service*

АННОТАЦИЯ

Одним из главных направлений государственной социальной политики является обеспечение граждан доступным жильем. Государство для целей удовлетворения потребностей граждан в жилище устанавливает плюрализм форм его приобретения. В 2004 году в законодательстве была закреплена одна из таких форм — участие в долевом строительстве многоквартирного дома. Она позволяет на практике гражданам, ограниченным в финансовых возможностях, приобрести в собственность квартиру значительно дешевле, чем аналогичную по договору купли-продажи на рынке первичного жилья.

ABSTRACT

One of the main directions of the state social policy is to provide citizens with affordable housing. State for the purpose of meeting the needs of citizens in the housing sets pluralism forms of purchase. In 2004 the law was fixed one of these forms – participation in the joint construction of an apartment building. It allows you to practice the citizens with limited financial possibilities to acquire ownership apartment is much cheaper than a similar contract of sale on the primary housing market.

Ключевые слова: договор участия в долевом строительстве; форма договора; этапы заключения договора.

Keywords: contract equity in the building; form of contract; stages of conclusion of the contract.

Сторонами договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома с привлечением средств граждан являются застройщик и участник долевого строительства. Для заключения данного договора они должны соответствовать некоторым требованиям, установленных в отношении них законодательством Российской Федерации.

Согласно ст. 2 ФЗ № 214-ФЗ застройщиком является юридическое лицо любой организационно-правовой формы, обладающее в собственности или на праве аренды, субаренды либо безвозмездного срочного пользования земельным участком и привлекающее денежные средства участников долевого строительства для строительства на этом земельном участке объектов недвижимости на основании приобретенного разрешения на строительство.

Из определения ясно, что застройщиком может быть только исключительно юридическое лицо как коммерческое, так и некоммерческое абсолютно любой организационно-правовой формы. На практике самыми распространенными являются хозяйственные общества, а именно: акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью. Это, прежде всего, связано с защитенностью имущества учредителей таких юридических лиц, так как они не отвечают по обязательствам данных хозяйственных обществ своим имуществом и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества в пределах

стоимости внесенных вкладов или принадлежащих им акций. Индивидуальные предприниматели по воле законодателя не могут выступать в качестве застройщиков. Это связано с ограниченностью их возможностей, неустойчивостью и уязвимостью в различных сложных экономических ситуациях. Индивидуальный предприниматель не обладает такими финансовыми ресурсами, как юридические лица, объединившие средства его некоторого количества учредителей. Таким образом, риски невыполнения обязательств перед участниками долевого строительства, невозврата привлеченных их денежных средств и невозмещения причиненных им убытков, у индивидуальных предпринимателей гораздо выше, чем у юридических лиц.

Дикун А.В. считает, что сущность деятельности застройщика состоит в организации привлечения средств участников долевого строительства, строительства объекта недвижимости, сдачи этого объекта и передачи объекта долевого строительства участнику. Исходя из этого и названия договора, он предполагает, что застройщика лучше именовать «организатор долевого участия в строительстве» [1]. Действительно, формулировка «застройщик» не соответствует де-факто содержанию его прав и обязанностей, так как он не только организует постройку объекта недвижимости, но и, например, привлекает денежные средства участников долевого строительства, без

которых строительство не осуществимо. Однако, такую замену формулировок считаю неудачной. Так как участия в прямом и широком смысле этого слова участников долевого строительства не происходит, как я уже отмечал. Так логичнее, было бы заменить на формулировку «организатор финансирования долевого строительства». Но все-таки предполагаю оставить прежнее именование стороны договора «застройщик», так как это лаконично и деятельность застройщика прежде всего направлена именно на строительство объекта. В юридической литературе часто предлагают называть застройщика «застройщиком-подрядчиком» или «застройщиком-заказчиком» в зависимости от того, сам он выполняет непосредственно работы по строительству объекта недвижимости или привлекает к их выполнению на основе гражданско-правовых договоров других лиц [2]. Представляется, что такое предложение неудачно, так как это ведет к смешению двух самостоятельных гражданско-правовых договоров: договора подряда и участия в долевом строительстве. Это в свою очередь может породить вопросы к правовому регулированию отношений из соответствующих договоров и вероятно неоднозначность судебной практики. В зарубежной практике подобных лиц как застройщик называют девелоперами, а осуществляемую ими деятельность определяют понятием девелопмент, или девелопмент недвижимости. Девелопер (от англ. developer — создать, разработать, развить) — предприниматель, который осуществляет создание объектов недвижимости и организацию необходимых для этого процессов [3].

Однако применение такого термина в нашем законодательстве нецелесообразно, так как он не учитывает специфику именно рассматриваемых правоотношений, а также сложен для восприятия и слишком абстрактен, так как по сути девелопером можно назвать и подрядчика.

Согласно с ч.1 ст.3 ФЗ №214-ФЗ застройщик имеет право привлекать денежные средства участников долевого строительства после приобретения разрешения на строительство, опубликования или размещения проектной декларации и государственной регистрации его права собственности или прав аренды, субаренды, безвозмездного срочного пользования на земельный участок, предоставленный для строительства объекта недвижимости.

Стоит отметить, что до изменений в законодательстве в 2010 году существовала практика выдачи разрешений на отдельные этапы строительства многоквартирного дома по заявлению застройщика. Так для получения соответствующего разрешения нужно было представить проектную документацию, касающуюся относительно только определенного этапа строительства. Поэтому была широко распространена практика получения разрешения на строительство так называемого нулевого цикла. Согласно п. 5.2 приказа Госстроя №17-71 от 31 марта 1998 года под нулевым циклом понимается завершение возведения оснований и фундаментов, а при наличии подвала, технического подполья или подземных этажей — несущих и ограждающих конструкций подземной части жилого дома.

В таких случаях государственная экспертиза проектной документации проводилась только в отношении отдельных этапов строительства, из-за чего было затруднительно и иногда невозможно учесть требования различных технических регламентов в рамках уже экспертиз последующих этапов строительства. Поэтому соглашусь с

мнением Дикуна А.В. - нельзя предоставлять разрешения на отдельные этапы строительства, так как каждый следующий этап может повлиять на надежность и безопасность результатов уже выполненных работ на предшествующих этапах строительства [4]. Так что, не смотря на то, что некоторые специалисты считают необходимым возврат возможности получать такие разрешения, в частности, из-за ускорения проведения подготовительных работ к строительству и их удешевлению, я категорически против введения обратно такой практики.

Согласно п.7 ст.51 градостроительного кодекса РФ (далее ГрК РФ) для получения разрешения на строительство многоквартирного дома к заявлению о выдаче разрешения на строительство объекта недвижимости, прежде всего, требуется представить следующие документы: правоустанавливающие документы на земельный участок, градостроительный план земельного участка, материалы проектной документации. В отдельных случаях перечень документов для получения разрешения на строительство многоквартирного дома может быть шире. При этом разрешение выдается на срок, указанный в проекте строительства многоквартирного дома, но законодательством установлены обстоятельства, позволяющие его продлить.

Застройщик должен иметь земельный участок на праве собственности, аренды, субаренды или безвозмездного срочного пользования. В соответствии с п.4 ч.1 ст. 36 Жилищного кодекса от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ (далее ЖК РФ) земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, входит в состав общего имущества этого дома и принадлежит на праве общей долевой собственности собственникам помещений многоквартирного дома. Данные положения ведут к присутствию ряда правовых коллизий и пробелов в законодательстве РФ.

После завершения строительства многоквартирного дома при регистрации прав собственности участников долевого строительства на объект долевого строительства в собственность к ним должен перейти и земельный участок, так как он входит в состав общего имущества многоквартирного дома. Однако, когда земельный участок находится у застройщика на праве аренды, субаренды, безвозмездного срочного пользования, то я соглашусь с Тарховой О.Ю., отмечающей, что невозможно передать больше, чем имеешь, поэтому застройщик не может передать в собственность то, что ему не принадлежит на праве собственности [5]. В противном случае, это противоречило бы не общим нормам только гражданского законодательства, но и нормам Конституции РФ. Так, например, в ч.1 ст.36 Конституции РФ указано, что собственники земли могут свободно ею распоряжаться, если это не нарушает законных прав и интересов других лиц; в ч.3 ст.37 Конституции, что кого-либо лишить имущества возможно только по решению суда.

Однако согласно ч.3 ст.25 ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 года №178-ФЗ (далее ФЗ №178-ФЗ) собственники объектов недвижимости, расположенных на земельных участках, относящихся к государственной или муниципальной собственности, обязаны либо взять в аренду, либо приобрести у государства или муниципального образования указанные земельные участки. Согласно ч.1 ст. 36 Земельного кодекса РФ от 25 октября 2001 №136-ФЗ

граждане, имеющие в собственности здания или сооружения, расположенные на земельных участках, находящиеся в государственной или муниципальной собственности обладают исключительным правом на их приватизацию. Таким образом, если земельный участок, находящийся в муниципальной или государственной собственности, будет принадлежать застройщику на праве аренды, субаренды, бессрочного пользования, то возможно соблюдение положений вышеуказанной ст. 36 ЖК РФ, так как у граждан возникнет обязанность в возмездном порядке приобрести земельный участок в рамках приватизации. Поэтому я предлагаю установить, что застройщик должен иметь земельный участок на праве собственности или приобрести право аренды, субаренды, безвозмездного срочного пользования на такой земельный участок, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в силу чего нужно внести соответствующие изменения в законы и подзаконные акты РФ. Так, будет исключаться строительство многоквартирных домов на участке, находящемся в частной собственности других лиц помимо застройщика, что устранил вышеуказанные юридические коллизии в законодательстве РФ.

В соответствии со ст.25.1 ФЗ «государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (далее ФЗ №122-ФЗ) права собственности участников долевого строительства возникают с момента их государственной регистрации, а точнее с внесения соответствующих сведений в единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее ЕГРП). Не возникает здесь никаких коллизий, когда собственником земельного участка является застройщик, чего нельзя сказать, когда он ему принадлежит на праве аренды, субаренды или срочного безвозмездного пользования. Это связано с тем, что в объект долевого строительства входит и земельный участок как элемент общего имущества многоквартирного дома, поэтому зарегистрировать право собственности участника долевого строительства одновременно на квартиру и все общее имущество дома возможно только, когда земельный участок принадлежит на праве собственности застройщику. То есть, законодательно не урегулирована процедура регистрации объекта долевого строительства, когда застройщик обладает земельным участком на праве аренды, субаренды, срочного безвозмездного пользования.

Так как для возникновения обязанности приватизации земельного участка гражданами, как уже выше отмечалось, требуется, чтобы у них было право собственности на имущество многоквартирного дома, то процедуру приобретения ими права собственности на объект долевого строительства нужно в законодательстве разбить на два этапа. Сначала гражданин приобретает в собственность объект долевого строительства, за исключением входящего в него земельного участка, в порядке ст. 25.1 ФЗ №122-ФЗ. Затем соответственно, у него возникает обязанность в силу вышеуказанных ст. 36 ЖК РФ ч.3 ст. 25 ФЗ №178-ФЗ в порядке приватизации возмездно приобрести в собственность земельный участок. Поэтому предлагаю ст.25.1 ФЗ №122-ФЗ дополнить пунктом 6 следующего содержания: «Если земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, принадлежит застройщику на праве аренды, субаренды или без-

возмездного срочного пользования, то в порядке настоящей статьи регистрируется права участника долевого строительства на объект долевого строительства, за исключением прав на земельный участок». Что касается порядка приобретения прав на земельный участок в порядке приватизации, то он в корректировке или дополнительной регламентации не нуждается.

В силу положений ст. 19 ФЗ №214-ФЗ застройщик не менее чем за 14 дней до заключения первого договора участия в долевом строительстве должен опубликовать проектную декларацию, включающую в себя информацию о застройщике и проекте строительства, в средствах массовой информации (далее СМИ), в том числе сети «Интернет». При этом возможность доступа к таким СМИ далеко не все имеют. Это связано, прежде всего, с тем, что законодательство не конкретизирует где должна размещаться такая информация и не устанавливает обязанность застройщика уведомлять потенциальных участников долевого строительства о таком размещении. Поэтому предлагаю обязать застройщика предоставлять для ознакомления любому обратившемуся лицу проектную декларацию, дополнив ч.2 ст.20 ФЗ №214-ФЗ пунктом 7 следующего содержания: «проектную декларацию».

Отмечу, что поддерживаю законопроект Минстроя от 5 февраля 2014 года, устанавливающий обязанность Росреestra вести единый реестр проектных деклараций и обеспечивать доступ к его содержанию через сеть «Интернет».

Законодательство РФ предусматривает требования к застройщику соблюдать нормативы финансовой устойчивости с момента регистрации первого договора участия в долевом строительстве, установленные в постановлении Правительства РФ от 21 апреля 2006 года № 233.

Участником долевого строительства может быть любой гражданин. Он только должен обладать дееспособностью в полном объеме или, если гражданин ограничен в дееспособности, то получить согласие попечителя на заключение договора долевого участия в строительстве.

Договор участия в долевом строительстве заключается в письменной форме. В юридической литературе ведутся дискуссии по поводу возможности установления нотариальной формы данного договора или замены этой формой государственной регистрации договора. Представляется целесообразным введение нотариальной формы сделки без упразднения государственной регистрации. Такая форма договора подразумевает обязанность нотариусов при удостоверении договора проверять правоспособность и дееспособность сторон, выявлять их подлинное волеизъявление, устанавливать побудившие к заключению договора мотивы, проверять условия договора на их соответствие требованиям законодательства РФ, а также разъяснять правовые последствия для сторон при заключении договора. К тому же нотариальная форма позволит снизить количество судебных тяжб о признании сделки недействительной.

Частнопрактикующий нотариус обязан страховать свою гражданскую ответственность при осуществлении нотариальной деятельности. А это значит, что при удостоверении им договора, не соответствующего требованиям закона, стороны договора могут получить страховое воз-

мещение. Однако, стоит отметить и отрицательный эффект нотариальной формы договора — некоторое повышение цены договора участия в долевом строительстве.

Договор участия в долевом строительстве считается заключенным с момента его государственной регистрации в ЕГРП. Ст. 25.1 ФЗ №122-ФЗ устанавливает, что для его регистрации к заявлениям обеих сторон договора должны быть приложены, в частности, следующие документы: разрешение на строительство, проектная декларация, план создаваемого объекта недвижимости, договор страхования гражданской ответственности застройщика или поручительства за надлежащее исполнение обязательств застройщиком и другие. Такая регистрация не позволяет застройщику заключать договор долевого строительства в отношении одного и того же объекта долевого строительства с несколькими лицами. Государственная регистрация еще и подразумевает проверку договора на соответствие требованиям законодательства. К тому же сведения ЕГРП являются общедоступными и любое лицо по запросу в орган, осуществляющий государственную ре-

гистрацию, может получить интересующую его информацию, обезопасив себя от неправомерных действий застройщика.

Список литературы

1. Договор участия в долевом строительстве: проблемы теории и правоприменительной практики: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03./ Дикун Андрей Васильевич. С. 83.
2. Договор участия в долевом строительстве объектов недвижимости. Проблемы правового регулирования / М.В. Петрухин. С.17.
3. Правовая природа договора участия в долевом строительстве / И.А. Лепехин. С.6.
4. Договор участия в долевом строительстве: проблемы теории и правоприменительной практики: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03./ Дикун Андрей Васильевич. С. 129.
5. К вопросу о правах на земельный участок в долевом строительстве / О.Ю. Тархова // Право и управление. – 2012. - №12. – С.27.

ПОНЯТИЕ, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ПОНЯТОГО НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Чхвимиани Эдуард Жюльенович

кандидат юридических наук, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар

THE CONCEPT OF RIGHTS AND DUTIES OF A WITNESS AT THE PRE-TRIAL PROCEEDINGS

E.Z. Chkhvimiani, master of Law, Assistant Professor a chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются такие понятия как понятой, требования, предъявляемые уголовно-процессуальным законодательством к понятым, права и обязанности понятого, определены трудности, возникающие у сотрудников органов предварительного расследования при привлечении граждан для участия в следственных действиях в качестве понятых.

Ключевые слова: следователь, понятой, права, обязанности, следственные действия.

ABSTRACT

This article discusses concepts such as the concept, the requirements of criminal procedural legislation to the concept of rights and duties of a witness, identified the difficulties arising from the employees of the preliminary investigation in attracting people to participate in the investigation as witnesses.

Key words: investigator, witness, rights, duties, investigation.

В отличие от УПК РСФСР, в котором понятие не входило в перечень участников уголовного судопроизводства, а упоминались лишь в ст. 135 УПК РСФСР главы 10 «Общие условия производства предварительного следствия», в УПК РФ в главу 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» включена целая статья 60, посвященная понятым. Согласно вышеуказанной статье, понятой - это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия (ст. 60 УПК РФ) [2].

Общее понятие понятого, относящееся не только к Уголовному процессу, дано в юридическом словаре и звучит оно следующим образом: понятой - лицо, приглашаемое для участия в производстве осмотра, обыска, выемки, освидетельствования, опознания и других следственных

действий в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным, а также административным законодательством (УПК, КоАП, ТК РФ). Понятым должно быть не менее двух. В качестве понятых могут выступать любые не заинтересованные в деле лица. Понятые обязаны удостоверить факт, содержание и результаты действий, производившихся в их присутствии. Они вправе делать замечания, которые подлежат занесению в протокол соответствующего следственного действия[4].

Законом впервые определен перечень граждан, которые не могут быть понятыми. Так в соответствии с ч. 2 ст. 60 УПК РФ понятыми не могут быть: 1) несовершеннолетние; 2) участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники; 3) работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

Законодатель раскрывает главную цель привлечения понятых – удостоверение факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия. В УПК РФ более подробно, чем это было сделано в ст. 135 УПК РСФСР, регламентированы права понятых, перечень которых указан в ч.3 ст. 60. По УПК РФ понятой имеет право:

- участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол. В этом положении УПК РФ понятой изначально имеет право, а не обязанность участвовать в следственном действии и участие должно быть активным, т.е. если понятой участвует в таком следственном действии как обыск, он имеет право наблюдать за ходом обыска, всех действий, выполняемых лицом, осуществляющим обыск, при обнаружении чего-либо требовать внесения этого в протокол. Таким образом, можно сделать вывод, что в идеале, понятой не может проявлять пассивность в проведении следственного действия, так как зачастую в процессе расследования понятой приобретает статус свидетеля и его показания становятся одним из доказательств по делу. Также следует обратить внимание на то, что понятому предоставлено право делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол, но не указано в какой форме, устной или письменной, что на наш взгляд остается на усмотрение понятых, но главное то, что независимо от формы обращения к следователю или дознавателю, заявление и замечание должны быть в обязательном порядке внесены в протокол, что является обязанностью следователя или дознавателя, а вот делать заявление и замечание является правом понятых. Однако, у понятых отсутствует право на ходатайство, но данный факт можно объяснить тем, что понятой как лицо незаинтересованное в уголовном судопроизводстве, приглашается лишь для удостоверения факта производства следственного действия, его содержания, хода проведения и результатов;
- знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал. Законодатель наделив понятых данным правом, тем самым в обязательном порядке обязал следователя или дознавателя предоставить понятому возможность ознакомиться с самим протоколом следственного действия и со всеми его приложениями (фототаблица, схема);
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора, ограничивающие его права. Здесь под словом «приносить» следует понимать любую возможную и приемлемую форму доведения информации, в частности до сведения компетентного органа (должностного лица), уполномоченного на ее рассмотрение.

Однако, перечень прав понятых, изложенный в ч. 3 ст. 60 УПК РФ, не является исчерпывающим. Права понятых регламентируются и другими статьями УПК РФ. Понятой имеет право:

- 1) знать права, обязанности и ответственность, иметь

возможности осуществления этих прав (ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве»);

- 2) делать заявления, давать объяснения и показания, приносить жалобы, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым он владеет, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке (ст. 18 УПК РФ «Язык уголовного судопроизводства»)
- 3) получать компенсацию на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные), суммы, выплачиваемые работающим и имеющим постоянную заработную плату понятым в возмещение недополученной ими заработной платы за время, затраченное им в связи с вызовом к следователю (дознавателю), компенсацию за отвлечение понятых от обычных занятий, в случае отсутствия постоянной заработной платы (ст. 131 УПК РФ «Процессуальные издержки»);
- 4) право на ознакомление с протоколом следственных действий, в которых принимал участие, делать замечания о его дополнении (ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного действия»);
- 5) отказываться от подписи протокола следственного действия с правом объяснения причин отказа ст. 167 УПК РФ «Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия»;
- 6) знать цель производства следственного действия, для участия в котором они приглашаются, удостоверять факт производства, ход и результаты следственного действия ст. 170 УПК РФ «Участие понятых»;

Помимо предоставления прав, на понятых возложены и обязанности. В соответствии с ч. 4 ст. 60 УПК РФ понятой не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

Из вышесказанного следует, что, во-первых, понятой не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд. По аналогии с порядком вызова свидетеля, указанным в ст. 188 УПК РФ, понятой вызывается повесткой, которая вручается под расписку либо передается с помощью средств связи. Причем, как уже отмечалось, законодательно на понятых возложена обязанность подчиниться данному требованию.

Во-вторых, понятой не вправе разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. За разглашение данных предварительного расследования понятой несет ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ, санкция которой предусматривает наложение штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до трёх месяцев.

Неисполнение понятым своих процессуальных обязанностей может повлечь наложение денежного взыскания в размере до двух тысяч пятисот рублей [4] (ст. 117 УПК РФ) и наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей (ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Но за неисполнение процессуальных обязанностей может быть предусмотрена и уголовная ответственность. В этом случае необходимо следовать принципу «non bis in idem» - не должно быть двух взысканий за одну провинность [6].

По мнению ряда ученых, в УПК РФ недостаточно полно сформулированы обязанности понятого, в связи с чем, предлагается установить ответственность за прерывание понятым принятых на себя обязательств. Данное предложение нецелесообразно в связи с тем, что произвольное прерывание понятым принятых на себя обязательств есть не что иное, как неисполнение участником уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, ответственность за которые, как отмечалось выше, установлена.

В. М. Быков предложил записать в законе, что гражданин России не вправе уклоняться от выполнения обязанностей понятого. В законе должно быть указано главное, ради чего понятой привлекается для участия в следственных действиях, - обязанность понятого своей подписью в протоколе следственного действия удостоверить факт его производства, содержание, ход и результаты [1, с.73].

А теперь попробуем представить себя на месте гражданина, к которому подошел сотрудник органов внутренних дел и попросил принять участие в каком-либо следственном действии в качестве понятого, разъяснив, что в соответствии с законом, он не имеет права отказаться от этой обязанности и какие следуют санкции за отказ. Приглашенный участвовать, вынужден проследовать с сотрудником ОВД, но заставить гражданина наблюдать за ходом следственного действия следователю (дознавателю) не представится возможным.

Если же понятой уклоняется от исполнения своих обязанностей (самовольное оставление места производства следственного действия и т.п.), может идти речь о фактических основаниях применения процессуального принуждения. В этом случае мы согласны с мнением о необходимости установления ответственности понятых. Однако реальная проблема заключается в другом: отказ или уклонение граждан происходит на подготовительном этапе, когда неизвестна личность, отсутствуют процессуальные правоотношения, а, следовательно, лицо не может быть подвергнуто процессуальному принуждению и исполнению обязанностей, о которых ему ничего не известно.

И еще одно обстоятельство, которое следует учитывать. Понятые — граждане, не имеющие никакого отношения ни к совершенному преступлению, ни к его расследованию и если они откажутся от исполнения своего гражданского долга (именно так следует рассматривать участие понятых в уголовном процессе), их можно заменить, чего нельзя сказать о других участниках процесса, и поэтому применять к ним меры уголовно-процессуального принуждения, на наш взгляд, не имеет смысла. Как уже говорилось выше, понятого нельзя заставить наблюдать за ходом проведения следственного действия вопреки его воле.

Таким образом, проанализировав ст. 60 УПК РФ, а также другие нормы УПК РФ, регламентирующие обязанности понятых, можно сделать вывод, что к таковым относятся:

- 1) являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд (ч. 4 ст. 60 УПК РФ);
- 2) не разглашать данные предварительного расследования, если понятой был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ (ч. 4 ст. 60 УПК РФ);
- 3) удостоверить своей подписью:
 - факт, содержание и результаты следственного действия, в производстве которого он участвовал (ч. 1 ст. 60 УПК РФ, ч. 1 ст. 170 УПК РФ);
 - все внесенные замечания о дополнении и (или) уточнении протокола (ч. бет. 166 УПК РФ);
 - запись следователя (дознавателя) об отказе лица, участвующего в следственном действии, подписать протокол следственного действия, если такой отказ имел место (ч. 1 ст. 167 УПК РФ);
 - факт невозможности подписания протокола следственного действия подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и (или) свидетелем, который в силу физических недостатков или состояния здоровья не может подписать протокол (ч. 3 ст. 167 УПК РФ).

В современных условиях отказ граждан участвовать в качестве понятых приобрел устойчивую тенденцию и, казалось бы, самое время установить ответственность понятых. Как представляется, ответственность может наступить только за неисполнение процессуальных обязанностей (в данном случае), но правоотношения между понятым и следователем (дознавателем) наступают только после того, как гражданин приглашен в качестве понятого, установлена его личность, ему разъяснены его права, обязанности, ответственность [3, с.40]. По нашему мнению, такой подход юридически обоснован и корректен по отношению к правам и свободам граждан.

В части второй ст. 111 УПК РФ законодатель предусматривает возможность применения к понятому мер уголовно-процессуального принуждения и среди них названы: 1) обязательство о явке; 2) привод; 3) денежное взыскание.

Анализируя ст. ст. 112 и 113 УПК РФ, в которых установлен процессуальный порядок взятия обязательства о явке и осуществления привода, следует, что среди лиц, к которым они могут быть применены, не указаны понятые. Но это не означает, что ст. ст. 111, 112 и 113, а также 117 УПК РФ находятся в явном противоречии. Как было отмечено выше, УПК РФ - первый законодательный акт уголовного судопроизводства, прямо указывающий на понятых как на участников уголовного процесса.

Понятой может вызываться дознавателем, следователем и в суд для дачи показаний, соответственно он приобретает уже статус свидетеля.

Литература

1. Быков В. Институт понятых в уголовном процессе России / В. Быков // Уголовное право. -2002. -№ 3. - С. 73.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ.

3. Хитрова О. В. Развитие института понятий в УПК РФ / О. В. Хитрова // Адвокатская практика. - 2005. - № 3. - С. 40.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 года №174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2015г.).
5. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17234>
6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Non_bis_in_idem

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛЯТИВНОЙ И ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ ПРАВА В ВЕК НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ

Ибрагимова Светлана Вахитовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

SOME ASPECTS OF REGULATIVE AND PROTECTIVE FUNCTIONS OF LAW IN THE ERA OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL ADVANCES

Ibragimova Svetlana Vakhitovna, Candidate of Science, Assistant Professor of Civil Law Department, Perm State National Research University, Perm

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние научно-технических достижений на регулятивную и охранительную функции права; отмечается, что научно-технический прогресс предопределяет изменения в подходе к правовой регламентации общественных отношений, связанных с научно-техническими открытиями.

ABSTRACT

The article outlines the influence of scientific and technological advances on regulative and protective functions of law. The article points out that scientific and technological progress defines changes in approaches to legal regulation of social relations connected with scientific and technological inventions.

Ключевые слова: функции права; научно-технический прогресс.

Keywords: functions of law; scientific and technological progress.

21 век – век научно-технических достижений. Не проходит года, чтобы ученые не заявили о новых открытиях, которые в лучшую сторону меняют жизнь людей. Лучшие умы человечества работают над технологиями в медицине, генетике, биологии, астрономии, физике, робототехнике и др. При мирном развитии человечества жизнь людей недалекого будущего будет проходить в мире высоких технологий.

Среди научно-технических открытий последних лет, обращающих на себя внимание: создание тканей и органов из клеток пациента взамен поврежденных или потерянных из-за болезни или травмы, разработка методов выращивания многофункциональных стволовых клеток; рождение детей с измененной врачами ДНК (устранение опасных наследственных заболеваний); клонирование животных; создание первого серийного летающего автомобиля (компания AeroMobil анонсировала продажу летающего автомобиля в 2017 году) и т.д.

Поскольку любое научно-техническое достижение создается для людей, основывается на их потребностях и безусловно направлено на его применение, открытия входят в общественную жизнь, обуславливают общественные отношения. Назначение права закреплять только положительные отношения между людьми, создавать предпосылки для их развития, распространения в обществе.

Регулирование и охрана правом общественных отношений – его основные, всеобщие функции. Они присущи праву любой страны, любого исторического периода, присущи современному времени и будут присущи праву будущего, во всяком случае того будущего, которое можно сейчас представить.

Между тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что по истечении времени «нагрузка» на право возрастает. Количество правовых норм десятых годов девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого века несопоставимо. Каждое десятилетие обуславливает возникновение новых общественных отношений и тем самым необходимость их регулирования и охраны.

Правовые нормы появляются вслед за достижениями науки и техники. В качестве примера можно привести изобретение персонального компьютера с последующим изобретением интернета (всемирной системы объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации). Развитие технологий, связанных с этими изобретениями, привело к появлению новых объектов интеллектуальных прав (программ для ЭВМ, базы данных); изменению системы расчетов; повсеместному распространению безналичных денежных средств и банковских карт; заключению различных видов договоров посредством сети интернет и возможности исполнения некоторых из них в виртуальном пространстве; изменениям в процессах, связанных с поиском, хранением, передачей, обработкой, использованием, защитой информации и др.

Персональный компьютер и интернет, без сомнения, улучшили жизнь людей, при этом их введение в жизнь общества потребовало разработки и принятия большого числа новых правовых положений, причем как в конце 20-го века, так и в 21-м веке. Правовое регулирование обеспечило определенность соответствующих общественных отношений, их стабильность, указало на допустимость дальнейшего развития технологий в этой сфере. Правовая охрана потребовалась, чтобы установить запреты на совершение нежелательных для общества

действий при использовании персонального компьютера и интернета, информировать субъектов о санкциях за неправомерные деяния.

Представляется, что научно-технический прогресс уже сейчас предопределяет необходимость изменения подхода к срокам «реагирования» права на научно-технические достижения. Каким образом этого можно достичь. Во-первых, в государстве должны эффективно работать структуры, которые бы отслеживали научно-технические достижения и могли при их появлении оперативно оценивать их полезность, принимать решения об их введении. Во-вторых, сроки разработки и принятия нормативных правовых актов должны соответствовать сложности поставленных задач. Как показывает опыт разных стран, быстрое введение полезных для общества технологических новшеств имеет ярко выраженный экономический эффект, поскольку увеличивает внутренние и внешние инвестиции в экономику страны.

Осуществление регулятивной функции права, выражающееся, прежде всего, в установлении правовых возможностей для участников общественных отношений, не должно умалять охранительную функцию права. Научно-технические достижения помимо положительных аспектов имеют в себе предпосылки для использования

их одними лицами во вред других. Несмотря на то, что правонарушения совершаются во всех странах, большая опасность использования научно-технических достижений в неправомерных целях существует в государствах, в которых распространены злоупотребление правом и неисполнение обязанностей, отмечается низкий уровень правовой культуры личности и общества, ненадлежащим образом работают правоохранительные органы и т.д.

В связи с этим установление запретов, санкций, реализация юридической ответственности, в которых выражается охранительная функция права, необходимы обществу. При этом количество и характер запретов и санкций не могут быть одинаковы в разных обществах, поскольку зависят от уровня их развития.

Представляется, что при осуществлении воздействия права на общественные отношения, связанные с научно-техническими достижениями, законодатель должен прогнозировать социальный результат, который будет достигнут при выбранном направлении правового регулирования. Теоретическим базисом для этого должны стать научные исследования соответствующих общественных отношений, которые предстоит провести общественным наукам, и прежде всего юриспруденции, социологии, истории, экономическим наукам.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ НА УРОВНЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Иванова Марина Александровна

кандидат юр. наук старший преподаватель, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

SOME ASPECTS OF SOCIAL INTEGRATION OF YOUTH AT LOCAL GOVERNMENT LEVEL

Ivanova Marina, Candidate of Science, senior Lecturer, Orenburg State University, Orenburg

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены некоторые аспекты создания Молодежных общественных палат при представительных органах муниципальных образований как одной из форм участия молодежи в жизни муниципального образования.

ABSTRACT

Some aspects of the creation of the Youth Public Chamber of the representative bodies of municipalities as a form of youth participation in the life of the municipality.

Ключевые слова: местное самоуправление; молодежная политика; Молодежная общественная палата.

Keywords: local government; youth policy; Youth Public Chamber.

Проблема вовлеченности молодежи в социально-политическую жизнь общества на современном этапе развития России особо актуальна, поскольку молодежь занимает высокий удельный вес в демографической структуре населения и определяет функционирование системы общественных отношений, развитие политических процессов. Участие молодежи в решении вопросов государственного и местного значения рассматривается во всем мире как фундаментальный принцип молодежной политики. Ключевая идея молодежного участия заключается в предоставлении молодым людям возможности оказывать влияние на все вопросы, которые касаются их жизни. Это влияние молодежь может реализовать как через участие в принятии решений совместно со взрослыми, так и через собственную деятельность, оказывающую воздействие на окружающую жизнь.

В последние годы отмечается рост числа инициатив, способствующих вовлечению молодежи в сферы деятельности на самых разных уровнях – международном, региональном и местном. Главная роль в деле вовлечения молодежи в жизнь общества отводится именно муниципальным образованиям, так как они ближе всего находятся к молодому населению. Именно местные власти должны способствовать социальной интеграции молодежи в общество, помогая ей через поддержку и стимуляцию участия в общественной жизни справиться со своими проблемами и трудностями. В настоящее время разработаны различные модели участия молодежи в общественной жизни на местном уровне. Так, например, в апреле 2009 года Европейская Комиссия утвердила новую Стратегию Европейского союза в сфере молодежной политики на ближайшее десятилетие (2010 - 2018 гг.), получившая название «Молодежь - инвестирование и расширение

возможностей». Целью Стратегии названо: обеспечение полного участия молодежи в жизни общества через вовлечение молодых людей в общественную жизнь на местном уровне и в различные формы представительной демократии, поддержку молодежных организаций и других форм обучения участию, поощрение участия неорганизованной молодежи и обеспечение качества информационных услуг.

Существует также Европейская Хартия об участии молодежи в жизни региональных и муниципальных образований (новая редакция принята в 2003 году). Хартия подчеркивает большое значение активного участия молодежи в процессе принятия решений и деятельности на местном и региональном уровне для построения более демократического, солидарного и процветающего общества. Участие в демократической жизни любого сообщества не сводится к голосованию или выдвижению своей кандидатуры на выборах, говорится в Хартии. Участие в жизни общества и активная гражданская позиция предполагают наличие прав, средств, пространства и возможностей, а где необходимо - и поддержки, для участия в процессе принятия решений и влияния на этот процесс, а также участия в любых формах деятельности с целью построения лучшего общества. Проблемы вовлечения молодежи актуализируются нормативными правовыми актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а именно:

- Конституцией Российской Федерации, ст. 130: «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения...» [1];
- Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (2008 г.) до 2020, которая ставит своей задачей «распространение эффективных моделей и форм участия молодежи в управлении общественной жизнью, вовлечение молодых людей в деятельность органов самоуправления [2];
- Стратегией государственной молодежной политики Российской Федерации (2006г.), одной из задач которой выделяется «обеспечение участия молодежи в процессе коллективного управления общественной жизнедеятельностью в процессе самоуправления...», «вовлечение молодежи в общественно — политическую жизнь общества» [3];
- «Развитие форм ученического, молодежного и студенческого самоуправления, содействие общественным формированиям детей и молодежи...» рекомендуется в Письме Министерства образования и науки РФ от 30.05.2006 № АС-588/06 [4].

Решением изложенной проблемы является создание Молодежных общественных палат при представительных органах муниципальных образований, основной целью деятельности которых стало бы достижение всеобщего участия молодежи в жизни муниципального образования. Основными направлениями деятельности Молодежных общественных палат при представительных органах муниципальных образований должны стать:

- обеспечение учета мнения молодежи и жителей муниципального образования при осуществлении деятельности представительного органа;

- приобщение наиболее активных и подготовленных молодых граждан к правотворческой деятельности на местном уровне;
- формирование правовой и политической культуры молодого поколения, поддержка созидательной и гражданской активности молодежи;
- обеспечение взаимодействия молодежи с органами местного самоуправления, органами государственной власти и территориальными органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации;
- обеспечение взаимодействия с молодежными парламентскими структурами субъектов Российской Федерации и Российской Федерации;
- представление интересов молодежи муниципальных образований субъекта Российской Федерации в Молодежном парламенте Оренбургской субъекта Российской Федерации при законодательных органах субъекта Российской Федерации;
- проведение образовательных программ для членов Молодежной общественной палаты и молодежи муниципальных образований.

Молодежные общественные палаты формируются на основе добровольного участия в ее деятельности молодых граждан, представителей общественных объединений (организаций), осуществляющих деятельность в интересах молодежи на территории муниципального образования. Организация и деятельность Молодежных общественных палат регулируется Положением о Молодежной общественной палате при представительном органе муниципального образования.

Основной целью указанных преобразований является социальное развитие молодёжи муниципальных образований и их вовлечение в деятельность по реализации полномочий органов местного самоуправления на основе принципов социального партнерства. В соответствии с поставленной целью основными задачами преобразований являются следующие:

- вовлечение молодежи в жизнь местного сообщества;
- вовлечение молодежи в различные формы представительной демократии;
- поддержка молодежных организаций для участия в процессе принятия решений и влияния на этот процесс, а также участия в любых формах деятельности с целью построения лучшего общества.
- содействие молодым гражданам в формировании молодежных организаций на местном уровне, а также в их развитии и активного функционирования;
- оказание помощи в формировании у молодежи ценностных ориентиров (морально-нравственные качества), обеспечивающих стабильное инновационное развитие Оренбургской области;
- проведение обучения для повышения уровня информированности молодежи о роли и функциях местного самоуправления, о возможностях гражданского участия в решении вопросов местного значения, и повышение уровня заинтересованности молодежи в делах местного значения;

- вовлечение молодежи в процесс разработки местных и иных программ по вопросам, затрагивающим права и интересы молодых граждан;
- вовлечение молодежи в деятельность органов местного самоуправления на общественных началах;
- вовлечение молодежи в принятие решений на местном уровне (постановления, акты, решения, принятые органами МСУ);
- организация спортивных, культурных мероприятий, соревнований, конкурсов, благотворительных акций среди молодежи;
- проведение работы по налаживанию связи и обмену опытом о молодежных инициативах между муниципальными образованиями Оренбургской области;
- определение проблем в деле вовлечения молодежи в решение вопросов местного значения, разработка рекомендаций для формирования молодежной политики органов местного самоуправления посредством проведения общественных обсуждений;

Финансирование деятельности Молодежных общественных палат при представительных органах муниципальных образований должно осуществляться за счет добровольных вступительных и членских взносов членов Молодежной общественной палаты, иных добровольных взносов и пожертвований, и средств местного бюджета.

Таким образом, представленные положения обосновывают, что Молодежные общественные палаты при представительных органах муниципальных образований как форма вовлечения молодежи в решение вопросов на местном уровне, является механизмом реализации государственной молодежной политики на муниципальном уровне.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12 декабря 1993г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. - № 31. – Ст. 4398.
2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. №1662-р «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» - режим доступа: <http://government.ru/info/6217/>.
3. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» - режим доступа: www.pravo.gov.ru.
4. Письмо Министерства образования и науки РФ от 30.05.2006 № АС-588/06 – режим доступа: <http://www.lawmix.ru/expertlaw/103004>.

ОСОБЕННОСТИ ОТБЫВАНИЯ, ОСУЖДЕННЫМ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ С УЧЕТОМ ВОЗЛОЖЕННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Колбасова Елена Владимировна

Ассистент, Рязанский государственный университет, имени С.А. Есенина, г. Рязань

FEATURES OF SERVING CONDEMNED PUNISHMENTS IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM TAKING INTO ACCOUNT THE ASSIGNED RESTRICTIONS

Kolbasova Elena Vladimirovna, assistant, Ryazan state university of S. A. Yesenin, Ryazan

АННОТАЦИЯ

В статье обозначены основные особенности и проблемы отбывания наказания в виде ограничения свободы на примере ограничения на выезд за пределы муниципального образования и ограничения на уход из дома в определенное время суток.

ABSTRACT

In article the main features and problems of serving of punishment in the form of restriction of freedom on the example of restriction on departure out of limits of municipality and restriction on withdrawal from the house in a certain time of day are designated.

Ключевые слова: ограничение свободы; муниципальное образование; городской округ; ночное время.

Keywords: restriction of freedom; municipality; city district; night time.

Процесс исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы (напомним, что это сравнительно новый вид уголовного наказания для российской правоприменительной практики) для удобства исследования был разделен нами на 3 стадии:

- 1) постановка осужденного к ограничению свободы на учет в уголовно-исполнительную инспекцию;
- 2) отбывание осужденным наказания в виде ограничения свободы с учетом возложенных ограничений;

- 3) снятие осужденного к ограничению свободы с учета.

В рамках настоящего исследования обратим особое внимание на вторую (центральную) стадию процесса исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы.

На второй стадии процесса исполнения наказания в виде ограничения свободы важно вести учет возло-

женных на осужденного ограничений, которые целесообразно разделить на две группы, в зависимости от обязательности их назначения судом.

В первую (основную) отнесем такие ограничения как:

- не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования;
- не изменять место жительства или пребывания без согласия инспекции.

Вторую (дополнительную) группу составляют следующие ограничения:

- не уходить из дома (своего жилища) в определенное время суток;
- не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования;
- не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях;
- не изменять место работы и (или) учебы без согласия инспекции.

В соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ установление судом осужденному ограничений по изменению места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным. Таким образом, суд, назначая рассматриваемое наказание, должен назначить одновременно оба этих ограничения. При этом судьи считают, что без конкретизации устанавливаемых ограничений данный вид наказания будет считаться неполным, невозможным для исполнения в дальнейшем, а главное противоречащим ч. 1 ст. 53 УК РФ. А поэтому отсутствие в приговоре суда указания на установление судом осужденному ограничений по изменению места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования недопустимо и ведет к его отмене, что подтверждается примером из судебной практики. Так, приговором Валдайского районного суда от 17 марта 2011 года, по уголовному делу 1-56/2011 года, при назначении наказания Тескину И.А. установлены следующие ограничения: не изменять место жительства и работы без уведомления межрайонной уголовно-исполнительной инспекции, являться для регистрации в указанную инспекцию один раз в месяц. Однако, судебная коллегия по уголовным делам Новгородского областного суда в кассационном определении от 26 апреля 2011 года его отметила, сославшись на несоответствие УК РФ[3]. Следовательно, при таких обстоятельствах Валдайский районный суд не выполнил требование закона, не установил указанные ограничения, что противоречило ч. 1 ст. 53 УК РФ и в результате привело к отмене приговора.

Итак, рассмотрим особенности отбывания, осужденным наказания в виде ограничения свободы на примере ограничения на выезд за пределы муниципального образования (входящего в состав основной группы ограничений) и уходить из дома (своего жилища) в определенное время суток (входящего в состав дополнительной группы ограничений).

Для уяснения сущности ограничения на выезд за пределы муниципального образования обратимся к понятию муниципального образования. В соответствии со ст. 2 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» под муниципальным образованием понимается городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения [2].

Муниципальный район включает в себя несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией.

Городской округ – городское поселение, которое не входит в состав муниципального района.

При применении наказания в виде ограничения свободы под территорией, за пределы которой осужденному запрещается выезжать, следует понимать территорию городского поселения, не входящего в состав муниципального района, либо территорию соответствующего муниципального района, в котором проживает осужденный. Например, для осужденных, проживающих в г. Рязани Рязанской области территорией, за пределы которой запрещен выезд является территория Муниципального образования «город Рязань».

В рамках настоящего исследования было проведено анкетирование 80 судей судов общей юрисдикции, 65 мировых судей. Кроме того, анонимный опрос проводился на территории семи субъектов РФ, в числе которых Калужская, Рязанская, Московская, Тульская и Владимирская области, города Москва и Санкт-Петербург. Общее количество опрошенных составляют 360 человек, 150 из которых являются сотрудниками инспекции и 210 – осужденными.

Ограничение на выезд за пределы муниципального образования в исследуемых нами субъектах Российской Федерации применялось в 82 % случаях.

При исполнении указанного ограничения возникают следующие проблемы:

- 1) проблема контроля и надзора инспекции за осужденными к ограничению свободы. По данным нашего исследования 75 % сотрудников уголовно-исполнительной инспекции указывают на недостаточную оснащенность электронными средствами контроля и надзора (СКУ, МКУ и ЭБ) (далее – электронные браслеты), которые используются, например, и при домашнем аресте. В результате, перед инспекцией встает выбор относительно того, кому отдать предпочтение в их применении: осужденным к ограничению свободы либо лицам, находящимся под домашним арестом. При этом 93 % сотрудников инспекции отдают предпочтение лицам, находящимся под домашним арестом. Соответственно при отсутствии электронных браслетов эффективный контроль со стороны инспекции является затруднительным. По этому поводу А.В. Звонов верно отметил, что если осужденный не совершил во время выезда за пределы муниципального образования никаких правонарушений, в отчеты правоохранительных органов не попал, протоколы об административных правонарушениях в отношении его не составлялись, свидетелей пересечения границ нет, а сотрудники инспекции в этот день не

проверяли его местонахождение, то контроль за таким осужденным просто невозможен [1.с.31].

- 2) выезд за пределы муниципального образования осужденным на короткий период времени.

Указанная проблема заключается в том, что при выезде осужденного лица за пределы муниципального образования электронное оборудование фиксирует нарушение независимо от времени нахождения за пределами территории. После чего инспекция должна обратиться в суд с ходатайством о дополнении ранее установленных ограничений для осужденного к ограничению свободы. Однако, суд в 93% случаях вынужден отказать, поскольку приходит к выводу о том, что правовых оснований для удовлетворения требований о возложении дополнительных обязанностей не имеется в силу кратковременности выезда осужденного к ограничению свободы за пределы муниципального образования.

Следовательно, возникает необходимость уточнения возможного времени нахождения, осужденного за пределами муниципального образования без фиксации его отлучки электронными средствами контроля. В ходе проведенного опроса сотрудников уголовно-исполнительной инспекции и судей было выявлено, что оптимальным временем нахождения осужденного к ограничению свободы за пределами муниципального образования без фиксации электронными средствами контроля и надзора должно быть 30 минут. Полагаем, что уточнение данного времени имеет важное практическое значение для правоприменительных органов, во многом облегчит их деятельность по выявлению нарушителей среди осужденных к ограничению свободы.

Однако, законодатель предусмотрел ряд обстоятельств, в связи с которыми осужденный может выехать за пределы территории муниципального образования. При этом необходимо получить согласие уголовно-исполнительной инспекции, которая учитывает наличие в конкретной ситуации некоторых исключительных личных обстоятельств.

Например, в качестве таких обстоятельств п. 4 ст. 50 УИК РФ называет смерть или тяжелую болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного. В дополнительном уточнении здесь нуждается вопрос: кого считать близким родственником. В соответствии со статьей 14 Семейного кодекса РФ близкими являются родственники по прямой восходящей и нисходящей линии. Ими признаются родители, дети, бабушка, дедушка и внуки, а также полнородные и неполнородные братья и сестры. Статья 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ дополняет указанный перечень, куда включает кроме того, супруга, супругу, усыновителей, усыновленных. Однако, на практике нередко встречаются случаи большей близости не с теми, кого считают близкими родственниками, а с людьми, чье кровное родство весьма отдаленно или вовсе отсутствует. Но значение этих людей в жизни человека не умаляется. Например, 46 % осужденных к ограничению свободы к таким лицам относят лучших друзей, 24 % - иных родственников (дяди, тети и т.д.), 18 % - соседей, 12 % - свойственников (теща, свекровь и т.д.). И если отказать осужденному к ограничению свободы в поездке к тяжело больному другу или крестному под предлогом того, что эти люди не являются близкими родственниками, это будет не просто актом неэтичности, но и нарушением принципа

справедливости, на котором базируется законодательство. Причем, степень близости осужденного с указанными людьми может определяться наличием писем, телефонных звонков, денежных и других переводов, одним словом – наличием действительных контактов. Однако, возможна ситуация, когда осужденный имеет эмоциональную привязанность к лицу, не являющимся близким родственником и при этом не может кроме своих слов подтвердить степень их близости. Поэтому целесообразно дополнить анкету осужденного к ограничению свободы вопросом о том, кого осужденный считает для себя близким родственником. Тем самым будет заранее очерчен круг близких для осужденного людей. Следовательно, в п. 4 ст. 50 УИК РФ следует заменить термин «близкий родственник» на термин «близкий человек».

Таким образом, на основе изложенного предлагаем п.4 ст. 50 УИК РФ изложить в следующей редакции: «смерть или тяжелую болезнь близкого человека, угрожающая жизни больного».

Кроме того, нельзя забывать о чрезвычайных обстоятельствах, которые могут повлиять на перемещение осужденного за пределы муниципального образования (например, лесные пожары на территории Рязанской области в 2010 году, наводнение на Кубани, имевшее место в 2012 г. и т.д.). При данных обстоятельствах действует инстинкт самосохранения, и осужденный вынужден нарушить возложенное на него ограничение на выезд за пределы территории муниципального образования.

Нельзя забывать и о такой категории людей, которая имеет разъездной или вахтовый характер работы либо обучается в образовательном учреждении иного субъекта Российской Федерации. Применить к ним ограничение на выезд за пределы территории муниципального образования невозможно, поскольку в противном случае это повлечет за собой смену работы или учебы. В некоторых образовательных учреждениях заочную форму обучения можно сменить на дистанционную, где не требуется личное присутствие студента на сессиях. Однако, дистанционная форма обучения еще мало распространена в нашей стране. Что же касается места работы, то нелогично требовать смены самого места, поскольку материальное содержание осужденного на некоторое время ляжет на бюджет государства: период поиска новой работы в ряде регионов может быть весьма затянут, и осужденный в это время будет получать пособие по безработице. По результатам опроса судей Российской Федерации было установлено, что суд, учитывая разъездной характер работы либо отдаленное место учебы осужденного, не назначает ему наказание в виде ограничения свободы. При этом 92 % опрошенных считают применение ограничения свободы к такой категории людей нецелесообразным. Действительно, применить ограничение на выезд за пределы муниципального образования к такой категории осужденных невозможно, а его неприменение – противоречит Уголовному законодательству, поскольку указанное ограничение является обязательным. Исходя из практики назначения наказания в виде ограничения свободы и нелогичности его применения в отношении лиц, имеющих разъездной характер работы либо отдаленное место учебы предлагаем указанных лиц отнести к лицам, которым не назначается данный вид уголовного наказания.

Таким образом, п. 6 ст. 53 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Ограничение свободы не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации либо имеющим разъездной характер работы или отдаленное место учебы».

Следующее ограничение интересное для нашего исследования - ограничение на уход из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток. Как правило, это с 22:00 до 06:00 (однако бывают и исключения), также вызывает ряд вопросов.

В соответствии с ч. 2 ст. 60 УИК РФ при осуществлении надзора работник уголовно-исполнительной инспекции вправе посещать в любое время суток (за исключением ночного времени) жилище осужденного. [4] Из чего следует, что только наличие технических средств контроля и надзора за таким осужденным может дать полную информацию о его местонахождении в указанное время. Однако к настоящему времени вопрос полного оснащения всех инспекций таковыми средствами является открытым. И это тоже одна из причин сравнительно редкого применения наказания в виде ограничения свободы: невозможность контроля в ночное время, обусловленная существенно техническими причинами. Иными словами, в ночное время осужденный без специализированных браслетов, фактически предоставлен сам себе.

При этом данный вид ограничения, как указывалось выше, не является обязательным. Следовательно, суд, исходя из материалов уголовного дела, принимает решение о назначении/не назначении указанного ограничения. Ограничение на уход из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток в исследуемых нами субъектах Российской Федерации применялось в 32 % случаях. В 18 % случаях инспектор ходатайствовал о дополнении возложенных ограничений осужденному и применении ограничения на уход из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток.

Однако, важно отметить, что в приговоре суда должно быть четко указано время, в течение которого осужденный не может покидать свое жилище. По данным нашего исследования, в 70 % случаях суд определил осужденному к ограничению свободы ограничение на уход из дома с 22 до 06 часов; в 9 % случаях – с 23 до 06 часов; в 5

% случаях – с 21 до 06 часов; в 5% случаях – с 22 до 07 часов утра; в 11 % – вообще не конкретизировал время.

Кроме того, необходимо указывать конкретный адрес жилища, наименование муниципального образования, где расположено место жительства, относительно которого устанавливается ограничение. Целесообразно учитывать фактические обстоятельства в каждом конкретном случае (например, время трудовой деятельности осужденного лица, работающего в ночное время суток). Поскольку более четкое и конкретное установление ограничений на уход из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток в дальнейшем будет способствовать более тщательному, надлежащему исполнению приговора суда сотрудниками инспекции в отношении лица, осужденного к ограничению свободы.

Таким образом, нами были рассмотрены особенности и проблемы отбывания уголовного наказания в виде ограничения свободы на примере двух ограничений. В целом, настоящее исследование позволяет сделать вывод о том, что ограничение свободы нуждается в существенной доработке со стороны законодателя и нами были предприняты лишь некоторые попытки по совершенствованию законодательства.

Список литературы

1. Звонов А.В. О проблемах исполнения наказания в виде ограничения свободы //Вестник института: преступление, наказание, исправление.2011.№ 2. С. 31.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ//Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+» (дата обращения:19.05.2013)
3. Приговор Валдайского районного суда от 17 марта 2011 года, по уголовному делу 1-56/2011 [Электронный ресурс]//Новгородский областной суд: [сайт]. [2013]. URL: <http://www.oblsud.nvg.sudrf.ru> (дата обращения: 13.11.2013).
4. Уголовно – исполнительный кодекс РФ [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант +» (дата обращения: 07.02.2013).

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И РЕШЕНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РСФСР: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Макеева Инна Владимировна,

кандидат юридических наук, Российская Академия Предпринимательства, г. Москва

CRIMINAL PROCEDURE ACTIONS AND SOLUTIONS AT THE STAGE OF THE INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDING REGULATED BY CRIMINAL PROCEDURE CODES OF RUSSIAN SFSR: THE HISTORICAL ASPECT

Makeeva Inna, Candidate of Science, assistant professor of Russian Academy of Business, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье путем историко-правового сравнения проводится анализ процессуальных действий и решений, принимаемых на основании уголовно-процессуального законодательства РСФСР. Отмечаются недостатки ранее действовавшего законодательства. Обращено внимание на необходимость совершенствования действующего УПК РФ.

ABSTRACT

The article's issue is comparing of criminal proceedings in the period of Russian SFSR based on the historical and legal analyzes. The disadvantage of the previous law acts is emphasized. The author pays attention to the need of current criminal procedure improvement.

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, уголовно-процессуальный кодекс, расследование.

Keywords: proceeding, the stage of the initiation of the criminal proceedings, Criminal Procedure Code, investigations.

Поскольку на стадии возбуждения уголовного дела разрешается вопрос, предопределяющий дальнейшее движение материалов, весьма актуальным представляется рассмотрение действий и решений, которые осуществляются (принимаются) на данной стадии в Российской Федерации. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР от 25 мая 1922 г. [1] существовала гл. VII «Возбуждение производства по уголовному делу» (ст. ст. 96-101), в которой содержались лишь отдельные положения, касающиеся данной стадии. В данном законе имелся перечень поводов для возбуждения уголовного дела, указывались требования, которым они должны были соответствовать, обязанность органов и должностных лиц по приему сообщения, а также виды решений, которые должны были приниматься - о начале производства дознания или предварительного следствия либо об отказе в производстве. Каких-либо указания о возможности проверки поступивших поводов, а также о требованиях, которые предъявлялись к итоговым процессуальным актам, в УПК РСФСР 1922 г. не содержалось, хотя на практике проводились предварительные проверки и составлялись постановления. Данная процедура осталась, по сути, без изменений и в УПК РСФСР от 15 февраля 1923 г. [2].

Примечательно, что термин «возбуждение уголовного дела» в УПК РСФСР встречается крайне редко (в ст. 10, 11 и только применительно к уголовным делам частного обвинения), понятие «возбуждение производства по уголовному делу» использовалось в качестве обобщающего лишь в наименовании гл. VII, но наряду с этим в Кодексе широко применялось другое, сходное по звучанию, понятие - «возбуждение уголовного преследования» (ст. 4, 9, 31, 98, 261). По нашему мнению, это - не только терминологическое несовершенство закона, поскольку возбуждение уголовного преследования представляло собой официальную государственную деятельность, направленную на изобличение лица в совершении преступления и наказании виновного, и приоритет в такой деятельности, как это следует из текста УПК РСФСР, принадлежал прокурору. Эта же тенденция прослеживается и в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 31 октября 1924 г. [3], однако полномочия по осуществлению уголовного преследования были распространены и на другие органы. В ст. 4 данного акта указывалось, что «уголовное преследование возбуждается прокуратурой, судебными и иными органами Союза ССР и Союзных Республик в случаях и порядке, установленных законом».

В ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. [4] была закреплена обязанность органов и должностных лиц в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. В научной литературе данное правило было принято именовать требованием

(принципом) публичности [6, с. 23]. Вместе с тем далее в тексте Основ более частных, конкретных норм, регламентирующих деятельность по возбуждению уголовных дел, установлено не было.

Несмотря на это, в УПК РСФСР и уголовно-процессуальных кодексах иных союзных республик были установлены как сама стадия возбуждения уголовного дела, так и некий минимальный перечень проверочных действий.

В ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. [5] была закреплена обязанность прокурора, следователя, органа дознания и судьи принимать заявления и сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и принимать по ним решения (о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче заявления либо сообщения по подсудственности или подсудности). Что касается способов проверки, то в этой же статье указывалось, что по поступившим заявлениям и сообщениям могут быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения, но при этом производить следственные действия было запрещено. Несколько позднее было разрешено в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела производить осмотр места происшествия при условии последующего незамедлительного начала предварительного расследования.

Несмотря на то, что в УПК РСФСР 1960 г. был закреплена весьма узкий перечень процессуальных действий, на практике осуществлялась тщательная проверка каждого поступившего повода для возбуждения уголовного дела. Например, проводились предварительные исследования предметов на предмет признания их холодным оружием; по медицинским документам и в результате осмотра врачом составлялся акт медицинского освидетельствования, в котором предварительно устанавливалась степень тяжести причиненного здоровью вреда. Посредством экспресс-анализа устанавливалось, является ли обнаруженное вещество наркотическим, и т. п. [7, с. 583]. Несмотря на ограниченное доказательственное значение полученных документов (а на бланках некоторых из них даже было прямо указано, что они не подлежат приобщению к материалам уголовного дела в случае последующего его возбуждения), они имели определенное информационное значение, поскольку позволяли следователям, дознавателям принимать более взвешенные решения. Кроме того, поскольку полномочиями возбуждать уголовные дела были наделены прокурор и суд, они при принятии решения использовали не только процессуальные возможности, но и те полномочия, которые реализовывались ими в рамках осуществления иных видов деятельности.

Так, прокурор возбуждал уголовные дела по результатам прокурорских проверок, если были установлены признаки преступления. Суд вправе был возбуждать уголовные дела при рассмотрении им других дел, причем

не только уголовных, но и гражданских или административных. После принятия соответствующего решения материалы поступали в орган предварительного расследования для дальнейшего производства в общем порядке.

Вместе с тем следует признать неприемлемой имевшую место практику, когда, несмотря на прямой законодательный запрет, до возбуждения уголовного дела производились следственные действия с проставлением в протоколах иных, более поздних дат. Естественно, это в большей мере обеспечивало принятие «правильного» итогового решения, однако в любом случае данная деятельность, по сути, представляла собой разновидность фальсификации материалов уголовного дела с соответствующими правовыми последствиями. Данная проблема не решена окончательно и новым уголовно-процессуальным законодательством. К ее исследованию необходимо подойти более тщательно и выработать пути преодоления негативной процессуальной практики.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 20-21. – Ст. 230.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.
3. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 31 октября 1924 г. // СУ РСФСР. – 1924. – № 24. – Ст. 206.
4. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст.15.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
6. Кудин Ф.М. Принцип публичности в российском до-судебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации). – Волгоград, 2007. – С. 23 и др.
7. Криминалистика. Учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. 2-е изд. – М., 2000.- 583. с.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

Муравченко Виктор Борисович,

кандидат юр.наук, заведующий кафедрой, «Государственно-правовых дисциплин», Негосударственного образовательного, учреждения «Сибирский институт, бизнеса и информационных технологий», г. Омск

DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF A MUNICIPAL SERVICE DURING ADMINISTRATIVE REFORM

Viktor B. MURAVCHENKO, Candidate of Science, Siberian Institute of Business and Information on Technologies, Omsk, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается определение места института муниципальной службы в период административной реформы. Показано, что институциональное становление и развитие муниципальной службы - это сложный и многогранный процесс, который зависит от природы местного самоуправления, его существенных характеристик и возможностей их реализации в конкретной социально-политической среде.

ABSTRACT

Muravchenko V.B. Development of institute of a municipal service during administrative reform. The article definition of a place of institute of a municipal service is considered during administrative reform. It is shown that the institutional establishment and development of municipal services - is a complex and multifaceted process that depends on the nature of local government, its essential characteristics and capabilities of their implementation in a specific socio-political environment.

Ключевые слова: институт муниципальной службы, институт государственной службы, муниципальная власть, политическая система, публичная власть, политический институт.

Key words: Institute of municipal service, institute of public service, the municipal government, the political system, public authority, a political institution.

В настоящее время в России происходят коренные преобразования во всех сферах жизни, продолжается поиск оптимальной модели развития общества и государства. В период административной реформы, реформирования местного самоуправления в России неизбежно усиливается внимание к такому важнейшему институту, как муниципальная служба [4, с. 21].

Государство и гражданское общество тесно взаимодействуют между собой. Существует ряд институтов, которые можно одновременно отнести и к государству, и к обществу. К этим институтам относится государственная и муниципальная служба.

В современной российской юридической науке вопрос о правовой природе института муниципальной службы вызывает различные научные дискуссии. Одни считают, что муниципальная служба, по сути является разновидностью государственной службы и мало чем отличается от государственной службы, поэтому должна быть во всем приравнена к ней. Другие полагают, что это самостоятельный институт муниципальной власти, имеющий право на существование. Третьи пытаются совместить эти позиции [7, с. 64]. Отсюда следует, что государственная служба из-за своей чрезвычайно практической значимо-

сти для государства и общества, будучи важнейшим институтом в системе публичного управления, автоматически включается в центр всех современных преобразований, политических инноваций, правовых реформирований [13, с. 103].

С принятием Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» законодатель значительно расширил систему правовых актов о муниципальной службе. К муниципальной службе в Российской Федерации относят Федеральный закон № 25-ФЗ, федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы, положения), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований, решения, и иные муниципальные правовые акты (ст. 3). С особенностями, предусмотренными Федеральным законом № 25-ФЗ, на муниципальных служащих распространяется действие и трудового законодательства. В тесной связи с ТК или в зависимости от него состоит законодательство о службе: о государственной, муниципальной службе, об исполнительной службе и других видах службы [5, с.34].

Законодательная обособленность муниципальной службы позволяет рассматривать ее как отдельный институт муниципальной службы.

Институты государственной и муниципальной служб имеют некоторое сходство и различия. Особенности реализации модели муниципальной службы могут быть в значительной степени производными от действующей модели государственной службы.

С точки зрения значимости теоретико-методологического анализа «особую важность имеют правовая природа и сущность муниципальной службы, ее роль в современном правовом регулировании общественных отношений» [1, с. 22].

В соответствии с принципом институциональной иерархии институт государственной службы можно отнести к институту более высокого уровня, который определяет процедуры изменения института муниципальной службы.

Статус муниципальных служащих наряду со статусом государственных служащих определяется федеральным законодательством, а также законодательством субъектов Федерации. «Думается, что муниципальные служащие по правовому статусу (его основным составляющим элементам, «идеологии» службы) не отличаются от государственных служащих, так как со статутно-функциональной точки зрения их права, обязанности, ответственность, круг полномочий, виды службы, поступление на службу и прекращение служебных отношений и т. д. являются совершенно одинаковыми, т. е. традиционные элементы статуса государственного служащего характерны и для муниципальной: понятие служащего, права, обязанности, прохождение службы, аттестация и т. д. Разумеется, для муниципальных служащих действуют специальные законы и особые нормативные акты, принятые законодательными органами субъектов Федерации или органами местного самоуправления. Законы субъектов Федерации подтверждают, что муниципальные служащие и государственные не отличаются по правовому статусу, устанавливая в одном законодательном акте статус и государственных служащих и муниципальных» [11, с. 38].

Предметом государственной и муниципальной службы являются публично-правовые отношения по поводу принятия управленческих решений (т.е. процесса перевода общественной жизни на язык нормативных актов), их реализации (т.е. трансформации юридических норм в социальное поведение людей) и последствий, связанных с изменением общественной жизни.

Муниципальная служба – самостоятельный институт местного самоуправления. Местное самоуправление функционирует в сложной системе политических и общественных отношений, которые в значительной степени определяют контуры и содержательные характеристики данного института [6, с. 45].

В научной литературе ученые по-разному подходят к систематизации теоретических знаний природы местного самоуправления. Различие во взглядах вызвано многообразием этого уровня социального управления, что порождает большую многогранность представленных в научной литературе концепций и позиций в отношении местного самоуправления.

Возникнув на стыке государства и общества, местное самоуправление эволюционирует в своей двойственной общественно-политической сущности и несет в себе и государственное, и общественное начала. С одной стороны, местное самоуправление является своеобразным продолжением, низовым уровнем государственного управления, с другой – легитимным выразителем интересов местных сообществ. В своих онтологических предпосылках местное самоуправление обнаруживает возможность различных вариантов развития и функционирования. При этом самостоятельность или отсутствие таковой представляются пределами, до которых может идти институт местного самоуправления в своем развитии или деградации, не создавая опасности распада всей системы [14 с. 19].

Государственная и муниципальная служба выполняет специфическую функцию управления обществом.

Муниципальная власть – власть особого рода, она не является буквально продолжением государственной власти на местах, но имеет ряд признаков, присущих государственной власти. Объединяет ее с государственной властью то, что, она обеспечивает подчинение себе субъектов муниципально-правовых отношений. «Публичность» – это как раз то общее, что объединяет местное самоуправление и государственную власть.

Оставаясь в целом институтом публичной власти, местное самоуправление «вбирает» в свою природу ряд общественных черт. Так, во многих случаях эта власть может осуществляться непосредственно населением. В лице этого населения имеет место совпадение объекта и субъекта муниципального правового регулирования. На местном уровне субъектом управления являются не государственные органы или должностные лица, назначаемые сверху, а выборные представители местных сообществ. Те задачи, которые решает местная власть, связаны обычно с удовлетворением повседневных потребностей людей. Местная власть, как и общественная, строится на принципах самоорганизации и саморегуляции. Качественным отличием местного самоуправления от государственного властвования является также и то, что местное самоуправление не обладает собственным аппаратом принуждения. Этот аппарат в необходимых случаях заимствуется у государства [10, с. 56].

Становление государственной и муниципальной служб имеют как сходство, так и различия. Сходство состоит том, что государственная служба и муниципальная служба складывались в условиях перехода к рыночным отношениям, активности государственного строительства, мобилизации сил для защиты территориальной целостности страны от внутренних и внешних угроз. Различия связаны с коренным изменением экономической базы реформ, социальной структуры общества, типа государства.

По утверждению многих ученых муниципальная служба по важнейшим характеристикам не отличается от государственной службы [12, с. 25].

Государственная служба как правовой институт включает совокупность правовых норм, регулирующих однородный круг общественных отношений по государственной организации и практическому осуществлению служебных полномочий [3, с. 104].

И.Р. Гимаев отмечает, что «институты государственной и муниципальной служб имеют глубокую внутреннюю связь и взаимозависимость. В ряде случаев особенности реализации конкретной модели муниципальной службы могут быть в значительной степени производными от особенностей действующей модели государственной службы» [2, с.22].

Институт муниципальной службы возникает не на пустом месте, а является результатом длительного правового и социального развития, где роль государства существенно меняется – общество «заставляет» его «делиться» властными полномочиями. Муниципальная служба может рассматриваться в двух смыслах: широком и узком [8, с. 16].

С.Ю. Фабричный муниципальную службу рассматривает в двух проекциях: «как институт муниципального права муниципальная служба предназначена для обеспечения реализации компетенции населения и органов местного самоуправления, наличие в структуре которой вопросов местного значения обуславливает организационную обособленность местного самоуправления; как вид публичной служебной деятельности муниципальная служба взаимодействует с государственной службой, но не может быть идентичной ей в полном объеме» [15, с. 43].

Л.Т. Чихладзе, Д.О. Ежевский рассматривают институт муниципальной службы – «как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с зачислением на должность, поощрением, прохождением, отставкой соответствующих служащих» [16, с. 5].

Г.А. Наквасина рассматривает современный правовой институт муниципальной службы – «как систему правовых норм, которая регулирует отношения, складывающиеся в процессе организации самой системы муниципальной службы, статуса муниципальных служащих, гарантий и процедур его реализации, а также механизма прохождения муниципальной службы» [9, с. 16].

Таким образом, правовому регулированию подлежат три сферы: 1) формирование системы муниципальной службы; 2) создание статуса муниципального; 3) механизм прохождения муниципальной службы.

Определение места и роли муниципальной службы в органах местного самоуправления зависит от подходов государства к муниципальным органам как составной части общей системы управления.

Модернизация института муниципальной службы в Российской Федерации, в частности существующей её модели, является первостепенной задачей. Однако спектр направлений конституционной реформы предельно широк. Это и закрепление новой системы разделения властей, и изменение субъектного состава, и укрупнения российских регионов, укрепления вертикали власти, и совершенствование системы взаимной ответственности Федерального центра и субъектов Федерации. Указанные направления реформы свидетельствуют о более широком и комплексном подходе к модернизации российской Конституции, лежащей в основе российской модели местного самоуправления.

Таким образом, в связи с принятием и совершенствованием законодательства в области муниципальной службы, позволило определить место муниципальной службы в системе муниципальной власти и ее взаимоотношения с другими политическими институтами, уточнить и нормативно закрепить основные функции данного института.

Учреждение муниципальной службы, обособление ее от государственной службы обусловлено формированием в России местного самоуправления как специфического уровня власти, особой формы публичной власти.

Институт муниципальной службы в Российской Федерации рассматривается в тесной взаимосвязи с институтом местного самоуправления. В зависимости от подходов государства к муниципальным органам зависит и определение места и роли института муниципальной службы.

Литература

1. Гимаев И.Р. Становление и развитие государственной и муниципальной службы в Российской Федерации: Теоретическое и конституционно-правовое исследование. Автореф.... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 22.
2. Гимаев И.Р. Там же. С. 22.
3. Конин Н.М. Административное право России. Общая и особенная части: Курс лекций. М., 2004. С. 104.
4. Мамонтова В.Ф. Формирование профессионального потенциала муниципальных служащих в современной России. Автореф. дис.... канд. соц. наук. Тюмень, 2005. С. 21.
5. Манохин В.М. Дополнения к структуре административного права //Административное право и процесс", 2013, № 11. С. 34.
6. Матвеев Д.Н. Институт местного самоуправления в политической системе современной России. Дис.... канд. полит. наук. М., 2008. С. 45.
7. Миронов В.П. О правовой природе муниципальной службы // Российский юридический журнал. 2008. № 5 (62). С. 64.
8. Наквасина Г.А. Муниципальная служба в Российской Федерации: проблемы конституционно-правового регулирования. Дис.... канд. юр. наук. М., 2001. С. 16.
9. Наквасина Г.А. Там же. С. 16.
10. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М., 2007. С. 56.

11. Стариков Ю.Н. К вопросу и публично-правовом характере института государственной службы // Правоведение. 1997. № 1 С. 38.
12. Стариков Ю.Н. Служба и служащий в Российской Федерации: Правовое регулирование. М., 1997. С.25.
13. Стариков Ю.Н. Службное право России: уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юридического образования. 2013. № 3 (26). С. 99 - 116.
14. Трофимова И.Н. Институциональное развитие местного самоуправления в Российской Федерации. Автореф. дис.... д-ра. полит. наук. М., 2011. С. 19.
15. Фабричный С.Ю. Перспективы правового регулирования института муниципальной службы. // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 1. С. 43.
16. Чихладзе Л.Т., Ежевский Д.О. Муниципальная служба в Российской Федерации: Учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2009. С. 5.

О РОЛИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПОДРОСТКОВОЙ НАРКОЗАВИСИМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Серов Ю.В.

кандидат педагогических наук, доцент, Воронежский институт МВД России, г. Воронеж

Польшиков А.В.

Щеголева А.Н.

кандидаты юридических наук, доцент, Воронежский институт МВД России, г. Воронеж

ON THE ROLE OF THE INSTITUTION OF THE FAMILY IN PREVENTION TEENAGE DRUG ADDICTION IN MODERN RUSSIA

Y.V. Serov, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Voronezh

A.V. Palchikov, candidate of legal Sciences, associate Professor, Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Voronezh

A.N. Shchegoleva, candidate of legal Sciences, associate Professor, Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Voronezh

АННОТАЦИЯ

В работе рассматриваются основные проблемы профилактики подростковой наркозависимости в современной России, анализируется причинный комплекс, личность несовершеннолетнего наркозависимого, роль института семьи в борьбе с этим крайне негативным социальным явлением.

ABSTRACT

The paper examines the main problems preventing teenage drug addiction in modern Russia, analyzes the causal complex, the personality of the juvenile drug addicts, the role of the family institution in the fight against this extremely negative social phenomenon.

Ключевые слова: подростки, семья, наркозависимость, профилактика.

Keywords: adolescents, family, addiction, prevention.

По данным ФСКН России в стране насчитывается около 8,5 млн. человек, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, причем более 70% наркозависимых – это молодые люди самого активного возраста (18-35 лет) [1]. По потреблению наркотиков Россия занимает одно из ведущих мест в мире и опережает в 5-8 раз европейские страны (более того, например, Германию в 20 раз!). Смертность от употребления наркотиков в России ежегодно превышает 100 млн. человек (по другим данным, ежедневно умирает 80 молодых людей) [2, с. 124]. Экономический ущерб от потребления наркотиков оценивается в 1,2 триллиона рублей, что составляет 3% ВВП страны. Согласно данным Росстата, 57% опрошенных россиян считают наркоманию угрозой №1 для национальной безопасности страны [3]. На медицинском учете состоят 650 тыс. наркозависимых лиц, диагноз «наркомания» поставлен почти у 450 тыс. человек. За последние пять лет привлечено к уголовной ответственности около

600 тыс. наркозависимых, более 250 тыс. человек (треть всех осужденных в России) отбывают наказания за преступления, связанные с наркотиками [4]. Среди зависимых наркоманов 1 млн. — это дети и подростки; возраст начинающего наркомана снизился до 11 лет [2, с. 149].

Необходимо учитывать, особую роль в механизме преступного поведения играет нахождение лица во время совершения деяния в состоянии алкогольного и (или) наркотического опьянения [5, с. 14]. Так, согласно официальным данным ГИАЦ МВД России, в 2014 г. более 30% преступлений совершаются в общественных местах и на улицах именно в состоянии опьянения [6]. Число лиц, совершивших убийства и покушения на убийство в состоянии наркотического опьянения (по нашему мнению, наиболее опасного вида опьянения), за период с 2010 по 2014 гг. возросло более чем на 10%, умышленно причинивших тяжкий и средней тяжести вред здоровью - на 11,5%; разбойные нападения - на 9,5% и грабежи - на 12%;

а главное, хулиганств - на 35% и вандализм – 28,5%! В среднем, каждое пятнадцатое такое преступление совершается несовершеннолетними и при их соучастии. Корыстные мотивы совершения преступлений у наркозависимых подростков постепенно начинают «уступать» желанию противопоставить себя принятым в обществе нормам поведения и в целом правопорядку. Во многих случаях состояние наркотического опьянения у подростка своевременно не диагностируется, поскольку нет объективной возможности провести медицинское исследование, как следствие незаинтересованность в этом правоохранительных органов.

С учетом сказанного, основная проблема борьбы с такими преступлениями – это проблема ранняя профилактика наркозависимости у несовершеннолетних.

Многие исследователи пришли к выводу, что сильнее всего риск употребления наркотиков выражен у подростков и молодежи в возрасте 12-18 лет. В то время молодые люди должны справляться с большим количеством задач развития: они должны подготовить свой уход из дома, достичь признания в своей возрастной группе, завязать дружеские и партнерские отношения, определить перспективу своей будущей профессии, создать собственную шкалу ценностей как основу собственного поведения. Поэтому необходима психологическая поддержка этой возрастной группы в школьный период жизни [7, с. 193]. Исследования показывают, что удерживать от употребления одурманивающих средств необходимо в 20-21 года, потом вероятность обращения к таким средствам и появление зависимости почти равна нулю [8, с. 79]. Однако следует учитывать, что некомпетентная антинаркотическая контрпропаганда может наоборот спровоцировать у подростков и молодежи интерес к наркотическим средствам и психотропным веществам [9, с. 122]. Нельзя забывать о профилактике и других вредных пристрастий, поскольку употребление наркотиков почти всегда предшествует употреблению алкоголя и табака, «спайсов» и т.п. [10, с. 10].

Указанный выше возрастной интервал от 12 лет и до 20-21 года характерен тем, что молодые люди как правило, проживают в семье, посещают школу и получают образование, и если получается удержать их от употребления наркотических средств и психотропных веществ в этот период, то риск их наркотизации будет сведен к минимуму. В этом возрасте молодые люди сталкиваются с рядом проблем: первая любовь и без взаимности, предательство друзей, непонятная депрессия, невнятная тоска в глубине души, конфликты с родителями и педагогами, ощущения ненужности и одиночества, сексуальные проблемы и др. Растерянность перед проблемами, бездуховность, депрессия, одиночество души, непонимание со стороны близких людей или неумение выбирать друзей – все это характеризует внутреннее неблагополучие, что и может являться причиной обращения к наркотикам. В этой связи можно сделать вывод о том, что именно в этот возрастной период должна оказываться скоординированная помощь молодым людям со стороны семьи, школы и других учебных заведений, где они продолжают обучение, т.е в образовательной среде.

Как правило, именно проблемы в семье толкуют человека в «группу риска», создают почву для обращения к наркотикам. Психологами давно доказано, что неполная

семья сама по себе порождает патологии развития. У детей с одним родителем чаще всего возникают трудности общения, такие дети должны получать «тройную дозу» внимания и любви. Существуют понятия «семейный дефицит» и «социальный голод», когда ребенок растет без внимания и заботы, без необходимого общения, что часто является причиной обращения к спиртному и наркотикам в период взросления.

Отсутствие гармонии в полной семье также является фактором риска. В семье, где не могут избежать конфликтов, где притесняют, подавляют одного из членов семьи, где у родителей постоянные «секреты» и недоверие по отношению друг к другу и к детям, где ребенок изолирован от окружающих, от сверстников, где низкий материальный и культурный уровень, избиение и психологическое насилие детей, насилие между родителями. У таких детей возникает чувство одиночества, скуки, легко рождаются зависть к ровесникам, беспокойство, депрессии, страхи или же агрессивность, лживость, драчливость, связанные с переживанием одиночества, пустоты, ненужности. У избиваемых детей отмечают склонность к разрушению и протесту, низкий самоконтроль, слабость познавательных интересов, нежелание трудиться. Все это, в случае встречи с наркотиком, делает их неспособными противостоять втягиванию, в то время как дети, не переносившие стресс, получившие в семье позитивный заряд, уверенность в своих силах, даже попробовав наркотик, могут отказаться от его дальнейшего употребления, удовлетворив свое любопытство. Дети с грузом неблагоприятных жизненных событий отличаются сниженной самооценкой, комплексами неполноценности, переживают чувство мести и ненависти к родителям и учителям, не желающим понять их. Не имея возможности объяснить дурное к себе отношение, они обращаются к спиртному, наркотикам, попыткам самоубийства. Отвержение, холодность, отсутствие тепла и ласки со стороны родителей сначала травмируют ребенка, а затем ожесточают его, подталкивают к «другой жизни», в другое общество, где он будет понят, принят, где его не осудят. В благополучных семьях родители часто не способны обеспечить развлечения ребенку, он нуждается не только в заботе о пище, здоровье и учебе, но не менее, а даже более, в организации его свободного времени, в поддержании интереса к окружающему миру. Известно, что чем выше культурный уровень семьи, чем интереснее и спокойнее ребенку дома, тем позже он уходит из-под влияния взрослых, тем больше он доверяет жизненным ценностям родителей, тем реже попадает под власть сиюминутных впечатлений и развлечений, предлагаемых ему «на улице», тем менее подвержен влияниям моды.

Гиперопека, другая крайность воспитания, заставляет ребенка «спасаться» от родителей «на улице». Это чрезмерное внимание, постоянный присмотр, отказ ребенку в самостоятельности, желание воспитать свою копию. Сверхзабота становится в тягость взрослому человеку, он стремится «сбросить оковы», что приводит к тем же результатам: к старанию уйти от контроля родителей, для чего он сознательно идет на конфликты, вызываясь противопоставляя свой новый «асоциальный» облик тому образцу, который навязывает ему заботливая семья. При опросе студентов английских колледжей о причинах употребления наркотиков один молодой человек заявил,

что любой аспект его жизни контролировался и манипулировался взрослыми, и он начал употреблять наркотики, так как это была одна из немногих областей его жизни, где, как он считал, он имеет полный контроль. В данном случае причина употребления - чувство безвластия над своими собственными решениями и действиями.

Как отмечают специалисты, еще одним из плодов гиперопеки является инфантилизм растущего человека, его затянущаяся «детскость», неготовность к жизненным трудностям, неспособность самостоятельно решать вопросы. Такой ребенок легко попадает под влияние более опытных приятелей, его легко уговорить попробовать наркотик или подбить на любую хулиганскую выходку, поскольку у такого «тепличного растения» не выработано противодействие против дурных влияний. Для него привычны вседозволенность, неограниченная власть над родственниками, которые не накажут, и в конечном итоге - презрение к ним, а заодно и к учителям, сверстникам. Кумиры, привыкшие быть объектом всеобщего восхищения, часто демонстративны, для них хороша любая эксцентрическая выходка и любой шокирующий поступок, какими и кажутся им в их юные годы употребление алкоголя и наркотиков [2, с. 178].

Нельзя не остановиться на так называемых проблемных семьях. Чаще всего подростки и молодежь, которые приобщались к злоупотреблению наркотиков и психоактивных веществ, воспитываются и живут в так называемых проблемных семьях. Необходимо выделить общие принципы работы с семьей по профилактике наркомании:

1. Обеспечение приращения нового бытийного опыта членов семьи. Независимо от реализуемой формы, усилия специалистов, занимающихся семейной проблематикой, должны быть направлены на расширение возможностей семьи в понимании ситуации, взаимоотношений, причин последствий и их последствий.
2. Взаимодействие в условиях неопределенности. Исследования показывают, что даже «полный набор» факторов наркориска не приводит к наркотизации подростка, а иногда достаточно лишь ситуативного проявления одного из них. Решая задачу профилактики наркомании, психолог может столкнуться с любой сколь угодно сложной семейной проблематикой. С другой стороны, создание и поддержание психологом ситуации неопределенности способствует тому, что в процессе взаимодействия с родителями (или семьей в целом) актуализируется наиболее значимый аспект семейной проблемы. Таким образом, работа с семьей по профилактике наркомании - это деятельность в условиях неопределенности. Очевидно, что в этом случае важнейшими факторами эффективности психолога становятся не его «методическая оснащенность», а его готовность поступать свободно и ответственно.
3. Ответственность. Важно, чтобы в процессе работы члены семьи осознали и приняли меру своей ответственности за то, что происходит с ними. Принятие ими авторства собственной судьбы является важнейшей предпосылкой позитивной семейной динамики.
4. Открытость и незавершенность работы. Решая задачу профилактики наркомании, никто не может

дать гарантии того, что в семье не появится наркоман. В связи с этим, одним из важнейших результатов профилактической работы с семьями, должна быть принципиальная готовность родителей к получению специальной профессиональной помощи, и мотивация на сотрудничество с социальными центрами.

5. Реалистичность ожиданий. Необходимо, чтобы с самого начала и социальные работники (психологи, педагоги и др.), и члены семей, вовлеченные в профилактическую работу, понимали, что каждый из них вносит свой посильный вклад в успех и что перед работниками социальных служб не стоит задача обеспечить беспрепятственное существование семьи. Задача социальных работников заключается в том, чтобы помочь семье преодолеть «заикленность» и обеспечить минимальную динамику развития. Вопрос дальнейшей работы - это вопрос инициативы семьи.
 6. Плюрализм форм и методов работы с семьей. Факторы наркотизации семейной природы могут иметь различный характер, поэтому трудно себе представить существование какого-либо единственного, эффективного метода профилактической работы с семьей.
 7. Включенность (внезаходимость) - в соответствии с этим принципом специалист, реализующий ту или иную форму работу с семьей, должны находиться в непрерывном контакте с людьми, с которыми он работает, обеспечивая или насыщенную и адекватную обратную связь, и при этом находиться за пределами семейных отношений, сохраняя свою профессиональную и личностную независимость и суверенитет, и самостоятельность семьи.
 8. Принцип «здесь-и-теперь» - в соответствии с этим принципом специалист, работающий с семьей, должен обращать внимание, прежде всего на то, что реально происходит в ситуации «здесь-и-теперь». Сущность данного принципа можно передать с помощью афоризма: «не важно, о чем говорят члены семьи, важно, что реально происходит». Все вышесказанное не означает, что употребление наркотиков - результат депрессивных состояний, свойственных молодым людям со сложностями развития и творческим натурам. Мотивы употребления наркотиков часто не зависят от личности и ее психической предрасположенности. Встреча с наркотиками может быть случайной, в определенной ситуации, вызванной временными потребностями, например, «пробование» в компании сверстников с познавательными целями, что заставит сделать парадоксальный вывод: пробование наркотиков в молодости - проявление не отклонения, а скорее нормального поведения.
- Одна из ведущих исследователей наркомании И.Н. Пятницкая делает вывод о том, что шаг подростка к наркотикам - это проявление исследовательской реакции, свойственной их возрасту. Подростков интересуют возможности их сознания, получение нового, неизведанного чувственного опыта, небывалых впечатлений, сексуального опыта, они стремятся познать мир, «все в жизни попробовать», ощутить свою полноценность в компании ровесников, самостоятельность в принятии решений, солидарность со сверстниками [11, с. 25]. Возможные семейные

причины наркотизации вытесняются, не осознаются родителями. Столкнувшись с фактом употребления наркотиков, родители испытывают крайне острые эмоциональные состояния, приводящие к неадекватным, хаотичным и, как правило, бесполезным действиям.

В связи с этим работа с проблемными семьями должна быть направлена на решения нескольких взаимосвязанных задач: информирование родителей о роли и месте семьи в развитии наркомании у подростка; информирование родителей о возможных признаках употребления подростком наркотиков; участие в разрешении латентного семейного кризиса; оптимизация системы внутрисемейного воспитания; нормализация родительско-детских отношений и снижения их конфликтности; повышение адекватности реагирования подростком на семейную ситуацию; повышение ответственности членов семьи за свое внутрисемейное поведение; создание позитивного эмоционального фона семейных отношений; развитие готовности к творческому реагированию на проблемы в поведении и наркоманию ребенка; повышение психологической компетентности и расширение сознания; изменение реакции на проблему (от поиска причин к осознанию отношений); развитие реалистичности мышления и осознания отношений; повышение способности к наблюдению [12, с. 115].

Таким образом, задача-минимум формулируется как активизация и обеспечение позитивной динамики семейных отношений. Задача-максимум – это участие и содействие в нормализации и реконструкции основных функций семьи, активизация личности подростка, как субъекта ответственности за свою жизнь и судьбу. Как результат – реальное снижение уровня преступлений, совершаемых подростками.

Литература

1. Материалы официального сайта УФСН по Воронежской области. – режим доступа к изд.:

<http://fskn.gov.ru>

2. Ювенальное право: учебник / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева. — М., 2014.
3. Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики РФ. – режим доступа к изд.: <http://www.gks.ru>
4. Материалы официального сайта Генеральной Прокуратуры России. – режим доступа к изд.: <http://genproc.gov.ru>
5. Польшиков А.В. Об основных проблемах предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних в сети Интернет // Вопросы ювенальной юстиции. - 2013. – № 3.
6. Материалы официального сайта МВД России. – режим доступа к изд.: <http://www.mvdinform.ru>
7. Польшиков А.В. Криминологическая характеристика лиц, совершающих изготовление и оборот детской порнографии в сети «Интернет» // Общество и право. - 2009. - № 3.
8. Щеголева А.Н. Особенности ранней профилактики преступности несовершеннолетних // Научный портал МВД России. - 2009. - № 3.
9. Популярная медицинская энциклопедия / под ред. Б.В. Петровского. — М., 2013.
10. Перемолотова Л.Ю. Преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2012.
11. Пятницкая И.Н. Профилактика наркомании несовершеннолетних // Проблемы борьбы с девиантным поведением. - М., 1989.
12. Щеголева А.Н. Виктимологические аспекты ранней профилактики преступности несовершеннолетних: монография. - Воронеж, 2009.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЗНАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Пронина Мария Петровна

Кандидат юридических наук, докторант Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород

METHODOLOGICAL BASES OF KNOWLEDGE OF LEGAL EQUIPMENT OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

Pronina Maria Petrovna, Candidate of jurisprudence, doctoral candidate of the Ministry of Internal Affairs Nizhny Novgorod academy of Russia, Nizhny Novgorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию методологических основ юридической техники уголовного законодательства России, рассматривается понятие «метод», определяется содержание методологических основ исследуемого явления, выделяется самостоятельный метод техники уголовного законодательства.

ABSTRACT

Article is devoted to research of methodological bases of legal equipment of the criminal legislation of Russia, the concept "method" is considered, the maintenance of methodological bases of the studied phenomenon is defined, the independent method of equipment of the criminal legislation is allocated.

Ключевые слова: юридическая техника; методологические основы; метод; уголовно-правовая система.

Keywords: legal equipment; methodological bases; method; criminal and legal system.

Прежде чем рассматривать вопрос юридической техники в уголовном законодательстве необходимо обратиться к методологическими основами данного явления. Наиболее оправданным представляется изучение юридической техники уголовного законодательства через понятие методика, которая, как известно, складывается из методических положений, означающих «что именно, с чем и как нужно делать для достижения данной цели» и методической деятельности, под которой понимается «собственно осуществление такой деятельности для достижения данной цели» [13, с.48-49]. Если обратиться к толковым словарям, то в них термин «методика» представлен достаточно кратко, при этом суть указанного понятия сводится к следующему: «совокупность методов и приемов практического выполнения чего-либо» [6, с.251].

Несмотря на многочисленные научные труды, посвященные юридической технике, ученые почти не уделяли внимание ее методу. Он рассматривался фрагментарно и эпизодически лишь в нескольких работах.

Первопроходцем в изучении метода юридической техники среди российских ученых можно считать М. А. Унковского, который в начале XX века серьезно и глубоко погрузился в исследование данной области. Он положил в основу своих исследований утверждение, о том, что именно применение в отраслевых науках не только теоретических постулатов, но и опытного начала привело к большим практическим открытиям и, что, в случае использования этого правила к правовым коллизиям, нередко встречающимся в правовом поле, это даст в высшей степени полезные результаты для устранения данных пробелов в законодательстве. Он утверждал, что при соблюдении наибольшей краткости закона, правила законописания, правила, далеко уходящие за пределы так называемого «умения излагать» или «редактировать законы» и притом не только совершенно новые, но и такие, которые вовсе не пришли бы в голову, если задаться целью изобрести правила ясного и кратчайшего законописания, руководствуясь одним только, так называемым, «здоровым смыслом» (что многие, однако же, считают вполне достаточным, чтобы взяться за писание законов в наисовершеннейшей форме, не подозревая, что это дело совсем не дилетантское, а целая отрасль специальных знаний, требующая разработки на основе серьезного опыта) [11, с.16].

Также данная тематика была затронута в статьях Л. Винавера «Законодательная техника» [3] и А. А. Ушакова «О методике юридической техники» [12]. Однако, и в этих работах проблема метода юридической техники не получили своего глубокого и всестороннего раскрытия и велись в чисто теоретическом аспекте, а не применительно к какой-то определенной отрасли права.

Традиционно ученые относят юридическую технику к одному из элементов правотворческой деятельности [9, с.6]. Соответственно, в ее сути лежит правовая природа. Однако, стоит отметить, что существуют и противоположные точки зрения. К таким ученым можно отнести М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзееда [10, с.297-298].

Как известно, в качестве основы при законотворческой деятельности используются постулаты общей теории права. Кроме того, что эта наука изучает и дает представление об общих закономерностях права, она задает основные критерии, которым должны соответствовать зако-

нопроект и содержащиеся в нем правовые нормы. Тем самым общая теория права позволяет законодателю правильно определить цели и основные направления своей деятельности, а также пути и способы реализации поставленных задач.

При создании уголовного закона следует учитывать не только знания общей теории права, но и совокупность теоретических положений и выводов отраслевой юридической науки, раскрывающей предмет проектируемого нормативного акта. При этом важно учитывать уровень политического, экономического и культурного развития общества.

Так как создаваемое нормативное предписание представляет собой результат, итог интеллектуальной деятельности лиц, подготовивших его проект, то важным компонентом методологических основ юридической техники уголовного законодательства выступает логика. Представляя собой науку о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемых с помощью логического языка, логика помогает законодателям правильно и последовательно изложить нормативные акт и избежать типичных логических ошибок.

В российской науке до сих пор дискуссионным остается вопрос о том, является или нет правотворчество подвидом процесса научного познания юридической реальности. Так, в современный период понимание гносеологической природы законотворчества как научной деятельности, призванной выявлять и формулировать объективные законы права и общества в виде нормативных установлений, некоторыми авторами поставлено под сомнение [2, с.194; 8, с. 47].

Абсолютно противоположного мнения придерживаются, в частности, В.П. Сальников и Р.А. Ромашов. По их утверждению, правотворческий процесс неотделим от научного познания. «Проектирование закона» есть не что иное, как создание научно- теоретической модели будущего нормативно-правового акта. Подготовка законопроектов с содержательной точки зрения представляет собой процесс объективации права. Это означает познавательную деятельность, направленную на выявление регулятивно-охранительного воздействия права на реальные общественные отношения» [7, С.536-537].

К таким же умозаключениям приходит Ю.А. Тихомиров. По его мнению, гносеологический аспект создания законопроекта связан с его концепцией, представляющей собой логическую правовую модель с вариантами правомерного поведения, со своей структурой акта, взаимосвязью с другими актами, предполагаемыми последствиями и шкалой эффективности воздействия. Таким образом, гносеологический компонент юридической техники означает оценку права и закона как способов познания общественной жизни и ее отражения, причем отражения концентрированного, опережающего [9, с.143-153].

Наша позиция схожа с мнением названных ученых. Действительно, результатом познавательной научной деятельности законотворческого органа, в процессе которой он выявляет объективные законы права и общества и формулирует их в виде норм права, является создание нового, не известного ни науке, ни практике - проекта уголовного закона. Юридическая техника уголовного законодательства рационально внедряет уголовно-правовые теоретические знания в практическую сферу в процессе

создания нормативных предписаний общественных отношений. Таким образом, она предназначена для выявления и познания путей реализации положений общей теории права и других прикладных наук в такой сфере юридической деятельности, как правотворчество. Именно в данном аспекте, на наш взгляд, следует понимать суть ее познавательного элемента.

Говоря о методологии юридической техники уголовного законодательства, необходимо помнить об общенаучных методах познания, без которых не может осуществляется ни один познавательный процесс-это: анализ, синтез, сравнение, аналогия, моделирование, индукция, дедукция, системный анализ и др. Кроме общих методов познания, на стадии создания уголовно-правовых норм используются и такие частнонаучные методы познания права, как методы толкования права и сравнительно-правовой метод, которые обеспечивают конструирование связей новых норм права с действующими нормами [1, с.272-273].

Не менее важным элементом, относящимся к методологии юридической техники уголовного законодательства выступают правила русского языка и всех его разделов: грамматики, орфографии, лексикологии, фонетики. Как справедливо отмечают правоведы, «тексты действующих нормативных актов должны быть лингвистическим образцом языка и стиля. Окончательно отработанный и принятый нормативный акт не должен вызывать к себе критического отношения с языковой точки зрения» [14, с.35].

Содержание методологических основ исследуемого нами явления позволяет сделать вывод о том, что основные положения юридической техники уголовного законодательства, выработанные общей теорией права, находят свое отражение и в отраслевых правовых системах (в том числе и в уголовном праве). Вместе с тем необходимо учитывать, что разным отраслям права присущи неодинаковые объекты и методы правового регулирования, что обуславливает специфику построения текстов законов, видов используемых норм, их структуры и т.п.

Здесь возникает вопрос, можно ли говорить о самостоятельном методе техники уголовного законодательства, обладает ли он только ему присущими чертами?

На наш взгляд, есть все основания для выделения специфического для техники уголовного права метода. Это, прежде всего, особенности самой техники уголовного законодательства, так как есть «особенности в технике построения отдельных отраслей права, которые находятся в прямой зависимости от характера самих общественных отношений, на регулирование которых направлена та или иная отрасль права, и от особенностей метода регулирования, присущих этой отрасли права» [5, с.12]. Существование такого метода обуславливается специфическими чертами предмета его изучения - формы уголовных законов. И, наконец, это задачи, которые стоят перед техникой уголовного законодательства в настоящее время. Следовательно, все положения общего метода законодательной техники должны найти свое отражение в более частном методе - методе техники уголовного законодательства.

Задачи техники уголовного законодательства, определяющие специфику ее метода, сами в свою очередь зависят от уголовной политики. Задачи отличаются

друг от друга временем своего выполнения, что накладывает отпечаток и на метод техники. Так, решение первой направлено на совершенствование действующего законодательства, для этого вполне достаточно изучения недостатков действующего законодательства. Для решения же второй, направленной в будущее уголовного законодательства, необходимо определить тенденции развития формы законов. В связи с этим, требуется критический анализ практики законодательства в историческом аспекте, как нашей страны, так и зарубежных, а также подробное изучение достижений науки в области законодательной техники вообще и техники уголовного законодательства в частности. В тоже время, все эти исследования должны быть увязаны как с современными направлениями борьбы с преступностью, так и с перспективными планами мероприятий в этой области. В этом, на наш взгляд, наиболее ярко проявляется специфичность метода техники уголовного права.

Именно такой подход к изучению формы уголовного законодательства позволяет получить исчерпывающую информацию о ней, определить тенденции развития и установить конкретные правила и приемы для решения задач стоящих перед техникой уголовного законодательства.

Таким образом, юридическая техника уголовного законодательства, являясь самостоятельной отраслью знаний, представляет собой юридическую дисциплину методологического плана, призванную разрабатывать закономерности рациональной деятельности законодателя, знание и творческое применение которых обеспечивают подготовку качественно совершенных и эффективно действующих уголовных законов.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. - М., 1982. - Т.2.
2. Баранов В.М. Истинность норм советского права. — Саратов, 1989.
3. Винавер А. Законодательная техника. // Право и жизнь. - 1926. - № 2-3.
4. Власенко Н.А. Язык права. — Иркутск, 1997.
5. Законодательная техника. / Под ред. Д. А. Керимова. - П., 1965.
6. Малый толковый словарь. - М., 1990.
7. Сальников В.П., Ромашов Р.А. Техничко-правовые аспекты законотворчества в современной России // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. — Нижний Новгород, 2001.
8. Сырых В.М. Законотворчество как вид социального проектирования// Проблемы юридической техники: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. — Нижний Новгород, 2000.
9. Тихомиров Ю.А. Законодательная техника: понятие и элементы // Законодательная техника: научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова - М., 2000.
10. Теория государства и права / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзееда. - М., 2000.
11. Унковский М.А. О неясности законодательства, как общественном бедствии и о ближайших путях к ее устранению. - СПб., 1913.

12. Ушаков А.А. О методе юридической техники (о принципах и приемах изучения). // Учен. зап. ПТУ (юридические науки). - 1963. - № 104.
13. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. - М., 1993.
14. Язык закона / Под редакцией А.С. Пиголкина. - М., 1993.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ "ЮРИДИЧЕСКАЯ" И "ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ" В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ

Т.И. Ряховская,

ст. препод. кафедры ТиИГуП, Сибирского института управления – филиала, РАНХиГС, г. Новосибирск

ON DELIMITATION OF THE CONCEPTS OF "LAW" AND "LEGAL ACTIVITIES" IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF PROVIDING A DIRECT ACTION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN

T.I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk

АННОТАЦИЯ

Рассматривается проблема прямого действия Конституции Российской Федерации, предлагается авторский подход к этому понятию. Затрагиваются вопросы системы обеспечения прямого действия Основного закона. Разграничиваются по смысловому значению "правовая" и "юридическая" деятельность. Доказывается, что именно первая является формой обеспечения прямого действия Конституции современного отечественного государства.

ABSTRACT

The problem of the direct action of the Constitution of the Russian Federation, proposed the author's approach to this notion. Affecting the question of providing direct action of the Basic Law. Differentiated on semantic value "legal" and "legal" activities. It is proved that it is the first form of direct provision of the Constitution of the modern Russian state.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, прямое действие Конституции, конституционные нормы, юридические свойства конституции, правовая деятельность, система обеспечения прямого действия Конституции.

Keywords: the Russian Federation Constitution, the direct functioning of the Constitution, the constitutional rules, the law system of the Russian Constitution, legal activity, system for ensuring of direct action of the Constitution.

Прямое действие Конституции РФ само по себе, как записанная на бумаге формула, не имеет значения до тех пор, пока нормы Основного закона не начинают претворяться в жизнь, т. е. реализовываться.

Это находит подтверждение в теории правоотношений, одним из аспектов которой является идея о том, что «сама по себе ни норма, ни правовое общественное отношение действовать не могут, они должны быть сами приведены в действие каким-то механизмом» [5, с.45]. И уже далее, воплощаясь в правоотношениях, нормы права вносят твердый, устойчивый, обеспеченный государством порядок в общественные отношения [8, с.9].

Прямое действие Конституции Российской Федерации — это юридическое свойство норм Основного закона, имеющее легальный характер, выражающее правило действия и реализации норм Конституции независимо от наличия конкретизирующих их нормативно-правовых актов, включающее в себя: во-первых, действие норм Конституции во времени, в пространстве, по кругу лиц; во-вторых, использование, соблюдение, исполнение, применение норм Конституции РФ; в-третьих, ориентирование и обязывание органов государственной власти и местного самоуправления к напрямую применению норм Конституции. В целях наиболее эффективной реализации прямого действия Конституции Российской Федерации требуется создание системы его обеспечения.

В этой связи уместным видится вопрос о «юридической», «правовой» деятельности. В теории государства и

права данные термины практически не рассмотрены. Мы не ставим целью исследовать их. Мы лишь берем за основу уже имеющиеся.

Так, В. Н. Карташов говорит, что юридическая деятельность представляет собой сложную высокоорганизованную и динамичную систему, органично включенную в социально-политический и правовой механизм общества [7, с.7]. В. В. Дедюхиным под юридической деятельностью понимается специфическая форма правомерного поведения, в рамках которого индивидуальные и коллективные субъекты используют предусмотренные правом возможности, исполняют обязанности, разрешают споры, применяют меры юридической ответственности [6, с.6-7]. Б. В. Шагиевым юридическая деятельность рассматривается как совокупность таких юридически значимых актов компетентных органов и должностных лиц, которые нацелены на внесение организованности в иную социальную деятельность в интересах защиты прав, свобод и безопасности граждан и их объединений, а также охраны общества и государства [15, с.8]. В. П. Беляев, размышляя об анализируемом понятии, приходит к выводу: «Это относительно самостоятельный элемент правовой системы общества, осуществляемый в соответствии с нормами материального права государственными органами, должностными лицами и управомоченными общественными объединениями, направленный на достижение социально-значимых целей путем применения правовых

средств, использования стимулов и ограничений и функционально ориентированный на получение опосредованных правом результатов для удовлетворения частных и общественных интересов» [1, с.11]. Таким образом, «правовая деятельность» фиксирует все деяния, признаваемые нашим обществом и государством правильными, справедливыми, какими бы субъектами они не осуществлялись, а «юридическая деятельность» должна осуществляться лишь на профессиональной основе, юристами, поскольку связана со специальными операциями по поводу правовых явлений, требует особых навыков и умений. В итоге своих научных изысканий Р. В. Шагиева формулирует идею о том, что «правовая деятельность — такая социально-значимая активность (свобода выбора и свобода самовыражения), которая специально осуществляется субъектами как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни в целях удовлетворения их разнообразных потребностей специфическим способом (в рамках правоотношений), и которая поэтому признается обществом (фактически) и государством (официально, формально) правильной, справедливой, а в случае необходимости — дающей возможности вынести решение и вызвать юридически значимые последствия» [16, с.11-12]. Данная позиция близка и нам.

Сущность же и содержание правовой деятельности проявляются в совокупности ее целей, признаков, которые можно обозначить так: является прерогативой компетентных государственных органов; нормативно-одобренная; социально-преобразующая; тесно связана с правоотношениями; входит в механизм правового регулирования; носит официальный и конструктивный характер; осуществляется в процессуальной форме; всегда связана с наступлением юридически значимых последствий [1, с.12].

Различные исследователи правовой и юридической деятельности были едины в одном: данные виды деятельности имеют системный характер, что подкрепляется идеями ученых о системности любой деятельности вообще [11, с.8]. Следовательно, говоря о категории «обеспечение прямого действия Конституции», можно предположить, что она раскрывается именно в процессе правовой деятельности, носящей системный характер.

Анализируя понятия «обеспечение действия» и «реализация Конституции», Н. В. Витрук указывает, что данная связка означает гарантирование действия и реализации, охраны и защиты Конституции системой специальных мер и средств, направленных на создание надлежащих условий для наиболее полного соблюдения конституционных положений органами публичной власти и должностными лицами. А система обеспечения всей Конституции в целом в деятельности государственных органов представляет собой меры, направленные на профилактику конституционных нарушений и ее упрочение [4, с.249].

Следовательно, обеспечение действия Конституции и обеспечение прямого действия Конституции соотносятся как целое и часть, причем последнее необходимо для наиболее полной реализации первого. То есть если не будет обеспечено прямое действие Конституции РФ, то едва ли будет обеспечено действие Конституции вообще. Полагаем, правовую деятельность по обеспечению прямого действия Конституции представляется возможным

рассматривать в качестве связующего элемента между претворением положений Конституции в жизнь и ее дальнейшей реализацией субъектами права.

Возвращаясь к идее системности правовой деятельности, отметим, что понятие «система» в научной литературе определяется по-разному, нами же берется за основу классическое определение этого понятия. Система — совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующая определенную целостность, единство. При определении понятия системы необходимо учитывать теснейшую взаимосвязь его с понятиями целостности, структуры, связи, элемента, отношения, подсистемы и др. Отсюда исходным пунктом всякого системного исследования является представление о целостности изучаемой системы [2, с.61]. Высказывались идеи о том, что «система — средство достижения цели; основные особенности систем: целостность, относительная обособленность от окружающей среды, наличие связей со средой, наличие частей и связей между ними (структурированность), подчиненность всей организации системы некоторой цели» [11, с.359]. С нашей точки зрения, цель — это, скорее, одна из характеристик системы.

Различая понятия «система» и «структура», представляется возможным обратить внимание на то, что структура — это отношения между элементами в системе [14, с.28]; это внутреннее строение системы.

Учитывая, что важнейшим системообразующим элементом всех видов и форм правовой деятельности является правовой акт [15, с.17], применительно к деятельности, связанной с обеспечением прямого действия Конституции РФ, подобным системообразующим элементом является Конституция РФ.

Системный характер обеспечения прямого действия Конституции РФ можно связать со следующим:

1. как уже было указано, правовая деятельность носит системный характер (правотворчество, право-реализация, правотолкование, контроль и надзор);
2. взаимосвязь органов государственной власти, построение которых основано на системе разделения государственной власти на ветви власти, говорит о системной связи в их деятельности. (В частности, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт “г”), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» обратил внимание, что под системой федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, установление которой отнесено к ведению Российской Федерации (п. “г” ст. 71 Конституции РФ), следует понимать единство взаимосвязанных федеральных органов различных ветвей государственной власти, которое, исходя из разграничения полномочий при осуществлении законодательных, исполнительных и судебных функций, обеспечивает баланс этих властей, систему взаимных сдержек и противовесов [13].) Органы государственной власти — публичная власть. В то же время и местное самоуправление признано публичной властью, о чем сказано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П [12];
3. нельзя не отметить и системность Конституции, т. е. согласованную и взаимную совокупность конститу-

ционных положений, выражающих концептуальное единство Конституции (о чем справедливо пишут В. В. Невинский [10, с.38-40], Е. В. Колесников [9, с.3-13]). Действительно, Конституция является нормативно-правовым актом, имеющим определенную систему строения. Выступая в качестве баланса между основными социальными интересами, она является главным регулятором общественных отношений, источником конституционного права и всех иных отраслей права.

Основой деятельности любого органа государственной власти, судов, органов местного самоуправления является Конституция, закрепленные в ней принципы и нормы [3]. Рассматривая правовую деятельность граждан РФ и их объединений, можно сказать, что Конституция лежит в ее основе. Человек, гражданин, чаще использует, исполняет, соблюдает производные от норм Конституции правила поведения. Более того, деятельность граждан, пусть даже по реализации Конституции вообще, иногда имеет систематический характер (в частности, реализация права избирать). Однако если гражданин обращается с жалобой в Конституционный Суд РФ о восстановлении своего нарушенного права, норму, нарушающую право, из правового пространства выводит не он, а Конституционный Суд. Аналогичная ситуация происходит и с обращением в органы государственной власти. Обращающийся, по сути, лишь указывает на проблему, а конечное решение все равно остается за соответствующей инстанцией, которая, разрешая спорную ситуацию, обеспечивает прямое действие норм Конституции. В то же время именно граждане, участвуя в социальной, политической, экономической жизни государства, формируют своего рода «запрос» на регулирование возникающих отношений.

Таким образом, полагаем, что система обеспечения прямого действия Конституции — это взаимосвязанные формы правовой деятельности публичных органов государственной власти, направленные на реализацию свойства прямого действия Конституции. Существование системы обеспечения прямого действия Конституции обусловливается совокупностью юрисдикций органов власти различных уровней, их взаимосвязью, структурой самой Конституции, выражающейся в согласованности конституционных положений, определяющих концептуальное единство последней. Отсюда напрашивается вывод, что средствами правовой деятельности (то есть деятельности, связанной с реализацией своих полномочий органами государственной власти и местного самоуправления, влекущей за собой юридические последствия) возможно обеспечить прямое действие Конституции.

Литература

1. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: Автореферат дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.01 / В. П. Беляев. — Саратов, 2006. — 55с.
2. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. — М.: Издательство «Наука», 1973. — 270с.
3. Василевич Г. А. Конституционализация текущего законодательства и практики его применения — важнейший юридический императив // Право: Теория и практика. — 2003. — № 8. [www.yurclub.ru/docs/pravo/0803/1.html]
4. Витрук Н. В. Верность Конституции: Монография. — М.: Изд-во РАП, 2008. — 272с.
5. Гревцов Ю. И. Правовые отношения и осуществление права. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1987. — 129с.
6. Дедюхин В. В. Действие права: Автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. В. Дедюхин; Санкт-Петербургский университет. — М., 2002. — 21с.
7. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. — Саратов, 1989. — 218с.
8. Кечежян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М.: Издательство АН СССР, 1958. — 187с.
9. Колесников Е. В. Конституция и конституционные законы как основа российской правовой системы // Правоведение. — 1995. — № 4-5. — С. 3-15.
10. Невинский В. В. Системность и системообразующая функция Конституции Российской Федерации: доктрина, практика реализации // Конституция Российской Федерации и проблемы построения демократического общества и правового государства: докл. междунар. научн.-практ. конф., посвященной 15-летию принятия Конституции, 10—11 дек. 2008 г., г. Новосибирск / Науч. ред. И. В. Князева; СибАГС. — Новосибирск: СибАГС, 2009. — С. 38-43.
11. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ. — Москва: «Высшая школа», 1989. — 364с.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93, и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // СЗ РФ. — 1998. — № 4. — Ст. 532.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт “г”), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1999. — № 6. — Ст. 866.
14. Протасов В. Н. Правоотношение как система. — М.: «Юридическая литература», 1991. — 143с.
15. Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе: Теоретико-правовой аспект: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Б. В. Шагиев. — М., 2003. — 22с.
16. Шагиева Р. В. Правовая деятельность и ее разновидности в современном российском обществе // Журнал российского права. — 2004. — № 10 // СПС «Гарант»; Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Автореферат дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.01 Р. В. Шагиева. — М., 2006. — 38с.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РЕЖИМА ВОЗДУШНОГО СУДНА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Щербачева Любовь Владимировна,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры Гражданского права и процесса Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя

LEGAL REGULATION OF AIRCRAFT IN THE RUSSIAN CIVIL LAW.

Scherbachov Lyubov Vladimirovna, Associate Professor, PhD, Associate Professor of the Department of civil law and the Ministry of Internal Affairs of Moscow State University named after V. Kikotâ

АННОТАЦИЯ

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что в условиях стремительного развития научно-технического прогресса в современном мире правовая регламентация режима воздушного судна в российском гражданском праве такое свойство гражданских и государственных воздушных судов как предназначенность для полетов является существенным при определении статуса воздушного судна как объекта гражданских прав. Автор также отмечает, что к воздушным судам применяются правила о недвижимых вещах, если иное не установлено законом и не вытекает из существа указанных объектов гражданских прав, то есть предлагаемая редакция статьи 130 ГК РФ не содержала нормы, прямо называющей воздушное судно недвижимой вещью. На основании этого сделал вывод о том, что предназначенность для полетов является существенным свойством гражданских и государственных воздушных судов при определении правового статуса воздушного судна, воздушное законодательство РФ регламентирует допуск к эксплуатации гражданских и государственных воздушных судов.

ABSTRACT

Analysis of the legislation suggests that with the rapid development of scientific and technical progress in the modern world, the legal regulation of aircraft in the Russian civil law property civil and State aircraft are designed to fly is significant in determining the status of the aircraft as the object of civil rights. The author also notes that the rules are applied to aircraft of immovable things, unless otherwise provided by law or follows from the nature of the objects of civil law rights, that is, the proposed revision of article 130 CIVIL CODE did not contain provisions directly calling the aircraft real thing. On this basis, concluded that designed for flying is an essential property of civil and State aircraft in defining the legal status of the aircraft, airspace the Russian legislation regulates the admission to operation of civil and State aircraft.

Ключевые слова: воздушное право, Воздушный кодекс, гармонизация законодательства, государственное регулирование, гражданская авиация, авиация общего назначения

Keywords: air law, air law, harmonization of the legislation, government regulation, civil aviation, General Aviation

В контексте правовой регламентации режима воздушного судна в российском гражданском праве такое свойство гражданских и государственных воздушных судов как предназначенность для полетов является существенным при определении статуса воздушного судна как объекта гражданских прав. Другими словами, наличие такой характеристики гражданских и государственных воздушных судов как предназначенность для полетов позволяет отнести их к объектам недвижимости. По мнению ряда авторов, занимающихся исследованиями в сфере отечественного воздушного законодательства, «при осуществлении правового регулирования недвижимости в гражданском законодательстве использована юридическая фикция – подлежащие государственной регистрации воздушные суда в силу закона наделены свойствами недвижимых вещей, которыми они по своей природе не обладают» [2]. Действительно, в период разработки Концепции развития гражданского законодательства РФ [3], работа над которой велась в соответствии с указом Президента РФ от 18 июля 2008 года №1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [9,10], в среде научной общественности обсуждался вопрос о необходимости исключения воздушных судов из перечня объектов недвижимого имущества, предусмотренного пунктом 1 статьи 130 ГК РФ. Предложение об исключении из перечня объектов недвижимого имущества воздушных судов, изложенное в пункте 3.3 Раздела 3 «Объ-

екты гражданских прав» Концепции развития гражданского законодательства РФ было аргументировано тем фактом, что отнесение к недвижимым вещам воздушных судов оказалось практически нецелесообразным, и упомянутая «юридическая фикция как правовая модель себя не оправдала» [2]. В дальнейшем на основании Концепции развития гражданского законодательства РФ был разработан проект Федерального закона №47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], который был внесен Президентом РФ на рассмотрение в Государственную Думу РФ. Упомянутый проект Федерального закона первоначально содержал предложение о новой редакции статьи 130 ГК РФ, формулировка которой в пункте 3 закрепляла положение о том, что к воздушным судам применяются правила о недвижимых вещах, если иное не установлено законом и не вытекает из существа указанных объектов гражданских прав, то есть предлагаемая редакция статьи 130 ГК РФ не содержала нормы, прямо называющей воздушное судно недвижимой вещью. Это совершенно по-иному трактовало бы (а иногда и вело бы к упразднению) целый ряд норм отечественного законодательства в отношении воздушных судов. Так, согласно пункту 4 статьи 130 в редакции проекта Федерального закона №47538-6, вещи, не относящиеся к недвижимым, признаются движимыми, а регистрация прав на движимые вещи не требуется, за исключением

случаев, указанных в законе. Таким образом, фактически, речь шла об упразднении государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними. Однако в дальнейшем предлагаемая редакция статьи 130 ГК РФ в окончательный текст Федерального закона №47538-6 ни в одной из его частей включена не была [1] и более того, был принят Федеральный закон «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» с последующими уточнениями [7].

Следует обратить внимание на тот факт, что с точки зрения предмета правового регулирования в современном законодательстве имеется определенная дифференциация между:

- государственной регистрации воздушных судов, регламентируемой воздушным законодательством РФ. В рамках государственной регистрации воздушных судов правовому регулированию подлежат отношения, связанные с государственной регистрацией воздушных судов, то есть объектом правоотношений являются собственно сами воздушные суда. Целью правоотношений в рамках государственной регистрации воздушных судов является приобретение воздушными судами национальной принадлежности (в контексте обсуждаемых вопросов российского законодательства – национальной принадлежности РФ);
- государственной регистрацией прав на воздушные суда и сделок с ними, регламентируемой иными законодательными актами, в частности Федеральным законом «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» [8]. В рамках государственной регистрации прав на воздушные суда правовому регулированию подлежат правоотношения, которые возникают в связи с государственной регистрацией прав на воздушные суда и сделок с ним, то есть объектом правоотношений являются права и сделки с воздушными судами. Целью правоотношений в рамках государственной регистрацией прав на воздушные суда и сделок с ними является приобретение прав на воздушные суда.

В контексте применения статей 216, 294, 296 ГК РФ воздушное судно может принадлежать эксплуатанту на праве собственности, на праве хозяйственного ведения имуществом или на праве оперативного управления имуществом.

Факт государственной регистрации воздушного судна с точки зрения его национальной принадлежности имеют значение с точки зрения налогового законодательства, поскольку формируют объект налогообложения. В частности, воздушные транспортные средства, зарегистрированные в установленном порядке и имеющие национальную принадлежность РФ подлежат налогообложению транспортным налогом в соответствии с положением пункта 1 статьи 358 Налогового кодекса РФ.

Что касается правовой регламентации порядка и правил государственной регистрации государственных воздушных судов, то абзацем 4 пункта 1 статьи 33 ВК РФ предусмотрена реализация порядка регистрации, установленного уполномоченным органом в области обороны по согласованию с уполномоченными органами, имеющими подразделения государственной авиации.

Речь идет о Приказе Министра обороны РФ «Об утверждении Федеральных авиационных правил государственной регистрации государственных воздушных судов» [4], который устанавливает общий порядок государственной регистрации государственных воздушных судов. Упомянутый пункт статьи 33 ВК РФ, так же как и пункт 7, фактически, содержат в отношении порядка и правил государственной регистрации государственных воздушных судов бланкетную норму, отсылающую к Приказу Министра обороны РФ, который, в свою очередь, руководствуется пунктом 1 Указа Президента РФ «О повышении безопасности полетов в Российской Федерации и мерах по совершенствованию деятельности в области авиации» и Постановлением Правительства РФ «О федеральных правилах использования воздушного пространства и федеральных авиационных правилах» [6].

В отношении экспериментальных воздушных судов пункт 3 статьи 33 ВК РФ предусматривает делегирование полномочий по их государственному учету с выдачей соответствующих документов уполномоченному органу в области оборонной промышленности, коим в настоящее время является Министерство промышленности и торговли РФ.

В связи с тем, что предназначенность для полетов является существенным свойством гражданских и государственных воздушных судов при определении правового статуса воздушного судна, воздушное законодательство РФ регламентирует допуск к эксплуатации гражданских и государственных воздушных судов.

Литература

1. Законопроект был разделен на отдельные положения, которые были рассмотрены в качестве самостоятельных законопроектов и в дальнейшем подписаны Президентом РФ законопроект N 47538-6/1 «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», законопроект N 47538-6/2 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, статью 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных», законопроект N 47538-6/3 «О внесении изменений в подраздел 3 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», законопроект N 47538-6/4 «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», законопроект N 47538-6/6 «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации», законопроект N 47538-6/7 «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», законопроект N 47538-6/8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/70156584/>
2. Комментарий: Н.С. Романовская, О.И. Аксаментов
Актуальность: 24.03.2014

3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) //
4. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16 ноября 2012 г. N 1150-6 ГД "О порядке рассмотрения проекта федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 ноября 2012 г. N 48 ст. 6596.
5. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 28 ноября 2002 г. № 460 «Об утверждении Федеральных авиационных правил государственной регистрации государственных воздушных судов» Зарегистрировано в Минюсте РФ 20 марта 2003 г. Регистрационный N 4293 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 19 мая 2003 г. № 20.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 1998 г. № 360 «О федеральных правилах использования воздушного пространства и федеральных авиационных правилах» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 14, ст.1593; 2000, № 17, ст.1875.
7. Федеральный закон от 1 июля 2011 г. N 169-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2011 г. N 27 ст. 3880.
8. Федеральный закон от 14 марта 2009 года №31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 11 ст. 1260
9. Указ Президента РФ от 18 июля 2008 года №1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 21 июля 2008 г. № 29 (часть I) ст. 3482
10. Указ Президента РФ от 29 июля 2014 г. N 539 «Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 4 августа 2014 г. N 31 ст. 4402

МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Сергеева Элеонора Васильевна

Аспирантка, Уральский институт экономики, управления и права, г. Красноуральск

*METHODS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE, APPLY TO THE IMPLEMENTATION OF PURCHASES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS
Eleanor V. Sergeyev, graduate student, Ural Institute of Economics, Management and Law, Krasnoturyinsk*

АННОТАЦИЯ

Осуществление процедур закупок связано не только в реальными процедурами, действиями, направленными на достижение необходимого результата по итогам каждого этапа, но и с неоспоримо сопровождаемой эту деятельность мыслительным процессом. Этот процесс при осуществлении закупок представляется как познавательная деятельность особых субъектов, участвующих в процедурах закупок: заказчика, членов закупочных комиссий, органов, осуществляющих контроль и мониторинг (ст. 96, 97, 99 44-ФЗ). При этом указанные субъекты познавательной деятельности применяют методы научного познания, без применения которых невозможно получить необходимый, установленный законодательством результат и в конечном итоге результат, направленный на удовлетворение государственных и муниципальных нужд.

The high importance of purchases for state and municipal needs is due primarily to their particular target oriented as they are required to meet the needs of both the state and the individual municipality. Needless implementation of these procedures is due not only to the actual procedures, actions aimed at achieving the desired result at the end of each stage, but also with undeniable accompanies this activity thought process. The thought process for the procurement of cognitive activity is presented as special subjects participating in the procurement: the customer, the members of procurement committees, bodies responsible for supervising and monitoring. In this case these subjects cognitive activity apply methods of scientific knowledge, without which it is impossible to obtain the necessary established by the legislation and the result in the end result aimed at meeting state and municipal needs.

Ключевые слова: закупки; методы научного познания; анализ; синтез; наблюдение; моделирование.

Key words: procurement methods of scientific knowledge; analysis; synthesis; monitoring; modeling.

Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по осуществлению закупок для государственных и муниципальных нужд представляет собой сложный процесс, требующий четкого алгоритма дей-

ствий от субъектов данных правоотношений на всех стадиях закупочного процесса. Высокая значимость закупок для государственных и муниципальных нужд обусловлена, прежде всего, их особой целевой направленностью,

поскольку они необходимы для удовлетворения потребностей, как государства, так и отдельно взятого муниципального образования. Посредством административных процедур закупок обеспечиваются государственные и муниципальные нужды. Закупка состоит из двух последовательно связанных этапов: размещение заказа и заключение контракта. Само осуществление указанных процедур связано не только в реальными процедурами, действиями, направленными на достижение необходимого результата по итогам каждого этапа, но и с неоспоримо сопровождаемой эту деятельность мыслительным процессом. Мыслительный процесс при осуществлении закупок представляется как познавательная деятельность особых субъектов, участвующих в процедурах закупок: заказчика, членов закупочных комиссий, органов, осуществляющих контроль и мониторинг (ст. 96, 97, 99 44-ФЗ). При этом указанные субъекты познавательной деятельности применяют методы научного познания, без применения которых невозможно получить необходимый, установленный законодательством результат и в конечном итоге результат, направленный на удовлетворение государственных и муниципальных нужд.

Само понятие метод является универсальным на всех этапах осуществления процедур закупок. Метод (греч. *methodos* - путь, способ исследования, обучения, изложения) - это система правил и приемов подхода к изучению явлений и закономерностей природы, общества и мышления. Один из исследователей эмпирической науки Ф. Бэкон сравнил метод познания с циркулем. Научное познание включает два уровня: эмпирический и теоретический. [4] Мыслительный процесс при осуществлении закупок осуществляется обоим уровням. Это объясняется сложным структурированным процессом процедур закупок. На эмпирическом уровне преобладает живое созерцание, т.е. чувственное познание. Однако факты всегда имеют теоретическую интерпретацию, поэтому существует теоретический уровень познания. Теоретический уровень научного познания характеризуется преобладанием уже рационального метода - понятий, теорий и законов. Эмпирический и теоретический уровни научного познания взаимосвязаны, каждому из них соответствуют свои методы исследования. К числу эмпирико-теоретических методов применяемых при осуществлении процедур закупок можно отнести метод измерения, метод сравнения, обобщения, описания, наблюдения, абстрагирования, анализ, синтез, аналогия, моделирование. Важнейшим компонентом эмпирических методов познания является сравнение, то есть выявление сходства или различия, устанавливаемых в ходе наблюдения или эксперимента свойств исследуемых объектов. Частным случаем сравнения является измерение. Во всех эмпирических процедурах присутствует чувственное восприятие, поэтому эмпирическое знание - это знание о чувственно воспринимаемых объектах и свойствах. Эмпирические знания - необходимая ступень познания, без которой невозможна следующая - теоретическая ступень познания. Так, в соответствии со ст. 22 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44 "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (далее по тексту 44-ФЗ) начальная (максимальная) цена контракта, цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) может определяться и обосновываться заказчиком

посредством метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка). Метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) заключается в установлении начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), на основании информации о рыночных ценах идентичных товаров, работ, услуг, планируемых к закупкам, или при их отсутствии однородных товаров, работ, услуг. При применении метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) информация о ценах товаров, работ, услуг должна быть получена с учетом сопоставимых с условиями планируемой закупки коммерческих и (или) финансовых условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг.

Измерение - процесс определения соотношения измеряемой величины к другой однородной величине, которая принята за единицу. Измерение как метод применяется при определении в соответствии со статьей 32 44-ФЗ при оценке заявок, окончательных предложений участников закупки и критерии этой оценки. Для оценки заявок, окончательных предложений участников закупки заказчик в документации о закупке устанавливает несколько критериев, например, цена контракта; расходы на эксплуатацию и ремонт товаров, использование результатов работ.

Наблюдение - это метод исследования предметов и явлений объективной действительности в том виде, в каком они существуют и происходят в природе и обществе в естественных условиях и являются доступными непосредственному восприятию человека. Наблюдение как метод в рамках процедур закупок осуществляется в частности, в ходе формирования сведений о закупке в целях информационного обеспечения контрактной системы в сфере закупок создается и ведется единая информационная система. Информация, содержащаяся в единой информационной системе, размещается на официальном сайте. Она является общедоступной и предоставляется безвозмездно. В соответствии со статьей 7 44-ФЗ осуществление закупок основано на принципах открытости и прозрачности. В РФ обеспечивается свободный и безвозмездный доступ к информации о контрактной системе в сфере закупок. Открытость и прозрачность информации обеспечиваются, в частности, путем ее размещения в единой информационной системе. Информация, размещенная в единой информационной системе, должна быть полной и достоверной, что позволяет осуществлять наблюдение при необходимости контроля, аудита и мониторинга закупок, в соответствии со ст. 97,96, 103 44-ФЗ.

Описание - это специфический метод получения эмпирико-теоретического знания, сущность которого состоит в систематизации данных, полученных в результате проведения наблюдения, измерения. Описание - один из обычных приемов, применяющихся при ознакомлении с индивидуальными предметами, у которых нельзя найти видовое отличие. Оно должно быть целенаправленным и объективным. Описание как метод широко применяется при проведении процедур закупок для государственных и муниципальных нужд. Статья 33 44-ФЗ установлены правила описания объекта закупки. Заказчик при описании в документации о закупке объекта закупки должен руководствоваться определенными правилами, например: описание объекта закупки должно носить объективный

характер. В описании объекта закупки указываются функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики объекта закупки (при необходимости).

Также при осуществлении закупок применяются логико-теоретические методы исследования, к числу которых относятся анализ, синтез, моделирование, абстрагирование.

Аналогия (греч. *analogia* - соответствие, сходство) - подобие, сходство предметов в каких-либо свойствах, признаках или отношениях, причем таких предметов, которые в целом различны. Применение метода аналогии при осуществлении закупок выражается в частности, при определении начальной (максимальной) цены контракта. Так, в соответствии с п. 13,14,15 статьи 22 44-ФЗ Идентичными товарами, работами, услугами признаются товары, работы, услуги, имеющие одинаковые характерные для них основные признаки. При определении идентичности товаров незначительные различия во внешнем виде таких товаров могут не учитываться. При определении идентичности работ, услуг учитываются характеристики подрядчика, исполнителя, их деловая репутация на рынке.

Абстрагирование (лат. *abstractio* - удаление, отвлечение) [6] - процесс мысленного выделения, вычленения отдельных или общих интересующих нас в данный момент признаков, свойств и отношений конкретного предмета или явления и мысленного отвлечения их от множества других признаков, свойств, связей и отношений этого предмета. Абстрагирование как метод при осуществлении закупок может касаться установления конкретных требований к описанию объекта закупки. Так, в соответствии со ст. 33 44-ФЗ устанавливаются правила описания объекта закупки.

Моделирование применяется тогда, когда по каким-либо причинам трудно или невозможно изучать объект в естественных условиях, или тогда, когда необходимо облегчить процесс целования объекта. Моделирование как метод является одним из самых важных при формировании запросов и определения государственных и муниципальных нужд. На момент формирования нужд, подлежащих удовлетворению необходимо установить ориентировочную потребность тех или иных товарах, в необходимых расходах и т.д. Статья 13 44-ФЗ устанавливает цели осуществления закупок: закупки для обеспечения федеральных нужд, нужд субъектов Российской Федерации и муниципальных нужд. В соответствии со статьей 16 указанного ФЗ планирование закупок осуществляется исходя из определенных целей осуществления закупок посредством формирования, утверждения и ведения планов закупок и планов-графиков.

Анализ (греч. *analysis* - разложение, расчленение, разбор) - логический прием, метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет мысленно или практически расчленяется на составные части (признаки, свойства, отношения), каждый из которых затем исследуется как часть расчлененного целого для того, чтобы выделенные и ходе анализа элементы соединить с помощью другого логического приема в целое, обогащенное новыми знаниями. Так, при формировании в соответствии со статьей 21 44-ФЗ планов-графиков, которые содержат перечень закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд на финансовый год

и которые являются основанием для осуществления закупки. Таким образом, каждый элемент плана-закупки рассматривается отдельно, к каждому устанавливаются определенные требования, в частности к способу определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и обоснование выбора этого способа. Заказчики при осуществлении закупок используют конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) или осуществляют закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Синтез характеризуется, как объединение реальное или мысленное различных сторон, частей предмета в единое целое. Статья 78 44-ФЗ определяет порядок рассмотрения и оценки заявки на участие в запросе котировок, в процессе которого применяется метод синтеза. Котировочная комиссия вскрывает конверты с заявками на участие в запросе котировок и открывает доступ к поданным в форме электронных документов заявкам на участие в запросе котировок вовремя и в месте, которые указаны в извещении о проведении запроса котировок. Таким образом, осуществляется анализ соответствия требованиям каждого заявленного критерия, вся информация синтезируется в единый результат - признание победителя рассматриваемых заявок.

Необходимо отметить, что все перечисленные методы применяются в совокупности, возможно одновременное применение нескольких методов, в частности при составлении конкурсной документации: метод описания, измерения, сравнения. Универсальными методами системы методологического знания при осуществлении процедур закупок для государственных и муниципальных нужд являются общенаучные методы, к числу которых относятся анализ, синтез, аналогия, наблюдение, описание, моделирование. Указанные методы определяют общие направления, принципы регламентации деятельности субъектов, участвующих в осуществлении процедур закупок, определяя, как теоретические, так и практические цели. Сами процедуры осуществления закупок сопровождаются необходимостью обязательного применения методов описания, сравнения, измерения, моделирования.

Безусловно, нельзя загонять себя только в рамки методов познания, но также недопустимо игнорировать их.

Список литературы

1. О федеральной контрактной системе: концепция проекта Федерального закона. // Рос. газ. 2011. № 5556.
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. N 44 "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"
3. Берков В.Ф., Беркова В.Ф. Философия и методология науки: Учеб. пособие. – М., 2004.
4. Суслонов П. Е. История и философия науки: учебник/Е.В. Иванова, В.Б. Куликов, П. Е. Суслонов. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. – с.109
5. Философия в России: философский портал / Рос. Акад. наук. Ин-т философии – Библиотека ИФ РАН: Каталог. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/catalog.html>.
6. Философские ресурсы. – Режим доступа: www.philosophy.ru

7. Философия в России: философский портал / Рос. Акад. наук. Ин-т философии – Библиотека ИФ РАН: Каталог. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/catalog.html>.
8. Халиуллин Т. А. Процедуры принятия управленческих решений при конкурсном размещении государственного заказа на поставку продукции для государственных нужд: Автореферат дис....канд. юр. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНАЛОГО–КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗОВАННОГО ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

**Смоилов Самат Жумагалиевич
Сергеев Сергей Александрович**

Старшие преподаватели, магистры, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей

MODERN CRIME-CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS ORGANIZED EXTORTION

Smoilov Samat Zhumagalievich, Senior lecturer, master, Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey

Sergeev Sergey Alexandrovich, Senior lecturer, master, Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey

АННОТАЦИЯ

Цель – комплексное исследование проблемных криминалистических вопросов, связанных с расследованием организованного вымогательства.

Методы были использованы при написании статьи: сравнение, сопоставление, анализа, синтеза, логико-семантический, исторический и т.д.

Результат отражается в современной криминолого-криминалистической характеристике организованного вымогательства характерной на сегодняшний день для стран СНГ. Вывод: основанием для выделения видовой методики являются следующие позиции: комплексный характер предмета доказывания, однотипность следовых картин, что обуславливает общность закономерностей поисково-познавательных процессов при совершении преступлений.

ABSTRACT

The goal - a comprehensive study of the problem of forensic issues related to the investigation of organized extortion. Methods were used in writing the article: comparison, comparison, analysis, synthesis, logical-semantic, historical, etc.

The result is reflected in modern kriminologo-criminological characteristics of organized extortion characteristic today for the CIS countries. Conclusion: The basis for the allocation of specific techniques are the following: the complex nature of the subject of proof, the same type of trace paintings that causes common patterns of search and cognitive processes in the commission of crimes.

Ключевые слова: вымогательство, криминал, правопорядок, преступление, криминология, криминалистика, преступные группы, латентность.

Keywords: extortion, crime, law and order, crime, criminology, forensics, criminal groups, latency.

К сожалению, как констатирует И.В. Упоров, далекая от реальности картина состояния преступности в том числе, и организованного вымогательства, вытекающая из статистики правоохранительных органов приводит и может привести и в последующем к серьезным последствиям, так как в таких условиях сложно оценить уровень и масштабы такого социального явления [1, с. 298].

Об этом же говорит и Ф.В. Овчинский, который считает представляемую органами правопорядка статистику по преступности не соответствующей действительности.

И по его мнению криминальная ситуация на сегодняшний день еще хуже. Причем «криминальная среда еще больше структурировалась и стала еще более жесткой и опасной для общества» [2, с. 76].

Как показывает анализ проблем связанной с латентными показателями преступности, целым рядом авторов уделяется все большее внимание, где ими указывается, что за официальной статистикой скрывается от 80 до 100% преступлений, фактически имевших место.

В учебнике по криминологии под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунеева, вообще речь идет о том, что латентная преступность превышает зарегистрированную в 3-4

раза. С.М. Иншаков также пишет о значительной латентности организованной преступности [3, с. 132].

Результаты проведенного исследования Э.Д. Чхвиани, свидетельствуют о том, что реально вымогательство совершается в два раза больше, чем представляется официальными статистическими данными.

Все вышеизложенное указывает на степень общественной опасности совершаемых вымогательств, где немаловажное значение имеет установление содержания криминологических детерминант, влияющих, в том числе и на раскрытие и расследование рассматриваемых преступлений.

На сегодняшний день не вызывает сомнений, что в структуре преступности, доля вымогательств ОПГ, является одним из наиболее распространенных способов получения незаконных доходов и средств существования вымогателя.

О значительной общественной опасности вымогательства в настоящее время свидетельствует увеличение числа преступлений, совершаемых организованными группами вымогателей, а также тенденция объединения различных преступных групп.

Однако тревожит не только рост вымогательства, но и то, что при этом преступления, совершаемые группами, все больше приобретают высокоорганизованный характер.

При этом как свидетельствует анализ изученных уголовных дел, правоохранительным органам приходится сталкиваться с хорошо законспирированными группами, а также с такими факторами как консолидация преступников, их вооруженность, проявления насилия и особая жестокость по отношению к жертве.

Как известно, в современных условиях, преступность в целом, и организованное вымогательство в частности, постоянно меняется, и модифицируется, при этом приобретая все более изощренные и опасные не известные ранее формы.

Так, к примеру, как подчеркивают В.П. Илларионов и другие авторы, для сегодняшнего организованного вымогательства, характерно использование угроз о проведении террористических актов либо диверсий. Н.С. Винокурова же в своем исследовании акцентирует внимание на процесс легализации криминального капитала с целью создания значительных финансово-промышленных компаний, чтобы затем можно было предъявлять требования имущественного характера к более «слабой» финансово-промышленной группе. То есть такая созданная компания, используя методы рыночных инструментов, вынуждает подчиняться своим требованиям другим рыночным структурам.

Кроме того, исследователи целого ряда стран обеспокоены проблемой в связи с растущей опасностью, которую создают бандформирования и террористические группы. Речь, прежде всего, идет о вымогательствах с транснациональных компаний для финансирования преступной деятельности террористических групп.

В значительной степени используются сегодня вымогателями и технические средства. Прослеживается их взаимосвязь с компьютерными преступлениями, например, по форме представляющую собой услугу в области обеспечения безопасности информации, принадлежащей той или иной фирме; создание вредоносных программ и внедрение ее через сеть интернет с целью вымогательств у пользователей в последующем денежных средств за антивирусную программу; вымогательства, граничащие с промышленным шпионажем и т.д.

Не секрет, что на данный период организованное вымогательство приобрело и форму рейдерства. Именно захват собственности путем рейдерства стало наиболее характерным фактором для социально-экономической жизни определенной части населения практически всех стран СНГ.

При этом, несмотря на определенные усилия правоохранительных органов по противодействию этому социальному явлению передел собственности не прекращается. И это связано, прежде всего, с тем, что на рынке расстановка сил систематически меняется и это создает благоприятную почву для смены участников рынка, в том числе путем поглощения одних компаний другими.

Собственность может быть изъята у участника рынка незаконными способами с использованием неправых механизмов.

При этом, не исключен и так называемый «государственное рейдерство», когда вовлечены в рейдерский захват представители властных структур, а также контролирующие органы.

И как подтверждают проведенные исследования и мнения ряда других авторов, коренных изменений в данном направлении не наблюдаются. В этой связи Э.Ж. Чхвицiani считает, «... что несоблюдение законодательства об ограничении проверок бизнес структур со стороны правоохранительных и контролирующих органов также является криминогенной детерминантой вымогательства» [4, с. 131].

Следует отметить, что в криминологии, такой тип нередко именуют как «властно-должностной». В этом случае должностные лица нередко осуществляют вымогательство пользуясь своими возможностями по службе и властными полномочиями причем на различных его уровнях и в разных формах (например, рента с бизнеса «спонсорская» помощь, принятие «невыгодного» для предпринимателей законодательства, использование силового давления для внедрения определенной модели наборов, использование пробелов нормативных актов и т.д.).

Немаловажным фактором за последние 15-20 лет, связанный с консолидацией преступных группировок между другими группировками стран СНГ явился приток, как мигрантов, так и вынужденных переселенцев, а также беженцев.

Такие обстоятельства способствовали образованию «своеобразных» районов, где наблюдается иная криминальная обстановка и несколько другие проявления вымогательства. так, «дань» со стороны преступных групп, налагалась на своих же соотечественников, которые трудились на территории другого государства (ярким примером этого явился факт серии вымогательств со стороны казахской группировки, с мигрантов-земляков, осуществляющих свою трудовую деятельность в России).

В последние 10-15 лет стал уже традиционным и такой вид вымогательства как «добровольно-принудительные» взносы для оказания помощи дошкольным и учебным заведениям, это может быть детский сад, школа, ВУЗ, где вносится оплата как «первоначальный взнос», так и систематическая помощь в благотворительной форме для ремонта учебного заведения или иного его материального - технического обеспечения.

Причем нередко руководители министерства образования, зная о подобных криминальных явлениях «закрывают на это глаза» получая за это от руководителей определенные материальные блага.

При получении жалоб от родителей, детей, школьников, студентов, со стороны Министерства образования проводится формальная проверка таких фактов, которые, безусловно, «не подтверждается». То есть со стороны Министерства образования допускается попустительство и обеспечивается покровительство, что создает коррупцию в указанных органах.

К такого же рода набором относятся и вымогательства со стороны отдельных сотрудников медицинского персонала. Так, к примеру, к таким наборам можно отнести случаи, когда вымогаются с пациентов денежные

средства за услуги, которые должны предоставляться им бесплатно.

Изложенные позиции ученых позволяет утверждать, что для КХП немаловажную роль играет именно комплексный к нему подход, где помимо криминологии она должна опираться на признаки преступлений, составляющие основу уголовно-правовой характеристики общественно-опасного деяния.

Литература

1. Упоров И.В. Криминология: Учебник. - Москва: Изд-во Юрист, 2010.
2. Овчинский Ф.В. Органы правопорядка и преступность: Учебное пособие. - Саратов: Изд-во Наука, 2009.
3. Иншаков С.М. Криминология: Учебник. - Казань: Изд-во Прагма, 2004.
4. Чхвимиани Э.Ж. Криминалистика: Учебник. - Воронеж: Изд-во Право, 2007.

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ НАЙМ: НОВЫЙ ВИД ЖИЛИЩНО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Тунгусова Мария Евгеньевна

магистрант ФГБОУ ВПО «Байкальский, государственный университет экономики и права», г. Иркутск

NONPROFIT RENT: A NEW TYPE OF THE AGREEMENT OF RENTAL HOUSING

Tungusova Maria, postgraduate of Baikal State, University of Economics and Law, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные виды договоров найма жилого помещения, а также новый вид жилищного договора – договор некоммерческого найма жилого помещения. Автор проводит анализ действующего законодательства, которое регулирует договоры найма жилого помещения, выявляет особенности договора некоммерческого найма жилого помещения и в заключении делает вывод о перспективах развития некоммерческого найма в России.

ABSTRACT

The article describes the main types of the agreements of rental housing and above all the newest one – the agreement of nonprofit rent. The author analyses the existing legislation concerning the agreement of rental housing, examines features of the agreement of nonprofit rent and in conclusion assesses the prospects of development of nonprofit rent in Russia subsequently.

Ключевые слова: договор найма жилого помещения; некоммерческий найм; жилищное законодательство Российской Федерации.

Key words: the agreement of rental housing; nonprofit rent; the housing legislation of the Russian Federation.

Жилищная проблема в Российской Федерации является одной из наиболее острых. За последние годы в нашей стране существенно сократилось строительство государственного и муниципального жилья, значительное количество граждан сегодня состоит в очереди на улучшение жилищных условий, и, несмотря на то, что в России в последнее время предпринят ряд шагов по решению жилищной проблемы (предусмотрена выдача субсидий на строительство и приобретение жилья, практикуется выпуск жилищных сертификатов, развивается ипотечное кредитование), большинство россиян по-прежнему не имеет возможности приобрести жилье самостоятельно или с помощью привлеченных (заемных) средств. В то же самое время эти граждане, по тем или иным причинам, не могут участвовать в программах, направленных на улучшение жилищных условий населения. Именно поэтому в Российской Федерации не теряют своей актуальности договоры найма жилого помещения.

Договор найма жилого помещения – это договор, по которому одна сторона – собственник жилого помещения или управомоченное им лицо (наймодатель), – обязуется предоставить другой стороне (нанимателю) жилое помещение за плату во владение и пользование для проживания в нем, а наниматель обязуется использовать жилое помещение для проживания [2, с. 192].

Анализ положений ст. 40 Конституции, а также ст. 671-672 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 49-91 Жилищного кодекса Российской Федерации и других нормативных правовых актов позволяет выделить следующие основные формы договоров найма жилого

помещения с целью реализации гражданами Российской Федерации права на жилище в современных условиях:

1. договор социального найма жилого помещения;
2. договор коммерческого найма жилого помещения, а именно: найма жилого помещения, находящегося в государственной или муниципальной собственности жилищного фонда коммерческого использования и договоры коммерческого найма из частного жилищного фонда;
3. договор найма жилого помещения специализированного жилищного фонда.

Социальный наем жилого помещения в настоящее время является основным инструментом государства в решении жилищных проблем самых незащищенных категорий населения. «Плюсы» договора социального найма жилого помещения заключаются в том, что договор имеет бессрочный характер, т.е. наниматель может проживать в предоставляемом жилом помещении сколько угодно. Еще по договору соцнайма наниматель имеет право вселять в жилое помещение других лиц, а также может сдавать предоставленное ему помещение в поднаем. Кроме того, у нанимателя есть возможность приватизировать предоставленное ему жилое помещение, и, тем самым, сделать его своей собственностью. Права нанимателя хорошо защищены ст. 66 и 67 Жилищного кодекса РФ, в частности, при неисполнении наймодателем обязанностей, наниматель вправе потребовать от наймодателя снижения платы за наем или возмещения убытков [1]. Что касается платы за наем, то те, кто занимает жилые помещения по договорам социального

найма, имеют право получать субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг. «Минусом» договора социального найма является тот факт, что получить социальное жилье могут лишь малоимущие категории населения, предоставившие необходимые документы и вставшие на учет. Более того: гражданам для получения социального жилья необходимо отстоять огромную очередь. Что касается специализированных жилых помещений, то они предназначаются для проживания граждан на время работы, службы, обучения, в связи с избранием на выборные должности, либо назначением на государственную должность; временного проживания граждан в связи с капитальным ремонтом или реконструкцией дома; временного проживания граждан в связи с утратой жилого помещения в результате обращения взыскания на него; временного проживания граждан в связи с непригодностью жилого помещения в результате чрезвычайных обстоятельств; проживания граждан, которые отнесены к числу лиц, нуждающихся в социальной защите, с предоставлением им медицинских и социально-бытовых услуг; проживания граждан, признанных вынужденными переселенцами и беженцами; временного проживания граждан, нуждающихся в специальной социальной защите [1]. Однако заселиться в такие жилые помещения граждане могут лишь на некоторое время, более того, ЖК РФ не содержит положений об ответственности нанимателя и наймодателя специализированного жилого помещения, а значит, нет практически никакой защиты прав обеих сторон. Кроме того, наниматель специализированного жилого помещения лишен права обмена и замены жилого помещения, не может сдавать его в поднаем и не вправе вселять в него временных жильцов.

Таким образом, далеко не все граждане, лишенные возможности приобрести жилье, могут получить его по договору социального найма или найма жилого помещения специализированного жилищного фонда. Для тех, кто не попадает под категории населения, для которых предусмотрены вышеперечисленные виды найма, остается коммерческий найм, имеющий, по сути, один недостаток – плата за него гораздо выше, чем по перечисленным выше договорам, а сам договор носит возмездный характер. С другой стороны, очевидным «плюсом» договора коммерческого найма является тот факт, что для его заключения не требуются административные предписания, такие как постановка на учет и признание гражданина малоимущим. Из перечисленных форм договора наибольшее распространение на практике получили договоры коммерческого и социального найма, однако очевидно, что и тот, и другой, не могут решить проблемы всех нуждающихся в улучшении жилищных условий: на социальный найм могут претендовать только малоимущие граждане, коммерческий наем далеко не всем по карману.

Во многом по этой причине Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части законодательного регулирования отношений по найму жилых помещений жилищного фонда социального использования» к данным формам договора найма был добавлен еще один – договор найма жилого помещения в жилищном фонде социального использования или договор некоммерческого найма [4].

Что отличает договор некоммерческого найма от других форм жилищно-правовых договоров?

Начнем с того, что Федеральный закон № 217-ФЗ от 21 июля 2014 г. ввел понятие наемного дома – под ним

подразумевается здание (или все помещения в здании), которые принадлежат одному собственнику и предназначаются для предоставления гражданам по договорам найма жилых помещений. По закону в некоммерческий наем должны сдаваться не менее 50% помещений в наемном доме, остальные сдаются по коммерческому найму. По договору некоммерческого найма жилое помещение в наемном доме социального использования предоставляется гражданину, который признан нуждающимся в жилом помещении по основаниям, предусмотренным ЖК РФ или другими нормативными актами; при этом его доход и доход членов его семьи, а также стоимость подлежащего налогообложению имущества, согласно ст. 91.2 ЖК РФ, не должны превышать определенные значения, которые будет устанавливать индивидуально каждый субъект РФ [1]. Уровень благосостояния, который позволит человеку претендовать на квартиру в наемном доме, региональные власти будут устанавливать исходя из простого принципа: доход гражданина не должен позволять ему и членам его семьи приобрести жилье в собственность за счет собственных средств, кредита или займа, причем определяться это будет исходя из цен на квартиры на территории муниципального образования, где он проживает. Не смогут получить жилье на основании некоммерческого найма иностранные граждане и граждане, признанные или имеющие основания быть признанными малоимущими – для них предусмотрен социальный наем [5]. Тем не менее, предусматривается, что готовые отказаться от своей очереди на социальное жилье граждане могут быть заселены в жилые помещения по некоммерческому найму.

В отличие от соцнайма, жилые помещения в домах некоммерческого использования не будут подлежать приватизации. Договор некоммерческого найма заключается на срок от 1 года до 10 лет с преимущественным правом нанимателя на его продление. В некоммерческий наем не может быть сдана часть квартиры (комната), что исключает возможность формирования на подобных условиях коммунальных квартир. По истечении срока договора наниматель имеет право продлить его на новый срок, кроме случаев, когда он перестал соответствовать критериям нуждаемости в жилье. Однако если другие граждане на данное жилье не претендуют, то договор может быть продлен, но не более чем на год [1]. Наниматель не сможет передавать жилье в рамках некоммерческого найма в поднаем, по договору безвозмездного пользования, обменивать его. Содержание и текущий ремонт жилого помещения возложены на наймодателя [1]. При этом плата за наем не будет символической, как в договоре социального найма, а будет полностью компенсировать все издержки бюджета, учитывая и затраты на строительство. Менять размер платы можно не чаще, чем раз в три года, а максимальный размер ее должен быть больше, чем квартплата за жилье по социальному найму (устанавливают ее предел регионы), но значительно меньше, чем по коммерческому найму. Договор некоммерческого найма можно будет расторгнуть двумя путями: по соглашению сторон или по инициативе одной из них. Так, наниматель при желании прекратить действие договора должен направить наймодателю письменное уведомление об этом не позднее, чем за три месяца до даты расторжения договора, при этом потребуются согласие всех постоянно проживающих с ним членов семьи. Наймодатель также может требовать расторжения договора, но только в судебном порядке, если наниматель не внес или не полностью внес квартплату более чем шесть раз в течение 12

месяцев или имеет задолженность более трех среднемесячных размеров квартплаты за 12 месяцев; наниматель использовал жилое помещения не по назначению; наниматель или другие граждане, за действия которых он отвечает, разрушили или повредили жилье, систематически нарушали права и законные интересы соседей или использовали жилое помещение не по назначению. В случае расторжения договора наниматель и его родственники подлежат выселению без предоставления им другого жилого помещения [1], в отличие от договора социального найма.

Договор найма жилого помещения в жилищном фонде социального использования, таким образом, занимает промежуточное место между коммерческим и социальным наймом. Жилищный фонд социального использования также находится между жилищными фондами социального и коммерческого использования: он призван решать жилищные проблемы населения, не попадающие в категории, которые обеспечиваются социальным жильем, и при этом не предназначен для извлечения прибыли, в отличие от коммерческого фонда. Получить жилье в фонде социального использования смогут граждане, признанные нуждающимися и не являющиеся малоимущими. В перспективе некоммерческий найм, по мнению некоторых экспертов, должен решить проблему улучшения жилищных условий молодых семей, перспективных и квалифицированных специалистов и их работодателей, а также простых людей чуть ниже среднего достатка, которую на данный момент не способны решить ни социальный, ни коммерческий наем. С их точки зрения, с помощью некоммерческого найма удастся обеспечить жильем треть россиян и снизить рыночные цены [3]. Тем не менее, многие эксперты, инвесторы и застройщики считают, что реализовать проект не получится в силу его убыточности: строительство наемных домов, несмотря на предполагаемые меры господдержки и налоговые льготы, – дело крайне неприбыльное по причине долгого срока окупаемости и низкой рентабельности. Подавляющее большинство граждан, согласно опросам, относится к перспективам некоммерческого найма скептически ввиду потенциально возможных коррупционных проявлений [5]. На сегодняшний день можно лишь заключить, что желающих поселиться в недорогих съемных квартирах будет очень много, а строить их будут крайне мало. Более того, в связи

с высокими издержками на строительство застройщики наверняка будут пытаться сэкономить на всем, и, как следствие, станут возводить наемные дома не самого лучшего качества. Не исключено, что в одних регионах некоммерческий найм станет действительно успешным и поможет решить жилищную проблему молодых семей, бюджетников и мобильных трудовых ресурсов, а в других этот проект окажется нежизнеспособным ввиду отсутствия интереса у застройщиков и недостаточного финансирования со стороны властей. Поэтому до тех пор, пока не будут получены и проанализированы результаты из всех регионов, в которых на сегодняшний день уже запущена реализация программы некоммерческого найма, невозможно со стопроцентной уверенностью утверждать, что некоммерческий найм в ближайшей перспективе сможет решить насущную проблему по обеспечению всех желающих недорогим жильем.

Список литературы

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ [Электронный ресурс]: ред. от 21.07.2014 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // СПС «Гарант» (дата обращения: 24.03.2015).
2. Кавелина Н. Ю. Договоры по предоставлению имущества в пользование: Учебное пособие / Н. Ю. Кавелина. – М.: Издательство Юрлитинформ, 2009. – 288 с.
3. Российская газета: Некоммерческий найм спровоцирует снижение цен на рынке недвижимости [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2014/09/05/jilye.html> (дата обращения: 24.03.2015).
4. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части законодательного регулирования отношений по найму жилых помещений жилищного фонда социального использования» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2015).
5. Филимонов А. Некоммерческий наем жилья: главные моменты [Электронный ресурс] / А. Филимонов // СПС «Гарант» (дата обращения: 24.03.2015).

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Воскресенская Елена Владимировна

д.ю.н., доцент, профессор кафедры, гражданского и международного частного права, АОУ ВПО Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург

PROBLEMS OF CIVIL LIABILITY FOR HARM CAUSED BY LAWFUL ACTIONS

Voskresenskaya Elena, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, civil and private international law, Pushkin Leningrad State University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основания гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный правомерными действиями, проблемы компенсации вреда, место обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, правомерные действия, безвиновная ответственность.

ABSTRACT

The article discusses the rationale of civil liability for damage caused by lawful actions, problems redress the harm place obligations owing to injury legal actions.

Keywords: civil liability, legal actions, liability without fault.

С 1 марта 2013 г., за исключением отдельных положений, вступил в силу Федеральный закон от 30.12.12 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 302-ФЗ)[1] В соответствии со ст. 16.1 ГК РФ (в ред. Закона № 302-ФЗ), в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации.

В чем новизна приведенной нормы. Если ранее и сейчас действующая ст.16 ГК РФ предусматривает возмещение убытков, причиненных только незаконными действиями (бездействиями) государственных органов и органов местного самоуправления, то Закон № 302 – ФЗ дополняет ГК РФ новой статьей 16.1, предусматривающей компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. При этом в соответствии с данной статьей ответственность несут не только указанные органы, но и должностные лица этих органов, а также иные лица, которым государством делегированы властные полномочия. Таким образом, ущерб должен быть компенсирован как от неправомερных, так и от правомерных действий публичной власти. Возмещение ущерба, причиненного правомерными действиями публичной власти, явление новое, но не революционное.

Один из таких примеров возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, приведен в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [3]. Пленум ВС РФ отметил, что с учетом положений пункта 3 статьи 1064 ГК РФ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» допускает ответственность за вред, причиненный правомерными действиями (пункт 3 статьи 1064 ГК РФ).

Если ст. 16 ГК РФ предусматривает возмещение убытков, причиненных только незаконными действиями (бездействиями) государственных органов и органов местного самоуправления, то ст. 16.1 ГК РФ говорит уже не о возмещении убытков, а о компенсации ущерба. Ответственность по ст. 16.1 ГК РФ (компенсация реального ущерба) значительно уже ответственности по ст. 16 ГК РФ (возмещение убытков), поскольку возмещение убытков предполагает не только компенсацию реального ущерба, но и возмещение упущенной выгоды. Такое положение вполне справедливо и обусловлено тем, что по ст. 16.1 ГК РФ компенсируется ущерб, причиненный правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, а по ст. 16 ГК РФ возмещаются убытки, причиненные незаконными действиями государственных органов и органов местного самоуправления.

ГК по ст. 16.1 ГК РФ связана с так называемым внедоговорным вредом и носит характер деликтной ответственности, поэтому при ее взыскании следует руководствоваться нормами гражданско-правового института «Обязательства вследствие причинения вреда». В силу ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. На последнее обстоятельство надо обратить особое внимание, поскольку в ст. 16.1 ГК РФ речь идет о безвиновной компенсации ущерба. По общему правилу вина в гражданском праве – необходимый элемент состава гражданского правонарушения, обуславливающий применение гражданско-правовой ответственности. Ответственность, наступающая независимо от вины правонарушителя (объективная ответственность) составляет исключение и применяется только в прямо установленных законом случаях. Следовательно, случаи безвиновной ответственности по ст. 16.1 ГК РФ должны быть специально оговорены в законе.

Сущность статьи 16.1 ГК РФ состоит в том, что возмещение вреда, причиненного правомерными действиями, носит компенсационный характер. В действиях органов государственной власти отсутствует вина, так как правомерность этих действий закреплена в определенных нормативных правовых актах. Примером соответствующего акта является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2], в ч. 2 ст. 18 которого предусмотрено, что возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством РФ в порядке, установленном Правительством РФ.

Статья 16.1 ГК РФ предусматривает возможность компенсации ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина, а также имуществу организации, правомерными действиями государственных или муниципальных органов, их должностных лиц или иных лиц, обладающих государственно-властными полномочиями. Ранее российское законодательство практически не предусматривало возможности компенсации ущерба, нанесенного органами публичной власти или их должностными лицами в результате совершения ими правомерных действий. Круг органов, относящихся к государственным или муниципальным, а также перечень лиц, обладающих государственно-властными полномочиями, исчерпывающим образом не определен.

При решении вопроса о возложении ответственности по ст. 16.1 ГК РФ будут оцениваться два ключевых момента: характер действий, причинивших вред (были ли они правомерными), и существование правовой нормы, непосредственно закрепляющей ответственность за вред, причиненный этими действиями. Самостоятельно ст. 16.1 ГК РФ применяться не может, что следует из ее толкования. Но сам факт закрепления в законодательстве подобной нормы свидетельствует об утверждении принципа

равенства участников правовых отношений, возникающих вследствие причинения ущерба личности или имуществу. Целью ст. 16.1 ГК РФ является предотвращение в будущем причинения вреда со стороны властных органов и их должностных лиц, содействие укреплению законности, правопорядка и повышению эффективности осуществления властно-распорядительной деятельности.

Правовое регулирование компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, является весьма актуальным в настоящее время, так как часто сталкиваются частные и государственные интересы. Чтобы данное нововведение работало на практике, необходимо наличие нескольких условий. Во-первых, в иных законах, на которые ссылается данная норма, должны быть закреплены случаи и порядок возмещения такого ущерба. Во-вторых, должен существовать реально функционирующий механизм привлечения публично-правовых образований к ответственности в рассматриваемой ситуации. Только при наличии этих условий будет возможна компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, что, безусловно, окажет положительное влияние на всех участников гражданских правоотношений, в том числе и на деловое сообщество.

Итак, подведем итог проведенному исследованию:

1. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями представляют собой самостоятельный субинститут гражданского права. Совершение правомерного действия является самостоятельным основанием, исключающим наступление ретроспективной гражданско-правовой ответственности, и ограничивается от общих оснований (случая, непреодолимой силы, умысла потерпевшего), исключающих гражданско-правовую ответственность.

Это связано с тем, что причинение вреда правомерными действиями носит осознанный, целенаправленный характер в отличие от случая и непреодолимой силы, которые не зависят от воли причинителя вреда. Кроме того, причинение вреда правомерными действиями ограничивается от умысла потерпевшего, поскольку такое основание предполагает желание самого потерпевшего, чтобы ему был причинен вред. Тогда как вред, причиненный правомерными действиями, носит чрезвычайный характер и, как правило, причиняется лицу, не предполагавшему, что ему может быть причинен вред.

Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями ограничиваются от деликтных обязательств, поскольку в их основе лежит не правонарушение, а правомерное деяние.

2. Для правового регулирования обязательств вследствие причинения вреда правомерными действиями методологическое значение имеет категория правомерности причинения вреда. Правомерность причинения вреда – допустимость законом осуществления, определенных им социально полезных, общественно необходимых, чрезвычайных, незамедлительных осознанных действий, содержанием которых выступает реализация субъективного права, исполнение обязанности либо осуществление социально терпимых действий.

3. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит компенсации в случаях, установленных законом, только в части реального вреда, при этом моральный вред и упущенная выгода не подлежат компенсации. Возложение на причинителя вреда правомерными действиями обязанности по компенсации упущенной выгоды и морального вреда означало бы фактическое приравнивание причинения вреда правомерными действиями к причинению вреда противоправными действиями, что не соответствовало бы принципам справедливости и гуманизма в праве.
4. В обязательствах вследствие причинения вреда правомерными действиями неприменима презумпция вины, поскольку действия причинителя вреда являются социально полезными или социально терпимыми, при этом вред причиняется, как правило, менее ценному благу для спасения более ценного или для защиты собственных интересов или третьих лиц. То есть причинитель вреда не желает наступления негативных последствий, а желает наступления социально полезного результата.
5. Требуется разработать межотраслевой перечень правомерных действий, причиняющих вред. Такой перечень необходим, поскольку в гражданском праве действует принцип генерального деликта, согласно которому любой вред признается противоправным и должен быть возмещен. Однако причинитель вреда вправе доказать правомерность своих действий.

Данный перечень должен быть построен на принципах справедливости и равноправного распределения имущественных потерь.

Перечень правомерных действий должен быть подразделен на две группы:

- правомерные действия, причиняющие вред, но не влекущие компенсацию вреда: необходимая оборона; задержание лица, совершившего преступление; исполнение приказа, распоряжения; причинение вреда вследствие психического или физического принуждения; согласие потерпевшего;
- правомерные действия, причиняющие вред и влекущие его компенсацию: крайняя необходимость; общая авария; обоснованный риск; причинение вреда, при пресечении террористического акта; реквизиция.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.12 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 302-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). ст. 7627.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. 31.12.2014 г.) // Собрание законодательства РФ", 13.03.2006, N 11, ст. 1146.
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Алимова Сауле Бисембаевна

кандидат филос. наук, доцент, Карагандинский Государственный Университет, г. Караганда

IDEOLOGICAL DISCOURSE OF THE CYBERSPACE

Alimova Saule Bisembayevna, Candidate of Science, assistant professor of Karaganda State University, Karaganda

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ особенностей новых идеологических систем киберпространства. По мнению автора, киберпространство активизирует идеологическую полемику в информационном обществе, особенно по вопросам свободы слова, интеллектуальной собственности, авторских прав и демократических институтов.

ABSTRACT

The goal of the paper is the analysis of the specifics of the new ideological systems of cyberspace. In the author's opinion, cyberspace intensifies ideological discussions in the information society, especially on the topics of the freedom of speech, copyright, intellectual property and democratic institutions.

Ключевые слова: идеологический дискурс; идеологические системы; киберпространство; киберанархизм; киберпанк; сетевой либертариизм; хакер; интеллектуальная собственность.

Keywords: ideological discourse; ideological systems; cyberspace; cyber anarchism; cyberpunk; net libertarianism; hacker; intellectual property.

XX век, политической доминантой которого было противостояние идеологий, продемонстрировал насколько мощно духовно-идеологические ориентации, обладающие огромной мобилизующей и консолидирующей силой, формируют политическую организацию различных обществ и общемировой порядок. Но окончание эпохи противостояния двух радикально противоположных идеологических систем, складывание новой политической архитектуры мира не перевели проблему идеологии в разряд второстепенных. Напротив, на истоке XXI века активизировались новые идеологические системы, и соответственно была поставлена проблема выявления их эвристического потенциала, и осмысления роли идеологии как одного из важнейших механизмов сознательного переустройства общества и инструмента политических инноваций. Очевидно, что конструирующая роль идеологии особенно остро проявляется в периоды кризисов и кардинальных социальных перемен, так как политические идеологии «выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и поэтому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии» [5, с.131].

Идеологическое конструирование получило «второе дыхание» также благодаря неограниченным возможностям научно-технического прогресса, информационной революции и компьютерных технологий. На рубеже веков началась активная экспансия идеологий в киберпространство. Во-первых, к новым реалиям Глобальной сети Интернет адаптировались классические идеологии, имеющие продолжительную историю «в реале» - либерализм, либертарианство, анархизм и др. Во-вторых, в киберпространстве стали активно формироваться новые идеологи-

ческие системы, такие как хакерство, киберанархизм и киберпанк. Очевидно, что киберпространство, обладая уникальными атрибутами и законами, актуализирует конструирование новых идеологических форм.

Пионерами идеологического конструирования в киберпространстве были хакеры. Следует отметить, что в обыденном сознании присутствуют упрощенные, одномерные и искаженные представления о хакерах как «взломщиках» компьютерных сетей и соответственно неадекватное понимание их идеологии и оригинальной субкультуры. Это далеко не так. Хакеры были первопроходцами компьютерных технологий и сети Интернет. В период зарождения хакерского движения – 60-70-е гг. XX в. – доступ к компьютерным технологиям был очень ограничен. Поэтому хакеры изначально и с большим на то основанием позиционировали себя как интеллектуальную элиту Глобальной сети. Этический кодекс идеологии классического хакерства можно тезисно свести к трем основным принципам:

- главной целью и смыслом деятельности хакерского сообщества является развитие знания как высшей ценности;
- для развития знаний необходим свободный обмен информацией;
- при вторжении в систему необходимо избегать нанесения ущерба [4].

Базовые ценности субкультуры хакеров были сформулированы в программном документе движения – «Манифесте хакера» (1986 г.), автором которого является Л. Блэнкеншип, известный в сетевом сообществе как «Наставник» (The Mentor). В «Манифесте хакера» декларировались такие ценности хакерской субкультуры, как:

- превосходство знаний и нестандартного образа мышления;

- взаимоуважение в хакерском сообществе, независимо от расовой, классовой, национальной, религиозной и пр. принадлежности его членов;
- ничем и никем не ограниченная свобода обмена информацией;
- исследования, основанные не на коммерческом расчете, а на чистом любопытстве [4].

Таким образом, изначально идеология классического хакерства была своеобразной формой протеста, направленной против приватизации и коммерциализации информации, содержащейся в Глобальной сети. Но в своей первоначальной форме хакерство существовало недолго. Раскол хакерского сообщества и отход от первоначального этического кодекса способствовали возникновению внутреннего диссидентства, а затем его сращиванию с криминальными структурами, сотрудничеству с ведущими коммерческими производителями программного обеспечения и с государственными органами. Причины утраты органической связи с постулатами первых идеологов хакерства во многом объясняется нежеланием признавать того очевидного факта, что создание и функционирование Глобальной сети требует огромных финансовых затрат.

Тем не менее, следует признать, что базовые ценности первоначальной субкультуры хакерства не только сохранили свое влияние до сих пор, но и оказали влияние на формирование других идеологий киберпространства. Пожалуй, наиболее значительной среди них является киберпанк. Концентрированное выражение идеологии этого движения нашла в «Манифесте киберпанка» К. Кирчева [3]. Ключевой идеей этого программного документа является постулирование и отстаивание автономии киберпространства. Агрессивным антагонистом, препятствующим реализации этого важнейшего постулата киберпанка, является «Система», под собирательным образом которой имеется в виду конгломерат государств и их институтов, корпораций, законов, буржуазного стиля жизни, идеологии и т.д. По мнению идеолога киберпанка, киберпространство является самодостаточной и самоорганизующейся средой, которая может и должна управляться самостоятельно, без вмешательства государства и соответственно его устаревших форм, методов и технологий управления. К. Кирчев констатирует: «Система с многовековым прошлым, существующая на принципах, которым нет места в сегодняшнем мире. Система, которая практически не изменилась со времени своего появления... Новые поколения веками воспитывались в духе своих прародителей. Идеалом считается то, чему следует большинство. Индивидуальность забыта. Люди думают одинаково, используя клише, заученные с самого детства» [3].

Как и идеологи хакерства К. Кирчев продвигал идею неограниченной свободы слова и информации. Он подчеркивает: «Мы боремся за свободу информации. Мы боремся за свободу слова и печати. За свободу выражать наши мысли, не опасаясь преследования Системы. Даже в самых цивилизованных и демократических странах Система распространяет дезинформацию» [3].

В то же время следует признать, что ведущий идеолог киберпанка не предлагает достаточно действенных средств достижения реальной свободы слова и информации. Собственно, конструктивными (конечно, исходя из постулатов идеологии киберпанка) можно признать два положения. Первое – игнорирование интеллектуальной

собственности. К. Кирчев в этой связи заявляет: «Всё, что принадлежит нам, принадлежит и вам. Всё, что принадлежит вам, принадлежит и нам. Каждый может использовать информацию. Ограничений не существует» [3]. Второе – защита персональной информации средствами современной криптографии. Основной целью движения киберпанков является установление контроля над технологией. К. Кирчев убежден, что «в нынешние времена, когда всё зависит от технологии, если ты не контролируешь её, она будет контролировать тебя» [3].

В идеологии киберпанка заложены экстремистские начала и очевидные логические противоречия. С одной стороны, активно постулируются ценности крайнего индивидуализма, с другой – скептическое отношение к человеческой природе. Это проявляется в утверждении К. Кирчева: «... плохое идет от человека, а хорошее идет от технологии» [3]. С одной стороны, гордыня одиночек, обладающих высоким профессионализмом, с другой – утверждение о возможности консолидироваться, чтобы совместными действиями изменить Систему и навязать остальной части общества свои правила, принципы и нормы.

К. Кирчев констатировал: «сеть – это колыбель анархии» [3]. Действительно, по многим своим программным положениям киберпанк пересекается с киберанархизмом. Эта идеология, как и классический анархизм «в реале», основывается на идеях неприятия государства и защиты принципиального равенства людей. В идеологии киберанархизма эти фундаментальные идеи получили развитие, адекватное природе киберпространства. Утверждается, что технические параметры киберпространства позволяют пользователям активно объединяться и эффективно самоуправляться. С помощью многочисленных сайтов, форумов, блогов, чатов и т.д. возможно обсуждение гражданами (пользователями) всех остро актуальных вопросов социальной и политической организации и, что принципиально важно, достижение в ходе такого обсуждения консенсуса. «Самоуправление без монархов и диктаторов», по мнению идеологов киберанархизма, откроет новую эру не только свободной самоактуализации личности (пользователя), но и придаст особый динамизм, насыщенность и значимость политическому творчеству («энергия масс») в киберпространстве.

Широкое распространение в киберпространстве получила идеология сетевого либертарианства. Ключевой, базовой ценностью этой идеологии является идея максимального ограничения вмешательства государства в процесс циркуляции информационных потоков. Как и любое идеологическое течение сетевое либертарианство позиционировало свои ценностные установки в программном документе – «Декларации независимости киберпространства» (1996 г.). Автором этого символического манифеста был Джон Питер Барлоу, легендарная личность киберпространства. В этом культовом документе провозглашается новое кредо мыслящих и создающих личностей в киберпространстве: «Мы устанавливаем свой собственный Общественный Договор... Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания. Пусть она будет более человечной и честной, чем мир, который создали до того ваши правительства» [1]. Следует отметить, что Декларация была обнародована как протестная реакция на принятие в США «Акта о реформе телекоммуникаций», который предусматривал ответствен-

ность за некорректные и нецензурные выражения в Интернете. Этот законодательный акт был первой попыткой государства взять под контроль Интернет, ограничить анархию и произвол киберпространства. Остро критическая нацеленность Декларации проявляется в позиционировании автономии киберпространства от государства и форм его принуждения. Дж. Барлоу пишет: «Ваши правовые концепции собственности, выражения, индивидуальности, перемещения неприменимы к нам. Они базируются на материальности, но здесь нет материальности. Наши индивидуальности не телесны, так как в отличие от вас, мы не можем добиваться порядка через физическое принуждение» [1].

Как альтернативу действующему «в реале» политическому порядку Дж. Барлоу выдвигает концепцию киберпространственного самоуправления. Он декларирует: «Мы создаем мир, в который все могут вступать без привилегий или предубеждений, порожденных расовыми различиями, экономической властью, военной силой или местом рождения ... Мы верим, что наше управление будет возникать из этики, просвещенного личного интереса и всеобщего блага» [1].

Как и лидеры других киберпространственных идеологий – киберпанка, киберанархизма, хакерства – Дж. Барлоу декларирует идею свободы информации. Развитие компьютерных технологий и Глобальной сети Интернет актуализировало проблему авторских прав и интеллектуальной собственности в киберпространстве. Стало очевидно, что простота копирования цифровой информации открывает невиданные возможности для плагиата и бесконтрольного использования чужих идей, программ, технологий. Отследить все возможные случаи нарушения авторских прав и интеллектуальной собственности практически невозможно.

Таким образом, ключевые идеи и принципы сетевого либертарианства можно свести к следующим:

- индивидуализм, позиционирующий человека как нематериальный объект;
- свобода слова и продвижения информации;
- отрицание прав на интеллектуальную собственность;
- технологический детерминизм;
- самоуправление, основывающееся не на правовых, а на этических нормах.

Программные положения сетевого либертарианства подверглись жесткой критике, прежде всего с позиций т.н. «калифорнийской идеологии». Отмечалась ограниченность, и даже утопичность проекта сетевого либертарианства, идеологи которого считали возможным достижение высокого уровня процветания общества главным образом за счет технической эволюции.

Актуализация идеологического конструирования в киберпространстве придало «второе дыхание» классической идеологии либерализма, представители которой выступили как антагонисты хакеров, киберпанков, киберанархистов. Именно они смогли авторитетно продвигать идею защиты частной собственности, в т.ч. интеллектуальной. При этом они не отходили и, более того, принципиально отстаивали классические постулаты либерализма – индивидуализм, самоценность личности и равенство всех людей - как самоочевидную истину. Они отмечали, что, если люди являются равными «в реале», то такими же

равными они должны признаваться и в киберпространстве, где также должны действовать и уважаться права частной собственности, инициативы и предпринимательства. Поэтому Окинавская хартия глобального информационного общества (2000 г.) утвердила в качестве ведущих, адекватных требованиям современной эпохи, основные принципы идеологии либерализма: «все люди повсеместно, без исключения должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества» [6]. Признавая и учитывая эти реалии современного мира, ООН провозгласила доступ к Интернету одним из базовых прав человека [7].

Идеологи сетевого либерализма в соответствии с базовыми ценностными установками своей классической доктрины не поддерживали идею полной анархии в киберпространстве. Они считали целесообразным и разумным формирование и функционирование Глобальной сети Интернет при активном участии и поддержке государства и соответственно его контроле над on-line-коммуникациями.

Принципиальную позицию занимали идеологи сетевого либерализма и в вопросе о защите интеллектуальной собственности и авторских прав. По их мнению, признание прав человека на частную собственность, предполагает автоматически признание его прав на интеллектуальную собственность. Соответственно киберпространство должно быть зоной действия этих общих правил. Нет принципиальной разницы между воровством физических и виртуальных объектов собственности.

Сетевой либерализм, успешно адаптировавшийся к законам и правилам киберпространства, тем не менее, смог сохранить и даже развить ключевые и базовые ценности своей классической парадигмы. Об этом в частности свидетельствуют результативность движения за защиту интеллектуальной собственности и снижение доли нелегальных программ. Мировая экономическая система в целом справляется с издержками на оплату интеллектуальной собственности. Вероятно, исследовательские выводы И. Валлерстайна [2, с.322-324] о том, что, несмотря на активизацию идеологического конструирования и структурный кризис западного общества, либерализм является единственной идеологией, на основании которой существует современная мир-экономика, заслуживают более внимательного прочтения и осмысления.

Положения, высказанные нами в рамках статьи, дают основания для следующей констатации. В настоящее время и, особенно в перспективе, киберпространство окажет чрезвычайно значимое, а по ряду параметров определяющее влияние на характер, динамику и особенности идеологического конструирования. Представляется закономерным, что идеология в процессе своей неизбежной трансформации и модернизации в соответствии с логикой развития современного общества будет перемещаться в сферы, далекие от своего обычного, традиционного понимания. И в то же время следует проявлять осторожность при прогнозировании эвристического и прагматического потенциала новых идеологий в киберпространстве, принимая во внимание структурную перестройку современного мира и активизацию мирового политического андеграунда.

Список литературы

1. Барлоу Дж. П. Декларация независимости Киберпространства – режим доступа к изд.: //http://www.dnn.ru/news/201320.php
2. Валлерстайн И. После либерализма. Пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 327 с.
3. Кирчев К. Манифест киберпанка – режим доступа к изд.: // http://www.guelman.ru/slava/manifest/istochniki/kiberpank.htm
4. Манифест хакера - режим доступа к изд.: <http://hpc.name/thread/1854/p1.html>
5. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна //Полис. - 1992. - № 1. - С.130-142.
6. Окинавская хартия глобального информационного общества. Программа Юнеско «Информация для всех» - режим доступа к изд.: - // http://www.mcbs.ru/documents/1/39/
7. Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие – режим доступа к изд.: - http://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/d_res_dec/A_HRC_20_L13.pdf

КОММУНИКАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Байкова Ирина Александровна

ведущий специалист-эксперт управления Роскомнадзора по Северо-Западному федеральному округу, кандидат политических наук, г. Санкт-Петербург

COMMUNICATION INTERACTION BETWEEN THE EXECUTIVE AUTHORITIES AND THE MEDIA IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Baikova Irina, leading specialist-expert of the Department of Roscomnadzor on the North-West Federal district, candidate of political Sciences

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы коммуникационного взаимодействия органов исполнительной власти и средств массовой информации. На примере коммуникационной деятельности территориальных управлений Роскомнадзора выявлены основные форматы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти со СМИ и общественностью. Дается оценка эффективности политической коммуникации указанных структур и СМИ.

ABSTRACT

The article analyses problems of communication of the executive authorities and the media. For example, the communications activities of the territorial directorates of Roscom identified the basic formats of interaction of federal bodies of executive power with the media and the public. Assesses the effectiveness of political communication of these bodies and the media.

Ключевые слова: коммуникационное взаимодействие; органы исполнительной власти; Роскомнадзор; средства массовой информации.

Keywords: communication interactions; the executive authorities; Roscomnadzor; the media.

В современном мире развитой медиасферы роль коммуникаций в системе государственного управления неуклонно возрастает и становится всё более значимой. Известно, что присутствие органа государственной власти в информационном пространстве, его «медиатизация», обуславливает и подтверждает легитимность системы государственного управления. Поэтому органы государственной власти «вынуждены» своевременно и в должном объёме информировать население о своей деятельности. Кроме этого, постоянное присутствие власти в медиапространстве способствует реализации собственных целей через получение общественной поддержки. А для этого власти необходим диалог с обществом. Обеспечивать такой диалог помогают средства массовой информации.

В связи с интенсивным развитием информационного общества органы государственной власти в настоящее время претерпевают изменения. При этом существует проблема коммуникации органов государственного управления с главными участниками политической

коммуникации, соответствующей основным направлениям развития современного гражданского общества. К ним, в частности, относятся средства массовой информации, которые освещают деятельность государственных структур на профессиональной основе и предоставляют обществу социально-значимую информацию. В этом вопросе, между тем, следует отметить порой противоречивый и конфликтный характер взаимодействия СМИ и власти, которому во многом способствует различная направленность деятельности этих институтов и наличие у них разнообразных интересов [1].

Главной проблемой во взаимодействии власти и общества является получение информации о деятельности органов власти. Коммуникационная составляющая политической действительности в связи с развитием современных информационных технологий усложняется, но анализ механизмов политической коммуникации федеральных органов исполнительной власти показывает их традиционный и консервативный характер, низкую интенсивность использования инструментов публичной коммуникации, что, конечно, ограничивает диалоговый

режим власти и общества. Ввиду того, что российское общество традиционно с недоверием относится к властным структурам, существует недостаточность своевременной, объективной информации, исходящей от самих органов власти, отсутствует уверенность в том, что структуры власти, должностные лица работают в интересах общества, возникает недоверие большинства граждан к государственной власти. Притом, что эффективность деятельности государственных структур находится в непосредственной зависимости от степени вовлечения общества в процессы принятия политических решений, постоянного взаимодействия с различными участниками общественно-политического процесса.

К числу основных факторов, влияющих определяющим образом на интенсивность и качество политического взаимодействия, относятся:

- открытие более широкого доступа общества к процессу принятия решений;
- расширение институциональных возможностей для вовлечения общества в процесс государственного управления;
- замещение традиционных видов иерархического управления на более интерактивные формы взаимодействия [4].

Представляется целесообразным на примере коммуникационной деятельности территориальных управлений Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций определить особенности политической коммуникации в федеральных органах исполнительной власти РФ, а также оценить эффективность политической коммуникации в данной федеральной структуре. Особое внимание при этом следует уделить взаимоотношениям со СМИ, поскольку данный общественный институт можно рассматривать и как канал распространения информации о деятельности надзорного органа, и как целевую аудиторию данной федеральной службы.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) является федеральным органом исполнительной власти, она находится в ведении Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и осуществляет функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства Российской Федерации в следующих сферах:

- 1) средств массовой информации и массовых коммуникаций, телевизионного вещания и радиовещания;
- 2) связи (от почтовой связи до спутниковой);
- 3) информационных технологий (соответствие обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных).

Роскомнадзор осуществляет свою деятельность непосредственно через свои территориальные органы, в его подчинении находятся девять территориальных округов. Огромная территория страны, различные экономические и политические условия этих девяти субъектов Российской Федерации приводят к тому, что место и роль средств массовой информации в различных регионах неодинаковы, что требует индивидуального анализа и учёта региональной специфики во взаимодействии с медиа-сферой.

Каким же образом в территориальных управлениях Роскомнадзора решается вопрос налаживания политической коммуникации с основными получателями информации?

Для начала выделим основных получателей информации о работе данной организации. Это сделать достаточно просто, исходя из направлений деятельности федерального органа. К ним относятся следующие категории и инстанции:

1. Граждане, сталкивающиеся с проблемами связи, в работе со СМИ, Интернетом, а также, возникающими при обработке персональных данных. Взаимодействие с ними происходит посредством ответов должностных лиц на вопросы и жалобы граждан.
2. Организации, являющиеся «клиентами» Роскомнадзора: операторы связи, лицензиаты, редакторы и учредители СМИ, операторы обработки персональных данных и т.п. В основном взаимодействие с ними происходит при выдаче разрешительных документов, свидетельств или в ходе контрольно-надзорных мероприятий, а также при их консультировании должностными лицами. Однако ряд управлений Роскомнадзора (подробнее об этом расскажем позже) использует в своей практике иные формы взаимодействия с данной аудиторией.
3. СМИ, выделяемые в отдельную категорию целевой аудитории, поскольку помимо того, что деятельность Роскомнадзора тесно связана с работой СМИ, последние также являются и каналом распространения информации.

Экспертное телефонное интервью с представителями девяти территориальных Управлений по вопросу активности взаимодействия конкретного территориального ведомства со средствами массовой информации, показало следующее.

Во-первых, все они осознают важность взаимодействия с общественностью и СМИ.

Во-вторых, специально организованных пресс-служб, пресс-центров (т. е. подразделений, осуществляющих на профессиональной основе взаимодействие с прессой) ни в одном из управлений нет. Исключение составляет только центральный аппарат Роскомнадзора, расположенный в г. Москва.

В-третьих, в большинстве территориальных управлений (в пяти из девяти) взаимодействие с прессой всё же осуществляется. При этом респонденты отмечают, что данным вопросом занимаются, в основном, 1-2 человека. В ряде случаев (Сибирский федеральный округ, Уральский федеральный округ, СевероКавказский федеральный округ) это направление находится в ведении заместителя (помощника) руководителя управления. В других случаях (Южный федеральный округ) данный вопрос - в ведении начальника отдела по надзору в сфере массовых коммуникаций. В остальных управлениях этим направлением занимаются рядовые сотрудники отделов по надзору в сфере массовых коммуникаций.

В-четвёртых, мероприятия по взаимодействию со СМИ, с подконтрольными организациями проводятся по мере необходимости, какого-либо плана-графика проведения подобных мероприятий с прессой нет. Так, например, при введении новых нормативно-правовых актов, когда необходимы разъяснения для целевой аудитории,

на площадки управлений Роскомнадзора приглашаются все заинтересованные в этом лица. Также руководящий состав территориальных управлений даёт интервью СМИ или направляет статьи, комментарии, разъясняющие законодательные нововведения (например, одно время очень востребованным в плане комментариев был Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г.).

При этом, как отмечают большинство респондентов, инициатива контактов с прессой всё же чаще исходит от СМИ.

В качестве примера в плане активного взаимодействия со СМИ и с другими целевыми аудиториями можно выделить управление Роскомнадзора по Вологодской области Северо-Западного федерального округа. Сотрудники этого управления часто используют такую форму как семинар. Например, на одном из них, проведённом в 2014 г., приняли участие главные редакторы и журналисты печатных и электронных СМИ. На встрече выступили преподаватели вузов области, имеющие опыт проведения лингвистических экспертиз спорных текстов. Ими было раскрыто понятие «экстремизм» с точки зрения лингвистики, особенности проявления экстремизма в речи, тексте. Были освещены признаки унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации в тексте, языковые черты, свидетельствующие о проявлении агрессии. Также Вологодским управлением Роскомнадзора используется формат круглого стола, на который, например, приглашаются представители прокуратуры области, УМВД, УФС, Управления по информационной политике Правительства Вологодской области.

Ещё одним форматом взаимодействия большинства управлений является консультативный совет - постоянно действующий, совещательный, экспертно-консультативный коллегиальный орган. На заседания такого совета всегда приглашаются СМИ для распространения информации об обсуждаемых вопросах.

Регулярно обновляемые сайты Роскомнадзора и его территориальных управлений, тоже можно отнести к средствам информационного взаимодействия. Правда, это взаимодействие осуществляется только в одностороннем порядке. Наряду с публикациями информации о своей деятельности на сайтах следует активно внедрять интерактивные форматы коммуникации с основными целевыми аудиториями.

Говоря об управлении Роскомнадзора по Северо-Западному федеральному округу, следует признать недостаточную коммуникативную активность данного надзорного органа. Можно выделить всего лишь четыре направления информационного взаимодействия:

- ответы на обращения граждан (в ежедневном режиме);
- консультации физических и юридических лиц на предмет соблюдения законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (при обращении таковых);
- работа ежедневно обновляемого сайта (ресурс содержит всю необходимую документацию по направлениям деятельности управления);
- участие в межведомственных комиссиях, рабочих группах, заседаниях избирательных комиссий области и города.

Очевидно, что при такой слабовыраженной коммуникации высокоэффективное взаимодействие органов власти и общества вряд ли возможно.

Примерно в таком же слабоинтенсивном коммуникационном режиме работают управления Роскомнадзора по Дальневосточному федеральному округу, Центральному федеральному округу (сказывается и большое количество подконтрольных ему управлений - 16 субъектов РФ и близость к единственному и главному пресс-центру Роскомнадзора), а также по Крымскому федеральному округу (здесь можно сделать скидку на его недавнее появление в новейшей истории Российской Федерации).

Необходимо учитывать, что в настоящее время в мире повсеместно возникают локальные конфликты, происходят «цветные» революции (в основном посредством коммуникационной сети «Интернет»), совершаются террористические акты, существует реальная угроза распространения экстремизма и т.п. Органы власти пытаются введениями новых законов в сфере связи и СМИ свести к минимуму риск повторения подобного в России. Но журналисты зачастую принимают эти меры как ограничение свободы слова. Поэтому запрос на информацию из официальных источников очень велик, с тем, чтобы власти на местах разъяснили, что и как. Что можно делать, что нельзя и почему.

Но вышеперечисленные коммуникативные технологии не позволяют в полной мере удовлетворить этот запрос и стать партнёрами со СМИ. Отчасти и поэтому для многих СМИ надзорные органы в этой сфере воспринимаются часто как враждебные организации.

Ещё одна проблема, которая возникает при отсутствии своевременно налаженной коммуникации, заключается в следующем. Зарегистрировав СМИ, редактор и учредитель зачастую не владеют информацией, какие законы они теперь обязаны соблюдать и что делать для их выполнения, а территориальные управления такую разъяснительную работу через СМИ, увы, не проводят.

Слабая коммуникативная деятельность ряда территориальных управлений также видна и в ходе работы с обращениями граждан. Общественность недостаточно информирована о компетенции Роскомнадзора, вследствие чего в управления поступают многочисленные обращения с определёнными требованиями, удовлетворить которые Роскомнадзор не имеет полномочий.

Хотя очевидно, что регулярное распространение информации о деятельности органов власти позволило бы гражданам ориентироваться в государственных процессах и воздействовать на них. Но для этого государственные структуры должны придерживаться принципа «информационной открытости» [2]. Основным параметром информационной открытости власти является соответствие объема и качества информации, исходящей от органов власти тем запросам, которые есть у общества на данный конкретный период времени. Если в центре общественного внимания находится вопрос, связанный с деятельностью власти, то она обязана предоставить необходимую информацию в рамках закона, чтобы граждане смогли составить о происходящем верное представление [4].

Как уже упоминалось выше, функции медиариинг в Роскомнадзоре осуществляет пресс-центр самой Федеральной службы. Территориальные управления

занимаются PR-деятельностью в дополнение к своим основным функциям. В результате со стороны СМИ в адрес контрольно-надзорного органа накопилось много претензий, что подтверждается «острыми» публикациями, сюжетами с негативной направленностью и т.д. Всё это вызывает недоверие со стороны общественности, и не только по отношению к конкретному государственному органу, но и к власти в целом.

По мнению исследователей, основные причины такого недоверия можно разделить на три основных блока:

1. Технические причины, возникающие из-за отсутствия специалистов по связям с общественностью, что приводит к тому, что государственные структуры не могут пояснить гражданам мотивы и цели своих действий, не дают им представления о тех условиях, в которых они осуществляют свою деятельность.
2. Культурно-исторические причины, которые связаны с тем, что традиционно наше общество предрасположено к противостоянию населения и власти.
3. «Ресурсные» причины, которые связаны с недостаточным финансированием госслужбы, отсутствием необходимой материальной и технической базы, ограниченностью располагаемых временных ресурсов и пр. [5].

Таким образом, основываясь на анализе коммуникативной деятельности управлений Роскомнадзора, можно сделать определённые выводы. Политические коммуникации в федеральных органах исполнительной власти характеризуются рядом существенных проблем: неэффективность обратной связи, недостаток доверия, невнимание федеральных органов к внешним аудиториям, ограниченность методов и средств коммуникации. Закрытость органов управления, недостаточное или неэффективное взаимодействие с общественностью приводят к отчуждению людей от власти.

В завершение хотелось бы актуализировать следующую мысль: не только эффективность информационного взаимодействия, но и принципиальная возможность его реализации целиком и полностью зависят от осознания государственной властью необходимости обеспечивать информационную прозрачность своей деятельности и активно вести открытый диалог с обществом и его структурами.

Литература

1. Веретнов А.И. Аспекты коммуникации между обществом и властью [Электронный ресурс] // Научно-издательский центр «СОЦИОСФЕРА» // URL: http://sociosphere.com/publication/conference/2012/137/aspekty_kommunikacii_mezhdu_obwestvom_i_vlastyu/ (дата обращения: 21.03.2015).
2. Дзялошинский И.М. Информационная открытость власти как основа публичной политики [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Гражданское общество в России // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dzialosh_inf_otkr.pdf время обращения (дата обращения: 20.03.2015).
3. Марков А.А. Связи с общественностью в органах власти. Учебник. - М.: ИНФРА - М, 2014 – 102 с.
4. Попов О.А. Проблемы развития политических коммуникаций в федеральных органах исполнительной власти в современной России // Автореферат. 2011. // [Электронный ресурс] / Человек и Наука URL: <http://cheloveknauka.com/problemy-razvitiya-politicheskikh-kommunikatsiy-v-federalnyh-organah-ispolnitelnoy-vlasti-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 21.03.2015).
5. Тарашвили Е. Связи с общественностью в государственных структурах [Электронный ресурс] / PR-Библиотека // URL: http://pr-club.com/techn_15.htm (дата обращения: 22.03.2015).

ПРОГРАММА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ЮЖНОЙ КОРЕИ

Евдокимова Надежда Вениаминовна

кандидат педагогич. наук, доцент, Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ),

г. Ростов-на-Дону

Лоскутникова Алина Марковна

Студентка 5 курса специальности «Регионоведение», Ростовский Государственный Экономический

Университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону

PROGRAM OF CREATING A POSITIVE IMAGE OF SOUTH KOREA

Evdokimova Nadezhda, Candidate of Science, assistant professor of Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don

Loskutnikova Alina, 5-year student majoring "Regional studies" Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются меры, предпринимаемые правительством Южной Кореи по формированию позитивного имиджа страны в мировом сообществе. Анализируются проекты, входящие в государственную программу по улучшению имиджа страны, принятую в 2009 году. Делается вывод об успешности программы, что проявляется в привлечении иностранных инвестиций, в увеличении экспорта, в росте туризма и углублении интеграции страны в мировое сообщество.

ABSTRACT

The article deals with the measures taken by the South Korean government to create a positive image of the country in the international community. The projects included in the government program to improve the image of the country, adopted

in 2009 are analyzed. The conclusion is: the program is successful, which is manifested in attracting foreign investment, increasing exports, growth of tourism and deepening integration of the country into the world community.

Ключевые слова: имидж государства; национальный бренд; средства массовой коммуникации; проекты государственной программы

Key words: image of the state; national brand; mass media communication; projects of the state program.

Имидж любого государства складывается из представлений зарубежных граждан о стране в целом. Такое представление формируется из рациональных и эмоциональных компонентов восприятия страны. Информация, формирующая образ страны, складывается из собственной внешней информационной политики государства, информационной политики других государств по отношению к данной стране, негосударственных информационных источников и самостоятельной исследовательской активности зарубежных граждан. [2].

Имидж страны чрезвычайно важен для международной политики и экономики в целом, поэтому проблемы формирования, стабилизации и дестабилизации международного имиджа государств становятся чрезвычайно актуальными. Исследованию вопросов, связанных с международным имиджем государств, посвящены работы Д. Бурстина, Э. А. Галумова, Т.Е. Гринберг, Э.М. Кагазбаевой, Ю. Б. Кашлева, И. Ю. Киселева, И. Н. Панарина, Г. Г. Почепцова, А. А. Ранних, Л. С. Рубана, А.В. Савиных, В. Г. Сеидова, В. Г. Соколенко, К. А. Хачатурова, А. А. Чернова, А. В. Яковенко и др. Большинство исследователей отмечают, что имидж государства довольно легко поддается формированию через пропаганду и рекламу в средствах массовой коммуникации; доказывается, что в настоящее время он приобретает всё более «виртуальный характер».

В то же время привлекательный имидж страны в эпоху глобальных изменений приносит большие дивиденды в экономической и политической областях. Он повышает международный статус страны и её влияние на политической арене. Экономический эффект повышения статуса страны проявляется в привлечении иностранных инвестиций, в увеличении экспорта, росте туризма, способствует интеграции страны в мировое сообщество.

Правительство Южной Кореи осознаёт важность создания и поддержания позитивного имиджа страны в мировом сообществе. От него зависит не только качество и количество международных операций Кореи в области экономики и торговли с другими странами, но и способствует гармоничной интеграции Кореи в глобальное сообщество. Как отмечает профессор университета Темпл Кейт Динни, «национальный брендинг может быть средством, с помощью которого менее известные страны, как Республика Корея, могут увеличить свою «мягкую силу» и стать более заметными в мировом сообществе» [3]. Осознавая важность специальной работы над имиджем страны, правительство Южной Кореи в 1994 году сформировало Бюро по культурной индустрии, целью которого стало продвижение корейской медиа-продукции на мировую арену. В 1998 г. был разработан и успешно реализован рассчитанный на пять лет план по реформированию индустрии развлечений, включая специальное обучение потенциальных талантов в корейских университетах. Двадцать второго января 2009 года был создан Президентский Совет по национальному брендингу с целью обеспечения глобального продвижения Южной Кореи в мировое сообщество. Были поставлены задачи развеять заблуждения от-

носительно Кореи и её народа и повысить уважение к Кореи для того, чтобы поддержать корейские предприятия и граждан за рубежом через инициированные государством стратегии и политику [4]. 2009 году была принята государственная программа по улучшению имиджа страны. Совет находился под непосредственным контролем президента государства вплоть до смены его администрации в 2013 году. За время существования Совета Южная Корея добилась значительных успехов, обогнав такие страны, как Испания, Финляндия и Ирландия, страны Организации экономического сотрудничества и развития (в среднем), и вплотную приблизилась к Норвегии, Италии и Новой Зеландии. По опросам ВВС национальный бренд Южной Кореи занимал 17 место в 2012 году и 15 место – в 2013 году с тенденцией к повышению. Успехи в продвижении позитивного имиджа государства были достигнуты как благодаря общему надзору за действиями правительства, направленными на улучшение имиджа Кореи в мировом сообществе, так и с помощью разработки эффективных проектов при поддержке частных и общественных организаций. К таким проектам относятся:

1. Проект «Корейские друзья по всему миру» – это служба волонтеров за рубежом. Ежегодно более 3000 добровольцев направляются в развивающиеся страны. «Волонтерская программа World Friends Korea является одним из основных проектов Кореи по оказанию официальной помощи в развитии. По данным исследования, проведенного Президентским советом по Национальному Продвижению, в 2011 году WFK вошел в верхнюю десятку 65 проектов и направлен на продвижение национального бренда Республики Корея» [5].
2. «Корейская волна» или «Халлю» – программа продвижения корейской массовой культуры в другие страны. Термин «Халлю» является многоплановым для Южной Кореи, так как с ним связана государственная идеология, политика, бизнес, имидж страны и корейского народа. Халлю представляет в своей основе южнокорейскую массовую культуру, состоявшую первоначально из телесериалов, кинофильмов, поп-музыки и эстрады. В дальнейшем понятие «Корейская волна» расширилось и стало включать в себя также иностранный туризм, модную одежду, корейский язык, видеоигры, сувенирную продукцию, национальную корейскую пищу (программа по глобализации корейской кухни), а также другую культурную продукцию Южной Кореи [1].
3. Программа «Глобальная стипендия в Корею». Для достижения поставленной цели популяризации Кореи в 2009 году была разработана стипендиальная программа Global Korea Scholarship (GKS), направленная на оказание поддержки обучающимся в Корею иностранным студентам, а также на рассмотрение заявок на обучение от всех желающих иностранных студентов [6].

4. «Гражданин мира» – программа, призванная способствовать развитию мультикультурализма в корейском обществе. С помощью правительства Южной Кореи создаются культурные центры с целью знакомства с культурами других народов. Такая просветительская работа призвана формировать толерантность, доброжелательность и гостеприимство по отношению к иностранцам [7,8].
5. Внедрение новейшей техники и передовых технологий. Ставя задачу сделать свою страну одной из самых высокотехнологичных стран в мире, южнокорейское правительство сделало ставку на привлечение самых совершенных технологий из-за рубежа. Разработанная система поощрений (фонд финансовой и технической помощи предприятиям, специальные льготные займы) в первую очередь была распространена на фирмы, занятые выпуском электронных изделий. США и Западная Европа первоначально не считали Южную Корею своим конкурентом в будущем и не отказывали в поставке самых современных технологий. В то же время значительное внимание уделяется развитию науки и техники, государственной поддержке НИОКР, подготовке квалифицированных кадров. К настоящему времени Южная Корея стала одним из мировых лидеров по производству бытовой техники, кораблей, легковых автомобилей, обуви, текстиля. В связи с быстрым "скачком" из экономической отсталости к процветанию Южная Корея, наряду с Гонконгом, Сингапуром и Тайванем получила образное название «азиатского тигра» [9].
6. Спорт как средство популяризации Кореи. Продвижение тхэквондо.
7. Спортивные успехи страны вносят вклад в формирование позитивного международного имиджа. Южная Корея выходит на передовые позиции во многих видах спорта, что приносит не только повышение имиджа, но и экономическую выгоду. Олимпиаду в Сеуле 1988 года на 52% финансировало государство, и прибыль составила \$280 млн. [10]. Однако поистине национальным спортивным брендом выступает корейское спортивное единоборство Тхэквондо. Программа продвижения тхэквондо является частью национальной программы

глобального продвижения Южной Кореи в мировое сообщество. Министерство иностранных дел и торговли совместно с министерством культуры, спорта и туризма и, в частности, с Корейской Ассоциацией Тхэквондо, посылают национальные команды тхэквондо в другие страны; с целью продвижения за рубежом создают онлайн уроки для всех желающих заниматься этим корейским национальным видом спорта [11].

Государственная программа по улучшению международного имиджа Южной Кореи, включающая и другие проекты, достигает поставленной цели: повышается международный статус страны, растёт её влияние на политической арене и в сфере экономики. Это проявляется в привлечении иностранных инвестиций, в увеличении экспорта, в росте туризма и способствует интеграции страны в мировое сообщество.

Список использованной литературы

1. Полосина Е.В. «Корейская волна» в стратегии национального брендинга Южной Кореи \ В сб. Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи. – «Скифия Принт», 2012. – 448 с.
2. Савиных А.В. Имидж государства - http://beldumka.belta.by/›isfiles/000167_656676.pdf
3. Keith Dinnie: Repositioning the Korea Brand to a Global Audience: Challenges, Pitfalls, and Current Strategy; Korea Economic Institute (KEI) Academic Paper Series 4 (9), December 2009; p.1.
4. Presidential Council on National Branding. Background and objective. -<http://www.koreabrand.net /gokr/en/cms/select>.
5. <http://russian.korea.net/NewsFocus/Society/view.dpuf>
6. http://www.studyinkorea.go.kr/ko/sub/gks/gks_intro.duce.do
7. kaznks.kz›files/publikacii2...2...KagazbaevaElm.
8. <http://www.worldfriendskorea.or.kr/>
9. <http://supersemeyka.com/chetyire-aziatskih-tigra/>
10. <http://www.sportmanagement.ru/olympic.php?id=350>
11. Republik of Korea Ministry of Foreign Affairs and Trade (MOFAT), 2009 Diplomatic White Paper; ch.3, sec.5, «Sport Diplomacy»; // <http://www.mofat.go.kr English/political/whitepaper/index>.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ БЕАР)

Фрейберг Мария Владимировна

аспирант кафедры регионоведения и международных отношений, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

THE IMPACT OF CULTURE COOPERATION ON THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS (BY THE EXAMPLE OF BEAR)

Frejberg Maria, Post-graduate student of the department of regional studies and international relations Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk

АННОТАЦИЯ

Международное сотрудничество и реализация совместных международных проектов как расширение культурных границ территорий, принимающих участие во взаимодействии, «культура реализации» проектных замыслов. Международное сотрудничество – возможность предъявить культурные образцы деятельности своих стран,

переосмыслить ценность и их значимость через призму иной культуры. Противостояние американизации культуры Северной Европы, сохранение ее идентичности. БЕАР как территория привлекательная для проживания.

ABSTRACT

International cooperation and realization of international projects as widening of culture borders of the territories participating in collaboration, "the culture of realization" of projects. International cooperation is an opportunity to present culture patterns of activity of the countries, to give a new meaning to their value and significance through the prism of other culture. Contradiction to Americanization of Northern European culture, reservation of its identity. BAER as the attractive territory to live in.

Ключевые слова: международные отношения; культурное сотрудничество; идентичность.

Keywords: international relations; culture cooperation; identity.

В современном обществе культура оказывает влияние на все сферы жизни человека. За последние годы кардинально изменилось отношение к культуре, осознание ее важности и роли в жизни каждого человека. На данный момент культура играет огромную роль как для развития отдельно взятой страны, так и для установления устойчивых связей между государствами.

Существует множество определений понятия культуры. Такое многообразие трактовок можно объяснить тем, что культура «выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многообразна и многоаспектна, и культура»

Культура характеризует и формирует поведение людей. С одной стороны, жизнь народа и нации определяется его культурой, а с другой - культура управляется жизнью самого народа.

Культурные связи составляют устойчивую основу общения между народами. Именно через призму накопленных духовных ценностей люди начинают лучше понимать и воспринимать друг друга независимо от их национальной принадлежности. Развитие культурного взаимодействия помогает отразить самобытность и уникальность своей культуры. Культура является основой регулирования взаимоотношений между странами. [2, с. 10]

Многие государства уделяют большое внимание своей культурной политике. Появляется такой термин как «внешняя культурная политика», потому как распространение национальной культуры или отторжение внешней культурной экспансии превратились в действенные механизмы и инструменты дипломатии. В соответствии с успешной реализацией культурной политики, государство может отстаивать и продвигать свои интересы на международной арене, более того предоставляется уникальная возможность воздействия на различные политические, экономические процессы в мире. [2, с. 16]

Международные отношения на современной стадии развития характеризуются многообразием направлений сотрудничества и, несомненно, происходит постепенное переосмысление значимости культурного фактора в развитии международных отношений.

Первой сферой взаимодействия являются международные связи в области искусства. Главной особенностью данного направления является вовлеченность большого числа участников и непосредственное эмоциональное влияние на зрителей. Такие виды искусства как кино, литература, танец, музыка помогают сформировать презентабельный и позитивный образ государства на мировой арене. Основными формами их проявления являются многочисленные фестивали, конкурсы, проекты. [3, с. 185] Международные музыкальные связи непосредственным образом влияют на создание позитивного образа страны

в глазах мировой общественности, которая обозначила музыкальные обмены и установление музыкальных связей в числе приоритетных целей развития.

Следующей сферой международного сотрудничества в области культуры являются международные связи в области образования. Благополучное развитие государства в большей степени зависит от уровня образованности граждан. На данный момент происходит интернационализация и интеграция всей системы образования. Именно уровень образованности населения той или иной страны играет огромную роль в осуществлении влияния на международное развитие.

Еще одним направлением в международном сотрудничестве в области культуры являются международные спортивные связи. На данный момент спорт стал играть важнейшую роль в жизни мирового сообщества. Многие страны стараются одержать спортивную победу, расценивая ее как политическую, как огромный успех страны в международных отношениях.

Основополагающим документом, который лег в основу сотрудничества стран БЕАР является Декларация о сотрудничестве в БЕАР, которая была принята в Киркенесе 11 января 1993 года. Шестой раздел данной Декларации посвящен расширению контактов между людьми и культурных связей, которые были накоплены в рамках «Северного Калотта». Данное сотрудничество включает в себя следующее:

- расширение обменов по линии молодежи, учащихся, преподавателей и профессоров, а также по линии культуры и спорта;
- деятельность, которая могла бы предоставить больше возможностей для женщин;
- улучшение возможностей для образования и языкового обучения;
- укрепление культурных центров. [4, с. 64]

Другим немаловажным документом культурного сотрудничества, рассмотренного и принятого в результате многочисленных переговоров между министрами стран, входящих в БЕАР является Коммюнике конференции на министерском уровне по культурному сотрудничеству в Баренцевом Евро-Арктическом регионе, которая называется «Баренцево сотрудничество в сфере культуры на пороге XXI века. Итоги и приоритеты». Участники данной конференции отметили, что необходима разработка новой культурной политики, которая бы стала основополагающим фактором развития и расширения сотрудничества в соответствии с двумя основополагающими принципами:

- от культуры к экономическому развитию,
- от экономического развития к культуре. [4, с. 64]

Участники конференции осознают необходимость оказания поддержки культурным инициативам в Баренцевом Евро-Арктическом регионе как на национальном, так и на региональном уровне. В результате проведенной конференции, ее участники пришли к следующим выводам:

- регулярные встречи представителей и национальных органов власти, способствующие культурному сотрудничеству в регионе, желательны и необходимы;
- особо выделили необходимость оказания поддержки развитию регионального культурного идентитета, культуры и культурного наследия саамов и других коренных жителей Баренцева Евро-Арктического региона;
- положительно оценили результаты сотрудничества между государственными и неправительственными организациями, отдельными людьми. [4, с. 64]

Участники конференции выделили первостепенное значение проектов, которые нацелены, во-первых, на обмен студентами, преподавателями и специалистами, изучающими искусство, во-вторых, на формирование компьютерных сетей и единой информационной среды.

В 2003 страны-участники БЕАР подписали Меморандум «Вызовы на новое тысячелетие», в котором были определены цели и задачи сотрудничества в будущем. Сотрудничество в области культуры и искусства было обозначено в числе приоритетов.

Однако серьезным сдерживающим фактором сотрудничества является языковой барьер. В связи с этим,

более плодотворными результатами культурного взаимодействия являются успехи сотрудничества в хореографии, песенном и музыкальном искусстве.

Несмотря на большое количество масштабных проектов, в области культурных контактов до сих пор преобладает комплекс «одномоментных» акций, объединенных общей идеей сотрудничества. Необходимо большее построение долговременных стратегий, реализуемых в контексте совместных интересов. Культура и межкультурное сотрудничество включает в себя не только контакты в области образования, науки, искусства, сохранение памятников и организацию гастрольной деятельности, но и культуру всего народа, его ценности и мировоззренческие установки, которые, в свою очередь, влияют на международные отношения в целом.

Литература

1. Barents Borders. Delimitation and internationalization// Edited by Atle Staalesen. The Norwegian Barents Secretariat. Kirkenes, 2012.
2. Адамян О. Ч. Международное сотрудничество в условиях глобальных перемен: дис. на соискан. учен. степ. канд. полит. наук. М., РАГС, 2011. 153 с.
3. Дерябин Ю.С., Антюшина Н.М., Плевако Н.С. Северная Европа. Регион нового развития. М.: Весь мир, 2008. 185 с.
4. Теребихин Н.М. Этнокультурное и религиозное пространство Баренцева Евро-Арктического региона // Баренц журнал. 2008. №1 (6) С. 64-85.
5. Рубцова Н. А. Баренц-регион в условия глобализации и регионализации // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. 2009. №5 С.60-64.

«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» КАК ОБРАЗЕЦ ДИССЕМИНАЦИОННОЙ ФОРМАЛИЗАЦИИ БОРЬБЫ В ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ XXI ВЕКА

Халяпина Наталья Владимировна

к.и.н., доц. каф. Мировой политики и международных отношений Дипломатической академии им. К. Дикамбаева МИД Кыргызской Республики, г. Бишкек

*THE «ISLAMIC STATE» AS A MODEL OF DISSEMINATION FORMALIZATION OF FIGHT IN HYBRID WARS OF THE XXI CENTURY
Halyapina Natalia V., Ph. D., Assoc. Department World politic and the international relation of the Diplomatic Academy of K.
Dicambaev of the Kyrgys Republic*

АННОТАЦИЯ

В представленной статье исследуются истоки возникновения и детерминирующие причины самого факта появления на современной арене международных отношений феномена «Исламское государство» (ИГИЛ), демонстрирующего собой принципиально иные методы и логику формализации достижения геополитических целей в условиях все более отчетливо проявляемого весьма уникального явления, коим, несомненно, является новый «гибридный» вид ведения военно-политических действий в международной политике XXI века

Ключевые слова: мировая политика, диссеминация, гибридные войны

Clef words: world politic, dissemination, hybrid wars, system, fight

SUMMARY

In the present article of emergence and the determination reasons of the fact of emergence on the modern arena of the international relations of such phenomenon as «The Islamic state» (IGIL) showing itself essentially other methods and logic of formalization of achievement of the geopolitical purposes in condition of more and more clearly shown phenomenon which, undoubtedly, the new «hybrid» tape of conducting military political actions in international policy of the XXI century is are investigated

Современная международная политика все в большей степени напоминает собой довольно искусно созданную и крайне запутанную филигранную цепь пространственно-временных событий, состоящую не только из замысловатого чередования множество самых разнообразных видов сцепления звеньев, но и мастерски сотворенных узорчатых узлов, так что не каждый опытный ювелир способен точно определить к какому именно из существующих ныне более ста видов она принадлежит. Однако, как сказал гениальный Леонардо да Винчи, «самое благородное из наслаждений – это постижение истины». И не существует в земном мире тех тайн или загадочных явлений, которых не мог бы постичь человеческий разум, пусть даже они были сотворены при помощи сонма светлых или темных ангелов, или джинов (библ. исполинов) поскольку и человеческое существо входит в трансцендентное общение с ними. Все это в полной мере относится и к весьма энигматичному и ужасающему на первый взгляд феномену «Исламского государства Ирака и Леванта» («ИГИЛ»), также именуемому как «Исламское государство Ирака и Шама», или просто «Исламского государства» (ад-Даулят ал-Исламия) так внезапно появившемуся на международной арене на рубеже 2013 – 2014 годов и поразившему все мировое сообщество своими явно преднамеренно постановочными кровавыми актами.

В классической методологической практике теории международных отношений общепринято определять преследуемые цели того или иного действующего субъекта международно-политического взаимодействия не по декларируемым намерениям или заявленному реестру проблем, а по реальным последствиям его поступков. Иными словами, имевшие места последствия и являлись истинной (преследуемой) целью субъекта, и если бы у функционирующего в мировом пространстве какого-либо актора не был бы соответствующего желания, то предполагаемый (намеченный) результат его действий, являющийся движущей причиной (побудительным мотивом), был бы совершенно иным. Исходя именно из этого постулата, мы попытаемся определить доминирующий лейтмотив действий «Исламского государства» («ИГ») в современной международной жизни, а также тех детерминирующих сил, которые стояли у истоков его структурно-функционального оформления и вариативного формирования перманентно изменяющихся целей и задач.

Окончательно вышедшая в феврале 2014 г. из под контроля знаменитой экстремистской транснациональной группировки «Аль-Каиды», созданной при непосредственном участии США еще в 1988 году и достаточно длительное время возглавляемой легендарным Усамой бен Ладеном, организация «Исламское государство», объединив под свои знамена разрозненно действующие по всему территориальному пространству древней Месопотамии разношерстные отряды исламских боевиков, а также оставшихся не у дел после свержения весной 2003 года Саддама Хусейна высококвалифицированных военнослужащих баасистского режима (БААС – Партия арабского социалистического возрождения, созданная в Сирии в апреле 1947 года М. Афляком и С. Битаром и находившаяся попеременно у власти в Сирии и Ираке с 1963 года), сразу же абстрагировалась от крайне бесперспективного и утомительного участия в многолетней и вялотекущей на тот момент военной кампании по низложению в

Сирии правительства Башара Асада и сосредоточила все свои основные усилия на Ираке. В ходе достаточно профессионально спланированных и удачно проведенных нескольких силовых военно-стратегических операций на севере Ирака (в районах легендарного Асура и Ниневии), а также серии выпущенных весьма впечатляющих масс-медийных пиар кампаний, «Исламское государство» сумело заявить о себе как о реально существующей мощной силе, потенциально способной бросить вызов действующим на Ближнем и Среднем Востоке традиционным игрокам региональной политики. Имея в своем распоряжении лишь несколько сотен солдат, «ИГ», предварительно заключив дружественный союз с лидерами арабских суннитских племен, компактно проживающих в долинах гор Загроса, в июле 2014 г. захватила расположенный на правом берегу Тигра город Мосул – один из самых стратегически значимых крупнейших торговых и промышленных центров Ирака, являющийся главным на севере Ближнего Востока логистическим транспортным узлом железных и автомобильных дорог, вблизи которого располагаются крупнейшие нефте- и газовые месторождения. В свое время, именно под давлением Лондона, принадлежавший Османам Мосульский вилайет (где этническое большинство составляли турки и курды), был отторгнут в 1918 – 1919 гг. от Республиканской Турции и включен в состав подмандатного Великобритании новообразованного Вавилона (Хашимитского Королевства Ирак), что вызвало в начале 20-х гг. XX в. острейший дипломатический кризис между Англией и Турцией, который с невероятным трудом удалось уладить лишь путем передачи туркам части доходов от добычи Мосульской нефти и газа, однако напряженность между этими государствами продолжала существовать вплоть до смерти в 1938 году Мустафы Кемалю Ататюрка и наступления II-й Мировой войны 1939 – 1945 гг.

Таким образом, захватив летом 2014 года почти всю территорию Мосульского вилайета и вытеснив оттуда потенциально враждебных для них курдов, езидов и шиитов, боевики «Исламского государства» приобрели крайне значимый в геостратегическом отношении субрегион, который они весьма оперативно превратили в фортификационный плацдарм для осуществления разного рода наступательных и оборонительных операций по всему географическому периметру центральной части Передней Азии и Кавказа. Громогласно объявив о стремлении воссоздать «Исламский халифат» вне рамочных пограничных ограничений во всей его непреходящей славе и геополитической мощи эпохи средневековья, правящий совет (шюра) «ИГ» одновременно приступил к довольно эффективной и, как показала практика, весьма результативной пропагандистской кампании по привлечению в ряды нового Халифата как можно большего количества мусульман со всех стран мира. Однако пожалуй самой опасной с точки зрения проведения стратегических изысканий и общего информационно-аналитического исследования стала избранная интеллектуальной элитой «ИГ» тактика полной непредсказуемости действий, что потенциально предоставляла им возможность не только играть на опережение с «всевидящим оком» различных спецслужб мирового сообщества, но и открывало для них возможности почти беспрепятственного ведения геополитической и дипломатической маневренности не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и по всему земному пространству мира.

Еще осенью 2014 года руководство «Исламского государства» в лице халифа Абу Бакр аль-Багдади (настоящее имя – Ибрахим Аввад Ибрахим Али аль-Бадри) заявило, что их главной целью является свержение правящего монархического режима в Саудовской Аравии. Однако последующих вслед за этой шокирующей для всех декларацией намерений реальных действий так и не последовало. Боевые подразделения «Исламского государства» не только не предприняли каких-либо попыток пересечь Сирийскую пустыню и захватить Эль-Хамад, но даже и не попытались установить контроль над важнейшей во всех отношениях для Аравийского полуострова транспортной магистралью Эль-Хаджара, пересекающей с востока на запад все жизненно важные для Аравии районы, или хотя бы попытаться добраться через Эс-Сулб до Малого Нефруда. Общей энигматичности «ИГ» придавало как периодически просачивающиеся в мировые средства массовой информации сведения о поставках боевикам «ИГ» со стороны загадочной «третьей силы» новейшего натовского вооружения, так и о задержании «в ходе военной операции в иракской провинции Найнава четверых иностранцев, являвшихся военными советниками «Исламского государства», у троих из которых были обнаружены паспорта граждан США и Израиля. Четвертый оказался представителем одной из стран Персидского залива» [2].

Все это в определенной мере предопределило выдвижение гипотезы о том, что «Исламское государство» – это некий образец новой диссеминационной формализации борьбы в начавшихся в начале XXI века т.н. гибридных войнах. Согласно мнению ряда западных экспертов термин «гибридная война» включает в себя довольно сложную комбинацию открытых и тайных военно-политических операций, разного рода провокаций и диверсий в сочетании с полным или частичным отрицанием собственной причастности в их организации, что в значительной степени затрудняет проведение точного анализа и «полноценного ответа на них» [1].

Следует заметить, что само понятие «гибридная война» возникло отнюдь не в полумраке тайных кабинетов или закрытых от посторонних глаз и ушей секретных лабораториях КГБ, ГРУ или ФСБ, включая различные его подразделения внешней разведки или контрразведки (как об этом любят говорить американцы, анализирующие причины поражения в Новороссии и такой неожиданной для них потерей Крыма). Думается, что этот феномен стал порождением возникшей на рубеже нынешних столетий волне «гибридизации интеллектуальной элиты» Запада с советской интеллигенцией, вырвавшейся на свободу из тисков так внезапно открывшегося миру СССР и представлял собой принципиально новое транснациональное явление, проявлявшееся в социальной когнитивной конвергенции и слиянии различных идейных разработок и построении новых доктринальных концепций у разного рода космополитов – полукровок с правящей творческой аристократией Западного сообщества, включая т.н. Черную аристократию Европы и Азии. Когда незабвенный М.С. Горбачев говорил о необходимости введения «нового политического мышления», он как раз имел в виду этот интегративный интеллектуальный синтез, порождающий принципиально иные и, нередко крайне парадоксальные, этические, моральные, международно-правовые и эстетические нормы, т.е. тот же самый «новый

тип мышления и поведения», включая не только собственно глобальную, региональную или субрегиональную, но и общественно-политическую сферу деятельности.

По всей видимости, проект «Исламское государство» является одним из плодов этого «гибридного разума», гениальность замысла которого будет еще очень долго переоценить, особенно учитывая тот факт, что окончательно закрепившись в невероятно важном геостратегическом регионе Передней Азии, позволяющем ему почти беспрепятственно осуществлять контроль над развитием международно-политической обстановки в Сирии, Ираке, Турции, Кавказе, Иране и фактически над всеми странами Аравийского полуострова, «ИГ» демонстрирует применение принципиально иного диссеминационного образца ведения борьбы и достижения целей, что крайне затрудняет процесс поиска правильной формализации борьбы с ним. Согласно сообщениям тех же СМИ, ячейки приверженцев «ИГ» уже созданы и тайно наращивают свой военно-политический потенциал в Афганистане, Пакистане, Бангладеш, Индии, а также в ряде постсоветских республик Центральной Азии. Одной из самых уязвимых стран Центральной Азии может стать так и не оформивший свое участие в системах Организации Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ) и Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) Республика Туркменистан, непомерно возлагающая свои оборонительные надежды на Исламскую Республику Иран, против которой, в первую очередь, и было собственно создано «Исламское государство».

Думается, что под особой уязвимостью перед боевиками «Исламского государства» находится вовсе не Бактрия (Северный Афганистан и южный Таджикистан и Узбекистан), где дислоцируются российские военные базы и хорошо военизированные национальные спецподразделения и погранзаставы, а также достаточно давно и прочно обосновавшиеся лидеры «Талибан», которые просто так не отдадут свою власть пришлым арабам, так, как это было во времена нахождения Советских войск в Афганистане в период с 1979 по 1989 гг., а расположенная на восточной ирано-туркменской границе провинция Хорасан (Хварасан, с фарси букв. – «Восход солнца», «Восток» – т.е. с той области, на которой располагались основные силы первых пришлых арабских джихадистов для завоевания территориального пространства всей Центральной Азии, а также района восстания против клана Омейядов и установления нового Аббасидского (Багдадского) халифата 750 – 1258 гг.) [5]. Так же весомой стратегической значимостью для «ИГ» обладает расположенная в приграничье с Афганистаном и Пакистаном иранская провинция Сейстан и Белуджистан (древ. Дрангиана), через территорию которой проходит наркотрафик. Впрочем, исповедуемая главарями «Исламского государства» теократическая концепция «Халифата без границ», вполне способна направить боевиков «ИГ», подобно легендарному «Летучему голландцу», в любой район земного шара.

В заключение нашего небольшого исследования хотелось бы обратить внимание на тот немаловажный факт, что за прошедшее крайне непродолжительное время существования на Ближнем Востоке экстремистской группировки «Исламское государство», она уже су-

мела обрести свой весьма оригинальный стиль и своеобразный почерк, а главное ту характерную специфику, ментально отличающую ее от множества других. По всей видимости, силы, курирующие «ИГ» находятся вовсе не в США. Если бы это было действительно так, то опасаться было бы нечему. Российская империя/СССР/РФ всегда выигрывала любое, пусть даже затяжное или лобовое противостояние с американцами. Другое дело, когда в мировую политику активно вмешивается Великобритания и курируемые ею разного рода мондиалистские круги, имеющие еще со времен знаменитых Крестовых походов XI – XIII вв. и непрерывно продолжающуюся до сегодняшнего дня традицию установления и поддержания разветвленной сети разного рода тайных религиозно-политических связей с мусульманской культовой элитой и суфийско-дервишскими братствами Востока, о чем, в свое время, поведали миру Гарри Сент-Джон Филби, Томас Лоуренс Аравийский или Идрис Шах (1924 – 1996 гг.) [4]. Тут, как правило, поражение русских неминуемо и это доказывает сама непредвзятая историческая хронология судьбоносных событий. Единственно, когда Советская Россия / СССР был наравне с Великобританией – это когда в Кремле правил И.В. Сталин, настроенный на одну информационную волну с правящим монархически домом Великобритании, поскольку, как и все кавказские народности, независимо от национальности или религии, генетически принадлежал к хеттам, Хеттской державе, сотворенной Хеттом (букв. страх, ужас) – вторым из сыновей Ханаана, внуком

Хама, правнуком Ноя, представлявшим собой особую расу атлантов. Однако это уже совсем другая история.

Литература

1. Бартош А. Гибридные войны будущего – прогнозирование и планирование // Независимое военное обозрение – 22.03.2015 [///watch/149122](http://www.nezavisimoe.ru/watch/149122) style="position:absolute; left:-9999px;" alt="" /> <div style="position:absolute;left:-10000px;"> </div> <div style="position:absolute;left:-10000px;">
3. Гибридная война // [https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Гибридная война&oldid](https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Гибридная_война&oldid)
4. ИГИЛ и Центральная Азия // <div></div>
5. Идрис Шах Суфизм – М.: «Клышников, Комаров и К», 1994
6. Халаяпина Н.В.Завоевание Арабским халифатом народов и стран Центральной Азии (середина VII – VIII вв.) – Бишкек: «Дизайн Эстер Центр», 2009

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЕВРОПЕ

Яковлева Виктория Михайловна

Студентка 4-го курса МГУ факультет Глобальных процессов, г.Москва

ACTIVITIES OF LIBERAL DEMOCRATIC PARTIES IN EUROPE

Iakovleva Viktoria, Four-year student of MSU faculty of global processes, Moscow

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является исследование политической деятельности либерально-демократических партий Европы. В качестве метода исследования выступают историко-сравнительный, историко-типологический, анализ, синтез, дедукции и др. Результатом данной статьи является определение идеологии либерализма и использования его основных характерных признаков в деятельности современных либерально-демократических партий. На основании проведенного исследования делается вывод о важности наличия идеологии либерализма в современной общественно-политической жизни общества.

ABSTRACT

The aim of the article is to study the political activities of the liberal-democratic parties in Europe. As a method of the study is historical and comparative, historical and typological analysis, synthesis, deduction and others. The result of this article is to define the ideology of liberalism and the use of its main characteristic features in the activity of the modern liberal-democratic parties. The study concludes the importance of having the ideology of liberalism in modern social and political life of society.

Ключевые слова: либерализм; политическая партия; партия либеральных демократов Великобритании; либерально-демократическая партия России.

Key words: liberalism; political party; liberal-democratic party of Great Britain; liberal-democratic party of Russia.

Идеология либерализма зарождалась не одно десятилетие на фоне бесчинства абсолютных монархов и Католической церкви. Свои корни либерализм берет из эпохи Ренессанса. Развитие нового этапа в европейской культуре привело к изменениям в социальной жизни человечества.

В самом общем виде либерализм - политический, экономический, юридический- в качестве фундаментальной ценности почитает свободу, самую возвышенную и химерическую категорию одновременно. В отличие от консерватизма, либерализм имеет четкие социальные

идеалы в различных сферах жизни общества и свою социальную основу [1, с.4]

Сегодня под термином либерализм понимается философское и общественно-политическое течение, в основе которого лежит незыблемость прав и индивидуальных свобод человека.

Либерализм в современном мире достиг высшей популярности, так как ни в один исторический отрезок времени, идеалы и ценности данной идеологии не были приняты таким большим количеством людей. В первую очередь сегодня в большинстве стран мира высшей ценностью либерализма являются права и свободы каждого человека, возможности государства и церкви влиять на жизнь общества ограничиваются конституцией.

В основе либерального течения лежат следующие положения: обеспечения человеку его естественных прав (право на жизнь, на личную свободу, на собственность и др.); обеспечение гражданских прав; установление равенства всех граждан перед законом, установление свободной рыночной экономики; обеспечение ответственности правительства и прозрачности государственной власти.

В настоящее время политические системы европейских стран крайне разнообразны. В них представлены партии различных идеологий и течений, которые предлагают гражданам позитивные программы и оптимистичные прогнозы.

Основными положениями либерализма являются следующие:

- предоставление широких прав человеку. Современному человеку предоставлена возможность индивидуальной свободы, то есть для осуществления сознательных действий человека не должно быть никаких внешних ограничений.
- В политической жизни государства характерен плюрализм, наличие политических прав и свобод, равенство граждан и др.
- В области экономики, для идеологии либерализма характерна защита частной собственности, свободного предпринимательства и др.
- В духовной жизни человека, либерализм предусматривает свободу мыслей, взглядов, убеждений.
- относительно функций государства в жизни общества, то либерализм значительно их ограничил.

Либерализм как идеология, практика, программа, стиль мышления имеет свои особенности как в историческом, так и в этнокультурном и идейно-политическом измерениях. В интерпретации фундаментальных вопросов, касающихся отношений человека, общества и государства, он представляет собой сложное социальное явление, проявляющееся в самых разных своих оттенках, отличающихся как внутри отдельных стран, так и на межстрановом уровне. Либерализм как система воззрений, тип сознания и комплекс установок при всей своей многовариантности имеет некие общие корни и исходные методологические позиции, свою систему принципов и идеалов, которые в сумме делают его особым типом общественно-политической мысли [4, с.56].

Своими корнями либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу, Реформации, Ньютоновской научной революции. Ренессанс вместе с воспеванием человека и его деятельности принес с собой и понятие гуманизма, который стал началом развития идеологии либерализма.

Распространение идеи гуманизма привело к началу Нидерландской буржуазной революции и английской Славной революции (1688 г.) [5, с.97].

Славная революция в Великобритании стала важным шагом человечества на пути к появлению идеологии либерализма. Именно в ходе революции были заложены важные гуманистические ценности, которые некоторые из них были закреплены в Билле о правах 1689 года, например, такие как свобода подачи петиции королю, свобода от штрафов и конфискация имущества без разрешения суда, свобода от жестоких наказаний и от казней. В западной политической теории с семнадцатого века в значительной степени доминируют либеральные идеи [3, с.44].

Либерализм лёг в основу идеологий многих политических партий. В данной статье приводится сравнительный анализ деятельности либерально-демократических партий России и Великобритании. Кратко остановимся на самом понятии политической партии.

Политическая партия – это общественное объединение, цель которой получить политическую власть в государстве или добиться в ней участия посредством своих представителей в иных органах власти.

Партии стали основным механизмом политической деятельности общества. В своем развитии партия прошла долгий этап, который был положен в Древнем Риме и Древней Греции. В результате эволюции партий, произошло оформление типологизаций существующих партий. В основе типологизаций лежат различные признаки – социально-классовый, организационный, по степени участия во власти, по месту в партийном спектре и др. [2, с.3]

Основными направлениями деятельности партия являются формирование общественного мнения, политической воспитание и просвещение граждан, выражение мнения граждан по различным вопросам общественной, социальной и экономической жизни.

Сравнительный анализ либерально-демократических партий России и Великобритании был проведен по нескольким направлениям: идейные истоки и представители; идеал общественного устройства; пути достижения идеала общественного устройства; социальная база; течения и разновидности; современное состояние, примеры.

Идейные истоки и представители. Обе партии – Либерально-демократическая партия Великобритании и Либерально-демократическая партия России находятся в числе самых популярных партий в стране.

Они появились в одно время, ЛДПР в 1992 году, а в 1988 году была образована Либерально-демократическая партия Великобритании.

Либерально-демократическая партия России является последовательницей Либерально-демократической партии Советского союза. Формирование партии было положено на закате существования Советского союза.

Либерально-демократическая партия Великобритании была создана в результате слияния Либеральной партии и Социал-демократической партии.

В основе Либерально-демократической партии Великобритании лежит идеология социал-либерализма. То есть партия выступает за вмешательство государства в экономические процессы.

Согласно официальной программе, ЛДПР выступает за либерализм и демократию. А также партия выступает против коммунистической идеологии и марксизма.

Главной особенностью ЛДПР как либеральной партии является то, что партия выступает за восстановление Российской Федерации как великой империи. Этот факт говорит о том, что партия придерживается патриотической идеологии, чем привлекает в свои ряды националистов.

В качестве идеала общественного устройства для ЛДПР являются следующие мироустройства в стране: юридически оформленное положение о руководящей роли русского народа в управлении государством; проведение жесткой политики в отношении мигрантов; усиление государственной роли в области экономики (национализация нефтегазового сектора, тяжелой промышленности); реформирование русской полиции; переход к унитарной республике и др.

У Либеральных демократов Великобритании не существует уставных документов, основные аспекты политики закрепляются в регулярных манифестах. Партия активно выступает за реформирование экономической системы Великобритании – снижение налогов, отмена подоходного налога, увеличение рабочих мест; в области социальной политики – поддержка молодых семей, защита гражданских прав и пересмотр избирательной системы.

Партия либеральных демократов Великобритании разработала свою социально и экологически ориентированную модель рыночной экономики и следовала ей на протяжении всего исследуемого периода. Она варьировала пять приоритетных вопросов (здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение, экология, налоговая система) в разной последовательности.

Общими положениями у обеих партий являются следующие: активное вмешательство государства в экономику и проведение жесткой политики по отношению к эмигрантам.

Сильные различия просматриваются в программных документах партии по поводу внешнеполитической линии, так британская партия выступает за активное включение Великобритании в ЕС, в то время как ЛДПР стремится возродить могущество России как самостоятельной державы.

Пути достижения идеала общественного устройства.

Предвыборная программа Либеральных демократов Великобритании включает обещания широкого снижения налогов (в том числе отмену подоходного налога для первых заработанных 10 000 фунтов), перераспределения бюджетных расходов и целый ряд других мер, направленных на стабилизацию экономики, увеличение экономического роста и рост благосостояния британцев.

Либерал-демократы хотят построить экономику, основанную на инновациях и устойчивом развитии, где инфраструктура страны процветает.

ЛДПР стремится провести реформацию основываясь на изменении государственного устройства, развивать местное самоуправление и местное сообщество, активной борьбе с коррупцией, поддерживать малый бизнес, остановить рост цен на продовольствие, жилье, газ, электричество, бензин и др.

Социальная база. Социальная база обеих партий основана на среднем классе. В численности партий существует большой разрыв. Так, ЛДПР насчитывает 235 тыс. человек, а в Партии либеральных демократов Великобритании состоит 11 тыс. членов.

Современное положение партий. Обе партии имеют сегодня вес в своих странах, что доказано их положением на политической арене.

Кроме этого, существует еще одно важное различие между партиями. Действия политических лидеров. Современная политическая элита – это президенты, премьер-министры, лидеры партий, часто сегодня это и общественные деятели (политологи, журналисты и др.). Так, лидером ЛДПР является уже долгое время В.Ф. Жириновский, лидер Партии либеральных демократов Н. Клегг с 2007 года.

Лидер партии ЛДПР является одной из самых заметных политических личностей в российской политике. Его выступления часто сопровождаются скандальными высказываниями. В.Ф. Жириновский умело использует свои личностные качества такие как “нервная” манера поведения, магнетизм личности, нескромность и бестактность в поведении все-таки привлекает некоторые слои избирателей.

Лидер британской либеральной демократической партии Н. Клегг является молодым британским политиком, приверженцем интеграции и активного сотрудничества с другими партиями. Лидер либеральной демократической партии не был замечен в использовании в политической деятельности таких же качеств (агрессивность, бестактность поведения и др.) как его российский коллега.

Таким образом, партии имеют некоторые различия. В основе концепции ЛДПР лежит осуществление превращения России в единое, сильное, демократическое, процветающее государство, а также способствование возрождению русского народа. Партия либеральных демократов Великобритании стремится на активное включение в европейскую интеграцию. В основе экономической политики ЛДПР лежит: государственная монополия на алкоголь, табак и сахар, развитие малого бизнеса, сдерживание роста цен на продовольствие, жилье, газ, электричество, бензин и др., у Партии либеральных демократов Великобритании – сокращение налогов и увеличение рабочих мест. Общим являются такие концептуальные основы социальной политики как поддержка образования, науки и культуры, борьба с коррупцией. К существенным отличиям можно отнести то, что у ЛДПР существуют четкие программные установки, а у Партии либеральных демократов регулярно (перед выборной кампанией) выпускаются меморандумы, в которых отражены направления деятельности. И самым важным существенным отличием партий, является положение и восприятия личности партийных лидеров. Так, В.Ф. Жириновский является ярким политиком, чьи личные качества играют большое значение в деле популяризации партии.

Таким образом, проведенный анализ партий – ЛДПР и Партии либеральных демократов Великобритании, по нескольким направлениям говорит о том, что у партий имеются различия в идеологии, деятельности численности членов и др. Необходимо отметить, что самыми важными отличиями между рассмотренными партиями, являются идеология и положение лидера партии. Так, ЛДПР в отличие от Партии либеральных демократов Великобритании в меньшей степени следуют идеалам либерализма. ЛДПР придерживается одновременно нескольких идеологий – панславизма, антикоммунизма, этатизма и национал-консерватизма. Кроме этого, партия ЛДПР отличается местом и положением лидера партии.

Список литературы

1. Benhabib, S. *Democracy and Difference*. Princeton, 1996., p. 4
2. Blondel, J. *Political Parties. A Case of Genuine Discontent?* London, 1978. p. 3
3. Hart, G. *A New Democracy: A Democratic Vision for the 1980-s and Beyond*. NY., 1983. p. 44
4. Бабосов, Е.М. *Основы идеологии современного государства* / Е.М. Бабосов. - Минск: Амалфея, 2004. – 239 с.
5. Бутенко, А.П. *Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки* / А.П. Бутенко // *Государство и право*. - 1993. - № 7. - С. 97.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Самохвалов Николай Александрович

аспирант кафедры политологии Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. г. Москва

PROBLEM ASPECTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS YOUTH POLICY IN THE SARATOV REGION

Samohvalov Nikolay, Postgraduate student department of Political Sholokhov, Moscow State University for the Humanities, Moscow

АННОТАЦИЯ

В рамках настоящей статьи автор анализирует проблемные аспекты практической реализации молодежной политики на территории Саратовской области, а также определяет основные направления ее развития

ABSTRACT

In this article, the author analyzes the problematic aspects of the practical implementation of youth policy in the Saratov region, and determines the main directions of its development

Ключевые слова: молодежная политика; молодежь; Саратовская область; проблемные аспекты; перспективы развития

Keywords: youth policy; youth; Saratov region; problematic aspects; development prospects

Современные условия развития российского общества и государства ставят вопросы эффективной работы с молодежными группами, посредством реализации молодежной политики на федеральном и региональном уровнях.

В свою очередь, молодежная политика, формы, методы ее реализации требуют всестороннего научного изучения и обоснования.

На сегодняшний день в современной России проблемы молодежи, приобретают приоритетное значение. Это объясняется тем, что молодежь представляет собой наиболее активный слой населения нашего государства, именно от молодежи, ее потенциала, таланта, реализованных возможностей во многом зависит будущее Российской Федерации.

Молодежь представляет собой стратегический ресурс, именно поэтому проблемам молодых уделяется столь пристальное внимание на различных уровнях власти. Ведущие политики нашего государства признают, что молодежь, есть основной индикатор политических, социальных, экономических процессов, проходящих в России. При этом нельзя забывать, что молодые люди - это будущее родители, поэтому молодежь служит фундаментальным звеном в успешной реализации демографической политики Российской Федерации в связи с чем, необходимо максимально чутко реагировать на чаяния и требования, предъявляемые самым социально активным слоем населения.

Принимая во внимание вышесказанное, считаем, что молодежная политика служит одной из важнейших

составляющих общей государственной политики Российской Федерации. Молодежная политика в России активно притворяется в жизнь, как на федеральном уровне, так и на региональном уровне. Государственная молодежная политика является системой формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности. В условиях глобализации молодежь призвана выступить проводником идеологии толерантности, развития российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений. От позиции молодежи в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований.

Согласно статистическим данным в 2013 году на территории Саратовской области проживало 580 520 тысяч молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет (для сравнения: в 2012 году численность данной социально-демографической группы – 595 422 чел. Незначительное снижение количества молодежи на 0,5% в 2013 г., по сравнению с 2012 г., обусловлено низкой рождаемостью в период 90х годов, так называемой «демографической ямой 1990-х годов»), что составляло около 24% от общего населения Саратовской области: из них 51% - это мужчины (294 284 чел.), а 49% - женщины (286 236 чел.). В Саратов-

ской области в сфере молодежной политики принят и действует целый массив правовых актов, призванный регламентировать ее направления, принципы, цели, задачи и основные ориентиры развития. На что следует обратить внимание, что на общедоделальном уровне на протяжении последнего десятилетия идут бурные дискуссии о необходимости принятия Федерального закона "О молодежной политике в Российской Федерации", однако, подобный закон на сегодняшний день, так и не принят, тогда как в Саратовской области действует Закон Саратовской области от 9.10.2006 г. №94-ЗСО (в ред. 1.09.2013 г. №140-ЗСО) "О молодежной политике в Саратовской области" (далее Закон) [2]. Данный Закон призван регулировать отношения, которые складываются в результате формирования и практической реализации молодежной политики на территории области. Закон четко определяет возрастную ценз для лиц, которых можно отнести к молодым гражданам (молодежи), ограничивая минимальным и максимальным пороговыми значениями в 14 и 30 лет соответственно. Под молодежной политикой Закон понимает деятельность органов государственной власти области, направленную на создание необходимых условий для самореализации молодых людей, выбора ими жизненного пути, ответственного участия их во всех сферах общественной жизни области. Основной целью молодежной политики в области Закон провозгласил повышение уровня социальной защищенности и социального развития молодежи путем создания экономических, политических, правовых условий и гарантий для наиболее полной самореализации молодежи в обществе [4, с. 24].

Таким образом, Закон Саратовской области от 9.10.2006 г. №94-ЗСО "О молодежной политике в Саратовской области" является детально разработанным политико-правовым нормативным актом, который вобрал в себя фундаментальные ориентиры и направления практической реализации молодежной политики в области.

Следующим знаковым нормативным правовым актом в сфере реализации молодежной политики в Саратовской области является Закон Саратовской области от 23.07.1998 г. №38-ЗСО "О государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений". Вышеуказанный закон содержит понятие государственной поддержки молодежных и детских объединений, под которой понимается совокупность мер, принимаемых органами государственной власти области в соответствии с законодательством Российской Федерации и области в сфере молодежной политики в целях создания и обеспечения правовых, экономических и организационных условий деятельности таких объединений, направленных на социальное становление, развитие и самореализацию детей и молодежи в общественной жизни, а также в целях охраны и защиты их прав. В целом Закон Саратовской области от 23.07.1998 г. №38-ЗСО "О государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений" представляет собой комплексный нормативно-правовой документ, определяющий общие принципы, содержание, меры и механизм осуществления государственной поддержки региональных (областных) молодежных и детских общественных объединений[1].

На наш взгляд важным этапом в сфере реализации молодежной политики в Саратовской области стало решение о создании Молодежного Правительства Саратовской области, утвержденное Постановлением Правительства

Саратовской области от 28 февраля 2013 г. №93-П. Молодежное Правительство Саратовской области (далее - Молодежное Правительство) является постоянно действующим коллегиальным совещательным органом представителей молодежи области при Правительстве Саратовской области, образованным на основе общности интересов и действующим на общественных началах. Основной целью Молодежного Правительства является содействие Правительству Саратовской области в создании условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи Саратовской области, представление интересов и потребностей всех групп молодежи в органах исполнительной власти области[3]. Создание Молодежного правительства Саратовской области по инициативе Губернатора и Правительства Саратовской области подчеркивает особую необходимость и значимость эффективной реализации молодежной политики в области для представителей власти.

В Саратовской области выстроена достаточно эффективная административно-управленческая система по реализации молодежной политики, которую возглавляет Губернатор Саратовской области. Правительство области определяет общие задачи, принципы, направления осуществления различных политических процессов в различных сферах, в том числе и в сфере молодежной политики. Специализированным органом, отвечающим за практическое претворение в жизнь, мер и средств молодежной политики выступает Министерство молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области. Непосредственно осуществляет реализацию молодежной политики в Саратовской области заместитель по молодежной политике Министра молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области, который курирует работу отдела молодежных организаций и отдела координации молодежных программ.

Важное место в осуществлении молодежной политики в Саратовской области занимает государственное бюджетное учреждение «Региональный центр комплексного социального обслуживания детей и молодежи «Молодёжь плюс». Региональный центр «Молодёжь плюс» сегодня - это 14 специализированных структурных подразделений - центров (центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции несовершеннолетних "Свет", социально-деловой центр - центр реализации молодежных проектов и проектов для молодежи, центр психологической помощи молодежи, агентство по развитию добровольчества, клуб "Молодёжная практика" и другие), 80 высокопрофессиональных специалистов, более 150 партнерских учреждений и организаций в муниципальных районах Саратовской области, мощная методическая поддержка специалистов, работающих с молодежью, материально-техническая база. И это все для того, чтобы более 900 тыс. молодых людей, в течение 15 лет принимавших участие в программах и проектах Центра, смогли позитивно влиять на процессы социально-экономического развития Саратовской области. На территории региона функционируют 452 молодежных и детских общественных организации и объединения (студенческие и молодежные советы, Молодежные правительства, молодежный парламент и др.), принимающих участие в реализации региональной молодежной политики, в деятельности которых задействовано 22,8% молодых людей от общей численности молодежи области - более 132 000 человек. По данным Управления министерства юстиции Российской Федерации по Саратовской области сведения о 30

детских и молодежных организациях, зарегистрированных на территории Саратовской области, включены в ведомственный реестр зарегистрированных некоммерческих организации Управления[5].

Не смотря на все позитивные моменты в сфере реализации молодежной политики в Саратовской области наблюдается ряд проблем, которые необходимо разрешить для повышения эффективности проводимой политики.

- отсутствие профильного министерства, координирующего и отвечающего за эффективное практическое осуществление молодежной политики в Саратовской области;
- отсутствие логической взаимосвязи молодежной политики с другими сферами политики (экономической, социальной, кадровой), что приводит к ее изолированности;
- низкий уровень финансирования молодежной политики области;
- явно недостаточная информационная составляющая в сфере реализации молодежной политики (недостаточное освещение молодежных инициатив, проектов и инноваций в средствах массовой информации Саратовской области).

Для решения указанных нами проблемных аспектов сфере реализации молодежной политики в Саратовской области необходимо предпринять следующие меры:

- Во-первых, создать Министерство молодежной политики Саратовской области, которое бы непосредственно отвечало за проведение эффективной молодежной политики на всей территории области;
- Во-вторых, разработать Правительству Саратовской области разработать и принять Саратовской областной Думе проект Концепции реализации молодежной политики на период 2015-2025 гг. в котором необходимо обосновать четкую взаимосвязь и неразрывность молодежной политики от экономической, социальной, кадровой и иных сфер политики;
- В-третьих, увеличить объем финансирования мероприятий молодежной политики, что позволит проводить более активную политику, направленную на популяризацию молодежной политики на террито-

рии Саратовской области и, тем самым, значительно повысить долю активной социально - политической молодежи;

- В-четвертых, считаем необходимым создать единый информационный интернет-портал при Министерстве молодежной политики, который вобрал бы в себя всю полноту информации о проектах, программах, конкурсах и грантах для молодежи, реализуемых Министерством, подробный перечень всех молодежных организаций Саратовской области, отражал победы и достижения молодого поколения и содержал другую актуальную информацию в сфере молодежной политики.

Только принятие обозначенных нами мер в совокупности с мерами, реализуемыми в сфере молодежной политики органами власти Саратовской области на сегодняшний день, позволит повысить эффективность практической реализации молодежной политики на территории области.

Литература

1. Закон Саратовской области от 23 июля 1998 г. № 38-ЗСО "О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений" (в ред. от 24.09.2013)// Собрание законодательства Саратовской области - 1998, 3 августа.
2. Закон Саратовской области от 9 октября 2006 г. № 94-ЗСО "О молодежной политике в Саратовской области" (ред. от 01.08.2013)// Саратовская областная газета - 2006, 17 октября.
3. Постановление Правительства Саратовской области от 28 февраля 2013 г. № 93-П "О создании Молодежного правительства Саратовской области"// Собрание законодательства Саратовской области - 2013, 8 марта.
4. Беловицкая А.А., Соловьева Л.А., Зозуля А.В., Мунина О.В., Сайганова Е.В., Ситникова С.В., Арефьева Е.О., Марунова Т.Р. «Информация об основных результатах реализации молодежной политики в Саратовской области» / под. ред. проф. Ивченкова С.Г. - Саратов: 2014.
5. Региональный центр комплексного социального обслуживания детей и молодежи «Молодёжь плюс» - режим доступа к изд.: <http://molodplus.ru/story/>

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ

Шишкина Вероника Ивановна

Саратовский социально-экономический институт (РЭУ им. Г. В. Плеханова), аналитик Центра информационно-аналитического сопровождения государственного менеджмента, г. Саратов

*HEURISTIC POTENTIAL OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES FOR THE POLITICAL PROTEST RESEARCH
Shishkina Veronika, Saratov Socio-Economic Institute (Plekhanov Russian University of Economics REU), Analyst of the Center of information and analytical support of public management, Saratov*

АННОТАЦИЯ

В статье автор проводит сравнительный анализ разных теоретических подходов, имеющих высокий познавательный потенциал при изучении социальных движений и политических протестов. Выделяет конфигурацию теоретико-методологических подходов, наиболее оптимально вписывающихся в современные тенденции изучения протестных явлений.

ABSTRACT

The author conducts the comparative analysis of different theoretical approaches that have a high cognitive potential in the study of social movements and political protests. Selects the configuration of theoretical and methodological approaches optimally fitting into the current trends of the protest events research.

Ключевые слова: политический протест; коллективные действия; мобилизация ресурсов; относительная депривация; структура политических возможностей.

Keywords: political protest; collective actions; resource mobilization; relative deprivation; the structure of political opportunities.

Исследование протестной активности начинает развиваться на западе еще в середине XX века. Изначально являясь лишь одним из элементов исследования формирования общественных движений. Постепенно протестная активность приобретает самостоятельное значение и выделяется как объект исследования. По нашему мнению этому способствовала не только политическая, социальная обстановка на Западе в то время, но и развитие теоретической научной базы, которое пыталось объяснить новые тенденции в социально-политических отношениях. Но основная теоретическая база все же проистекает из изучения общественных движений (ОД) разной направленности, поэтому мы допускаем в своем исследовании некий перенос значений с более общего – общественные движения, на более частное протестная активность. Наше условное допущение объясняется тем, что в концептуализации парадигм о развитии общественных движений немалое внимание уделялось рассмотрению протестной активности как одному из важных направлений деятельности ОД. Наиболее популярными и общепринятыми теориями на Западе считались: теория коллективного поведения (действия), теория мобилизации ресурсов, теория относительной депривации, теории структуры политических возможностей.

Теория коллективного поведения. Представители этого направления (М.Олсон, Дж. Школьник) [4] рассматривали протестные акции политического характера как коллективное поведение, которое в первую очередь обуславливается социальными условиями, при этом отодвигая на второй план психологические факторы. В рамках данной концепции прослеживается прямая причинно-следственная связь, когда происходит внешнее негативное воздействие на субъект социальных отношений в обратном направлении идет реакция в виде коллективных протестных действий. Одним из представителей данного подхода был Дж. Школьник (1969) [6, с.688].

В своих трудах он анализировал расовые беспорядки и студенческие демонстрации 60-х годов в США. Он предположил, что эти массовые выступления были вызваны чувством несправедливости и недовольства политическими и экономическими институтами американского общества. При этом акцент был сделан на то, что участники этих массовых акций выступали «осознанно» как самостоятельные акторы политического процесса, они ввязались в политическую борьбу в связи с недовольством сложившейся ситуацией. Из концепции исключалось влияние психологических факторов на участников протестных выступлений. Также для данного подхода характерна еще одна немаловажная деталь - обращение к коллективным протестным действиям происходит тогда, когда санкционированные обществом средства выражения своего несогласия не доступны. То есть протест рассматривался как некая крайняя точка гражданского недовольства, до которой развивалось коллективное действие.

Чаще всего возникшая проблема, решалась в рамках традиционных политических институтов (референдумы, выборы и т.д.) не доходя до стадии протестных выступлений.

Возможным минусом в данной теории является то, что актор может участвовать в коллективных протестных действиях только в рамках определенных институциональных образований. Поэтому применение этой теоретической концепции не всегда обоснованно для анализа современных протестных движений, которые часто обладают либо очень размытой институционально структурой, либо не обладают ею вовсе.

Теория мобилизации ресурсов. Следующим этапом условно можно назвать появление теории мобилизации ресурсов в 70-гг XX века. Среди ее представителей – Ч. Тилли, Дж. Маккарти, М. Зальд, М. Асим, К. Вильсон, А. Обершол и другие. Концепция выстраивалась на основе изучения демократического и экологического движений. Принципиально новый подход к объяснению общественных движений и протеста как части этих движений. Теоретики этого направления придерживаются следующей точки зрения - социальные (общественные) движения (СД/ОД) выступают как коллективные акторы, имеющие скорее сетевую организационную структуру, объединенные на чувстве сопричастности и коллективной идентичности, объединенные общими интересами, которые они намерены отстаивать в ходе политической борьбы. Эта борьба выражается в формальных, организованных протестных действиях (митинги, шествия, подписание петиций и т.д.). По мнению представителей данного направления, социальные движения – это способ расширить рамки политического поля, включаясь в нее в роли «новых» акторов, пытающихся повлиять на политические процессы. Формально социальное/общественное движение по своему функциональному наполнению начинает агрегировать интересы граждан в сфере конвенциональной политики, помогая социуму концентрировать свои ресурсы и в той или иной степени влиять на решения доминирующих субъектов политики. При этом не следует забывать, что ОД все же рассматривались как конфликтный тип коллективного действия. СД/ОД возникали не из простого желания поучаствовать в политике, для этого есть институт выборов, а в связи с каким-либо конфликтом между властью и обществом в котором обществу важно знать какое будет принято решение. В связи с этим социум мобилизует свои ресурсы и представляет собственную позицию по предмету конфликта, действуя в рамках ОД.

Теория депривации. Социальная напряженность и неудовлетворенность в обществе, которая затем переходит в стадию протестной активности стали предметом исследования следующих западных социологов Т. Гарра, Ч. Глока, К. Джонсона, С. Лэнсли, Д. Мака, Т. Скокпола.

Конкретно теорию относительно депривации впервые предложил С.А. Стауффер, его идеи в дальнейшем получили свое развитие в работах С.К. Мертона и В. Дж. Рунсимана [3, с.55].

Модель относительной депривации базируется на следующих элементах:

- субъект депривации;
- система соотнесения или социальных сравнений, когда субъект сравнивает свои социальные статусы и возможности с возможностями других акторов во времени и пространстве;
- внешние воздействия, нарушающие прежнюю систему социальных сравнений, т.е. некие факторы внешней среды – политические, экономические и др. которые влияют на изменение социальной идентификации субъекта.
- частота и уровень депривации, т.е. как часто и насколько сильно происходят изменения (улучшение/ухудшение) в социальных позициях субъекта под воздействие внешних факторов.

Когда у субъекта меняется система оценок под воздействием внешних факторов, то появляется возможность проводить социальные сравнения между своим положением и положением других акторов. Результаты социальных сравнений усиливают чувства неравенства и неудовлетворенности. Важно отметить, что реальный уровень благосостояния субъекта может на протяжении долгого времени не изменяться и оставаться прежним, но уровень притязаний возрастает. Субъект стремится к некоему «идеальному» уровню, который, по его мнению, вполне достижим при условии институциональных перестроек и перераспределения благ в обществе.

В какой-то момент разрыв между ожиданиями и реальностью становится настолько значительным, что у субъекта появляется фрустрация. Наличие фрустрационных явлений у актора способствует появлению мотивации для участия в протестах. Протест – это некий способ изменить существующую ситуацию, которая не удовлетворяет ожидания субъекта. Здесь как мы видим ученые стали учитывать психологические факторы воздействия на участников акций протеста, но при этом нельзя сказать, что данная модель срабатывает при анализе любых протестных действий. Скорее это «идеально-типичский конструкт. Если применять его при исследовании конкретного социума, то зависимость между депривацией и протестными действиями не всегда однозначна, важно также учитывать параметры стабильности и благосостояния общества в целом» [3, с.56].

Теории структуры политических возможностей. Основное внимание в этой концепции уделяется взаимодействию институциональных и неинституциональных акторов, социальных движений (СД) и институционализированных систем представительства интересов. Деятельность таких движений в первую очередь направлена на расширение структуры политических возможностей. Существует несколько характеристик, влияющих на структурирование коллективного действия:

- степень открытости/закрытости политической системы;
- стабильность элитных групп;
- наличие у элит влиятельных союзников;
- терпимость элиты к протесту, склонность государства к использованию репрессий [5, с.16].

Исследователи выделяют тот факт, что чем более открыта политическая система, тем, более умеренных стратегий влияния на власть стремятся придерживаться участники общественных движений. Появляются новые каналы воздействия на власть (органы местного самоуправления, органы общественного контроля (например, общественная палата) и т.д. Это в свою очередь способствует еще большему расширению политических возможностей участия в политических процессах.

Стоит отметить, что наложение данной парадигмы, например, на опыт России показывает, что «во главу угла участники протестных движений ставят скорее не возможности, а ограничения иногда из-за безальтернативности ситуации, когда выбор происходит между «плохо» и «еще хуже» [7].

Несмотря на то, что теория относительной депривации обладает широкими возможностями для изучения такого явления как политический протест, но и у нее есть слабые стороны. Как мы отмечали выше, в основном представители данного направления изучают протестные настроения граждан, т.е. социально-психологические аспекты протеста. При этом опираясь на подобные исследования нельзя сделать обоснованных выводов о реальном участии граждан в протестных акциях. По нашему мнению, стоит соединить изучение ориентации на протест с последовательным анализом самого действия, который требует не массового опроса населения (количественные методы), а иных качественных методов (например, ивент-анализ, фокус-группы).

Для изучения политического протеста как формы гражданской активности необходимо исследование акций и контингента участвующих в таких акциях. На наш взгляд, в отдельных аспектах нашего исследования является рациональным попытаться использовать это направление для преодоления недостатков теории относительной депривации, присовокупив к исследованию элементы теории мобилизации ресурсов.

Для политологического понимания явления политического протеста логично использовать теорию структуры политических возможностей. Политический/гражданский протест – в российском контексте об этом можно говорить вполне определенно – также «вторичен и производен, как правило, от конфликта элит, или властвующих группировок, или групп, принимающих решения – и используется в этом конфликте и борьбе группировок как инструмент, как средство борьбы и давления» [1].

Подытоживая наши изыскания, попытаемся сформулировать эвристические возможности концепций для понимания протестных явлений, в том числе и в российском политическом поле:

- 1) у теории относительной депривации хорошие объяснительные возможности для обоснования таких процессов и явлений как рассогласование между существующим и желаемым статусом людей, состояние тревожности, недовольства в обществе, рост потенциала протеста;
- 2) в теории мобилизации ресурсов ценным является понимание общественных движений как социальных проектов, которые объединяют для своей деятельности разнообразные ресурсы (людские, материальные, технические и т.д.) и используют различные способы их мобилизации;

3) в теории структуры политических возможностей определяются качественные характеристики взаимодействия государственных и общественных институтов. «Политическая инфраструктура принципиальна для понимания поля политики» [2].

Таким образом, можно говорить о тесном переплетении западных теоретических парадигм с практикой изучения протестной активности в российском общественно-политическом пространстве. Отечественные исследователи активно используют обозначенные нами теории для анализа протестных явлений в нашей стране.

Список литературы

1. Костюшев В. В. Социология общественных движений Государственный университет - Высшая школа Экономики – Санкт-Петербургский филиал. С-Пб. 2009.
2. Костюшев В.В. Социальный протест как предмет академических исследований: социологическое понимание // Доклад на Публичном социологическом семинаре ГУ-ВШЭ в Санкт-Петербурге. 30 марта 2010. г. – режим доступа к изд.: <http://www.cogita.ru/kolonki/vladimir->

[kostyushev/socialnyi-protest-kak-predmet-akademicheskikh-issledovaniy-sociologicheskoe-ponimanie](http://www.cogita.ru/kolonki/vladimir-kostyushev/socialnyi-protest-kak-predmet-akademicheskikh-issledovaniy-sociologicheskoe-ponimanie)

3. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социс. 1995. № 1.
4. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995
5. Павлова Т.В. Изучение гражданского участия и коллективного действия: современные подходы // Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации. Научный доклад РАН ИС Центр политологии и политической социологии выполненный в рамках проекта РГНФ №06-03-00190а -2006г.
6. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М., 1998. 688 с.
7. Яницкий О. Н. Социология политического «перехода»: механизмы самосохранения рисковенных политических систем - режим доступа к изд.: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/sj2-01yan.html>

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РФ И ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Соболева Светлана Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры «Политология» МГТУ им. Н.Э.Баумана, г. Москва

PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND MODERN IDEOLOGY OF RUSSIA.

Soboleva Svetlana, Bauman Moscow State University, department of political science, PhD, associate professor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам становления государственной идеологии в современной России. Автор анализирует текст Конституции РФ, выделяя существующие противоречия в определении высших ценностей государства. Также автор пытается найти ответ, почему данные противоречия появились в тексте Основного Закона страны, и как это связано с проблемой национально-государственного суверенитета России.

ABSTRACT

The article is devoted to problems of formation of the state ideology in contemporary Russia. The author analyzes the text of the Constitution, highlighting the existing contradictions in the definition of the Supreme values of the state. Also the author tries to find an answer why the contradictions appeared in the text of the Basic Law, and how it is connected with the problem of national-state sovereignty of Russia.

Ключевые слова: конституция, идеология, государственный суверенитет, ценности, либерализм.

Key words: constitution, ideology, state sovereignty, values, liberalism.

Первые годы XXI столетия показывают целый ряд событий, которые свидетельствуют о происходящем кардинальном изменении облика современной цивилизации. В частности, фундаментальный факт развития информационного общества на Западе, которому якобы сопутствует резкое сокращение влияния национального государства, вызывает наступление некоего сложного переходного периода к новой глобальной общественной системе. [3. С.26]

В связи с этим значительно актуализируется проблема поиска национальной идеи нашего отечества, или общенациональной, государственной идеологии современной России. В современном мире в целом и в России особенно проблема идеологии – одна из наиболее острых. Как

известно, в России после краха СССР, основанного на светской коммунистической идеологии, в течение последних двадцати лет идет поиск государственной или официальной, то есть правящей идеологии, но пока безрезультатно. Анализируя драматическую ситуацию, сложившуюся в России, и увязывая ее со вступлением человечества в эру информатизации, философ И.Л.Андреев следующим образом характеризует дилемму поиска национальной идеи: «Действительно ли национальной идеей России является несбыточная мечта о волшебном превращении в «Запад»? Или ей по силам и по интересам другой маршрут в мировое информационное сообщество, а значит, и иной формат международного сотрудничества? Одна из ключевых задач отече-

ственной науки – поиск оптимальной и перспективной формулы российского пути к вершинам цивилизации. Это тем более актуально, поскольку нередко оправдывавшее себя в прошлом «догоняющее» развитие в жестко конкурентном многополярном мире заведомо ставит нашу страну в невыгодное положение». [1. С.39]

В современной геополитике относительно России сохраняется и даже нарастает странная и очевидная двусмысленность: с одной стороны, Россия считается полноценным членом мирового «демократического сообщества» (как участник «большой восьмерки», борец с международным терроризмом и т.д.); а с другой – вроде как остается перманентной угрозой тоталитаризма, антидемократизма и имперских амбиций. Казалось бы, после поражения в холодной войне Россия почти смирилась со своей скромной второстепенной ролью в мировой политике и, приняв все условия Запада о путях собственного реформирования, уже не должна вызывать сколько-нибудь заметного раздражения у своих западных партнеров... Однако действительность свидетельствует о другом: на Россию продолжает оказываться неослабевающее политическое, экономическое и идеологическое давление, что позволяет говорить о продолжении холодной войны в более глубокой и скрытой форме.

Очевидно, причина подобной ситуации состоит в том, что, несмотря на разгром советского коммунизма, у Запада по отношению к России сохраняются непреодолимые, иррациональные по своей природе фобии, связанные как с традиционным историческим величием России, так и с грандиозностью опыта Советской России в XX веке, ставшей на некоторое время альтернативным полюсом человеческой цивилизации. Нынешнее «затишье» в России не внушает той стороне никакого спокойствия. Как пишет А.С.Панарин, «... русский народ, который сегодня мрачно и загадочно безмолвствует, несомненно, остается на стратегическом подозрении. Главное обвинение, которое ему бросается, – неисправимая архаичность. Казалось бы, это скорее должно обнадеживать наших ревнивых соперников. Но они по-прежнему подозревают, что специфическое «реликтовое излучение», от нас исходящее, не дает всему миру окончательно «осовремениться» по-американски. Наша моральная идея, наша солидаристская идея – вот те слагаемые «русской идеи», которые по-прежнему внушают опасение архитекторам нового мирового порядка». [8. С.200] То есть, независимо от итогов холодной войны, главный и конечный вопрос противостояния не снят, но сохраняется на глубинном цивилизационно-культурном уровне. Поэтому нынешняя фаза холодной войны с полным правом может быть идентифицирована как идеологическая. В этом контексте коммунистическое прошлое России не может быть списано со счетов мировой истории на основе деклараций «нового мышления», «рыночной экономики» или «общечеловеческих ценностей», слишком очевидна связь между основными интенциями коммунизма и глубинными архетипическими чертами русского менталитета. «Призрак коммунизма», в образе Советской России, по-прежнему не дает покоя строителям однополярного мира, пугая возможностью возвращения. Тезис о принципиальной предрасположенности русских к тоталитаризму, империализму и коммунизму для Запада представляется вполне очевидным, что и подразумевает в качестве превентивной меры тотальное разрушение самой системы русского мировоззрения на всех уровнях его формирования. Так как Россия оказывается идеологическим оппонентом Запада именно в своих метафизических

духовных основах, то, соответственно, именно эти основы с точки зрения Запада и должны быть разрушены.

Таким образом, задача истинного идеологического самоопределения общества, обретения фундаментальности национального бытия, остается поистине жизненно важной. Идеология в эпоху информационных войн становится важнейшим стратегическим достоянием, главным онтологическим рубежом национальной обороны – дальше отступить некуда! Только отстояв свое право на независимость национального самосознания, возможно сохранить в наше время и независимость национально-государственную. Поэтому идеология сегодня – главный фронт национальной обороны. Только отсюда, от подлинных истоков национального духа, русская государственность может вернуться к новой жизни, новой силе и новой истории.

Между тем, нынешняя «государственная» политика озабочена прямо противоположными задачами. Под дымовой завесой либерализма, демократии, «прав человека» и тому подобных универсалий гражданского общества осуществляется тотальная деидеологизация общественного сознания, полное исключение какого бы то ни было духовно-идеологического фундаментализма и культурно-исторической самобытности. Тотальность этого управляемого процесса проявляет себя на всех без исключения уровнях формирования общественного сознания: в образовании, в культуре, в СМИ, в органах управления. Обществу принципиально отказано в праве на утверждение какой-либо надличностной, идеальной ценности в качестве общепринятой, будь это любовь к родине, образ будущего, национальная идея или религиозная истина. В полном соответствии с интенцией постмодерна все ценности объявляются относительными, то есть не обязательными. Как пишет С.Г.Кара-Мурза, «атака на ценности – прелюдия к любой войне. Цель этой атаки – ослабить связанность народа, лишить его коллективной памяти, общего языка и системы координат, в которых он различает добро и зло. В пределе – демонтировать ту центральную мировоззренческую матрицу, на которой собран и воспроизводится народ. Если это удастся, народ рассыпается как куча песка». [4. С.140]

Очевидно, единственным противодействием данному губительному вмешательству в святая святых национальной жизни должна стать сознательная консолидация общества на национально-консервативных мировоззренческих началах с преобразованием этой тенденции в полноценную национально-государственную идеологию. Однако реформаторы России утверждают иные подходы. Принципиальная идеологическая бесформенность российского общества оказывается закрепленной на высшем государственном уровне – в Основном Законе страны! Так, статья 13 Конституции РФ устанавливает, что: 1) в РФ признается идеологическое многообразие; 2) никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. То есть государство открыто постулирует свою идеологическую «бессознательность» и геополитическую аморфность, отказываясь как от традиционных идеологических ценностей прошлого, так и от какой бы то ни было национальной стратегии будущего, предпочитая свободный дрейф «без руля и ветрил» и внятных национально-исторических целей. Не абсурдна ли такая позиция?

Что подразумевал законодатель, устанавливая в Конституции РФ запрет на государственную идеологию? Ни в одном законе или подзаконном акте разъяснения понятия

идеологии не содержится. Следовательно, и то, что запрещается статьей 13, может трактоваться произвольно. Чаще всего под идеологией понимается система общественно значимых идей и ценностей. Получается, что Конституция устанавливает запрет на ценности и идеи, принимаемые на уровне государства. Попробуем разобраться, насколько такой запрет оправдан и целесообразен.

Конституция является не только юридическим, но и жизнеустроительным актом. Соответственно, в ней должны быть определены принципы жизнеустройства. Основанием их выдвижения являются принятые обществом ценности. Без ценностной основы жизнеустроительные принципы сформулированы быть не могут.

Сам принцип суверенности национального государства (ст.4) предполагает, что суверенность признается в качестве ценности. Выбор в пользу демократии (ст.1) также задается принятием соответствующей ценностной платформы. Не все сообщества, как известно, исторически позиционировались как демократические. Такая же ценностная развилка лежит при выборе между федералистской и унитарной моделью государственности, республиканской и монархической формой правления.

Принцип светскости государства имеет в основании ценностную систему секулярного общества. Секуляризм как ценностный ориентир выбирают далеко не все государства даже в современном мире.

Другие характеристики государства – правовое и социальное – также аксиологичны. Российская конституция заявляет приверженность перечисленным принципам, обнаруживая тем самым наличие определенного ценностного фундамента. Другое дело, что составляющие его ценности воспринимаются не рефлекторно, а как нечто само собой разумеющееся. Вопрос о том, надо ли обществу осознавать свой ценностный выбор или воспринимать его как данность – вопрос о государственной идеологии. Отказ от осмысления принимаемых ценностей на основании апелляции к существованию общепринятых принципов и норм представляет собой механизм десуверенизации соответствующего государства. Деидеологизация кроме того оказывается инструментом репрессинга в отношении рациональности, ноу, латентной формой тирании.

Ст. 2 Конституции РФ легитимизирует категории высших государственных ценностей. Указывая, что высшая ценность российского государства существует, она тем самым признает и наличие государственной идеологии. В качестве высшей ценности Конституция РФ определяет «человека, его права и свободы». В этом определении не находится места ни для существования самой России, ни для суверенности российского государства, ни для семьи, ни для национальных исторических традиций. По логике принятого определения, жертвенность защитников Отечества недопустима, поскольку приоритет отдается не Отечеству, а человеку, с его правами и свободами. Между тем, к примеру, в принятой в 2012 году Конституции Сирии высшей ценностью заявляется «мученичество ради Родины».

Идеологии, как известно, различаются именно по приоритетности тех или иных ценностей. Идеология, заявляющая высшей ценностью права и свободы человека – это идеология либерализма. Именно так определяется либерализм в большинстве учебников и справочных изданий. Ст. 2 Конституции РФ, таким образом, устанавливает либеральную государственную идеологию в России. Возникает кол-

лизия между ст. 13, запрещающей государственную идеологию и ст. 2, ее утверждающей.

Чтобы устранить противоречие, нужна конституционная реформа. Проведение ее в случае обнаруживаемых правовых коллизий – обычная международная практика. Но важно понять, почему столь явное противоречие в Конституции 1993 г. вообще появилось. Устанавливается идеология, но в качестве идеологии она не позиционируется.

Запрет на государственную идеологию при утверждении де-факто идеологии либерализма означает неревизируемость либерального выбора. Этот выбор заявляется не в качестве определенной идеологии, а как данность. По сути, запрет на государственную идеологию в России означает запрет на пересмотр идеологии либерализма. Либерализм же предстает как следование «общепризнанным принципам и нормам», то есть как само собой разумеющееся для всего человечества. Обратимся теперь к мировому конституционному опыту.

При выдвижении запрета на государственную идеологию в Конституции РФ положение представлялось так, будто бы Россия переходит на тип жизнеустройства, характерного для «цивилизованных», «правовых» государств мира. Однако анализ конституционных текстов показывает, что это далеко не так. Непосредственный запрет на государственную идеологию существует только в конституциях России, Болгарии, Узбекистана, Таджикистана и Молдовы. То есть запрет на государственную идеологию ограничивается кластером посткоммунистических государств. Принятие этого запрета в качестве следствия соответствующего идеологического поражения очевидно.

Сведение высших ценностей государства к правам и свободам человека – также специфическая черта конституций посткоммунистических стран. Именно они оказались наиболее либеральными по заявленным ценностям на фоне всего мирового ансамбля государств. Почему? Видимо, потому что либерализм в данном случае используется не как жизнеустроительная платформа, а как инструмент разрушения потенциалов государственности.

Действительно, исключительно на основе конституционных прав и свобод индивида национальную государственность построить невозможно. Для этого нужны определенные солидаристские ценности. Но ни одна из них к разряду высших ценностей в Конституции РФ не отнесена. Категория «высшие ценности» присутствует не только в конституциях постсоветских государств. Но заявляются они в них широким спектром. Свободы и права человека не отрицаются, но оказываются одной из позиций ценностного перечня. Так, например, в бразильской конституции помимо личных прав и свобод в него включены социальные права, безопасность, благосостояние, развитие, равенство и справедливость. Эти ценности равнозначны. Равенство (апеллируя к триаде Великой Французской революции) не менее значимая ценность, чем свобода, и исключение ее из высших ценностей России выглядит резонирующим.

В конституциях стран мира можно выделить два основных типа представления государственной идеологии. В одном случае это перечень ценностей, представляющих аксиологический выбор соответствующего государства. В другом – апелляция к конкретному идеологическому учению, доктрине, проекту. Такие конституции, в свою очередь, можно поделить также на две группы. Первая опирается на религиозное, вторая – на светское учение.

С апелляции к Богу открываются преамбулы многих конституционных текстов. Германская Конституция: «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми...». Греческая Конституция: «Во имя Святой, Единосущной Неразделенной Троицы...». Ирландская Конституция: «Во имя Пресвятой Троицы, от которой исходят все власти...». Все перечисленные государства признаются и светскими, и демократическими. Они представляют три различных направления христианства, соответственно: протестантизм, православие и католицизм.

Российская Конституция, как известно, ни к одной из религиозных традиций не обращается. Православие как религия большинства российского населения в ней ни единой строкой не упомянута. Апелляция к Богу, которая есть в российском гимне и в конституциях большинства государств мира в Конституции РФ также отсутствует.

Из светских идеологий чаще всего конституции стран мира заявляют о приверженности социализму - Индия, Китай, Куба, Вьетнам, Мьянма и др. О приверженности либерализму прямо заявляет только конституция Камбоджи. К принципам национализма обращаются конституции Бангладеш, Кувейта, Сирии, Турции, Филиппин. В Турции целевым ориентиром государства утверждается «вечное существование турецкой нации и Родины, а также неделимое единство Турецкого государства». Разница с российской формулировкой высших ценностей здесь очевидна.

Представленный обзор показывает, что каждая из цивилизаций выступает в мире с собственным идеологическим проектом. Эти идеологические предпочтения находят отражение в конституциях соответствующих государств. На сегодня существует только одно цивилизационнообразующее государство, для которого выдвижение собственного идеологического проекта находится под запретом. Это государство – Россия.

Список литературы

1. Андреев И.Л. Еще раз об обустройстве России// Вестник Российской академии наук. -2001. Т.71. №1.
2. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М., 2000.
3. См. Иноземцев В. Глобализация: иллюзии и реальность// Свободная мысль – ХХ1. – 2000. №1.
4. Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия». – М., 2007.
5. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. – М., 2011.
6. Митрополит Иоанн. Одоление смуты. – Спб., 1995.
7. Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в ХХ1 веке. – Спб., 2007.
8. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в ХХ1 веке. – М., 2003.
9. Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Идеология современной России. – Ростов-на-Дону, 2002.